

LE MESSAGE

ВЕСТНИК

РУССКОГО ХРИСТИАНСКОГО
ДВИЖЕНИЯ

130

ПАРИЖ — НЬЮ-ЙОРК — МОСКВА

№ 130

TRIMESTRIEL

IV - 1979

БИБЛИОТЕКА - ФОНД
 "РУССКОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ"
 Н. РАДИЩЕВСКАЯ Д. 2
 кв. 641

© Copyright Le Messenger. Paris 1979.

COMMISSION PARITAIRE
 № d'inscription 620 16

ОТ РЕДАКЦИИ

К НОВОМУ ДЕСЯТИЛЕТИЮ

*И мглою бед неотразимых
 Грядущий день заволокло.*

Вл. Соловьев

Теперь твой час настал. — Молись!

А. Блок

Завоеван Афганистан. Арестованы почти все участники христианского семинара. Арестована Татьяна Великанова. Арестован о. Глеб Якунин. Арестован Лев Регельсон. Арестован о. Димитрий Дудко. Арестованы и другие менее известные поборники свободы. Выслан из столицы и лишен всех своих наград академик Сахаров. Что дальше? Сердце сжимается не только при мысли о судьбе новых узников, при мысли о сиротстве их семей, но и шире и по существу: доколе? Доколе лучшее в России будет изничтожаться, преследоваться, приноситься в жертву мертвой и мертвящей идеологии, работающей беспощадно, хотя и вхолостую?

События, введшие нас в новое десятилетие, встряхнули сознание, всегда склонное к усыпленению. Когда перейдена какая-то грань насилия, пробуждаются и моральные импульсы к сопротивлению. За семидесятые годы, Европа, разбуженная свидетельством Солженицына, тут же наглядно подтвержденным бегством миллионов людей из Вьетнама и геноцидом в Камбодже, изжила соблазн марксизма. На самом рубеже двух десятилетий очнулась и Америка, пребывавшая в пораженческом оцепенении...

Неожиданное, как бы самим Провидением подсказанное, избрание Римского Папы из-за железного занавеса, остановило соскальзывание значительной части католического мира в какой-то марксистско-фрейдистский гуманизм, приправленный евангелизмом.

На востоке, бесшумно, от мира сокрыто, произошло возрождение Афона. Лет двадцать назад, святогорские монастыри пустыли, дряхлели, греческое правительство уже замышляло широко открыть Афон туризму. И неожиданным образом, в несколько лет, Афон омолодился, преобразился, открылся Западу. В роковые эпохи европейской истории, когда секуляризация угрожала самим основам Церкви и жизни (Возрождение, XVIII век), Афон играл в Православии провинциально-спасительную роль. История тво-

рится не только на политической арене: она зреет и в тиши монастырских келий.

Для русских начало 80-х годов богато исторической памятью, радостными и роковыми воспоминаниями. 1880: шестьсотлетие Куликовской битвы, события, которому, по убеждению А. Блока (чье рождение совпадает с юбилеем битвы), суждено в русской истории повторяться. 1881: столетие со дня рокового убийства царя-освободителя, не просто цареубийство, а умерщвление самой идеи свободы. Одновременно — столетие смерти величайшего пророка и ясновидца современности, того «кто все понял и на всем поставил крест». История разыгрывается как провидел Достоевский: человек не выдерживает свободы и спешит от нее отказаться. И все же Достоевский до конца верил в непреложность Христова откровения и евангельских обетований.

Какие-то свершения уже давно связаны, с легкой руки Чайнова и Орвелла, с восьмидесятыми годами: 1984 год мерещится таинственной датой не то повсеместного торжества «скотского хутора», не то началом его распада. Близится тысячелетие условной даты (988), знаменующей крещение Руси. К этому обязывающему юбилею, одновременно торжественному и горькому, следует готовиться прежде всего внутренним подвигом, без триумфализма, с раскаянием за соделанное и случившееся (невинных нет!), но и надеждой. Произойдет ли к этому времени новая Куликовская битва, духовное раскрепощение России, или восторжествуют во всем мире «трихнины» приснившиеся Раскольникову? Не приходят ли сроки, предсказанные в Апокалипсисе: не конь ли бледный идет, кому дана «власть над четвертой частью земли — умерщвлять мечом и голодом, и мором и зверями земными»? И тем не менее, в известной мере, в определенном отрезке времени и пространства — исход событий зависит от нравственного и духовного усилия каждого. В мировой истории, как и в личной жизни, высшая мудрость дана в формуле Блаженного Августина: «надо действовать как бы все зависело от нас, и молиться как бы все зависело от Бога».

Никита Струве

Богословие

Архим. Плакид ДЕСЕИ

ПРОПОВЕДЬ О МЫТАРЕ И ФАРИСЕЕ

Предлагая сегодня, в преддверии Великого Поста, чтение притчи о Мытаре и Фарисее, Церковь дает нам удивительно мудрый урок. Первая Неделя Постной Триоди начинается рядом евангельских чтений, сосредоточивших в себе весь церковный опыт духовной жизни, всё христианское богословие, подготовляющие нас к празднованию Воскресения Христова. Накануне Великого Поста эта евангельская притча о Мытаре и Фарисее носит несколько парадоксальный характер. Действительно, она вложила в уста фарисея как бы всю программу нашего обычного поста: «Я пошусь два раза в неделю, даю десятую долю моей прибыли...» Отцы Церкви любили это выражение «доля», чтобы выделить недели, посвященные Посту, из остальных дней года. В продолжение всей Постной Триоди Церковь настаивает на этом главном обличье не только Поста, но и всей жизни христианина, желающего следовать евангельскому учению. Однако пост, как и многое в нашей жизни, может сделаться чем-то очень двусмысленным. Именно с этой целью, дабы научить нас правильному разумению поста и показать его подлинное значение, Церковь предлагает нам пример Мытаря и Фарисея. Это евангельский отрывок согласуется с теми, которые мы читали в предыдущие воскресенья, а именно: о Закхее и хананеенке, а особенно с притчей о Блудном сыне, читаемой в будущее воскресенье, с целью обратить наше внимание на то, что составляет главную сущность поста: смирение, сердечное сокрушение о нашей греховности и вместе с тем на сознание милосердной любви к нам Отца Небесного.

Несмотря на их необходимость, пост и воздержание не должны для христианина становиться лишь как бы техническими духовными упражнениями. Пост никогда не должен обращаться в человеческий подвиг с надеждой на награду, соответствующую принятым нами лишениям, как бы насилующим наши естественные потребности. Христианский смысл имеет лишь пост, выражающий наше подлинное смирение. И то, чему с несравнимой

силой Церковь нас сегодня поучает, — это первенство смирения в жизни христианина. Всё, в сущности, сводится к смирению. Венцом христианской жизни, ее сердцевиной, безусловно является любовь. Эта любовь должна направлять первые шаги пощегося. Однако, будем бдительны: то, что мы называем любовью и милосердием, иногда может стать ложным и искаженным. Бессознательно бывает легко принять за милосердие нашу потребность внимания к себе, наш эгоцентризм, или властолюбие; иными словами, извращенно обратить наше внимание на самого себя, вместо любви к Богу и милосердия к ближним. Подлинное смирение неподдельно, оно заключается не в смиренных словах, а в подлинном смирении перед Богом и ближними. При подлинном смирении и любви к ближним, человек близок к искреннему милосердию, не ищущему удовлетворения, не ожидающему людских похвал, лишенному внешних его проявлений; истинное милосердие глубоко и скрыто даже перед самим Господом Богом. Подлинная христианская любовь как бы соучаствует в Божьей любви к людям. Такое смирение позволяет нам проникнуть в Божью тайну, тайну любви Господа к нам, как о том свидетельствует св. апостол Иоанн Богослов.

Говоря об апофатическом, отрицательном богословии, можно подвергнуться опасности ограничиться этой громкой формулой, не вникая в подлинный ее смысл. Но именно в данном случае можно применить это отрицательное богословие, т. е. бессилие наших слов и наших понятий при попытках применить их к Богу. Мы думаем о Боге и говорим о Нем, пользуясь терминами — святость, величие, всемогущество, царственность. Всё это, конечно, правильные, а не пустые определения. Всё же мы не должны забывать, что величие, всемогущество и царственность Бога одновременно включает и понятие смирения. Оставаясь в рамках человеческих категорий, в границах нашего человеческого мышления, нам невозможно понять соответствия величия Бога со смирением. Однако, если Бог свят, велик и всемилостив, если Бог есть любовь, Он являет одновременно смирение. Поэтому смирение делается для нас необходимым путём к верному пониманию Бога, как бы отражением несозданного Света на наши души, помогающим нам, хоть и смутно, лицезреть Бога. Об этом свидетельствует всё Евангелие.

Когда апостолы мечтали о первых местах в Царствии Божием и спорили между собой о местничестве, Спаситель им ответил, что в Царствии Божием бóльшим будет не тот, кто, подобно земным владыкам, захочет властвовать над другими, а тот, кто умалит

себя и станет для всех рабом. Сам Христос выбрал этот путь «служения», приведшего Его к крестному распятию и к смерти, выражающей в полной и наиболее радикальной форме Его самопожертвование и Его покорность Отцу, как и безграничную любовь к людям. В этом высочайшем смирении Христос раскрыл нам подлинный лик Божий и показал, в чём состоит величие и истинное сияние Божье.

В нашей земной жизни Крест для нас есть высшая ступень богоявления. С точки зрения веры нет противоречия или несогласия между Христовыми страданиями и Его Славой, между Распятием и Воскресением. Они даже не являются двумя последовательными и разнородными ступенями тайны Христовой. Следует всегда видеть в Кресте — славу, а Крест в славе, ибо в Боге — то необычайное и парадоксальное совпадение величия и смирения, неимоверного богатства и крайней нищеты. Конечно, воскресший Христос больше не страдает и больше не умирает, однако Его слава, недоступная человеческому разумению, не исключает и личного истощения, «кенозиса», обнищания. Сам Бог Отец, в вечном и сияющем образе Сына Своего, являет это истощение, этот кенозис и невыразимое и вместе с тем славное смирение.

Ставя себя на место евангельских мытаря и фарисея, и мы в нашей молитве можем лишь повторять: «Господи, помилуй меня грешного», «Господи, взгляни на мою скорбь и на мою нищету». Скорбь эта и нищета являются следствиями наших грехов, но могут превратиться в источники нашего смирения. Через наш грех мы потеряли образ и подобие Божие, мы впали в неверие, — но вот, через смиренное признание этого греха, через сердечное раскаяние, мы преобразили нашу нищету и нашу скорбь и, с Божьей помощью, мы снова обретём образ Божий. Путем отражения в нас Божьего смирения, Его нищеты и, я бы сказал, Его вечной детскости, наше сердце снова обретет нерукотворный Его образ.

Облекшись в душевную ризу мытаря, войдя в тайну его смирения, с помощью поста, который наложит печать и на наше тело, мы уже тайным образом приобщимся к свету Воскресшего Христа. Ему же подобает слава во веки веков. Аминь.

Монжерон, 11-го февраля 1979 г.

(перевод с французского Т. Клепининой)

ТАИНСТВО БЛАГОДАРЕНИЯ*

«За все благодарите»

1 Фес. 5,17

1.

В учебниках литургии молитва благодарения, к которой, как к своей вершине и исполнению, привело нас евхаристическое священнодействие, рассматривается обычно по частям, издавна обозначенным латинскими или греческими наименованиями: *praefatio, sanctus, anamnesis, epiclesis* и т. п. Такое деление, дополнительно соответствующее строю и порядку евхаристической молитвы, могло бы быть полезным для уразумения ее, как именно и с п о л н е н и я Литургии и, надо думать, с этой целью и возникло оно в литургической науке. На деле, однако, оно привело, как это ни покажется странным, буквально к обратному результату. В сознании литургистов и богословов, а вслед за ними и самих верующих, это явление и впрямь разделило евхаристическую молитву, как бы разбило ее на несколько молитв, которые, хотя они и следуют одна за другой, уже не воспринимаются как целое, как одна и единая молитва. Более того, если для литургистов предметом изучения остаются все эти части, их исторический «генезис», сходство и различие между ними во множестве дошедших до нас из древности евхаристических гимнов, то богословы давно уже все свое внимание сосредоточили на той части, которую отождествили они с «тайносовершительной формулой», т. е. с моментом и формой преложения евхаристических даров.

Фрагментации евхаристической молитвы способствовала, конечно, и восторжествовавшая в церкви практика т а й н о г о, т. е. «про себя» чтения ее со священником. О причинах возникновения этой, ранней церкви совершенно неведомой практики, я намереваюсь говорить в особом экскурсе, поскольку вопрос этот сложный и обсуждение его в данной связи заняло бы слишком много места. Сейчас скажу только, что вот уже несколько веков, как народ Божий, миряне, которых ап. Петр называет «родом избранным, царственным священством, народом святым, людьми

* Глава из книги о Литургии. Предшествующие главы см. в «Вестнике, №№ 107, 108-110, 111, 112, 113, 116, 119, 124. Главы эти печатаются здесь без ссылок и примечаний, которые войдут в издание этого труда отдельной книгой.

взятыми в удел» (1 Петр. 2,9), просто не слышат и потому, конечно не знают этой поистине молитвы всех молитв, которой совершается таинство и исполняются сущность и призвание самой церкви. Все, что молящиеся слышат — это отдельные возгласы и отрывочные фразы, связь которых между собою, да иногда и просто смысл, остаются непонятными, как например: «...победную песнь поюще, вопиюще, взывающе и глаголяще...». Если же прибавить к этому, что во многих православных церквях эта, ставшая «тайной», молитва читается к тому же при закрытых царских вратах, а иногда даже и при задернутой алтарной завесе, то не будет преувеличением сказать, что молитва благодарения фактически выпала из церковного служения. Миряне, я повторяю, ее просто не знают, богословы ею не интересуются, а священник, вынужденный читать ее глазами, под пение, да еще зачастую — «концертное» — хора, вряд ли способен воспринять ее во всей ее полноте, единстве и целостности. И, наконец, в самих богослужебных книгах она давно уже печатается именно в раздробленном виде, разделенная точками там, где, по смыслу, их не должно быть, а также и с различными вставками, попавшими в нее из чисто случайных источников.

Ввиду такого положения, в котором я, по совести, не могу не видеть глубокого упадка, объяснение евхаристической молитвы и нужно начать с раскрытия ее единства, т. е. взаимного соединения в ней, как в неразделимом целом, всех тех частей, на которые делит и дробит ее и литургическая наука, и, увы, богослужебная практика. Ибо, повторяю, только в этом целом раскрываются смысл и сила её, как именно тайносовершительного акта, как исполнения Таинства Евхаристии.

Замечу сразу же, что этому единству отнюдь не противоречит множественность дошедших до нас евхаристических молитв. В древности почти каждая церковная область имела свою анафору, т. е. форму и текст молитвы благодарения. Ранняя Церковь, свободная от развившейся позднее одержимости единообразием, это последнее никоим образом не отождествляла с единством. Да и сейчас в православной церкви существует две литургии — св. Иоанна Златоуста и св. Василия Великого, отличающиеся одна от другой, главным образом, текстом молитвы благодарения. Поэтому, когда мы говорим об единстве этой молитвы, мы имеем в виду не внешнее, словесное единство — которого никогда не было в церкви, а нечто неизмеримо более глубокое. Мы говорим об единстве веры и опыта Церкви, из которого все эти молитвы родились. Ибо, каковы бы ни были смысловые различия между

ними, все они являют и воплощают один и тот же целостный опыт, одно и то же знание, одно и то же свидетельство. Опыт, про который можно с одинаковым основанием сказать и то, что для определения его не хватит всех человеческих слов, и то, что для имеющих его — он живет, распространяется и животворит в самых кратких, немногочисленных и простых словах.

2.

Итак, что же дает этой главной, поистине «совершительной», молитве литургии ее единство, претворяет ее в то **целое**, о котором мы утверждаем, что в нем и им совершается Таинство всех таинств? На этот первый и основной вопрос Церковь буквально с первого дня своего существования дала ответ, назвав не только саму эту молитву, но и всю литургию, одним словом, слово это — **Евхаристия, Благодарение**. Так Евхаристией назвала и называет Церковь и приносимые дары, и молитву, их освящающую, и принятие их верующими. Приобщившись св. Тайн, мы молимся о том, чтобы было нам «благодарение сие, здравие и веселие...» отсюда следует, очевидно, что как призыв предстоятеля **Благодарим Господа**, так и ответ на него собрания — **Достойно и праведно**, относятся не к одной лишь «вводной» части евхаристической молитвы — **Praestatio** в терминологии литургистов — а суть то начало, та основа и тот ключ ко всему ее содержанию, вне которых святая тайна Евхаристии остается скрытой от нас. Все **возношение, анафора**, как издревле называется эта часть литургии, есть от начала до конца благодарение. Однако, чтобы **сегодня**, после веков забвения, понять смысл этого утверждения, понять то, что для ранней Церкви было радостно самоочевидным, не требующим никаких объяснений, мы должны сначала пробиться сквозь глыбы истолкований, самоочевидность эту затерявших, к изначальному христианскому смыслу и опыту **благодарения**.

Лучше всего, полнее всего было бы просто сказать: благодарение — это опыт рая. Но слово «рай» тоже ослабело и выдохлось в современном христианском сознании, его как «наивного» и «примитивного» избегают ученые истолкователи христианства и его тоже нужно как бы откапывать. Однако, может быть потому и ослабело оно, что оказалось оторванным от своего церковного «звучания», от того опыта рая, в даре и предвосхищении которого состоит первейший и глубочайший смысл церковного богослужения. «В храме стояще, на небе стояти мним...». И вот, празднуя в день Рождества Христова пришествие Бога в мир,

поет Церковь: «...и Серафим отступает от древа жизни и аз райския пищи приобщаюся...». Вот из лучезарной глубины пасхальной ночи обращаем мы к воскресшему Христу ликующее утверждение: «Ты открыл нам райские двери...» И мы снова узнаем, что рай — это первозданное состояние человека и всего творения, состояние их до грехопадения, до «изгнания из рая», и состояние их по спасении их Христом, обещанная Богом и во Христе уже дарованная, уже открытая человеку вечная жизнь. Что рай, иными словами, это то **начало** и **конец**, к которым отнесена и которыми определяется и решается вся жизнь человека, и в нем, всего творения. По отношению к которым постигаем мы и Божественный источник нашей жизни, и наше отпадение от Бога, наше порабощение греху и смерти, и наше спасение Христом, и нашу судьбу в вечности. Мы созданы в раю и для рая, мы изгнаны из рая, Христос «вводит нас паки в рай...»

Если же духовным слухом вслушаться, духовным взором всмотреться в этот церковный опыт рая, в согласное свидетельство о нем Слова Божия, богослужения и никогда не иссякающей в церкви святости, то сущность этого опыта, содержание вечной жизни, вечной радости, вечного блаженства, для которых мы созданы, раскрывается нам как **триединство знания, свободы и благодарения**. Подчеркиваю, не знания и свободы, а затем, как чего-то отличного от них, добавочного — благодарения, а знания и свободы себя в благодарении исполняющих, благодарения, как полноты знания и свободы, и потому — общения, и потому — обладания...

3.

«Сия же есть жизнь вечная, да знают Тебя, единого истинного Бога» (Ин. 17,3). В этих словах Христа — все христианство. Человек создан для знания Бога и в знании Бога его подлинная, и потому, вечная жизнь. Но знание это — не то знание, которым кичится наш разум, убежденный в том, что он может познать все, включая Бога, и не знающий, что как раз в потемнении ума и в распаде подлинного знания — вся глубина и непоправимость нашего падения. И что поэтому **знание Бога**, о котором, как о вечной жизни, как в раю, говорит Христос, это не то рассудочное **знание о Боге**, которое, сколь бы ни было оно «формально» и «объективно» правильным, все равно остается в пределах и частью знания падшего и раздробленного, обессиленного грехом, утерявшего доступ к сущности познаваемого и потому переставшего

быть — встречей, общением, единством. В своем отрыве от Бога, в своем буквально **безумном** выборе жизни не в Боге, а в себе и собою, Адам не перестал «знать о Боге» и это значит — верить той верой, про которую сказано, что «и бесы веруют и трепещут». Но он перестал **знать Бога** и его жизнь перестала быть той встречей с Богом, тем общением с Ним, а в нем — и со всем творением Божиим, о которых, как о сущности рая, рассказано в книге Бытия. А только этой встречи — с Богом Живым, с Богом как жизнью жизни — жаждет и не может не жаждать душа, ибо на последней глубине своей она сама и есть эта жажда: «жаждет душа моя — сказано в псалме — Бога живаго...»

«Признаком», лучше же сказать — присутствием, радостью, полнотой — знания Бога, т. е. знания — встречи, знания — общения, знания — единства, является **благодарение**. Как невозможно знать Бога и не благодарить Его, так невозможно и благодарить Бога, не зная Его. Знание Бога претворяет нашу жизнь в благодарение, благодарение претворяет вечность в жизнь вечную. «Благослови, душа моя, Господа и вся внутренняя моя имя святое Его!..» Если вся жизнь церкви есть, прежде всего, один сплошной порыв хвалы, благословения и благодарения, если благодарение это возносится и из радости и из печали, из глубины как счастья, так и несчастья, из жизни и из смерти, если само надгробное рыданье претворяется им в хвалебную песнь Аллилуйя, то это потому, что Церковь и есть встреча с Богом, совершившаяся во Христе, Его — Христово — знание Бога, нам дарованное, как дар чистого благодарения и райской хвалы. Христос «открыл нам райские двери». Ибо, когда все свершилось, когда воссияли прощение грехов и победа над смертью, когда «Серафим отступил от древа жизни», тогда остается только хвала, только благодарение. Благодарение, которое, прежде, чем стать благодарением о **чем-то**, о «ведомых и неведомых, явленных и неявленных, благоденствиях Божиих, на нас бывших», дается нам как именно чистое благодарение, как блаженная, райская полнота души, «зрящей лица Божьего доброту (т. е. красоту) неизреченную» и в этом знании обретающей целостную радость того евангельского ребенка, не воскресив в себе которого, не войти нам, по слову Христову, в рай Царства Божьего.

4.

Этим чистым благодарением и именно потому что оно есть подлинное знание, полнота души, познавшей Бога, восстанавли-

вается и то целостное **знание мира**, что распалось в греховном отпадении человека от Бога и стало тоже всего лишь **знанием о мире**. Тем «объективным» знанием **извне**, которому, как это раз и навсегда доказал Кант, безнадежно закрыт доступ к «вещи в себе» т. е. к самой сущности мира и жизни, а потому и к подлинному обладанию ими.

Но ведь для этого обладания был создан, к нему призван человек, поставленный Богом в рай, как царь твари, облеченный властью **именовать** «всякую душу живую», т. е. познавать ее **изнутри**, в ее первосущности и глубине. И вот, восстанавливается это знание, уже не о мире, а мира, тем же благодарением, которое, будучи знанием Бога, тем самым есть узнавание мира как мира Божьего. Познанием не только того, что все в мире в Боге имеет свою причину, — на это — в пределе — способно и «знание о мире» — но и то, что все в мире и сам мир есть дары любви Божией, откровение Бога о самом себе, призыв во всем — знать Бога, через все — быть в общении с Ним, обладать всем, как жизнью в нем.

Как создан мир благим словом Божиим, **благословением** — в глубочайшем, онтологическом значении этого словосочетания, так и спасается и восстанавливается он благодарением и благословением, нам во храме Христа дарованными. Ими познаем и принимаем мы мир, как икону, как причастие, как освящение. Ими претворяем его в то, чем и для чего он был создан и дан нам Богом. «**Благодарив, благословив, освятив...**»: каждый раз, что произносим мы эти слова молитвы благодарения, ими творим воспоминание Христа, «приемлющего во святые Свои и пречистые и непорочные руки хлеб» — и это значит — материю, мир, творенье, мы опять свидетели новотворения мира, воссоздания его как «рая пищи бессмертия», в котором все, созданное Богом, призвано стать нашим причастием Божественной любви, Божественной жизни.

5.

И, наконец, будучи исполнением знания, благодарение есть исполнение и свободы, той подлинной свободы, о которой сказал Христос: «Познайте Истину, и истина сделает вас свободными» (Ин. 8,32). Эту свободу потерял человек в отпадении своем от Бога, в изгнании из рая. Как знание, которым, считая его всеильным, кичится он, не есть подлинное знание, так и та свобода, вопли о которой не сходят с его уст, не есть подлинная свобода, а некий таинственный, никакой «точной» наукой не объяснимый,

ответ ее, загадочная жажда ее в человеческом сердце. Можно удивляться тому, как легко сами христиане забывают об этом и легкомысленно, как нечто само собой разумеющееся, усваивают дешевую «освободительную» риторику, которой захлебывается современная цивилизация. Удивляться потому, что христиане должны были бы лучше других знать, что на деле, «в мире сем», поработанном греху и смерти, никто никогда не смог определить сущность этой, ставшей идолом, свободы, описать то «царство свободы», борьба за достижение которого якобы определяет собою человеческую историю.

И это так потому, что и тут опять мы **знаем о свободе, но мы не знаем свободу**. Да и о ней-то мы знаем только относительно, только «по сравнению». Да, конечно, человек, живущий в правовом государстве, свободнее живущего в государстве «тоталитарном». Для заключенного в тюрьму свобода начинается за стеной его камеры. Для живущего «на свободе» она — в преодолении какой-нибудь ближайшей «несвободы» и так до бесконечности... И, однако, сколько бы таких пластов «несвободы» мы ни снимали, снимая один, мы неизбежно находим под ним следующий, оказывающийся не менее, а еще более непроницаемым, и, казалось бы, должны были бы постичь иллюзорность сжигающей нас мечты. Этой «иллюзорности» может не знать рядовой человек, чье внимание сосредоточено всего лишь на очередной «несвободе», ее не знает толпа, идущая на приступ очередной Бастилии, не знает тот Ортега-и-Гассетовский «массовый человек», которого «освободители» всех мастей и оттенков превратили, по слову одного русского поэта, в «**ура** из глотки патриота, **долгой** из глотки бунтаря». Но это узнают и об этом всей своей страшной судьбой свидетельствуют те немногие, кто в своем прометеевском искании свободы, свободы не только **от** кого-то и **от** чего-то, а абсолютной «свободы в себе», разбились об ту глухую стену, к которой неизбежно приводит это искание в «мире сем», по его стихиям и логике... У Достоевского в «Бесах» кончает самоубийством Кириллов. А в «реальной жизни» — тонет в безумии Ницше, разрушает свою жизнь, услышав «жуткий смех идиота», Артюра Рембо; «Я гляжу в стену», шепчет умирающий Валери, и черное, Кафковское пламя абсурда и отчаяния все явственнее прорывается сквозь трещины якобы на свободе и разуме построенного, свободу сулящего мира.

Но пора признать, что в этой трагедии свободы христиане несут на себе огромную долю ответственности, что не случайно корни этой трагедии уходят в тот мир и в ту культуру, которые

еще совсем недавно называли себя христианскими. Ведь с одной стороны, именно с христианством и только с ним вошло в мир неслыханное, невозможное благовестие свободы, призыв — «стоять в свободе, которую даровал нам Христос» (Гал. 5,1). Именно христианство, и только оно, навсегда отравило человеческое сознание этой неутолимой жаждой. А с другой стороны, кто же, как не сами христиане подменили, можно даже сказать, предали это благовестие, сведя его — для мира, для «внешних» — к гладкому, «научному» и «объективному» **знанию о Боге**, к тому знанию **извне**, которое не может определить Бога иначе, как в категориях власти, авторитета, необходимости и закона. Именно отсюда — страшный пафос богоборчества, что присущ всем идеологиям, сулящим человечеству свободу. Тут нет недоразумения, ибо если Бог есть то, что самоуверенно утверждает о Нем «знание о Боге», то человек — раб, и это — несмотря на все оговорки и разъяснения, предлагаемые в гладких апологетиках и теодицеях. И тогда, во имя свободы, нужно, чтобы Бога не было, нужно Его убить и этим богоубийством и движется на последней глубине своей современное, само себя обожествившее человечество...

Таким образом, ни «мир сей», ни по его логике и категориям построенное «знание о Боге» не в силах определить сущность свободы в ее сути, не отрицательном только, а положительном и абсолютном содержании. И это так потому, что свобода не есть никакая «сущность», нечто существующее и, следовательно, определяемое «само по себе». Бог создал нас не для какой-то отвлеченной «свободы», а для себя, для приобщения нас, «приведенных» из небытия, к той жизни и жизни преизбыточествующей, которая только от Него, в Нем, Он. Только этой жизни жаждет и ищет человек, только ее и называет ему самому непонятым, ибо ничему из природы «мира сего» не соответствующим, и потому — всегда «затверделым» — словом **свобода**, только к ней стремится даже тогда, когда в слепоте и безумии борется с Богом.

Поэтому оставим «мертвым погребать мертвецов», оставим это безрадостное искание квадратуры круга, которым неизбежно становится всякая попытка поставить и разрешить «проблему свободы». Оставим и вслушаемся в то **благодарение**, о котором мы только что сказали, что в нем исполняется подлинное знание Бога, совершается встреча с Ним, а не с идеями о Нем. В **благодарении**, которым, как воздухом, живет Церковь. Вслушаемся и, в меру нашего приятия этого благодарения, мы поймем, и не разумом только, а всем существом, что тут и только тут, только в этом

знании — благодарении и происходит вхождение наше в единственно-подлинную, ибо Божью — свободу. В свободу, как само дыхание, как царственное благородство, как силу и совершенство, полноту и красоту той жизни, вернее же — как саму **жизнь с избытком**, что подает жизни податель, Дух Святой, Который «дышит где хочет, и голос Его слышишь, а не знаешь, откуда приходит и куда уходит: так бывает с всяким рожденным от Духа» (Ин. 3, 8).

Рожденный от Бога, познавший Его — благодарит, благодарящий — свободен, и в том сила и чудо благодарения, как свободы и освобождения, что оно **уравнивает неуравнимых**: человека и Бога, тварь и Творца, раба и Владыку. Не тем, от дьявола внушенным человеку «равенством», скрытый двигатель которого в зависти, в ненависти ко всему, что **свыше**, что свято и высоко, в плебейском отвержении благодарения и поклонения и потому в стремлении все уравнивать по **низу**. А уравнивает тем, что зависимость человека от Бога, объективно несомненную и онтологически абсолютную, **знает как свободу**. Знает изнутри тем знанием Бога, из той встречи с Богом, из которой само оно, благодарение, свободно рождается. И если зуд равенства — от незнания, есть зуд раба, то благодарение и поклонение — от знания и зренья, от встречи со Святым и Высоким, от вхождения в свободу сынов Божиих.

Эту свободу являет и дарует нам Церковь каждый раз, что восходим мы к самой вершине Божественной Литургии и слышим к нам и ко всему творению Божьему обращенный, все в себе обнимающий призыв: **Благодарим Господа!** и на него в полноте ведения отвечаем: **Достойно и праведно!..**

6.

Достойно и праведно Тя пети, Тя благословити, Тя хвалити, Тя благодарити, Тебе поклоняться на всяком месте владычества Твоего.

Вот снова возносится над миром это чистое, свободное, блаженное благодарение, восстановленное и дарованное человеку Христом. Его благодарение, его знание, Его сыновняя свобода — ставшие и вечно становящиеся нашими. Благодарение, которое — по тому что оно Христово и **свыше**, нас возводит в рай, как его предвосхищение, как причастие еще здесь, на земле, царству будущего века. И потому, каждый раз, что возносится оно, **спасение мира завершено**. Все исполнено, все даровано. Человек сно-

ва стоит там, где поставил его Бог, восстановлен в своем призвании — приносить Богу «разумную службу», знать Его, благодарить, поклоняться Ему — «В Духе и Истине» и этим знанием и благодарением претворять сам мир в причастие Жизни, которая «была у Отца и явилась нам» (Ин. 1,2).

Была у Отца. Для понимания, и не только Литургии, а и самой сущности христианской веры, бесконечно важно знать и помнить, что **Евхаристия — причастие Отцу**. К Отцу обращено дерзновенное **Ты** молитвы благодарения и то **знание Бога**, в котором, как мы старались показать, исполняет себя благодарение Церкви, есть **знание Отца**. Но мы так привыкли к применению этого слова **Отец** к Богу, что уже не ощущаем всей неслыханности, невозможности его в человеческих устах, в устах твари, обращающейся к Творцу. И потому не сознаем, что из всех христовых даров нам — эта возможность «со дерзновением и неосужденно» именовать Бога Отцом, **иметь доступ к Отцу** (Еф. 2,18) не только самый величайший, но и сама сущность спасения — нашего и всего мира — Христом.

«Бога никто никогда не видел» (Ин. 4,12). Это знает всякий подлинный религиозный опыт, который есть всегда и прежде всего опыт **священного** в первичном, изначальном значении этого слова; «священного» как **абсолютно другого**, непонятого, неведомого, непостижимого, в пределе — даже страшного. Религия родилась и рождается одновременно и из притяжения к **святому**, из знания, что абсолютно-другое **есть**, и из незнания, **что** оно есть. И потому нет на земле явления более двусмысленного и в двусмысленности своей трагического, чем религия. Это только наша современная, выдохшаяся и сентиментальная «религиозность» убеждена, что «религия» — это всегда что-то хорошее, положительное, доброе и полезное, и что по существу люди всегда верили в того же «доброе» и снисходительного Бога, в «Отца», на деле созданного «по образу и подобию» нашей собственной маленькой доброты, необременительной морали, бытовых умилений и дешевого прекраснотушения. Мы забыли, как близки «религии» в каком-то смысле — соприродны ей, темные бездны страха, безумия, ненависти, изуверства, все то жуткое **суеверие**, которое с таким напряжением обличало, видя в нем дьявольское наваждение, раннее христианство. Забыли, иными словами, что религия — настолько же от Бога, от неистребимой в человеке жажды и искания Его, насколько и от «князя мира сего», оторвавшего человека от Бога и погрузившего его в страшную тьму неведения. Забыли, наконец, что не теплохладным «агностикам», а «рели-

гиозным» людям сказаны были самые страшные из когда-либо прозвучавших на земле слова: «Отец ваш диавол» (Ин. 8,44).

И вот, только по отношению к этой теме, к «стране и тени смертной», в которой пребывает павший «мир сей», раскрывается нашему духовному сознанию воссиявший во Христе свет знания, как знания единого и истинного Бога и **знания Его как Отца**. Ибо Отцовство Бога, явленное нам Христом, это не то природное, антропоморфическое отцовство, о котором, по отношению к Богу, религия заключает **снизу**, и которое, таким образом, Бог разделяет с разными земными «отцовствами». Это отцовство, присущее только Богу и являемое и даруемое только едиnorodным, единственным Сыном Божиим. «Никто не знает Сына, кроме Отца, и Отец не знает никто, кроме Сына и кому Сын хочет открыть» (Мф. 11,27). Христианство началось не с «экуменической», общечеловеческой и общерелигиозной проповеди о Боге-Отце, в которой слово Отец, в довершение всего, к тому же и двусмысленно, ибо Бог не «родил» мир и человека, а сотворил их так что они никак не «эманация» Бога. Христианство началось с веры в пришествие в мир, в вочеловечение едиnorodного, единственного сына Божьего и в наше **усыновление** — в нем и только в нем — Его Отцу. Христианство есть дар двойного откровения: откровения Отцом — Сына, «которого никто не знает, кроме Отца», и откровения Сыном — Отца, «Которого не знает никто, кроме Сына», но в явлении Которого нам, в приведении к Которому нас, и состоит дело спасения человека и мира, совершенное Христом. «Смотрите, какую любовь дал нам Отец, чтобы нам называться и быть детьми Божиими... Возлюбленные, мы теперь дети Божии!» (Ин. 3,1-2). Следовательно, поверить во Христе это значит, прежде всего, **поверить Ему**, что Он Сын Божий едиnorodный и потому, явление в мире **знания Отца**, любви к Отцу, жизни Им и в Нем; а также явление Любви Отчей, которой Он «вечно любит Сына и все отдал Ему». Повторить далее, что это свое едиnorodное, единственное сыновство, Сын дарует нам, нас усыновляет Богу Отцу: «Се восхожу ко Отцу Моему и Отцу вашему, и Богу Моему и Богу вашему...». И, наконец, повторить и узнать, что в Сыне своем возлюбленном, Отец, которого «мир не познал» (Ин. 17,25), являет и дарует нам Свое Отцовство, любит нас той любовью, которой любит Он Сына. И потому что в Сыновстве Сына — все знание Отца, вся любовь к Нему, все единство с Ним, потому что Сын и Отец — **одно** (Ин. 10,30), знающий Сына, знает Отца, имеет доступ к нему и в жизнь вечную.

Этим сыновним знанием Отца, доступом к нему в Сыне, жи-

вет Церковь, их возвещает, как спасение и жизнь вечную. И потому таинство Евхаристии, в котором исполняет себя Церковь, как новое творение, как Тело Христово и как причастие царству будущего века, есть, на последней глубине своей, **таинство знания Отца**, доступа, восхождения к Нему в Сыне Его едиnorodном. Апостол просил «Господи, покажи нам Отца и довлеет нам» (Ин. 14,8). И вот, в Сыне Божьем Отец показан и явлен нам: «видевший Меня, видел Отца». (Ин. 14,9). И не только видел, но имеет доступ к Нему, знает Его, как Отца.

7.

Ты от небытия в бытие нас привел еси... Будучи знанием Отца, благодарение есть каждый раз **узнавание и мира**. Узнавание его, как нам Богом данного и узнавание самих себя, как призванных Богом «из тьмы в чудный свой свет» (1 Петр. 2,9) и получивших «великие и драгоценные обетования, дабы мы через них сделались причастниками Божьего естества» (2 Петр. 1,4). Только предстоя, во Христе, Сыне Божьем, Отцу, познаем мы и себя и мир знанием, ставшим невозможным во тьме «мира сего», по восстановленным, возвращенном нам через усыновление наше Отцу.

Действительно, ни в чем столь не очевидна тьма неведения, в которую погрузило нас наше отпадение от Бога, как в поразительном **незнании человеком самого себя** и это — несмотря на ненасытный интерес, с которым потерявшее Бога человечество изучает себя и в своих «*sciènces humaines*», стремится проникнуть в тайну человека. Мы живем в эпоху безудержного **нарциссизма**, всеобщего «оборота на себя». Но, как это ни звучит странно и даже страшно, чем стихийнее этот интерес, тем очевиднее, что питается он каким-то темным желанием **расчеловечить человека**. «Мы убеждены, пишет Леви-Штраус, один из вождей антропологического структурализма, что конечная цель науки о человеке не в утверждении человека, а в его растворении...» И ему, хотя и по-разному вторят и современная лингвистика, и психология, и социология. «Вся археология нашей мысли, пишет Мишель Фуко, другой властитель дум, без труда доказывает, что человек есть изобретение недавнее и предвозвещает, возможно близкий, конец его...». Разгадка тайны человека оборачивается отрицанием уже не только тайны, но и самого человека, растворением его в том однообразно сером и бессмысленном мире, в котором, по словам Нобелевского лауреата Жака Моно, безраздельно царит ледяной закон «случайности и необходимости...»

Так вот, именно на эту, не современную только, а извечную ложь о мире и человеке отвечает, ее разрушает каждый раз благодарение, приносимое Церковью. Каждый раз оно есть явление человека — себе, явление в свете Божьего Лица Его сущности, его места и призвания в мире и потому — акт обновляющий и воссоздающий человека. В благодарении узнаем и исповедуем мы, прежде всего Божественный источник и Божественное призвание самой жизни. Бог, утверждает молитва благодарения, из **небытия в бытие** привел нас, и это значит — сделал нас причастниками **Бытия**, т. е. не только того, что от него, но и пронизано Его присутствием, светом, мудростью, любовью; тем, что, вслед за св. Григорием Паламой, православное богословие называет божественными **энергиями** и что делает мир призванным и способным к преображению в «новое небо и новую землю», а царя твари — человека — к обожению, к «причастию Божеского естества».

8.

И отпадших возставил... Только теперь, только с высоты знания Бога, человека и мира, на которую вознесло нас благодарение, можем мы услышать, во всей их глубине и силе, два эти слова, это, на каждой Евхаристии даруемое нам, двуединое откровение тайны греха и спасения.

Почему «только теперь»? Да потому что тот, присущий христианству, **антропологический максимализм**, о котором мы только что говорили, т. е. утверждение Божественной высоты человека, его сущности и его призвания, все время подменяется в сознании даже верующих и церковных людей с виду благочестивым, но по сути поистине еретическим **антропологическим минимализмом**. Еретическим потому, что в своем лжесмирении состоит он ни в чем ином, как в глубоко не христианской **нормализации** греха и зла. Действительно, в нашей привычной, бытовой и теплохладной «религиозности» разве не воспринимаем мы грех, как нечто именно нормальное, самоочевидно выводимое из, якобы присущих нашему естеству — слабости и несовершенства, а совершенство и святость, наоборот, как нечто «сверхъестественное»? И именно эту нормализацию греха, это низведение человека на уровень слабенькой, в слабости же своей — безответственной — твари, эту, говоря прямо, хулу на творение Божие, и обличает Евхаристия каждым своим словом, каждым священнодействием. Обличает тем, что грех являет как **отпадение** человека не только

от Бога, **но и от самого себя**, от своей подлинной природы, от «почести горнего звания», к которому призвал его Бог.

Ведь уже само это слово: **отпавших** — предполагает, включает в себя опыт той высоты, с которой падение это совершилось, падение потому и страшное, что не свойственное творению Божьему, не могущее никогда стать естественным для того, «кого славою и честью выбрал» Бог, кого поставил Он «над делами рук своих» и потому что знает Церковь эту высоту, потому что вся ее жизнь есть благодатный опыт **восстановления** — т. е. возврата к этой высоте, восхождения на нее, **знает Церковь и грех** во всей его глубине и силе. Только знание это коренным образом отлично от тех гладких, рациональных, дискурсивных объяснений, роковой недостаток которых в том и состоит, что все они так или иначе подводят под грех «законное основание», делают его, согласно философской терминологии, *phaenomenon bene fundatum*. В таких объяснениях грех, как раз, и перестает быть **падением**. Включенный в «объективную», причинно-следственную связь, он оказывается «узаконенным», «нормальным». И тогда уже не он, а победа над ним воспринимается как нечто выходящее из «нормы». Но для церкви, в ее опыте, в ее вере, грех и зло, суть, прежде всего, **тайна**. Потому тайна, что нет и не может быть у зла своей **сущности** (ибо все сущее от Бога и, следовательно, «добро зело»), которую мог бы, предпочтя ее в своей свободной сущности «добра», свободно избрать человек. Зло, по слову одного из Отцов Церкви, есть «непосеянная трава». Но вот — непосеянная, не созданная Богом, она — **есть**, она обладает страшной разрушительной силой, так что про сам мир сказано, что он «во зле лежит» (1 Ин. 5,19).

Нет в христианской вере объяснения этой тайне, нет, потому что в категориях нашего падшего и лукавого разума объяснение неизбежно становится оправданием, как и утверждает одна из самых живых, а потому, может быть, и самых популярных пословиц: «понять — простить». Но греха нельзя ни понять, ни оправдать. И церковь, не объясняя его, **обличает** грех и это, согласно изначальному, первичному смыслу слова «обличать», значит, что она и только она являет грех **как** грех, зло **как** зло — во всей безмерности их необъяснимости, **невозможности**, и потому, ужаса, неизбывности, непоправимости...

Как, когда совершается это обличение? На этот, в сущности, единственно важный, вопрос, заведомо зная, что вряд ли услышат нас ученые истолкователи «проблемы зла», мы отвечаем так: церковь обличает грех, прежде всего, превыше всего, своим **благо-**

дарением. Им познает она «насушную сущность» зла, познает источник греха, как **неблагодарение**, как отпадение человека от «пения, благословения, благодарения, хвалы и поклонения» которыми живет, ибо знает Бога и имеет общение с ним, человек и, в нем, все творение. Неблагодарение — это корень и движущая сила той **гордыни**, в которой все, без исключения, наставники духовной жизни, этого «искусства всех искусств», видят грех, оторвавший человека от Бога. Ибо тончайшая духовная суть гордыни, по настоящему распознаваемая только в духовном подвиге «различения духов», в том, как раз, что, в отличие от всех других «причин», приписываемых грехопадению, она одна **не снизу**, а **свыше**: не от несовершенства, а от совершенства, не от недостатка, а от избытка даров, не от слабости, а от силы. Иными словами, не от какого-то необъяснимого, неизвестно откуда взявшегося «зла», а от прельщения и искушения Божественным «добро зело» творения и человека. Гордыня поэтому и противостоит благодарению, противостоит как именно неблагодарение, что возникает она из той же причины, что и благодарение, есть другой — противоположный — ответ на тот же дар, искушение тем же даром...

Мы знаем, что по согласному свидетельству всех, вставших на путь борьбы с грехом, искушение еще не есть грех. Искушаем был и сам Христос и искушаем как раз присущими ему дарами: силы, власти, чудотворения. На деле, всякий дар Божий человеку, само богоподобие и совершенство его, суть **искушение**, больше же всего — дар человеку его **Я**, то чудо абсолютно единственной, вечной, неповторимой и неразделимой **личности**, которая каждого человека «полагает яко царя твари». Искушение **присуще** личности и присуще потому, что только человек во всем творении Божьем призван любить себя, т. е. сознавать в себе Божественный дар и чудо своего **Я**. Ведь только этой любовью к себе постигает человек Бога как Жизнь своей жизни, как абсолютно — желанное **Ты**, в котором находит себя, свою полноту, свое счастье его человеческое **Я**, созданное по образу и подобию Бога — Любви, человеческая личность есть любовь к себе и **потому** — любовь к Богу, любовь к Богу и **потому** — любовь к себе, узнавание себя как носительницы Божественного дара знания и восхождения в полноту жизни. И вот этой, сопричастной человеку, **любви к себе** и присуще обратиться в **любовь себя**, в то **себялюбие**, которое и составляет суть **гордыни**. Нет, не «злом» прельстился человек, а собою, своим богоподобием, божественным чудом своего **Я**. Не извне, а изнутри, в блаженной полноте рая, услышал

он змеиный шепот: «будете как боги...» и захотел жизнь иметь в самом себе и для себя, все дары Божии — как свои и для себя: «воззрех на садовную красоту и прельстихся умом...» (Канон св. Андрея Критского).

Тут, на этой высоте и с этой высоты совершилось падение человека: «Будьте как боги...» Но ведь у Бога украдены эти слова, ведь для того, чтобы мы стали «как боги» и имели жизнь с избытком, создал нас Бог, призвал в «чудный свой свет». Что же превратило слова эти в ложь, в начало падения, в источник греха, распада и смерти? Именно на этот вопрос и отвечает Евхаристия, благодарение, возвращающее нас к престолу Царства, дающее нам лицезреть Бога и творение Его, небо и землю, исполнение славы Его. Отвечает не определениями, не словами о словах, а самим светом своим и силою. Ибо благодарение и есть сила, претворяющая в жизнь, желание и утоление, любовь и обладание, исполняющая все в мире, данном нам Богом, в знание Бога и в общение с Ним. И потому только благодарение **обличает** — т. е. являет грех как отпадение любви от благодарения, как **неблагодарение**... Созданный по образу и подобию Бога — Любви, человек не может перестать быть любовью. Он и в «неблагодарении» остается все той же любовью, «любованьем» все теми же дарами. Но любовью, переставшей быть благодарением, т. е. знанием дара жизни и всего в жизни, как не только Божиим, от Бога, но и как самооткровения человеку Божией любви, как к человеку обращенного зова — все дары, и саму жизнь претворить в причастие Божественной жизни, в **знание Бога**.

Жизнь в себе... Но только Отец «имеет жизнь в себе» (Ин. 5,26), только Бог есть Жизнь и, потому, жизнь всякой жизни. Ужас и безысходность падения в том, что, захотев жизни в себе и для себя, человек отпадает от жизни. Грехом **входит в мир смерть** (Рим. 5,12) и сам мир становится «тьмой и сенью смертной». Не претворяемый благодарением в «пищу бессмертия», в причастие жизни, он становится причастием смерти, а любовь к миру, не претворяемая благодарением в знание Бога — тусклой и самопожирательной «похотью плоти, похотью очей и гордостью житейской» (1 Ин. 2,16). «L'homme est une passion, mais une passion inutile...» Сказавший это Ж.-П. Сартр не знает, конечно, что словами этими он дал самое точное определение того, что свершилось в **отпадении** человека, в том «первородном грехе», в котором, перестав быть таинством благодарения, умирает мир, и жизнь становится умиранием...

Все это: страшное беззаконие и неправду греха, бездонную печаль и смертоносную силу отпадения нашего от Бога, силу зла, воцарившегося в мире, **узнаем** мы каждый раз, что с небесной высоты, на которую вознесло нас Христово благодарение, падают два эти слова: **и отпавших восставил...**

Но узнаем потому, что **восстановлены**, потому что имеем доступ к Отцу и сделаны участниками Царства будущего века:

**«...и не отступил еси вся творя,
донеже нас на небо возвел еси,
И Царство даровал еси будущее...»**

Во Христе вознесено на небо, освящено, обожено человеческое естество. «Не видел того глаз, не слышало ухо и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его. А нам Бог открыл это Духом Своим; ибо дух все проникает, и глубины Божии (1 Кор. 2, 9). Рай был на земле, а мы вознесены на небо и наша жизнь уже теперь — «скрыта со Христом в Боге» (Кол. 3.3). Откровение этого последнего и высшего дара, его **дарование**, и есть церковь и совершается оно в таинстве благодарения, в котором исполняет себя Церковь как **небо на земле...**

Об этом исполнении и свидетельствует *Sanctus*, та ангельская хвала **Свят, Свят, Свят...**, которой почти во всех дошедших до нас гимнах Евхаристии завершается *Praefatio* и которой, как мы увидим дальше, таинство благодарения вводит нас в таинство воспоминания.

«Обо всем мы благодарим Тебя,
И едиnorodного Твоего Сына и Духа Твоего Святого,
О всех ведомых и неведомых благодеяниях, бывших на нас,
Благодарим Тебя и об этой службе,
Которую Ты изволил принять из наших рук,
Хотя и предстоят Тебе
Тысячи архангелов и тьмы ангелов,
Херувимы и Серафимы, шестокрылатые, многоочитые,
Воспаряющие, окрыленные,

Поющие, вопиющие, взывающие, глаголящие
победную песнь

Свят, Свят, Свят Господь Бог Саваоф,
Наполняющий небо и землю славой Твоей!
Осанна в вышних!
Благословен грядущий во имя Господне!
Осанна в вышних!»

О чем свидетельство этой извечной ангельской хвалы, если не о **небе**, которое мы **видим** и **слышим**, ибо сами вознесены на него? Что эти слова царского приветствия, если не **икона**: дар, видение, откровение Царства славы? Не встреча с Богом, благодарением исполняемая — за Его трапезой, в Его царстве?...

ПАМЯТИ ПРОТ. ГЕОРГИЯ ФЛОРОВСКОГО

Скончавшийся 11 августа с. г. в Принстоне (Нью Джерси) на 86-м году жизни проф. прот. Георгий Флоровский принадлежал к тому поколению русских ученых-эмигрантов, которое успело закончить высшее образование и начать свою академическую деятельность еще в России. Потомок православных священников и с отцовской, и с материнской стороны, Георгий Васильевич Флоровский родился в Одессе в 1893 году, окончил гимназию и историко-филологический факультет Новороссийского университета, где он изучал философию и психологию, но прослушал также обширные курсы по математике, физике и биологии. О многогранности интересов будущего ученого свидетельствует то, что его работа по слюноотделению была напечатана, по настоянию И. П. Павлова, в трудах Академии наук, а в 1913 и 1916 гг. он был удостоен особых наград за работы по классической философии («Миф об Амфитрионе в древней и новой драме») и по логике («Критический обзор современных учений об умозаклучениях»). Незадолго до выезда из России в 1920 году Г. В. Флоровский сдал магистерские экзамены и был утвержден в звании приват-доцента. Магистерскую диссертацию он защитил уже в эмиграции, в Праге, посвятив ее теме: «Историческая философия Герцена». При защите этой диссертации оппонентами Г. В. Флоровского были В. В. Зеньковский, Н. О. Лосский и П. Б. Струве. В 1926 году Г. В. Флоровский принял приглашение занять кафедру патрологии (наука об учении отцов Церкви) в Православном богословском институте в Париже и занимал ее, за исключением военных лет, которые он провел в Югославии, до 1948 года, когда он переселился в США. В 1932 году Г. В. Флоровский принял священство.

В США о. Георгий Флоровский занимал должность декана и профессора патрологии Св. Владимирской семинарии, а затем стал профессором Богословской школы Гарвардского университета. После того, как он был вынужден покинуть Гарвард ввиду достижения пенсионного возраста, его пригласили для научной работы в Богословскую школу Принстонского университета, где он оставался до самой своей кончины. Несколько поколений православных студентов богословов высоко ценили о. Георгия как несравненного педагога, а в кругах западного христианства и в лоне

экуменического движения его признавали наиболее авторитетным православным богословом нашего времени. Уже в 1937 г. университет Сент-Эндрью в Шотландии почтил его степенью доктора богословия, а в послевоенные годы докторская степень была присуждена о. Георгию Салоникским университетом в Греции и наиболее известными университетами Америки.

По своему призванию о. Георгий Флоровский был историком — в первую очередь, историком богословской мысли. Для метода его научной работы характерна смена тончайшего анализа понятий и терминологических оттенков со смелыми и быстрыми обобщениями: он старательно оттачивал каждую деталь задуманного построения, а затем стремительно, одним порывом возводил само здание своей мысли. Основоположной, центральной интуицией всей его богословской системы можно считать убеждение, что евангельское благовестие, первичная правда Евангелия прошли через горнило эллинско-византийской мысли, заимствовав у нее то терминологическое и интеллектуальное оружие, при помощи которого отцы Церкви смогли защищать евангельское учение от внебиблейских, навеянных восточными религиями и гностицизмом, идей и понятий. Богословы знают, что термина «единосущный», который вошел в Символ веры и был знаменем борьбы православных против арианской ереси на Первом вселенском Соборе, нет в Евангелии — этот термин заимствован из греческой философии, при помощи которой отцы Никейского Собора выразили центральную истину христианства — Христос не сотворен, а рожден и потому единосущен и равночестен Отцу и Святому Духу.

Культурный и терминологический союз христианства с греческой культурой о. Георгий Флоровский считал не только providенциальным, но и окончательным и единственно возможным — по его убеждению любая попытка выразить систему христианского богословия в иных категориях мысли с неизбежностью ведет в тупик схоластики или произвольных домыслов. Метафизика всеединства В. Соловьева и о. Павла Флоренского, как и софиология о. Сергия Булгакова были для о. Георгия Флоровского неприемлемы как скрытые формы пантеизма, снимающие грань между Творцом и творением, и он полемизировал с ними, часто в беспощадно острой форме, в течение всей своей жизни. Свою собственную богословскую систему о. Георгий называл «неопатристическим синтезом»: по его убеждению, ответы на все вопросы современности, касающиеся судьбы и назначения человека и смысла истории, уже даны и предвосхищены в цветении святоотеческой мысли византийского периода истории Церкви.

Заслуги о. Георгия как историка богословской и философской мысли и историка культуры поистине огромны. Его ранние работы, посвященные Соловьеву, Тютчеву и Герцену, ждут нового издания, они уже давно стали библиографической редкостью. В 1937 году в Париже был издан монументальный труд о. Георгия — «Пути русского богословия», который в ближайшее время будет переиздан в издательстве YMCA-PRESS. Еще до этого — в 1931 и 1933 гг. — вышли два тома составленного им курса патрологии: «Восточные отцы IV века» и «Византийские отцы V—VIII вв.». Эти книги навсегда останутся бесценным руководством для тех, кто будут изучать как развитие святоотеческой мысли, так и духовные судьбы России.

Будучи очень консервативным богословом, о. Георгий Флоровский был активным участником экуменического движения и в течение многих лет входил в состав Центрального комитета Всемирного Совета Церквей. В лоне экуменического движения он был яростным противником той тенденции, которая возобладала в этом движении за последние годы — тенденции к «горизонтализму», к подмене богословского диалога заботой о политических и социальных судьбах современного человечества.

Сам внешний облик о. Георгия был выражением той традиции, которой он оставался верен всю жизнь — он неизменно носил черную рясу греческого покроя и высокую черную камиллаву. Летом 1955 г. я встретился с о. Георгием в Риме. На праздник Преображения Господня он служил в русской церкви на виа Палестро. Мне запомнился и его внешний облик, и содержание той проповеди, которую он произнес в этот день. Белое облачение, умный и пристальный взор и характерный для него, как проповедника и лектора, жест: протянутая вперед правая рука, мерные движения которой сопровождали плавную — хотелось бы сказать умную — речь человека, который отвечает за каждое произнесенное им слово. Он говорил о свете Преображения, который светит нам сквозь тьму повседневного опыта жизни и являет божественную альтернативу этому опыту, и этот свет спасает и исцеляет нас в той мере, в которой мы открываемся навстречу ему. Верю, что, закончив свой земной путь борца и свидетеля истины, о. Георгий приобщился этому «тихому свету святых славы».

О. Георгий ФЛОРОВСКИЙ (1893-1979)

ЕВХАРИСТИЯ И СОБОРНОСТЬ

*Никто же да рыдает убожества,
явися бо общее царство...*

(Из Пасхального огласительного слова).

Святая Евхаристия совершается в память о Христе. И прежде всего — в воспоминание о Тайной Вечери, когда Господь установил и Сам впервые совершил святейшее таинство Нового Завета со ученики Своими и дал заповедь: сие творите в Мое воспоминание... Но это не только воспоминание. Вспоминают о бывшем и прошедшем, о том, что некогда случилось и чего уже нет. А Тайная Вечера не только была единожды совершена, но таинственно продолжается и до века, — «дондеже придет»... Это исповедуем мы каждый раз, приступая к Евхаристической чаше: Вечери Твоя тайныя днесь, Сыне Божий, причастника мя приими... Продолжается, не повторяется. Ибо едина жертва, едино приношение, един Иерей, «приносящий и приносимый»... «И ныне предстоит тот же Христос; Кто приготовил ту трапезу, Тот же приготовляет и эту теперь», говорит Златоуст. И прибавляет: «та трапеза, за которой было установлено таинство, ничем не полнее каждой последующей, потому что и днесь совершающий вся и преподающий есть Он, как и тогда».

В этом открывается тайна соборности, тайна Церкви. Апостол таинственно говорил о Церкви, как о «полноте» или «исполнении» Христа (Еф. 7. 23). И Златоуст объяснял, что «полнота», значит дополнение, — Церковь, есть некое восполнение Христа, Который есть лишь Глава в Своем Теле. «И значит: тогда только исполнится глава, когда устроится совершенное тело»... Тело Христово, Церковь, становится, исполняется во времени. Подобным образом, и каждая Евхаристия есть некое исполнение Тайной Вечери, ее осуществление и раскрытие в мире и во времени. Каждая евхаристическая служба есть всецелое отображение единой великой Евхаристии, совершенной Спасителем в навечерии Его вольных страданий на Тайной Вечери. Как говорил Златоуст, каждая Евхаристия есть жертва всецелая, — «ее приносим и мы теперь, тогда принесенную и никогда не оскудевающую»... Всегда и везде единый Христос, «и там всецелый, и здесь всецелый»...

Перепечатывается из журнала «Путь», № 19, 1929.

Как Вечный Первосвященник, Спаситель «непрестанно совершает для нас сию службу», говорит проникновенный византийский литургист Николай Кавасила. Не так, что снова Он сходит на землю и воплощается или вселяется в освящаемых Дарах, — «не так, что вознесшееся Тело нисходит с неба»... В Вознесении Своим Христос, сидящий оттоле одесную Отца, не отлучается и от земли и «пребывает неотступно» — в Церкви Своей. Как говорил Златоуст, «Христос и нам оставил плоть Свою, и с нею же вознесся». В том смысле страшного и неисповедимого евхаристического предложения, что таинственным действием Святого Духа, ниспосланного в мир Сыном от Отца, неизреченно исполняется Пречистое Тело Христово. И в этом таинство. Не повторяется жертва, не повторяется заколение... Эта жертва, — говорит Кавасила об Евхаристии, «совершается не чрез заколение в то время Агнца, но чрез предложение хлеба в закланного Агнца». По силе молитвенного призывания Церкви наитием Духа предложенные Дары освящаются, — Его благодатной силою изъемятся из тленного круговорота естественной жизни. Честные Дары приемлются в пренебесный жертвенник Божий и становятся истинною плотью и кровию Христа; и чрез это воспринимаются в единство Ипостаси Бога Слова. Это — тело Богочеловека, рожденное от Девы, пострадавшее, воскресшее, вознесенное, прославленное. Это — сам Христос, — во двою естеству неслитно познаваемый»...

«Он сказал в начале: да произведет земля былие травное», объясняет Дамаскин: «и даже донныне она по орошении дождем производит свои прозябания, возбуждаемая и укрепляемая божественным повелением. Так и здесь Бог сказал: «сие есть тело Мое, и сия есть кровь Моя, и сие творите в Мое воспоминание; и по Его всесильному повелению так и бывает, пока Он не придет... И чрез призывание является дождь для этого нового земледелия, — осеняющая сила Святого Духа».

Это «новое земледелие», по дерзновенному выражению Дамаскина, есть некое космическое таинство, освящение природы — в предварение и предначатие того грядущего и великого обновления, когда Бог будет всем во всем. Это — начаток нового неба и новой земли. Во святой Евхаристии земля уже ныне становится небом: ибо «теперь возможно видеть на земле тело Царя небес», замечает Златоуст. И, однако, это не есть самодовлеющее физическое, природное чудо, не есть только преобразование вещества. Ибо совершается евхаристическое чудо ради человека, и совершается чрез человеческое естество Воплотившегося Слова. Евхаристия есть «врачевство бессмертия», по выра-

жению еще св. Игнатия Антиохийского, — «врачевство жизни», «врачевство нетления»... Это нетленная и бессмертная пища для человека. Евхаристия совершается ради вкушения. Это, прежде всего, — трапеза. И принимая телесно Евхаристические Дары, мы преискренно соединяемся со Христом, со Христом-Богочеловеком. Ибо Плоть Господа, одушевленная и живая, чрез единство Ипостаси Воплощенного Слова, уже обожена, есть «тело сущего над всеми Бога», по выражению Златоуста. По силе неизменного и нераздельного единства двух естеств в лице Богочеловека, чрез Евхаристическое вкушение, «чрез смешение плоти и крови», как выражается Дамаскин, «мы становимся причастниками Божества Иисусова». И для телесно духовного существа, каким создан человек, нет иного пути и средства к соединению с Богом, — как то открыл нам Сам Господь: «если не будете есть плоти Сына Человеческого и пить крови Его, не будете иметь в себе жизни». (Ио. VI. 53).

Созидая Церковь Свою, в таинственном предварении Своих спасительных страданий, Господь устанавливает на Тайной Вечери святейшее таинство Нового Завета, и раскрывает ученикам, что это есть таинство единства и любви. О любви учит и назидает апостолов Спаситель в ту ночь. И говорит о любви, как о силе соединяющей. Он говорит о Себе, как о Новом и Втором Адаме, — как Новый Адам, Господь есть Путь для человеков, в Нем и чрез Него приходящих к Отцу. И таинственный Дом Отца, в котором обители многие суть, это — сам Господь, в Теле Которого, в Церкви, верующие в Него благодатною силой любви соединяются в таинственной сотелесности с Ним и между собою. И соединяются чрез таинство Плоти и Крови, — по Его собственному слову: «ядый Мою плоть и пияй Мою кровь, во Мне пребывает и Я в нем». (Ио. VI. 56). Апостольское учение о Церкви, как о Теле Христовом, передает прежде всего литургический опыт, выражает евхаристическую действительность: «Един хлеб, и мы многие единое тело, ибо все причащаемся от единого хлеба» (I Кор. X. 17). Златоуст объясняет: «Мы — самое то тело. Ибо что такое хлеб? Тело Христово... Чем делаются причащающиеся? Телом Христа... Не много тел, но одно тело»...

В святой Евхаристии верующие становятся Телом Христовым. И потому Евхаристия есть таинство Церкви, «таинство собрания», «таинство общения». Евхаристическое общение не есть только духовное, или нравственное единство, не только единство переживания, воли и чувства. Это и реальное и онтологическое единство, осуществление единой органической жизни во Христе. Са-

мый образ Тела указывает на органическую непрерывность жизни. В верующих, в силу и в меру их соединения со Христом, отрывается единая Богочеловеческая жизнь — в общении таинства, в единстве животворящего Духа. Древние отцы не колебались говорить о «естественном» и «физическом» общении, реалистически объясняли евангельский образ Лозы виноградной. «Сотелесными и единокровными Христу» называет св. Кирилл Иерусалимский причастников евхаристической трапезы. В едином Телесном, говорил св. Кирилл Александрийский, посредством таинственного благословения Христос делает верующих во-истину сотелесными Себе и между собою, «чтобы и сами мы сходились и смешивались в единство с Богом и между собою, хотя и отделяясь каждый от другого душами и телами в особую личность»... «Для того Он смешал Себя с нами и растворил тело Свое в нас», говорит Златоуст, «чтобы мы составили нечто единое, как тело, соединенное с главою. И это есть знак самой сильной любви... Я восхотел быть высшим братом. Я ради вас приобщился плоти и крови. И эти плоть и кровь, через которые Я сделался сокровенным с вами, я опять преподаю вам» — В Евхаристии снимается телесная непроницаемость и исключительность. Верующие становятся «сочленами» во Христе, и чрез это — сочленами друг другу. Созидается новое, католическое человечество, — род христианский. «Все — один Христос, как единое тело из многих членов», говорит преп. Симеон.

Евхаристия есть католическое таинство, таинство мира и любви, и потому единства. *Mysterium pacis et unitatis nostrae*, по выражению блаж. Августина. Это — вечеря любви. Как во-истину Вечерею любви была Тайная Вечеря, когда Господь открыл и показал ученикам «превосходнейший путь» любви совершенной, — по образу Его любви: «как Я возлюбил вас, так и вы да любите друг друга» (Ио. XIII. 34). И более того, — по образу Троицеской любви: «как возлюбил Меня Отец, и Я возлюбил нас: пребудьте в любви Моей» (Ио. XV. 9). Заповедь любви Господь возводит к тайне Троицеского единства, — ибо эта тайна есть любовь «и это имя угодно Богу паче всякого другого имени», замечает св. Григорий Богослов. Заклячая Свою прощальную беседу в Первосвященнической молитве Спаситель молится о соединении и единстве верующих в Него: «Да будут все едины, как Ты, Отче, во Мне и Я в Тебе, да будут и они в Нас едино... Я в них и Ты во Мне; да будут совершены во едино» (Ио. XVII. 21, 23). Для нас, разделенных и обособленных, это соединение по образу Троицы, Единосущной и Нераздельной, возможно только во Хри-

сте, в Его любви, в единстве Его Тела, в общении Его чаши. В единстве католической Церкви таинственно отображается Троицеское единосущие; и по образу Троицеского единосущия и круговращения Божественной жизни у множества верующих оказывается одна душа и одно сердце (срв. Деян. IV. 32). И это единство свое и соборность Церковь узнает и осуществляет прежде всего в Евхаристическом таинстве. Можно сказать, Церковь есть в твари образ Пресвятой Троицы, — потому и связано откровение Троицности с основанием Церкви. И Евхаристическое общение есть исполнение и вершина Церковного единства.

2.

Евхаристическое таинство есть прежде всего общая и соборная молитва. *Publica et communis oratio*, говорил св. Киприан Карфагенский, — «и когда мы молимся, то молимся не за одного, но за весь народ, потому что мы, весь народ, есмы одно»... Молимся за весь народ, и молится весь народ... Это сказывается уже во внешней форме молитвословий: мы молимся... «Молитвы благодарения также суть общие», замечает Златоуст. Их приносит таинствующий священнослужитель, но приносит их от всего народа, от Церкви, от собрания верных. От лица Церкви, от лица всего церковного народа приносит он святое возношение; и молится не от себя, но от народа — как от народа приносится и предлагаемые на алтаре Дары. «Еще приносим Тебе словесную сию и бескровную службу, и просим, и молим, и умоляем: ниспосли Духа Твоего Святого на нас и на предлагаемые дары сии»... И народ скрепляет это «таинственное» (скорее, чем... тайное) моление и призывание своим согласием: «Тебя поем, Тебя благословляем, Тебя благодарим, Господи, и молимся Тебе, Боже наш»... Это не пассивное согласие, не молитвенный аккомпанимент, — это свидетельство нераздельного единосущия и тождества в молитве. Церковь говорит устами священнослужителя. Но только священник смеет возносить молитву народа, потому что только он Божественною благодатию облечен правом и дерзновением говорить за всех. Это право и этот дар имеет и получает он не от народа, но от Духа Святого, в порядке преемственного священноначалия; но получает его для народа, как некий корифей церковного хора, — имеет его, как дар служения, как один из даров во многообразии церковных дарований.

Молитвенное «мы» означает не только множественное число. Но прежде всего — духовное единство предстоящей Церкви,

нераздельную соборность молитвенного обращения. «Иже общия сии и согласныя даровавый нам молитвы», обращается Церковь в одной из евхаристических молитв. Ибо молитва верных должна быть «симфонической» молитвой, должна приноситься «едиными усты и единым сердцем». И не так, чтобы просто слагались между собою частные, личные и обособленные молитвы. Но так, чтобы уже и каждая слагающая молитва освобождался от личной ограниченности, переставала быть только личною и становилась общей и соборной. То есть, чтобы каждый молился не по себе, но именно как член Церкви, ощущая и сознавая себя сочленом церковного тела. Это дается в мире и любви. Потому и предворяется в литургическом чине молитва возношения призывом к любви и молитвой целования: Возлюбим друг друга... И разумеется при этом не немощная и исключительная только человеческая любовь, но та новая любовь, о которой учил Спаситель, — любовь о Христе и во Христе, и любовь Христа ради. Не естественное влечение, но благодатная сила, изливаемая в сердца наши Духом Святым (Рим. V. 5). В Церкви любовь преобразуется, получает онтологическую полноту и реальность. Потому и становится возможным «любить близких, как самого себя», — так любить возможно только во Христе, которого верующий взор открывает и в каждом ближнем, в «едином из малых сих», и только силою жертвенной любви Христовой. Эта любовь не терпит ограничения и предела, не может и не хочет быть замкнутой, одинокой. Перестает быть желанным и сладким всякое личное благо. И это есть подобие любви Христовой, никого не отсекающей от своей полноты. С силою говорил об этом Златоуст, объясняя молитву Господню. Да будет воля Твоя как на небеси и на земли! Это значит: «как на небе, говорим мы, нет ни одного грешника, так и на земле пусть не будет ни одного; но во всех, говорим мы, укорени страх Твой и всех людей сделай ангелами, хотя они и наши враги и супостаты»... С такую любовь надлежит приступать к страшному Евхаристическому тайнодействию. «Ибо предлежит общая для всего мира очистительная жертва», замечает Златоуст. И открылось общее царство...

Есть католический размах и дерзновение в литургической молитве. «Еще приносим Тебе словесную сию службу о вселенной», молится Церковь. И литургические прошения объемлют весь мир, как уже получивший благословение Божие. В молитвах Церковь стремится к поименному перечислению всего своего состава, прославленного и немощного, живых и усопших. И в этом именовании всех тех, за кого церковный народ должен и хочет помо-

диться, освящается и утверждается начало личности. Евхаристическое именование живых и усопших означает утверждение каждой индивидуальности в едином и соборном теле Церкви. «И даждь им место и пребывание в царствии Твоем», по выражению древней александрийской литургии. И мы просим Бога восполнить немощь и пробелы нашей памяти: «и тех, кого мы не помянули по невещанию или по забвению, или по множеству имен, Сам помяни, Боже, ведый возраст и званья каждого, знающий каждого от чрева матери Его»... И общею молитвою о «всякой душе христианской» и о всех усопших в надежде воскресения к жизни вечной мы свидетельствуем и скрепляем свою волю ко всеобъемлющей, безизъятной молитве. И мало того, евхаристическая молитва с любовным вниманием охватывает всю полноту и всю сложность жизненных положений и состояний, всю сложность земной судьбы. На всю жизнь призывается благословение и милость Божия, ибо все объемлется и объято любовью Христовой: «Сам буди всем для всех, ведый каждого, и прошение его, и дом и нужду его»... Вся жизнь созерцается во Христе. И Церковь молится: «помяни, Господи, принесших Тебе сии дары и тех, о ком, и через кого, и за кого они принесли их. Помяни, Господи, плодоносящих и доброделяющих во святых Твоих церквах, и помянищих об убогих... Помяни, Господи, благочестивейших и благоверных царей... Помяни всякое начальство и власть... Помяни предстоящий народ и неприсутствующих по благословным причинам, и помилуй их и нас по множеству милости Твоей: сокровищницы их наполни всяким добром, супружества их сохрани в мире и единомыслии, младенцев воспитай, юность наставь, малодушных утешь, рассеянных собери, заблудших обрати..., мучимых духами нечистыми освободи. Сопровождай плавающих, сопутствуй путешествующим, покровительствуй вдовам, защити сирот, избави пленных, исцели больных. Помяни, Боже, находящихся на суде и в ссылках, и в рудниках, и во всякой скорби и нужде и беде и всех нуждающихся в великом Твоем милосердии, — и любящих нас, и ненавидящих, и заповедавших нам недостойным молиться за них. И весь народ Твой, Господи Боже наш, помяни и на всех излей богатую Твою милость... Эта молитва возносится по освящении Даров, пред лицом самого Христа. И завершается это любовное поминовение прошением об единодушии и о мире, о мире всего мира: «Прекрати раздоры церквей, останови смятение народов, разруши силою Святого Твоего Духа восстание ересей. Приими нас всех во Царствие Твое и, показав нас сынами света и сынами дня, даруй нам мир Твой и любовь Твою... И даждь нам едиными усты

и единым сердцем славить и воспевать всечтимое и великолепное имя Твое»... — Так молится весь народ, и молится за весь народ.

И это не только единство молитвы. В Евхаристии незримо, но действительно открывается полнота Церкви. Каждая литургия совершается в связи со всею Церковью и как бы от ее лица, не только от лица предстоящего народа, — как и полномочие тайнодействовать священнослужитель имеет в силу апостольского преемства и тем самым от апостолов и от всей Церкви, и постольку от самого Христа. Ибо каждая... «малая Церковь» есть не только часть, но и стяженный образ всей Церкви, неотлучный от ее единства и полноты. И потому во всякой литургии таинственно, но реально присутствует и соучаствует вся Церковь. Литургическое священнодействие есть некое обновляющееся Богоявление. И в нем мы созерцаем Богочеловека Христа, как Основателя и Главу Церкви, — и с ним всю Церковь. В евхаристической молитве Церковь созерцает и сознает себя единым и всецелым Телом Христовым. Внешним знаком этого созерцаемого единства являются частицы, полагаемые во время проскомидии на святом дискосе окрест св. Агнца, приготовленного для освящения. «В сем божественном образе и действия священной проскомидии», объясняет Симеон Солунский, «мы видим некоторым образом самого Иисуса, созерцаем и всю единую Церковь Его. В средоточии всего видим Его, истинный свет, вечную жизнь... Ибо Сам Он присутствует здесь под образом хлеба, посредине. Частицею с правой стороны изображается Матерь Его, с левой — святые и ангелы; и внизу — благочестивое собрание всех уверовавших в Него. Здесь великая тайна... Бог посреди людей и Бог посреди богов, получивших обожение от истонного по естеству Бога, воплотившегося ради нас. Здесь будущее царство и откровение вечной жизни.

И это не только образ, не только священный символизм. Литургическое поминование имеет тайнодейственную силу, — потому совершается оно только о верных, о членах Церкви (хотя молится Церковь и о «внешних», об отступивших и не ищущих Бога, но — не в святом возношении). Ибо, продолжает Симеон Солунский, «частица, принесенная за кого-либо, лежа близ божественного хлеба в то время, как он священнодействуется и предлагается причастною освящения; и быв положена в потир, она соединяется с кровию. Поэтому и на душу, за которую принесена, низводит благодать. Здесь как бы совершается мысленное приобщение; и если человек благочестив, или если грешен, но покался, то он невидимо душою принимает общение Духа»... И таким образом в Евхаристическом поминовании укрепляется

онтологическое срастание верных во Христе. Это не магическое действие, это — действие спасительной благодати Крестной, приемлемой и усвояемой каждым в меру чистоты и достоинства. Ибо может быть причащение св. Тайн и во осуждение. Только любовь человека усваивает любовь снисходящего Бога. И Христос преподает Себя не только тем, кто телесно причащается Плоти и Крови Его из рук священства. Чрез Евхаристическое тайнодействие Он преподает Себя и отсутствующим, — «как Сам знает». Это и есть духовное или «мысленное» приобщение. Ибо смысл приобщения — в соединении с Богочеловеком чрез плоть Его; и в соединении не только телесном, но и душевном, и духовном. Обрато, всякое соединение со Христом есть некое приобщение и тем самым прикосновение Его пречистого и прославленного Тела. «Всякий покой душ и всякая награда за добродетель, и великая, и малая», говорит Кавасила, «есть не что иное, как сей хлеб и сия чаша, которой равно причащается и род живых, и род мертвых, — каждый соответственным для себя образом». И таким образом, в Евхаристии снимается грань смерти, грань смертного разлучения, — усопшие соединяются с живущими в Евхаристическом единстве, в единстве трапезы Христовой. Евхаристическое поминование не есть только воспоминание, но — видение, созерцание апостольского общения во Христе. Потому и приносится молитва о всех, что «этою священою жертвою все вместе и ангелы, и святые люди, и соединились со Христом, и освятились в Нем, и чрез Него соединяются с нами», говорит Симеон Солунский. И каждый раз, совершая евхаристическую службу, мы созерцаем и переживаем это совершенное единство и молимся от лица всего призванного и спасенного человечества. Молимся, как Церковь, — молится вся Церковь.

Евхаристия есть некое онтологическое откровение о Христе и о Церкви, — о Христе в Церкви. «Тайны означают и Церковь», говорит Кавасила, «так как она есть тело Христово и члены отчисти (I Кор. XII, 27)». И продолжает: «И указывается Церковь Тайнами не как символами, но как сердцем указываются члены, как корнями дерева ветви и, по слову Господа, как виноградную лозую указываются отрасли; ибо здесь не одинаковость только имени, и не сходство подобия, но тождество дела... Если бы кто мог увидеть Церковь Христову в том самом виде, как она соединена со Христом и участвует в плоти Его, то увидел бы ее не чем другим, как только телом Господним... Ибо верные, через сию кровь, уже живут жизнью во Христе, истинною соединены с тою Главою и облечены сим телом».

Евхаристия скорее гимн, нежели молитва, — отсюда и самое имя: «благодарение». Конечно, это — Голгофа, и на престоле предлежит Агнец закланный, Тело ломимое и Кровь изливаемая. Но и Голгофа есть таинство радости, не страха, таинство любви и славы... Ныне прославился Сын Человеческий (Ио. XIII, 31). И если по недостойнству трепещем пред Крестом, то трепещем от благоговения, изумевая перед несказуемой полнотою Божественной любви. Ибо «начало, и середина, и конец креста Христова — все одна любовь Божия», говорил митр. Филарет. Се бо явися крестом радость всему миру... И во грехах наших трепещем, но радуемся и песнославим, и воспеваем победную песнь, песнь хвалы и благодарение: «за все, что знаем и чего не знаем, за явные и неявные благодеяния, совершившиеся на нас». Во всем литургическом таинодействии, во всех молитвословиях звучат победные и благодарственные тона. Это вход Царя Славы... Мы созерцаем и вспоминаем не только Голгофу, но «и все совершившееся ради нас, — крест, гроб, тридневное воскресение, восшествие на небеса, сидение одесную, еще второе и славное пришествие»... Мы созерцаем не только распятого и страждущего Христа, но и Христа воскресшего и взошедшего в премирную славу, — Начальника жизни, Победителя смерти. Евхаристия есть знамение победы, знамение совершившегося спасения от тления, победы над смертью. Это таинство примирения, — любви, а не скорби, прощения, а не суда. Христос пострадал, но воскрес; и смертью своею смерть разрушил... Воскрес после вольной страсти, и на прославленном теле Господа остались «язвы гвоздинные», которые осызал Фома. Но воскрес Христос и взошел во славу. И смерть Его стала для нас воскресением. Об этом радуемся и благодарим. «Благодарим Тебя и за службу сию, которую Ты сподобил принять от рук наших»... Ибо в этой страшной службе мы соединяемся со Христом и приемлем Его жизнь и Его крестную победу.

По выражению Кавасилы, «все таинводство есть как бы одно некое тело истории», «единый образ единого царства Спасителя». Евхаристия есть образ божественного смотрения. Потому благодарственное воспоминание охватывает полноту творения, всю полноту дел Божественной Премудрости и Любви. Литургическое созерцание преисполнено космическим пафосом, ибо во Христе, в Воплощении Слова и в Воскресении Богочеловека, исполнилось и завершилось предвечное изволение Бога о мире. В Воплощении Слова совершилось освящение вещества, и мы приносим начатки вещества, от злаков и от плода лозного, для Евхаристического освящения. В нем восстановился образ и

подобие Божие в человеке, и мы созерцаем в праведниках и святых обетованное и чаемое «обожение» человека, как свершившееся, и о нем радуемся и благодарим. В святых Церковь созерцает свое исполнение, видит Царствие Божие, пришедшее в силу. И радуется о них, как о величайшем из даров Бога человеку. Это — ее члены, в подвиге добром достигшие Христова покоя и взошедшие в радость Господа своего. «Мы все одно тело, хотя одни члены светлее других», замечает Златоуст. И прежде всего и особенно вспоминает Церковь Богородица, «корень сей божественной жертвы» — по человечеству. В Евхаристии мы причащаемся Плоти, от Нее рожденной, — в некотором смысле, и Ее плоти; и чрез то таинственно становимся Ее сынами, и Она — Матерью Церкви, как Мать Христа, Главы Церкви. «Слово сие истинно», дерзновенно свидетельствует преп. Симеон Новый Богослов, — «ибо плоть Господа есть плоть Богородицы»... В Воплощении Слова воссоединился мир земной, человеческий, с миром горним, ангельским; и в литургии мы молимся и песнославим купно с небесными силами, «ниже херувимы тайно образующе», — хор человеческий вместе с собором ангельским... И приносим и повторяем немолчную серафимскую песнь, — «потому что чрез Христа Церковь ангелов и человеков сделалась единою», объясняет Симеон Солунский. Ангельские силы сослужат земному таинодействию, «желают приникнуть в таинстве Церкви»... — Так в Евхаристии смыкаются и пересекаются все планы бытия: космический, человеческий, серафимский. В ней мир открывается, как подлинный космос, единый и объединенный, собранный и соборный. Мысль восходит к началу мира и следит его судьбу. «Ты привел нас из небытия в бытие, и павших снова восставил, и не перестал совершать все, пока не возвел нас на небо и даровал нам будущее царство», — молится Церковь. И открывается во Христе для всех путь «к полноте Царства».

В Евхаристии соединяются начало и конец, Евангельские воспоминания и Апокалиптические пророчества, — вся полнота Нового Завета. В Апокалипсисе есть много литургического, — Вечера Агнца. И в литургическом чине уже горят краски будущего века. Это начинающееся преображение мира, начинающееся воскресение его к жизни вечной; и, обратно, можно сказать, Воскресение жизни и будет вселенской Евхаристией, трапезой, вкушением жизни. «Потому и назвал Господь наслаждением святых в будущем веке трапезой», объясняет Кавасила, «чтобы показать, что там нет ничего более этой трапезы». «И Иисус совершеннейшая жертва», говорит Симеон Солунский, «будет среди всех Святых своих, для всех мир и единение, священник и свя-

щеннодействуемый, объединяющий всех и со всеми соединяющий-ся». В Евхаристии предваряется исполнение или полнота Церкви, то совершенное единство человечества, которого мы чаем и ждем в жизни будущего века, — хотя и тогда будет оно умалено и ограничено зловольным противлением твари... Евхаристия есть предварение и начаток воскресения, — по обетованию Спасителя: «ядый Мою плоть и пий Мойю кровь, имеет жизнь вечную, и Я воскрешу его в последний день» (Ио. VI, 54). Это — надежда и залог воскресения, «обручение будущей жизни и царствия». В Евхаристии мы касаемся преображенного мира, входим в небеса, касаемся будущей жизни. «Приобщающиеся этой крови», говорил Златоуст, «стоят вместе с ангелами, архангелами и горными силами, облеченные в царскую одежду Христову и имея духовное оружие. Но этим я еще не сказал самого великого: они бывают облечены в самого Царя»... Это совершается внутри эмпирического мира, в истории; и вместе с тем это конец и отмена истории, победа над разделяющим и убегающим временем. По объяснению преп. Максима, все в литургии есть образ будущего века и означает «конец этого мира». С особою силой и дерзновением говорил об этом Николай Кавасила. «Хлеб жизни, Евхаристия, сам жив, и ради него живы те, кому он преподается... Хлеб жизни сам движет питаемого, и изменяет, и предлагает его в Самого Себя... Когда изливается в нас Христос и соединяет с нами Самого Себя, Он пременяет и преобразует нас в Себя, как малую каплю воды, влитую в беспредельное море мира... Когда Христос приводит к трапезе и дает вкушать Свое Тело, Он всецело изменяет получившего таинство и преобразует в собственное свойство; и персть, приняв царский вид, бывает уже не перстию, но телом Царя, блаженнее чего нельзя и помыслить... Лучшее одерживает верх над слабейшим, и божественное овладевает человеческим, и как говорит Павел о воскресении: пожерто бывает мертвенное жизнию (2 Кор. V. 4)... Это — последнее таинство. Нельзя прости-раться далее, нельзя приложить большего»...

И с тем большей силой чувствуем мы грань и разрыв между преображенным и не-преображенным, между священным и мирским, — острое противоречие между тишиною предельного таинства и раздором окружающего мира. В храме веет тишина вечной любви. А вокруг храма бушует мирское море. Церковь остается все еще только островом в «воздвигаемом житейском море». Это сияющий, лучезарный остров; и над ним сияет и горит Божественное Солнце Любви, Sol Salutis. Но мир остается без любви и вне любви; и как бы не хочет и не приемлет истинной любви.

— И в душе христианской вскрывается горькое раздвоение. В литургическом опыте есть пафос молчания, жажда тишины, жажда уединенных созерцаний. Всякое ныне житейское отложим попечение... И в этой потаенности есть непреложная правда. Путь к Евхаристической чаше ведет через суровое самоиспытание, через затвор наедине со своею совестью пред лицом Божиим. И благоговение стремится оградить святыню от суеты мира сего, — не бо врагом Твоим тайну повем... Как на горе Преображения, в литургическом опыте так много Божественного света, что не хочется возвращаться и уходить назад в суету мира. И вместе с тем, любовь не терпит бездействия; и пафос единения и единства, собранный в литургическом бдении, не может не изливаться в делах. Дела любви продолжают богослужение, ибо и они в собственном смысле суть богослужение, служение и хвала Богу — Любви. Потому из Евхаристии открывается путь к житейскому подвигу, к исканию мира для мира, — «Исполнение Церкви Твоей сохрани..., мир миру Твоему даруй», с таким прошением «в мире» исходим мы из храма, как с миром должны и входить в него... С волею, чтобы стал весь мир Божиим миром, сияющим исполнением всеблаготворной воли Всеблаженного Бога. И служение мира становится задачей для причастников Чаши мира. Раздор мира не может не тревожить и не ранить христианского сердца, — и особенно раздор мира о Христе, разлад христианского мира, разделение в Евхаристической трапезе. В этом раздоре и разделении есть скорбная тайна, тайна человеческой измены и противления. Это страшная тайна, ибо раздирается нетленный хитон Господен, Его Тело. Побеждает этот разлад только любовь, любовь Христова, действующая в нас Духом мира. То правда, что, сколь бы много ни делали мы для «соединения всех», всегда оказывается мало. И путь в Церковь рассыпается на множество путей, и кончается он за пределами исторического горизонта, в невечернем царствии будущего века. Странствие оканчивается тогда, когда придет Царь и откроется торжество.

И дотолу с тоскою будет звучать молитва Церкви об исполнении. Как звучит она с первых дней: «Как этот хлеб, некогда рассеянный по горам, был собран и стал единым, собери Церковь Твою от концов земли во Царствие Твое!»

Да придет Царствие Твое! Да будет воля Твоя, якоже на небеси, и на земли!

1929. III.11/24.

Неделя Православия.

ИЗ ПИСЕМ О. ГЕОРГИЯ ФЛОРОВСКОГО Ю. ИВАСКУ

В моем архиве хранится 38 писем покойного отца Георгия Флоровского (за годы 1958-1975).

Во время последней войны, в Риге, я впервые прочел его книгу «Пути Русского богословия» и признаюсь: преимущественно возмущался! Тогда я уже отошел от увлечения символистами, в особенности Блоком, и филиппики о. Георгия против них меня не отталкивали. Но в области богословия я еще питался преимущественно Бердяевым и считал себя учеником Г. П. Федотова, и до сих пор им остаюсь. Поэтому, в «Путьях» я увидел какое-то «узкое церковничество». На самом деле о. Георгий никогда не был «церковным обскурантом». Отчасти под его влиянием я начал читать Отцов Церкви, Св. Афанасия Великого, Св. Григория Нисского, прочел книги о. Георгия об Отцах Церкви и убедился, что Отцы несколько не устарели.

Давно уже я постоянно перечитываю его «Пути» — эту замечательную историю не только русского богословия, но и всей русской культуры. Для меня ясно: невежественно писать, например, о Гоголе или Достоевском, о символистах, не зная этой книги, из чего, конечно, никак не следует, что нужно всегда с о. Георгием соглашаться. Он прав: без знания патристики нельзя понять всю европейскую культуру, включая и русскую. Это должно быть очевидным для атеистов или агностиков, по крайней мере для тех из них, которые способны честно мыслить. Но и христиане часто забывают Отцов или ими пренебрегают, обходят молчанием дерзновенное учение Св. Иринея и Св. Афанасия обождении мира (теосисе).

Я познакомился с о. Г. в Нью-Йорке, в конце 1949 г., на собрании, устроенном Св. Владимирской Духовной семинарией. Тогда мне не понравились резкие нападки о. Г. на лектора — профессора Спекторского. Через несколько лет он начал преподавать в Гарварде и тогда мы часто встречались с о. Г. и его покойной женой Ксенией Ивановной. Были они по-русски гостеприимны. Отец Георгий изготавливал диковинные ликёры по книжке, которую подарила ему Ксения Ивановна, и как-то даже гордился этим своим искусством, но пил умеренно и никакого опьянения не испытывал. Он иногда упоминал о каких-то вымышленных кознях против него «ваших друзей». Недолюбливал моего учителя Г. П. Федотова, но относился к нему с уважением. Отец Г. за многое осуждал Бердяева, но одобрительно отмечал — Бердя-

ев никогда не выдавал свои мысли за церковно-богословские догматы. Но укорял о. П. Флоренского и о. С. Булгакова за то, что они считали свою софиологию церковным учением. Тем не менее, он отрицательно относился к травле Булгакова в 30-х гг.

Как-то сказал: — Никаких наций в Царствии Божием не будет, но т а м, при новой радостной встрече с Ксенией Ивановной я, конечно, заговорю с ней по-русски: ведь родной язык есть выражение бессмертной души (см. об этом ниже, в письмах).

В 1957 г. мы уехали из Кембриджа и тогда я начал с о. Георгием переписываться. По моей инициативе его пригласили прочесть лекцию в Канзасском университете, где я тогда преподавал.

Ниже даю некоторые отрывки из его писем. Горжусь вниманием о. Георгия Флоровского — лучшего современного православного богослова, дарившего меня своей дружбой.

О. Георгий одобрял мои занятия греческим языком (которого я так и не одолел!) и часто заключал письма греческими изречениями и приветствовал словом «хэрэтэ» (радуйтесь!).

Амхёрст, Массачусетс
18.X.1979 г.

Кембридж, Масс.
28 мая 1963.

Дорогой Юрий Павлович,

Спасибо за письмо. Просмотрел бегом Ваши «главы» о Леонтьеве и внимательно прочел отмеченные Вами страницы — о Григорьеве. Григорьев был «беспутный гений», и в этом отношении типичен для Романтизма. «Беспутства» было довольно и в германской романтике — Гофман, и во французской — даже Жорж Занд. В этом было свое «очарование», но последнего суда оно не выдерживает. «Жизнь» есть явление двусмысленное, а потому и «красота» (и вместе с ней и «искусство»), взятая в пределах одной «жизни» («силы», «размаха», «ярости», или даже «расцвета») тоже «двусмысленна». В ней Дьявол с Богом борется, и побеждает Бог через преодоление самодостаточной красоты («красоты богов Эллады»). Леонтьев соблазнов Григорьева не преодолевает.

Основное «противоречие» Леонтьева в том, что у него не было «христианского мировоззрения», и о нем он не только не заботился, но и не хотел, ибо оно бы разоблачило «эстетику жизни». В христианстве Леонтьев искал только «спасения». За эту мысль меня в свое время раздражительно одернул о. Васи-

лий Зеньковский (в своей «Истории»). Казалось бы не трудно понять, что я хотел сказать, но о. Василий не мог сдержать своего возмущения, что я осмеливаюсь иметь свои оценки и не вижу «героизма» в его героях. С другой стороны, о. Константин Зайцев одобряет как раз «религию страха», воображая, что это — «Православие». По существу же, для Православия «спасение» не в избавлении от ада и суда, а в рождении «нового человека» и в «преображении ума», ибо — для отцов — «Ум» — «нус» — есть «владычественное» в человеке. Романтическая же «жизнь» неизбежно исходит разложением, распадом, тлением, что бы не говорил Соловьев — дескать розы расцветают на навозе: «если б в сумрачное лоно не впивался погруженный темный корень их»... Эстетика Соловьева для меня тоже не приемлема. Насчет «Эроса» я весьма сомневаюсь. «Красота» Филокалии есть нечто совершенно иное — «сумрачное лоно» должно иссякнуть и «темный корень» отпасть. Для меня Леонтьев — трагическое явление. Кстати, какую «живую жизнь» Вы нашли у Чернышевского: как «мыслитель» он совершеннейший скелет, без всякого намека на утраченную жизнь, как писатель — пример абсолютной скуки. Полное отсутствие спонтанности и свободы... Писарев куда лучше, включая его озорство... Шестидесятые годы, да и вся эпоха сразу «после Крымской войны», время трагическое. И до сих пор она не понята как нужно.

Но Ваши «главы» о Леонтьеве очень интересны и я имею в виду прочесть их по порядку внимательно (...)

Сказать честно, я не печатался в «Возрождении». В нем больше «вырождения», чем чего иного. О литературной стороне не берусь судить, это мое «слепое пятно». Но «публицистика» там самого дурного пошиба, «дурно пахнущая», как говорил Владимир Соловьев. И к тому же бесплодная. Попытка внушить, что всю революцию сделали «скверные дяди», и все было чудно в старой России, может покоиться или на беспросветной тупости, или на нечестности. Победоносцев, по крайней мере, был честен: он не скрывал и от других, что Россия катится в бездну, не только от «воров», но и от конечной беспомощности и «коррупции» власть имущих. Его грех был только в том, что он не верил в силу добра, в чем упрекал его Иван Аксаков. Заниматься счетом ч у ж и х грехов — дело нетрудное, но мало благочестивое, и никак не созидательное.

Пора кончать. Сердечный привет Т. Г. и Вам от нас обоих.

П.С. — Спасибо за доброе слово о «Путях». Может случиться, что новое издание выйдет сперва по немецки — с допол-

нительной главой и с переработанной редакцией четырех первых. Если все пойдет гладко, вероятно к концу 1964 года. А за ним и английское издание. Только не учитывайте того, что книгу нарочито замалчивали. От покойного Георгия Петровича знаю, что ему «запретили» писать рецензию, хотя она должна была быть очень ядовитой. Милоков отклонил рецензию Бицилли для «Русских Записок». Бердяева порицали за то, что он нарушил молчание и привлек внимание к книге. Под внушением из Парижа Фриц Либ печатно советовал не доверять моей книге (в рецензии на одну из книг Бенца — зачем де Бенц ссылаясь на такую нехорошую книгу).

Из «русской литературы» я давно выпал. Даже о. Василий Зеньковский не мог понять, почему вдова Франка решительно настаивала, чтобы я принял участие в сборнике в память С.Л. Я ведь «не свой». И то правда, я не принадлежу ни к какому клану и «фракции». Из тех же кругов я узнал, что по-просту «эрудит» и еще недурно пишу по-русски, а насчет «творчества» очень слаб и хочу «реставрировать» устарелую схоластику. Написал же Зандер (в одном немецком журнале), хотя и не называя меня по имени, что к святым отцам теперь призывают только те, кто неспособен к живому творчеству, и потому не хотят видеть «проблем». Просто и ясно. Я этим мало огорчаюсь. Но только теперь — в русской среде — я уже забытый писатель.

Апр. 8, 1965.

...Только сейчас удалось мне приняться за Вашу статью о Евразийцах.* Основное возражение с моей стороны: Вы не учитываете исторической перспективы. Когда Трубецкой писал «Европу и Человечество», он еще не был «евразийцем». С другой стороны, не все члены первоначальной Софийской группы разделяли его взгляды. Я, во всяком случае, «Европу и человечество» и тогда решительно отвергал и даже написал резкую критику, которая не была тогда напечатана и отчасти вошла в позднейшую статью, «Е. Соблазн». Даже «Исход к Востоку» не был еще «групповым манифестом». Только Савицкий был тогда «евразийцем». Связующее звено было в другом: отталкивание от «политики и политиканства» и перенос удара на темы русской к у л ь т у р ы. В этой перспективе «Исход к Востоку» был тогда привет-

* По-видимому, это была глава из моего предисловия к книге Н. Я. Данилевского «Европа и Запад» (1966 г.). Прим. Ю. Иваска.

ствован даже в «Руле». Я лично отошел от своих коллег уже в 1923-м году, хотя и написал статью в защиту «евразийства» несколько позже, в «Пути», кажется в 1925-м году. Ничего специфически «евразийского» не было и в моих статьях в «Исходе». К «туранизму» Трубецкого я всегда относился отрицательно, по мотивам, прежде всего, историческим. «Евразийство» Карсавина — особая проблема. Единственный среди них, кто знал о Византии, был Вернадский, но он вообще неправдоподобно слаб в области идей и был совершенно заморожен Савицким. Вообще же я думаю, что самое слабое у «евразийцев» был как раз их «научный аппарат» — впрочем, не берусь судить о «языковом союзе», хотя и здесь позволяю себе иметь свое мнение. Думаю, что и Якобсон сейчас не повторил бы всего, что говорил в период своей связи с евразийством. Не повторил бы потому, что занялся конкретной историей Славянства. Не думаю, что «евразийцам» можно было бы приписывать понимание «вселенского» характера Христианства. Кое-что в этом смысле можно найти разве у Карсавина, но преимущественно в его статьях «до-евразийского периода», и даже в его брошюре, писанной и напечатанной еще до высылки, в России.

Я разошелся с «Евразийством» не в 1928, а уже в 1923-м году. В «Евразийском Временнике» я уже не участвовал, после весьма резкого столкновения с моими коллегами при встрече в Берлине, в августе этого года, по поводу моей статьи, которая так и не была никогда напечатана. В ней я настаивал на необходимости **христианской философии истории**, и ставил вопрос о «Востоке и Западе» в этой перспективе. Для Савицкого это было вовсе неприемлемо, а Трубецкой держался за «Европу и Человечество». В это время, и это необходимо напомнить, Сувчинский и Савицкий круто кренили **н а п р а в о**. Сувчинский водил дружбу с черносотенным «Отечеством» в Берлине и его редактором, Тальбергом. В церковном отношении они были тогда с Карловцами и против М. Евлогия, на счет которого они же распускали темные слухи. Это был Трубецкой, кто придумал, что «Братство Софии» было подрывной организацией, и это, без имени Трубецкого, было опубликовано Тальбергом в «Отечестве». Аргумент Трубецкого был прост до абсурда: предполагалось, что в «Братстве» будут члены почетные, действительные, и сотрудники. Трубецкой усмотрел в этом пародию на три степени священства! «Верится с трудом»? У меня случайно сохранилось личное письмо Трубецкого, с сообщением об этом «великом открытии». К сожалению, мои коллеги в это время занимались система-

тической травлей отца Сергия Булгакова, и не останавливались даже перед клеветой. Кстати, «Братство» было названо именем «Софии» довольно случайно, и не по инициативе о. Сергия. Он предлагал назвать его «Успенским», по имени великой Московской святыни, Успенского собора. Тут вмешался Карташов. Он находил здесь «Московскую узость». До-Московские храмы были Софийские, в Новгороде и Киеве! Это было на предварительном совещании о «Братстве» в Праге. На нем был и Вернадский. Вскоре он отрекся, под прямым давлением «евразийцев», запуганный на тему ереси и масонства. Однако, даже «Евразийские Временники» не были еще «партийным» изданием: там участвовали ведь и Франк, и Сеземан, и вездесущий Николай Арсеньев, и даже Мстислав Шахматов. Из-за его статей у меня тоже вышел конфликт уже в 1923-м году: его примитивный, чтобы не сказать «квасной», национал-патриотизм, сусального и слащаво-фальшивого пошиба, претил мне по мотивам «научного аппарата». ЕВ № 3 — просмотрите его! — весь в стиле Карловцев. Поворот влево связан с провокацией Треста — «тактическое приспособление!» Об этом периоде в «разложении евразийства» я мало знаю, хотя «внутренний кризис» 1923-го года разыгрался отчасти в нашей квартире в Медоне, где гостил Савицкий, а под нами жила Марина Цветаева, и там постоянно пребывал Сувчинский.

Принстон,
Мая 13, 1967

...Православное учение об аде никогда не было богословски сформулировано. В основе же лежит то, что было сказано самим Спасителем в его беседе о Страшном Суде (так наз. «Малый Апокалипсис» у синоптических евангелистов) — то есть, «и идут сии в муку вечную»... Но перевод этого на язык образов принадлежит скорее «народному благочестию», чем догматическому богословию, хотя самые образы восходят к Священному Писанию, особенно Ветхого Завета. В Филаретовском Катехизисе ад определяется как «темное место» (ветхозаветный шеол), то есть, состояние отчуждения от Божественного Света, иными словами, состояние безнадежности или «беспросветности». По-французски есть интересная книжечка об Аде — сейчас не могу ее найти: там дан свод святоотеческих высказываний и вообще много интересного. Кое-что на эту тему я имел случай высказать в статье об эсхатологии Емиля Бруннера (в американском симпозиуме о его богословии). На современный взгляд признание вечного ада

отдает обскурантизмом, см. напр. у Бердяева. На мой же взгляд отрицание возможности вечного ада упраздняет свободу человека и лишает ее серьезности. «Богоборчество» и есть уже «ад», хотя пока многие им могут услаждаться. «Молочной дихтой» в богословии увлекаются люди несерьезные: в сущности это — обывательский подход к делу: все человеческое в сущности пустяки и Бог к нему безразличен. О таком обывательском экуменизме хорошо говорил, со своей обычной язвительностью, покойный Рональд Нокс (в . . . . .). В этом наши православные архиереи (в том числе любимый Вами Архиепископ Иоанн Шаховской) повинны гораздо больше католиков. Не думаю, что у старца Зосимы есть отголоски «великой женщины», как называл Жорж Занд Достоевский, даже в «Дневнике Писателя». Есть Свет истинный, просвещающий всякого человека, приходящего в мир... Это — из Евангелия от Иоанна. Но там же сказано и о тех, кто возлюбил тьму паче света. И в этом корень тайны. Ад есть «любовь» к тьме и мраку, и отворачивание от Божественного Света — а другого ведь и нет. Не Бог создает ад, а человек, и ад, как человеческая подделка, уже существует, и многие в нем пребывают, и даже «с удовольствием» (ср. экзистенциалистов и под[обных]).

Что касается ангельской иерархии, вот список по Дионисию: беру из русского перевода, изданного по определению Св. Синода (у меня издание второе, Москва 1834 года) — триады:

Серафимы, Херувимы, Престолы;
Господства, Силы, Власти;
Начальства, Архангелы, Ангелы.

В Римском Восточном Институте прекрасная русская библиотека — не без досадных изъянов, но зато полные комплекты почти всех русских богословских периодических изданий до революции, полнее чем в Гельсингфорсе. В 1953 году я там работал запоем целых шесть недель, да и потом бывал там. Отец Станислав Тышкевич скончался года три тому назад. В последние годы он часто мне писал и увлекался православной духовной литературой, особенно Тихоном Задонским и Феофаном Затворником: вероятно по его совету появилась там диссертация о Феофане.

Будем рады повидать Вас на нашем Востоке.

В апреле я слетал на 10 дней в Бейрут — прочесть одну лекцию в Американском Университете, за что мне оплатили до-рогу.

16 ноября 1968 г.

...Относительно Флоренского, думаю, Вы правы. Главы «о Дружбе» и «Ревности» в Столпе, по крайней мере, двусмысленны. Не случайно в том «особом» издании «Столпа», о котором я писал, эти главы были опущены, очевидно, в виду сомнений и нареканий, хотя предварительно они и были напечатаны в «Богословском Вестнике» (...) Речь здесь идет о мужской дружбе, со страстью и ревностью. В номере 4-м «Пути» о. Александр Ельчанинов поместил весьма любопытную статью об Епископе Антонии Флоренсове, «Епископ-Старец». О нем мне не удалось узнать много. Но к нему ходили ищущие. И блуждающие интеллигенты и студенты. Упоминает о нем и Белый в «Начале века». В этой статье о Ельчанинове, близкий и интимный друг Флоренского, сообщает кое-что неожиданное о нем. Прочтите сами. Флоренский обозначен буквой Ф. Сообщение относится к 1909 г. (Епископ) Антоний решительно запретил Ф(лоренскому) думать о монастыре. Повидимому, в это время Ф. был подвержен запою и вообще находился в состоянии «тихого бунта». Ельчанинов приводит его собственные слова. Кризис вскоре разрешился, — боюсь только не совсем и, вернее сказать, был как-то «сублимирован». В «церковность» Флоренского я как-то не верю, хотя он о ней навязчиво говорит опять и опять. Бердяевская статья «Стилизованное православие» 1914 г. (в «Русской Мысли») вскрывает двусмысленность Флоренского. Он (Флоренский) много говорит о простоте, но в книге именно простоты нет вовсе. Всё надумано, вымучено, выкручено. И много квази-духовной безвкусицы, несмотря на притязательный «эстетизм». Большая часть «Столпа» — во всяком случае, вся первая часть — написана была еще в 1905 г. или даже раньше (первые главы и были напечатаны в «Вопросах Религии» в 1906 г. (и позднее в «Живой Жизни») и потом ретушированы в окончательной редакции. В это время мысль Ф(лоренского) была смутна. Он протестовал против «мертвой» догматики, искал «духовности», но на путях психологических, и повсюду — у старцев, в религии Диониса, у Дю-Преля и других оккультистов, и вообще повсюду, но [неразб.]. Синтеза у него не получилось, скорее соблазнительный сплав. Боюсь, он прекрасно знал о своей двусмысленности. Бердяев хорошо говорил об этой эпохе, имея в виду прежде всего Белого. Имею в виду его статью в Берлинской «Софии». Вообще говоря, так называемый «Русский религиозный Ренессанс» — явление двусмысленное и болезненное. В свое время Плеханов, но не без

остроумия и пронизательности, определил: «Евангелие от декаденства». Он имел в виду, прежде всего, Мережковского, но то же можно сказать и о всем «Ренессансе». На церковном языке это называется попросту «прелесть». И «прелесть» тем и опасна, что в ней есть «лесть», но есть и осколок правды.

Пересматривая сейчас «Пути», по главам, неизбежно пере-думываю весь материал. Меня обвиняли — и Бердяев и Зеньковский, и их подголоски — в пристрастии, в категоричности суждений — и осуждений. Бердяев обвинял меня и в «неблагодарности» — без «Ренессанса», дескать, и «Пути» не могли быть написаны. В некотором смысле, это, конечно, верно. Я принял «Ренессанс» серьезно, и потому пришел к его отрицанию и отвержению. В юности я всё прочел, но по наивности своей прошел мимо соблазнов, и не отравился. Для отравления у меня не хватало «воображения», была какая-то наивная трезвость, в которой не было никакой заслуги. Есть пространная книга П. Астрова — «Не нашли пути». Это — (о) русской интеллигенции боле раннего периода. И я тоже скажу о «Ренессансе» — «не нашли пути». Не вижу, чтобы кто-нибудь шел по «софианскому пути». Отца Сергия уже почти забыли. И за Бердяевым мало кто следует. Понятно, идти-то некуда и пути нет. Я говорю, конечно, о религиозно-философской сфере. Точнее о том, что пок(ойный) отец Василий Зеньковский называл «Православной культурой». И у него самого выходило, что высшая точка русских философских достижений — С. Л. Франк. Всё, что теперь говорят о «Ренессансе», не больше упражнения на тему: «О любви к отечеству и о народной гордости».

Кроме Бердяева на «Пути» еще напал пок(ойный) отец Сергей Четвериков (в личном письме), конечно, с совсем другой точки зрения. Разрушены все иллюзии. «Русского богословия» нет, да и не было, всё разоблачено и читатель остается у пустого корыта. Остается искать убежища в Оптиной пустыни и забыть о богословии. Может быть, оно и не нужно. Отец Сергей Четвериков не даром был учеником Митрополита Антония в Московской Духовной Академии. В политике М.А. (митрополит Антоний) был крайним правым, но в богословии он был «модернистом», в сущности стремился свести всю метафизику на мораль и психологию. Бердяев не без основания называл его «Толстым в рясе». Для карловчан Антоний нечто вроде «Ренессанса», и его сейчас усердно пропагандирует, как учителя. Вышел уже 16-ый том его биографии с приложением его собственных писаний. То, что я о нем писал в «Путях» теперь мне кажется слишком мягким. Этот моралистический «модернизм» не менее опасен, чем «Ренессанс».

Его напрасно отождествляют с Добротолюбием. Афонские старцы прямо обвиняли Антония в ереси, и были недалеко от истины... У него всё сводится к «переживаниям». Он предлагал Синоду в свое время изгнать историю, именно церковную историю, из программы духовных школ, как праздный и опасный предмет и заменить его историей русской литературы!

В заключительной главе «Путей» я набросал программу богословского обновления, но на нее обратили внимание только иностранцы — эта глава была переведена по-французски. Но у нас богословием — в точном смысле слова — мало интересуются, разве те, кто перешел недавно в православие из западных исповеданий. Вместо толков о «русской традиции» нужно вернуться к Отцам. Путь православного богословского возрождения есть путь нео-патристического синтеза. Я говорил об этом на патристическом конгрессе в Оксфорде в прошлом 1967 году. Но пока это остается «гласом вопиющего в пустыне».

Дек. 20, 1968

...Случалось ли Вам читать Воспоминания Марка Вишняка, «Дань Прошлому»? Не удивляйтесь вопросу. Вообще он мало интересен, но так случилось, что он был школьным товарищем — по гимназии — пресловутого Валентина Свентицкого, и довольно близким. То, что он о нем сообщает, весьма любопытно. С основанием он определяет Свеницкого, как «духовного Азефа» — он несомненно вел двойную жизнь: праведную и развратную. Одно время он был почти что центральной фигурой в Московских религиозно-философских кружках, и вдохновителем, вместе с Эрном и Флоренским, и вместе с ним основывал в 1905-06 гг. «Христ. Братство Борьбы», с прокламациями и т. п., проповедовал и защищал против Розанова «аскетизм», писал двусмысленные книжки — напр. повесть «Антихрист», и ... предавался эротическим эксцессам, самого тривиального низкого рода, «с последствиями» ... В конце концов он стал священником в 20-х годах и вскоре вовсе исчез с горизонта. Кое-что из его писаний я читал, «и без всякого удовольствия». Прежде других его разгадал, кажется, Розанов. Свентицкий писал постоянно в «Журнале для всех» — этих писаний я не мог найти. Были в то время и «духовные огарки», впрочем «духовность» здесь была номинальная, в роде фигового листочка.

24-го февраля 1972 г.

...Много лет назад я читал на Монпарнассе доклад, никогда не напечатанный и даже не записанный. Заглавия не помню. Но хорошо помню тему и содержание. Я начал с вопроса: что войдет в «вечность» (т. е. в «рай») из истории. Я установил принцип: человеческая личность в полноте её конкретных данных, и стало быть все личные соотношения — дружба, любовь. В этом смысле и культура, так как отпадение культурного облика в человеке — его бы обезличило. Личность без конкретного культурного облика была бы только обломком человека. С другой стороны ничто «объективно-историческое» в вечность не войдет — нация, как таковая, демократия, социализм, поскольку все они не-личны или без-личны. В этом смысле я толковал понятие «рекапитуляции» и св. Иринейя. История исполняется в эсхатологии, а не просто погашается, «когда времени больше не будет». На докладе были все, и все на меня ожесточенно напали. Федотов, как будто не выступал.* Но все настаивали, что нация и даже «общество» должны войти в вечность. Конечно, с моей точки зрения, и преподобные Сергей и Серафим останутся «русскими» и в Царствии Небесном, ибо иначе они перестали бы быть самими собой, но «Россия» есть понятие и реальность — производное, своего рода «отношение» без личного коэффициента. В этих прениях жестоких и пламенных, для меня вскрылся основной недуг русского «Ренессанса» — деперсонализация человека и фетишизм «сводных понятий». Осторожнее других был Бердяев. Но его смущало другое: у меня из всех «социальных категорий» в вечность входила только Церковь. С этого времени я был зачислен в черный лист «беспокойных», при том скорее опасных. Читали ли Вы когда-нибудь мою статью тех же времен в «Пути» — «Метафизические предпосылки утопизма», которую очень похвалил Сеземан в «Вестах», и стыдливо замолчали другие, «все». Там я всё свожу к «космической одержимости». Теперь всё это очень модно, под авторитетом Тейар-де-Шардена. Космос поглощает Личность. Многие от этого в востроге. Личность — зыбь на волнах космического океана. Пора кончать это письмо. Не забывайте.

Наш общий привет.

* Г. П. Федотов говорил мне, что в этом вопросе был согласен с отцом Георгием, но не одобрял его нападок на русский дореволюционный Ренессанс. Прим. Ю. Иваска.

Н. В. ПЕРВУШИН

СВ. ФИЛИПП МИТРОПОЛИТ МОСКОВСКИЙ

Священство и царство в средневековой Руси

Когда в июне 1979 г. Папа Иоанн Павел II провозгласил перед польским народом и его коммунистическими правителями, что народ этот находится под высшей властью Бога, что Богородица — истинная королева Польши и что светские власти ответственны за управление страной в соответствии с высшими нормами морали и уважения прав человека, — никто не посмел ему возражать, ему, поставившему блага народа, в том числе и духовные, как цель всякого правительства, — у многих русских мог возникнуть вопрос: кто из православных русских высших духовных пастырей высказался так же и когда?

И тут на память пришел св. Филипп митрополит московский (XVI в.), с той только разницей, что Папа не рисковал многим за свои слова, разве дипломатическим инцидентом, тогда как митрополит сознательно шел на муки и на смерть. Среди высшего русского духовенства в его многовековой истории ярко выделяется из тьмы веков его образ. Недолгим было его пребывание в высоком сане, немногим больше года, но за это короткое время он сделал, по нашему мнению, больше, чем какой-нибудь другой митрополит или патриарх для защиты достоинства Церкви, для выявления главных начал ее, основанной на Христовой правде, любви и милосердии.

Это не значит, что не было смелых подвижников из русского духовенства, ставших мучениками за веру, наоборот, мы знаем великое множество иерархов, погибших за православную веру, особенно после рокового 1917 г. Но какой глава российской церкви открыто, последовательно до конца своего служения разоблачал насилие над русским народом, призывал светскую власть прекратить жестокости и преследования, зная, что это неминуемо поведет к его смертной муке?

Именно заступничество митрополита за русских людей, убиваемых и терзаемых по приказу Ивана IV, открытое осуждение с амвона Успенского собора бесчеловечных поступков царя против его же подданных — делает св. Филиппа особым святым и ставит его на особое место в синодике жертв русского духовенства. Недаром Карамзин назвал его «знаменитейшим из героев древней и новой истории».

Спор между «священством и царством» велся на протяжении всей истории христианства и, в частности, православия на Руси. В зависимости от исторической обстановки и личных качеств носителей той и другой власти, перевес склонялся в ту или другую сторону, пока при Петре полностью не перешел на сторону светской власти.

Что касается Филиппа, то он поднял этот спор на сияющую нравственную высоту, ибо святитель защищал от мучителя и тирана его же подданных, которые были и «стадом», пастырем которого был митрополит. Не для митрополичьей власти или гордыни, не для церковных имуществ и материальных благ, а из жалости и любви к бесчисленным жертвам жестокого царя восстал против него митрополит.

Максим Грек настаивал на том, что «священство выше царства», имея в виду благодать, передаваемую православным патриархам, несмотря на то, кто стоит во главе государства, в котором пребывает патриарх. Св. Филипп не признавал над церковью нравственного превосходства государя, т. е. суждения о том, что морально допустимо, и что — нет, что соответствует христовой правде, а что — нет.

Пока церковь, в лице Сильвестра, сдерживала жестокость Ивана в первый период его царствования, она не позволяла ему проявлять свои склонности, но когда он освободился от этой опеки Сильвестра («попов», как он говорил и писал), он присвоил себе право нарушать все моральные и человеческие нормы и права. Он поставил себя выше священства.

*
**

Начало 16-го века на Руси было очень важным периодом в истории. Иван III завершал объединение русских земель в свою московскую державу, уже полностью освободившись от всякой зависимости от татар. Пышность и великолепие нового строя московской Руси ознаменовались небывалым подъемом в разных областях культуры: зодчестве (строительстве знаменитых кремлевских храмов), живописи (период расцвета иконописи с гениальным Андреем Рублевым), экономического благополучия, политической устойчивости. Россия независимо от Константинополя стала ставить своих высших иерархов, считая, что истинное благочестие сохранилось только тут. Но уже семена будущих потрясений и смут начали скоро прорастать: вместо наследника Дмитрия, коронованного Иваном при жизни, к великокняжескому

престолу пробрался сын Софии Палеолог Василий III, роковая фигура для московской Руси, не внесшая ничего положительного в управление страной. Иосифлянская церковь с ее крайней нетерпимостью к инакомыслящим и готовностью выполнять все желания вел. князя наложила свой отпечаток на церковную жизнь; произвол великого князя Василия III подготовил эксцессы Ивана IV — его сына от Елены Глинской. Ее смерть, когда Ивану IV было 8 лет, повергла государство в борьбу боярских родов за господство. Казни сторонников того или другого лагеря создали ту сцену, на которой разыгралась болезненная жестокость и беспримерные преследования разных сословий и групп русского населения Иваном IV; всё это подготовило великую смуту, от которой чуть не погубило само государство.

Отношение великих князей московских и позднее царей к высшим иерархам русской церкви резко изменялось на протяжении 16-го века, по мере того как усиливалось самодержавие московских правителей. Еще в 14-м веке авторитет митрополитов был чрезвычайно велик; особенно много сделал для этого митрополит св. Алексий, управлявший даже страной в малолетство Дмитрия Донского. Он помогал строить и укреплять Московскую Русь, так же как и его предшественник на митрополичьей кафедре — грек Феогност, наложивший даже церковные отлучения на тверского князя Александра Михайловича и на псковичей, укрывших его от татар и от Даниила Московского.

Св. Алексий добывал для московских князей в Орде ярлык на великое княжение и даже помог Дмитрию Донскому зазвать в Москву «любвию» тверского князя Михаила Александровича, чтобы его там могли судить. Этот поступок митрополита по разному расценивается русскими историками, он оправдывается либо как слабость, либо как московский патриотизм и желание чтобы Русь была объединена вокруг Москвы.

Митрополит Фотий (грек) оказывал всякие услуги великим князьям московским, которые однако не имели предосудительного характера. Он наладил отношения с Литвой, враждовавшей с Москвой.

Переломным в отношении Москвы к Константинополю был конец пребывания митрополитом Московским Исидора, пытавшегося ввести в Москве Флорентийскую унию. После его бегства из заключения в Чудовом монастыре в 1441 г. Великий князь Василий Васильевич обратился к Патриарху константинопольскому с просьбой о дозволении самим поставить митрополита своими епископами вместо еретика Исидора.

Поставление митрополита русскими епископами было очень деликатным делом для Великого князя, тем более, что патриарх на это разрешения так и не дал. Однако и патриарх, и император византийский были, по мнению русских, униатами, т. е. еретиками. Русские епископы в 1448 г. поставили митрополитом Иону, а в 1449 г. императором стал Константин Палеолог, объявивший себя противником унии и сторонником православия. Он низложил патриарха-униата и только в последний год перед падением Константинополя вновь признал унию, в надежде — тщетной — получить помощь католиков против турок.

Однако вопрос о праве русских самим ставить своих митрополитов не так-то прост. Ведь и патриарх константинопольский отказался от Флорентийской унии и стал вновь истинно православным даже с точки зрения Москвы. Тот факт, что в Константинополе править стали турецкие султаны — магометане — еще не решал вопроса. Когда в Константинополе в 1475 г. на литовскую кафедру поставили митрополитом Спиридона, то от новопоставляемых епископов Москва потребовала следующее обещание: «А к митрополиту Спиридону, нарицаемому Сатане, взыскавшему постановление в области безбожных Турок от поганого царя, или кто иной митрополит поставлен будет от латыни или от турецкого области, не приступати мне к нему».

Если светская власть находится в руках не христиан (и не православных), то может ли православный патриарх считаться законным высшим иерархом православной церкви? Нам этот вопрос представляется очень современным, поскольку Советская власть нехристианская и даже противохристианская, и тем не менее в Москве ставится патриарх, приемлемый этой власти и ему подчиняется не только русская церковь в СССР, но и некоторые церкви вне его.

Максим Грек остро переживал этот вопрос, т. к. сам был в это время в Москве. В небольшом произведении под очень пространном заглавием («Сказание ко отрицающимся в поставлении и кленущимся своим рукописанием русскому митрополиту и всему священному собору, еже не приимати постановления на митрополию и на владычество от римского папы латынския веры и от цареградского патриарха, как во области безбожных Турок поганого царя, и поставленного от них не приимати») он писал: «священные каноны, к соблюдению которых архиереи обязуются своим рукописанием, нигде не учат тому, чтобы отлучаться от своего патриарха доколе он православно предстоит святой Божией церкви. Если в Константинополе цари не христиане, а не-

верные, то и первая христианская церковь до Константина находилась в таком же положении под властью язычников, но это не оскверняло ее и она «сияла посреди нечестия как солнце».

Священство больше царства земного, подчеркивает Максим, и патриарх «остаётся неотриновенным от руки Божией благодати и сохраняется этой благодатию во всяком православии».

Московские великие князья не разделяли этого взгляда: это был Василий Васильевич Темный (II-й), при котором впервые без благословения Константинопольского патриарха был поставлен митрополит Иона; его сын Иван III и, особенно, его внук Василий III, при котором и был приглашен Максим в Москву.

Св. Иона тоже помогал московским князьям как мог, и они злоупотребляли этой его готовностью. Так, Дмитрий Юрьевич Шемяка, ставший великим князем в 1446 г., упросил Иону отправиться в Муром, где спасались дети ослепленного Шемякой Василия Васильевича, и взять там у бояр сыновей Василия II-го «на свою эпитахиль», уверив их, что он выпустит на свободу не только их, но и их отца. Иона выполнил это поручение, но когда Шемяка отправил детей в угличскую тюрьму к отцу, то Иона укорял Шемяку за то, что он ввел его — епископа — в грех.

Таким образом, Иона был первым автокефальным митрополитом русским. Он перед смертью избрал и благословил себе преемником митрополита архиепископа Феодосия (1461 г.). Любопытно, что и его предшественники и преемники часто поступали таким же образом и избрание епископами или не имело места, или было формальностью. Св. Петр благословил на свое место архимандрита Феодора, Феогност — Алексия, св. Алексей — архимандрита Митяя (Михаила).

Но тем не менее, мать — церковь византийская — остаётся для русской православной церкви (уже автокефальной) очень важной защитницей церковной иерархии от посягательств светской власти на ее полное подчинение. Отстранить митрополита можно было только после разбирательства константинопольскими иерархами и их согласия; для его низложения требовался формальный суд патриаршего собора в Царьграде: это возвышало русского митрополита над политическими властителями России.

Еще Иван III пытался отстранить от митрополии Геронтия (1473-1489 гг.) из-за спора о том, следует ли ходить при освящении храмов по солнцу или против солнца. Однако митрополит не пошел на подчинение Ивану III, и тому пришлось примириться с тем, что Геронтий оставался в своем сане до своей смерти,

а хождение вокруг церкви совершалось по-старому против солнца.

Но уже с преемником Геронтия дело обстояло совершенно иначе. Проф. Е. Голубинский в своей «Истории русской церкви», приводя мнение пр. Иосифа Волоцкого, считает, что князь Иван III сам «поставил в митрополиты Зосиму и назначил его своею властью или без соборного избрания епископов или, что вероятнее, при совершении избрания только формальным образом... Это первый случай, при котором вместо избрания, хотя и не совсем независимого, имело место уже настоящее назначение».

С Зосимой произошел конфуз, он оказался еретиком, якобы сочувствовавшим ереси «жидовствующих», и его «свели» с митрополичьей кафедры после трех лет пребывания на ней. Официально это было сделано по болезни митрополита.

Его преемник, Симон был «избран» только формальным образом, будучи «указан» великим князем Иваном III. Но не столько «избрание», или назначение интересно в данном случае, сколько церемония поставления митрополита в 1495 г. Новоизбранный митрополит явился во дворец и представился государю, оттуда его провожал в Успенский собор великий князь, наследник (внук Димитрий, погибший в тюрьме вскоре после «назначения» наследником Василия, сына Софии Палеолог), дети государя, бояре. Митрополит кланялся гробам своих предшественников. В день возведения митрополита на митрополичье место Иван III приветствовал его торжественным словом, начинавшимся так: «Всемогущая и животворящая святая Троица, дарующая нам всея Руси государство, подает тебе сий святой великий престол архиерейства» и передал ему пастырский жезл. Это было подражание церемонии, совершавшейся в Константинополе, но главным образом, это было заявление о превосходстве царской власти над властью митрополита и зависимости этого последнего от государя. Иван III считал себя наследником византийских императоров и при своем дворе он ввел «украшенный и благообразный царский чин».

Сын Ивана III, Василий III, был еще более властолюбив, чем отец, и чувствовал себя полным самодержцем и наследником византийских императоров, будучи сыном византийской принцессы. По свидетельству Герберштейна, приезжавшего в Россию два раза при этом князе, «митрополиты и также архиепископы избирались некогда собором всех архиепископов, епископов, архимандритов и игуменов монастырей: изыскивали по монастырям и пустыням мужа наиболее святой жизни и избирали; но об этом

государе (Василии III) говорят, что он имеет обычай призывать к себе немногих и из числа их назначает одного по своему усмотрению».

Варлаам, «избранный» Василием в 1511 г., не остался митрополитом до своей смерти, а был «согнан с митрополии государем»... оставил ее так, как дотоле не оставлял ее еще ни один из русских митрополитов (за исключением Климента Смолятича). Василий не только согнал Варлаама, но и заточил его в монастырскую тюрьму (в Белоозере в 1521 г.). Судя по рассказу Герберштейна, бывшего в это время в Москве, Василий разгневался на митрополита за то, что тот не захотел нарушить клятвы, и упрекнул самого государя за аморальный поступок (желание обманым образом с помощью митрополита заманить в Москву врага князя — Василия Шемячича, внука Дмитрия Шемяки, князя новгород-северского). Митрополита, закованного в цепи, держали некоторое время в тюрьме, а потом он сослан был простым монахом в Каменский монастырь на Кубенском озере, где и скончался.

Новым митрополитом Василий избрал вполне послушного его воле честолюбивого, ловкого и не стесняющегося в средствах Даниила, бывшего игумена Волоколамского монастыря, занявшего там место самого пр. Иосифа. Поставленный в 1522 г., он до 1539 г. оставался раболепным и угодливым слугой князя и мстительным и жестоким иерархом. Он согласился помочь доставить в Москву вероломным путем Шемячича для расправы Василию, взяв на себя грех клятвopеступления. Будучи крайним иосифлянином, он возненавидел «нестяжателей» Вассиана Патрикеева, ученика Нила Сорского, и Максима Грека, возражавших против монастырского владения вотчинами, и погубил обоих. И тот и другой были заточены (в разное время) в Волоколамский монастырь — к лютым врагам своим, которые издевались и мучили заключенных. Даниил, корыстолюбивый, любивший хорошо пожить, по словам проф. Карташева, «усвоил стиль пышной и вельможной жизни: гастрономия в столе, эстетика в одежде и помпа при выездах». Герберштейн описывает его: «Он был человек дюжий и тучный, с красным лицом, бл повидимому более предан чреву, чем посту и молитвенным бдениям. Когда нужно было являться народу, он придавал лицу своему бледность посредством окуривания себя серой».

Митр. Даниил не стыдился даже своего вероломного деяния, помощи Василию заманить Шемячича в Москву: в беседе с одним боярином он сказал, что благодарит Бога за то, что Он «избавил великого князя от запазушного врага Шемячича».

Василий III прожил 20 лет со своей женой Соломонией Юрьевой, урожденной Сабуровой, не имея от нее детей; по совету бояр, он решил с ней развестись, но это было против канонических правил. Он попросил Даниила получить разрешение на развод у восточных патриархов и афонских старцев (за подарки); но те ответили решительным отказом. Тогда Даниил сказал великому князю «не имей печали, государь, возьмем сами на себя со всем собором разрешить тебе желаемое тобою». Своей властью Даниил развел князя с Соломонией и насильно постриг ее в монастырь под именем Софии 28 ноября 1525 г., заточив в Суздальский Покровский монастырь, а уже 26 января обвенчал Василия с Еленой Глинской. В летописи этот второй брак назван прелюбодеянием. Так подвизался преемник Иосифа Волоцкого по игуменству.

Он не дожидаясь своей смерти в сане митрополита. После смерти Василия III Даниил был по завещанию князя поставлен во главе боярской думы для управления государством до малолетства наследника (Ивана IV), он мог бы сыграть такую же положительную роль, как и св. Алексей в малолетство Дмитрия Донского, но он стал угрожать боярским кликам. Он не только ничего не сделал, чтобы спасти от смерти своего благодетеля дмитровского князя Юрия Ивановича, брата Василия, но зазвал в Москву на его погибель другого брата — князя старицкого Андрея Ивановича, уверив его, что берет его «на свои руки». Взяв сторону Бельских, Даниил вызвал гнев Ивана Шуйского, который согнал его с митрополии в 1539 г. и отправил доживать свой век в Волоколамский монастырь. Вместо Даниила Шуйский «поставил» нестяжателя Иоасафа Скрипицына, игумена Троицкого монастыря: шесть епископов вызваны были в Москву чтобы «избрать» нового митрополита. Любопытно, что Иоасаф в своем исповедании уже не отрекался от Константинопольского патриарха, а заявил: «во всем последую и по изначальству согласую всесвятейшим вселенским патриархом». Это было продолжение политики Василия III, нуждавшегося в одобрении своего брака патриархом и посылавшего ему просительные грамоты.

Прошло только 8 лет, как на соборе, созванном иосифлянином Даниилом, Максиму Греку ставилось в вину, что он возводил хулу на русскую церковь, не соглашаясь с тем, что русское православие выше греческого, как теперь митрополит подчеркивает строгое единство с вселенским патриархом в православии. Как пишет проф. Карташев: «мстительные иосифляне несправедливо засудили на вечное заключение Максима, который смело обличал

русских в самочинной автокефалии... партия нестяжателей чувствовала узость духовного и богословского горизонта стяжателей, вдохновившихся идеалом высшего совершенства именно московского православия, и более глухих к тому, что творилось в церковном мире вне их кругозора».

Митрополиту Иоасафу удалось только три года править русской церковью. Тот же Шуйский, который возвел его на кафедру, низверг его: Иоасаф ходатайствовал перед малолетним государем в 1542 г. об освобождении из тюрьмы князя Бельского, но когда тот был на свободе, партия Шуйских схватила Бельского и отправила его в ссылку, а митрополита выгнали из его покоев под градом камней и чуть не убили. Он был сослан в Кирилло-Белозерский монастырь, а потом кончил свои дни в 1555 г. в Троицко-Сергиевом монастыре.

Так низко упал авторитет высшего иерарха русской церкви у светской власти. Иван Грозный был свидетелем этих сцен и понял, что грубая сила может позволить себе всё что угодно в отношении церкви. В этом ему примером был его отец. Недаром в трудную минуту в 1542 г. Иван поехал в Песношский монастырь к старцу Вассиану Топоркову, помня, что он был любим отцом, и спросил его, «Как я должен царствовать?» Тот прошептал ему на ухо: «Не держи при себе ни одного советника, который был бы умнее тебя».

Мы встречаемся, изучая эту эпоху, часто с именем Максима Грека, прибывшего в Москву в 1518 г. для перевода на славянский язык (которого он тогда не знал) толковой псалтири с греческого для великого князя и для митрополита Варлаама. Он научился русскому языку и справился со своей задачей, но не мог вернуться в свой Афонский монастырь, откуда он был приглашен в Москву, т. к. великий князь Василий Иванович не отпустил его, несмотря на его просьбы, на Афон. Тогда, как потом написал Карамзин, «иноземцам с умом и с дарованием легче было въехать в Россию, нежели выехать из нее». Его оставили для того, чтобы он помог исправить русские церковные книги, сравнив их с греческими оригиналами. Высоко просвещенный Максим стал центром православного просвещения в Москве, писал записки по разным вопросам, волновавшим тогда русских людей, и переводил с греческого и исправлял русские церковные книги. Его погубил митрополит Даниил, восплававший к нему ненавистью за то, что Максим высказался против монастырского вотчинновладения. Под давлением митрополита и с попушения Василия Ивановича, Максима вместо возвращения на Афон продержали в монастырских

тюрьмах «за ереси» 25 лет. Такова была трагическая судьба ученого грека, вкусившего свободный воздух Возрождения в Италии до своей роковой поездки в Москву. Благодаря своему мужеству и светлому уму Максим вошел в русскую историю и сыграл значительную роль в идейных спорах в эту судьбоносную эпоху ее.

За его горячую веру, за желание помочь русской церкви и русскому народу и за мученичество он почитается теперь русской церковью. Он был заточен в Волоколамский монастырь, дважды его судил несправедливый послушный Даниилу Собор; в заключении его истязали, а после 1531 г. и второго суда над ним его отослали уже в менее жестокую ссылку в Тверской Отрочь монастырь, где он скончался в 1556 г., прожив в России против своей воли 38 лет в том числе 26 в заключении, из них 16 в темницах. Так и не позволили ему вернуться на Афон в любимую Грецию.

*
**

Митрополит Филипп родился в старой боярской московской семье Кольчевых 11 февраля 1507 г., назвали его Федором. Отец его Степан Иванович был служилым человеком, может быть родившемся в новгородской земле, принимавшим участие в дипломатических переговорах со шведами, в частности с регентом Швеции Стен Стуром (отчего ему самому дали прозвище «Стен-стур»), с которым был заключен мирный договор в Новгороде в 1513 г. Умер он ранее 1561 г., когда сын его сделал вклад «по его душе» в Соловецкий монастырь.

Федор получил хорошее образование, «вразумлялся книжному учению и воинским храбростям», как полагалось молодому боярскому сыну при великокняжеском дворе. В 1537 г. будучи 30 лет от роду он покидает Москву, видимо в связи с преследованием правившей Московской «боярщиной» его дяди Ивана Ивановича Умного, близкого к князю Андрею Ивановичу Старицкому, и с казнями новгородских Кольчевых. Около года Федор работает пастухом у крестьянина Суботы в селении Кижы; потом, в 1538-9, постригается в монахи Соловецкого монастыря, под именем Филиппа.

Федор пришел в 1539 г. к соловецкому игумену Алексею, просил принять его в послушники, «не открыв своего мирского звания ради смирения, и стал трудиться в суровых условиях севера: «дрова убе секий и землю копая в ограде и каменье пренося, овогда же и гной (навоз) на плещу своею носяще»:

удобрял бедную каменистую почву. Переносил побои и оскорбления, говорит его житие, «многожды же уничижаем и бием от неразумных», переносил всё с кротостью. Был в послушании у иеромонаха Ионы, учившего Филиппа монастырскому и церковному уставу. Он предсказал судьбу своего ученика: «Сей будет настоятелем во святой обители нашей». Скоро Филипп удалился в лесную пустыню и провел там «не мала лета к Богу ум возвысив в молитвах точию упражняшася».

По всем признакам Филипп стал по убеждению «нестяжателем», прошедшим под руководством Ионы, ученика преп. Александра Свирского, школу умной молитвы и отшельничества, как этому учил св. Нил Сорский и как на практике осуществляли «заволжские старцы».

Св. Александр был пострижен на Валааме, основал свою обитель близ реки Свири и был близок к Корнилию Комельскому. Этот подвижник испытал на себе — и это отразилось на его монастырском Уставе — сильное влияние Нила Сорского. Он ушел из Ростова 12 лет в Кириллов монастырь, там постригся, нес тяжелые труды и занимался списыванием книг. Св. Александр посылал к Корнилию своих учеников.

Таким образом в Филиппе отражаются традиции русского нестяжательства, сергиевского и кирилловского общежития и, не будучи последователем исихастов, он безусловно может быть зачислен в ряды нестяжателей, чему не мешает, как мы увидим, его исключительно удачное хозяйственное руководство Соловецким монастырем.

Он, как и пр. Сергей и как пр. Кирилл, неохотно с колебаниями соглашался на игуменство, предпочитая отшельничество и затворническую жизнь. Но заботы о благе сначала монастырской братии, потом русской православной церкви побуждают его на опасную, но сколь славную жизнь и смерть!

В 1549 г. игумен Алексей заболел и решил переложить бремя управления на другого более молодого монаха; выбор пал на Филиппа, новый настоятель был единодушно избран братией. Когда Филипп вместе с несколькими иноками прибыл в Новгород, он не пришел сразу к архиепископу Феодосию; монахи передали письмо игумена, Феодосий спросил: «Где же избранный?», из скромности он скрылся и только потом пришел и был рукоположен после ответов на испытующие вопросы.

По возвращении на Соловки Филипп не остается в новом сане, а почти тотчас же слагает с себя его и предается «еще большим телесным трудам... простираясь на подвиг: он видел себя

хвалимым и почитаемым и вменил сие в тщету, будучи от юности украшен смирением; сего ради оставил игуменство и отошел опять в пустыню, приходя в монастырь только для причастия тела и крови Христа Бога нашего».

Странное поведение Филиппа поставило в тупик историков. Как понять его? Ведь через полтора года Алексей умер и вновь пришлось ставить Филиппа в Новгороде на игуменство Соловецкого монастыря. Некоторые думают, что он столкнулся с враждебно настроенными против него иноками и Филипп не хотел с ними начинать борьбу; другие считают, что он был слабого характера: человек «беглец», а не борец по натуре (Федотов). Можно однако предположить и другое объяснение. В нем боролись два начала: остаться иноком и отшельником и спасти свою душу, не участвуя в суете мира сего, или помочь братии монастырской и взять на себя руководство жизнью монастыря, у которого благодаря щедрым дарам и царя, и других благодетелей накопилось огромное хозяйство, нуждавшееся в правильном ведении на благо монастыря и тех многих, кто находил в нем утешение и помощь.

Летопись и житие сохранили нам подробное описание «удивительного случая» отречения только что избранного игумена... когда для возвращения к власти престарелого Алексея и для вторичного утверждения Филиппа потребовались новые путешествия в далекий Новгород. Владыка Феодосий должен был трижды в течение двух лет ставить игумена в Соловки.

Филипп не «беглец», как нам представляется, а «борец», он боролся с самим собой дважды — один раз, когда взял на себя бремя игуменства в Соловках, и второй раз, когда согласился стать митрополитом московским и сознательно идти на мученическую смерть, но не предать своих убеждений и защищать «стадо христово», которое ему поручалось как верховному иерарху русской церкви при Грозном. Поэтому нам не приемлемо следующее объяснение характера Филиппа, которое находим в книге Г. П. Федотова «Святой Филипп Митрополит Московский»: «Перед нами натура скорее робкая, стремящаяся уклониться от власти в смиренном сознании своей слабости. От себя ли самого или от врагов бежит Филипп, но он бежит. Беглецом мы видели боярского сына, беглецом видим и игумена. Не борец, а беглец».

При Филиппе Соловецкий монастырь был строго «киновийным», т. е. как и рекомендовали св. Сергей Радонежский, Кирилл Белозерский и Нил Сорский; в нем не было частного хозяйства и отдельного стола, как в большинстве русских монастырей того

времени. По заветам «заволжцев»: «Игумен и священники и соборные старцы и вся братия едят и пьют в трапезе; яства всем равна, а по келиям опричь немощной братии отнюдь столы не бывают. из трапезы выносу естие и питию не бывает. Одежду всякую и обувь дают всем из казны».

Так же как и у Нила Сорского, в монастыре св. Филиппа не было неумеренной аскезы. «Он улучшил трапезу и одежду монашескую, требуя за то от всех неустанный труд. Тунеядцев он не терпел и принимал в монастырь только тех, кто, подобно ему, готов был есть хлеб в поте лица, по слову апостола: «кто не работает, тот да не ест».

Следуя наставлениям «нестяжателей», во владениях монастырских раскиданных по всему северу (большой частью бывшие новгородские владения), все земледельцы — крестьяне, бобыли, казаки — были лично свободны и могли, «если по грехам пожелают», уйти с монастырской земли по уплате тягла и недоимок. «Монастырь не только кормился от земли, по словам Ключевского, но и кормил зависимое население, стремился вносить свою деятельность в пустоши, от эксплуатации которых отказалось местное население, являлся активным культурным деятелем в крае».

В своих «уставных» грамотах, данных Филиппом вотчинному соловецкому населению, он стремился защитить крестьян от произвольных поборов: «А от поруки не давать ничего,... не взять (с крестьян) ничего...», «на суде крестьян беречь накрепко (перед судом царского волостеля в Выгозере) и от крестьян поминки на езде не имати доводчику ничего».

Привлечение наемного труда в монастырь вместо крепостного принудительного, говорит о гуманной политике в хозяйстве Филиппа игумена.

**

Став игуменом Соловецкого монастыря, Филипп начинает кипучую деятельность по восстановлению его от страшного пожара, случившегося в 1538 г.; добивается податных льгот для продажи соли. При нем много сел и земель и деревень было получено в дар монастырем. Ему удалось закончить строительство большого Успенского собора со служебными пристройками и начать постройку главного Соловецкого храма — Преображенского собора, превосходящего размерами и красотой Успенский собор. Он украшал храм, не щадя своих средств и там избрал место своего погребения (там же были похоронены его родители и он просил братию,

чтобы «написан был вечный поминак в литию отца Стефана, да мать инокиню Варсонофию, да брата Бориса, а как он игумен преставится, то написать и его в литию, а поминовение отправлять месяца ноября в 7-й день...»).

Он соорудил каменные здания келий, больницу для монахов и богомольцев, скит на «Заяцком острове», поварню, палату и каменную пристань. Поставил маяки (кресты на холмах) для судов, построил каменные подворья монастыря в Новгороде и Вологде. Он заменил каменные била медными колоколами.

Из молитвенных подвигов Филиппа отметим ревность к памяти святых основателей монастыря — найденный им чудотворный образ Одигитрии, принесенный в Соловки преп. Савватием. Он поставил образ над его гробницей, исправил ветхую псалтырь его и любил совершать богослужение не в роскошных ризах, а в убогих ризах преп. Зосимы.

При нем найдены были и стали почитаться реликвии основателей монастыря св. Зосимы и Савватия (иконы Богоматери, ризы, псалтырь и крест Зосимы, на котором сделана надпись «взысканием и потружением Филиппа» игумена).

Хозяйство монастыря быстро стало при нем развиваться, увеличилось запасы ржи, поголовье скота, в нем готовилось много пищи как для монахов, так и для наемных людей и богомольцев «щи с маслом, да масленые приспехи разные, блины, пироги и оладьи и кружки рыбные, да и кисель и яшницы». Более 200 монахов жило в это время в монастыре. Он хлопочет об очистке выкопанного пруда для разведения в нем рыбы.

Он принимал строгие меры против пьянства, игры в кости и особенно преследовал винокуров: «а игроков, винопийц и винокуров бывить из волости вон...» говорится в одной грамоте.

Филипп вносил нравственные начала в отношение к зависимому от монастыря населению, которое было предметом не эксплуатации, а отеческой заботы и воспитания.

Во все время своего игуменства Филипп уединялся время от времени в пустынную келью для молитвы и созерцания; скромная деревянная пустынька в двух с половиной верстах от обители долго хранила память о молитвенном подвиге игумена.

После смерти митрополита Макария Афанасий стал его преемником в конце 1563 г. После казни князя Овчины Оболенского и, особенно, после казней московских горожан и бояр в 1564 г.

Афанасий выступал ходатаем за жертвы царского мщения, через архиепископов, ездивших в Александрову слободу. Митрополит Афанасий противился опрличнине и это было истинной причиной его ухода на покой в 1566 г.

Страшное время было тогда; царь расправлялся при помощи недавно созданной опрличнины со своими боярами и князатами, но еще не посягал на жизнь высших духовных пастырей. Афанасий, хотя официально покинувший престол митрополита «за немощь велию», на самом деле поступил осторожно, т. к. будучи еще священником Протопоповым, был близок к «избранной раде», и был духовником царя до 1562 г.; после гонения на Адашева и Сильвестра, он постригся в Чудов монастырь.

В июле 1566 г. ушел на покой митрополит московский Афанасий и царь созвал Земский собор, на который съехались все епископы кроме полоцкого и 14 настоятелей монастырей, 15 старцев московских монастырей и 6 монастырей северо-запада.

Хотя сам земский собор этот был созван для решения вопроса о войне или мире с Литвой (и Польшей) из-за ливонских городов (и Риги в первую очередь), но по окончании разбора этого вопроса, оставшиеся иерархи должны были решить вопрос об избрании митрополита. Сначала избран был митрополитом казанский архиепископ святитель Герман Полев, бывший архимандрит Старицкого Успенского монастыря, постригшийся до этого в Волоколамском монастыре в монашество.

Иван Грозный остановил свой выбор на Германе, как на представителе иосифлян, поддержавших политику царя по вопросам опрличнины, враге («лютом») еретического вольнодумства и верном помощнике казанского архиепископа Гурия, а потом продолжателе его дела христианизации татар и других коренных жителей края.

Но дело обернулось неожиданно для царя. Еще до занятия митрополичьего престола Герман выступил наедине с царем с осуждением опрличнины, пригрозив царю страшным судом за его преступления и грехи. Через два дня Герман был смещен и на его место собором был избран Филипп.

Отец св. Германа был зарезан в 1561 г. (он постригся в Волоколамский монастырь под именем Филофея еще в 1531 г.). Сам он был близок ко двору старицкого князя, против которого царь готовил расправу (в 1569 г. Иван заставил старицкого князя выпить яд и умертвил его жену и младшую дочь). Герман же был убит в 1568 г., по одним сведениям (Курбский) — отравлен,

по другим — казнен: при вскрытии мошей св. Германа обнаружилось что голова его была отрублена.

При избрании Филиппа митрополитом были бурные сцены гнева царя, но воля Ивана всецело решила дело: «Июля 1566 (летя 7074) 20, понуждал царь и великий князь Иван Васильевич всея Руси со архиепископы и епископы с архимандриты и со всем собором благолепного Преображения Господа Нашего Иисуса Христа и великих чудотворцев Зосимы и Савватия Соловецких игумна Филиппа на митрополию. И игумен Филипп о том говорил, чтобы царь оставил опришнину; а не оставит царь опришнины, и ему в митрополиты быть невозможно; и хотя поставят его в митрополиты, и ему затем митрополию оставить; а соединил бы во едино, как прежде было. И царь с архиепископы и епископы о том били челом о его царском гневу и царь гнев свой отложил, а игумену Филиппу велел молвити свое слово архиепископом и епископом, чтобы игумен Филипп то отложил, а в опришнину и в царский домовый обиход не вступался, а на митрополью бы ставился... а за то бы игумен Филипп митропольи не оставливал, а советовал бы с царем, как прежде митрополиты советовали с отцом его великим князем Василием Ивановичем». Это — текст акта, составленного при избрании Филиппа, «и игумен Филипп по царскому слову дал свое слово...»

25 июля совершилось поставление нового митрополита при участии девяти архиереев в том числе и Германа казанского, только что сверженного с митрополичьего престола. Омофор Филипп получил из рук первоприсутствовавшего Пимена новгородского, который вскоре предал его, а посох из рук царя Ивана, своего убийцы.

Принятие Филиппом митрополии толкуется некоторыми историками как признак слабости, Г. П. Федотов рассматривает его колебания и тут как желание «убежать», как слабость, отсутствие уверенности в себе, твердого знания своих целей и средств. Мы не можем и тут с ним согласиться: он попробовал принудить царя отказаться от жестокой опричнины, не успев в этом, он решил сделать все, что было в его силах, чтобы уменьшить вред этого бедствия, сохранив за собой право «печалования», заступничества за преследуемых, «советовать» царю, просить о смягчении наказаний, ходатайствовать за жертв царского гнева.

Полтора года не было казней в Москве, царь внял голосу Филиппа и всего духовенства.

После неудачи литовского похода 1567-8 гг. начался новый приступ опричного террора, это была политическая резня как

бояр и княжат, так и простых людей. Некоторые из вельмож и простых людей обратились к владыке за заступничеством. Филипп не побоялся это сделать.

Житие св. митрополита передает тайную беседу Филиппа с царем. Вот некоторые выдержки из этой беседы, как ее восстановил автор жития: «Соблюдай данный тебе от Бога закон, управляй в мире и законно... Тот по истине может называться властелином, кто обладает сам собою, не работает страстям и побеждает любовью. Слышно ли когда-либо, чтобы благочестивые цари сами возмущали свою державу? и в иноплеменниках никогда подобного не бывало» — «Что тебе, чернецу, до наших царских советов?» — «По избранию священного собора и по твоему изволению, пастырь я Христовой Церкви и мы все за одно с тобой чтобы иметь попечение о благочестии и спасении всего православного христианства». — «Одно лишь повторяю тебе, честный отец, молчи, а нас благослови по нашему изволению» — «Наше молчание налагает грех на твою душу и всенародную смерть... Устрой воедино народ свой, отжени от себя всех клеветников, ибо там лишь пребывает Бог, где единокровные и нелицемерная любовь» — «Филипп, не прекословь державе нашей, да не постигнет тебя гнев мой, или оставь сан сей». — «Ни моления не простирал я к тебе... чтобы воспринять власть сию. Зачем лишил меня пустыни и св. отцов? Если дерзаешь через каноны, твори, что хочешь, когда наступит время подвига, не должен я ослабевать».

Уже в ноябре 1567 г. Филипп наедине уговаривает царя прекратить террор, в то же время рассылая по монастырям послание, чтобы молились за царя, отправившегося в поход против Литвы.

Филипп, убедившись в бесполезности тайных увещаний Ивана, стал по словам Курбского «претити страшным судом Христовым, заклинаяще (Ивана) по данной ему от Бога епископской власти».

22 марта 1568 г. в воскресенье царь пришел в Успенский собор с опричниками облаченный в маскарадную черную ризу и на голове «высокий шлык яко же халдей». Владыко не говорил ни слова, хотя Иван три раза подходил к нему под благословение. Наконец Филипп начал говорить при всех с тем, чтобы весь православный народ стал свидетелем великого спора митрополита с грозным царем. В летописи передается его речь так (в выдержках): «Убойся Божия суда и постыдись твоей багряницы... Сколько страждут православные христиане. Мы, Государь, приносим здесь Господу жертву чистую, бескровную о спасении людей, а за алтарем проливается кровь христианская и напрасно уми-

рают люди. Или забыл, что и ты сам причастен персти земной и прощения грехов требуешь?... Всякий не творяй правды и не любяй брата своего нет от Бога».

Немцы — опричники Таубе — Краузе записали это слово Филиппа несколько иначе, они записали его четыре года спустя после событий:

«Доколе неправда будет царить в русском царстве? Татары и язычники, весь свет говорит, что у всех народов есть закон и правда, а на Руси их нет... на Руси нет милосердия и для невинных и праведных... Бог взыщет с твоих рук невинную кровь. Камни под ногами твоими, если не живые души возопиют и будут обвинять тебя и судить, я должен сказать это тебе, по повелению Божию, хотя бы меня за это постигла смерть».

В летописи есть продолжение его слова: «Я только пришелец на земле и присельник, как и отцы мои». Иван ударил жезлом о помост храма и произнес с угрозой: «Нашей ли державе являешься супротивником? Увидим крепость твою». Немцы дополняют: «Доселе я был кроток с тобой, митрополит, с твоими приверженцами и с моим царством. Теперь вы узнаете меня!»

В ответ на угрозы царя и требование замолчать митрополит ответил: «Не могу повиноваться повелению твоему паче, нежели Божьему... Подвизаюсь за истину благочестия, хотя бы лишился сана и лютейшее пострадал... Иначе тщетна будет для нас вера наша, тщетно и исповедание апостольское».

После этого выступления царь приказал схватить и после пыток казнить несколько бояр, подозреваемых царем в том, что они побудили Филиппа к «увещеванию» царя.

Начались расправы со служилыми людьми митрополичьего двора и с боярами, искали улики против владыки. Иван стал казнить родственников митрополита. Племяннику его Ивану Борисовичу Кольчеву отрубили голову и, зашив в кожаный мех, послали митрополиту.

Следующее выступление против опричнины было в Новодевичьем монастыре в день Прохора и Никанора, когда св. Филипп увидел в соборе опричника в шапке восточного покроя — «туфье». В проповеди митрополит сказал между прочим: «Се ли подобает благочестивому царю агаряньский закон держать?». Царь в это время был женат на кабардинской княжне и при дворе были татары и черкесы, и он усмотрел в словах св. Филиппа выпад против себя, пришел в гнев, ругал святителя лжецом, злодеем и отдал приказ о подготовке процесса над митрополитом.

В Соловецкий монастырь послали комиссию из опричников и суздальского епископа Пафнутия и архимандрита Феодосия для сбора компрометирующих сведений. Лжесвидетели, в том числе соловецкий игумен Паисий, коварный друг Филиппа (которому пообещали епископский сан), показали о порочном поведении Филиппа. Суд над митрополитом в его отсутствие заседал 4 ноября 1568 г., он состоял из импровизированного земского собора и тогда же его осудили и «из святительского сана свергоша».

Но мужественный митрополит, не зная о соборном решении или не желая ему подчиниться, как незаконному, 8 ноября в день св. Михаила произносит проповедь в Успенском соборе. Во время ее в собор ворвались опричники во главе с Малютой Скуратовым и с Басмановым, сорвали с него облачение, одели в старую рясу, вытолкали из собора и отправили в Богоявленский, а потом в Тверской Отрочь монастырь, где до своей смерти томился и Максим Грек.

Немного более чем через год, 23 декабря 1569 г., во время погромного похода на Новгород св. Филипп был задушен в этом монастыре Малютой Скуратовым за то, что отказался благословить царя на наказание «новгородских изменников», так утверждала народная молва, о чем записано в Летописи Соловецкого монастыря.

Как писал Федотов, св. Филипп стал мучеником за Христову правду, оскорбляемую царем. «Он был почти одинок в своем протесте среди современных ему иерархов, одинок и на фоне целых веков, он отдал свою жизнь в борьбе с деспотом, показав, что само государство должно подчиниться высшему началу жизни (и правды, добавим от себя)».

Митрополит Филипп в XVI в. выступил твердо и без колебаний за Правду Христову, т. е. за справедливость в христианском государстве, каким называла себя Русь, Московское великое царство при Иване Грозном. И царь Иван стоял за веру Христову, как он хотел ее понимать, но он не принимал правды, т. е. справедливости, законности и милосердия, неотъемлемых частей этой правды. Конфликт, столкновение стали неизбежными, т. к. царь в своей гордыне заявил себя не ограниченным ничем, никаким нравственным законом в своем распоряжении жизнью и честью своих подданных. И т. к. уже его отец присвоил себе право назначать любезных ему епископов митрополитами и устранять тех, кто переставал ему нравиться, то и Иван без колебаний еще усугубил это отношение к митрополитам, т. е. высшим иерархам русской церкви.

В основе такого отношения к митрополитам у Ивана было его представление о царской власти, как власти от Бога ему лично данной: «Народился есми Божиим изволением на царство» вот одно из его изречений, приведем и другие: «доселе русские властители неистязуемы (неограничены) были ни от кого же», Гурию арх. Казанскому он писал о «данной тебе и от нас пастве»; «царское правление требует страха и запрещения, и обуздания, и конечного запрещения, по безумию злобных человек лукавых», «а жаловати своих холопов вольны, а и казнити вольны же есмя».

Как пришел Иван к такому пониманию своей царской власти? Тут и пример его отца Василия III и деда Ивана III, и мнение св. Иосифа Волоцкого, к которому прислушивались дед и, особенно, отец Ивана, о том, что «Царь убо естеством подобен всем человекам, властью же подобен вышнему Богу». Именно иосифляне — митрополит Даниил, послушный желаниям часто противоречащим нравственности и Христовой правде Василия III, и митрополит Макарий, венчавший на царство Ивана IV-го, укрепили в душе Ивана IV с юности представление о том, что над царем во всех делах, в том числе и церковных (цезарепализм), нет никого кроме Бога, а соблюдая обряды и вознося молитвы и мольбы о прощении и с Богом можно «поладить» и получить спасение после смерти, ибо покаяние смывает все грехи, даже самые ужасные и тяжелые. Всегда найдется иерарх, отпускающий царские грехи.

Царя Ивана Грозного охарактеризовал, предвосхитив его характер, никто иной, как Иосиф Волоцкий, живший до Ивана, ученики которого такую большую роль играли в русской церкви и государстве. В 7-м слове «Просветителя» он писал: «Аще ли же есть царь, над человеки царствуя, на собою же имать царствующа скверны страсти и грехи, сребролюбие же и гнев, лукавство и неправду, гордость и ярость... Таковой царь не Божий слуга, но диавола, и не царь, но мучитель».

Иван, искажавший и унижавший православную веру, достиг апогея внешнего, обрядового богопочитания, когда писал Курбскому: «Украшеньми всякими церкви Божия светятся, всякими благостынями... мучеников же в сие время за веру у нас нет». По его приказу только что задушен был митрополит Филипп.

Митрополит Макарий, ученик пр. Иосифа Волоцкого, был составителем чина царского венчания 1547 г. Посмотрим, как там определялась и внушалась юному царю его роль в делах церкви. Там царя именуют «опасным хранителем, исправителем и утвердителем христианской веры». Там же высказывается пожелание,

чтобы царь — «управити люди в правду, любил правду и милость и суд правый». Епископам же предлагалось «пред царя за правду не стыдиться, аще и нужна будет от самого царя, или от вельмож его, что повелят говорити, кроме божественных правил, не послушати их, но аще и смертью претят, то никоже ни послушати их». Эти последние советы давались Макарием в ответ на желание царя ограничить церковное землевладение, когда затронуты были материальные интересы церкви.

Убийство праведника св. Филиппа русским царем, на словах провозглашавшим себя защитником веры, завершило собой и ознаменовало глубину падения царя и его царства. Как верно писал Г. П. Федотов, «он погиб за живую идею Христовой правды, которой держалось все русское теократическое царство.., кровь св. Филиппа переполнила до краев уже полную чашу грехов русской земли. Ее падение сделалось духовно и морально неотвратимо... Православное царство без правды есть труп, от которого отлетела душа».

Через 21 год после кончины Филиппа торжественно покалялись монахи Соловецкого монастыря за своего игумена Паисия, способствовавшего гибели митрополита. Они обратились к сыну Ивана IV Федору со следующей просьбой: «Даруй нам пустынного нашего гражданина Филиппа, наветами ученика изгнанного от своего престола и в чуждом ему месте погребенного... ныне на нас висит клятва за то, что причинили ему ученики...» Царь приказал тверскому епископу уважить просьбу Соловецкого монастыря. Его могилу раскопали во дворе Отроча монастыря, нашли его мощи нетленными и Соловецкий игумен Яков перевез по рекам святыню в свой монастырь, где его встретила торжественно вся братия и погребла его под папертью церкви св. Зосимы и Савватия, в том месте, которое избрал себе сам Филипп.

В 1636 г. служба св. Филиппа внесена была в печатную Минею и повсеместно день памяти его стал праздноваться 23 декабря. А в 1646 г. мощи святого были открыты и торжественно перенесены в Преображенский собор, постройка которого начата была Филиппом. Однако в 1652 г. по инициативе митрополита Новгородского, будущего патриарха Никона, постриженника Соловецкого монастыря, мощи св. Филиппа были торжественно перевезены в Москву (9 июля) и поставлены были среди Успенского собора для молящихся на 10 дней, а потом погребены в соборе.

Тогда же соборным постановлением решено было перенести в Успенский собор останки еще двух подвижников за русских

людей: патриарха Иова, сосланного Лжедмитрием в Старицу и там скончавшегося и патриарха Гермогена, замученного поляками в Чудовом монастыре.

Царь Алексей Михайлович, тишайший и благочестивейший, просил в послании к умершему Филиппу «резрешити согрешение прадеда нашего царя и великого князя Иоанна, нанесенное на тя неразумно завистию и неудержанием ярости» и дальше писал: «И сего ради преклоняю сан свой царский за одного (прадеда), иже на тя согрешившего, да оставиши ему согрешения его своим к нам пришествием».

Алексей Михайлович хотел, чтобы в царствование его осуществилась гармония или «симфония» духовной и светской власти: царства и священства. Он писал в «молебном послании» св. Филиппу: «Благодать Божия в нашем царстве присно изобилует, и несть уже днесь в твоей пастве никоторого разделения».

Какая трагическая ирония судьбы! Ровно через год Никон, ставший патриархом своей властью разослал по церквам указ о том, чтобы креститься тремя перстами и предписал сколько класть земных поклонов при молитве Ефрема Сирина. Этим он начал раскол, разделив паству, вызвав неслыханные бедствия, самосожжения, казни, ссылки, истязания, подорвав силу русской церкви и русского народа, отныне разъединенного по сию пору.

Никон ставил священство выше царства и на вселенском судилище над ним в 1666 г. срамил царя; правящие деятели русского государства, однако, во главе с царем, не только содействовали свержению Никона с патриаршего престола, но и решили, что церковная иерархия не должна более никогда в государственном управлении принимать никакого участия.

Раскол уронил авторитет старины не только в церковных обрядах, но и во всем мировоззрении правящих слоев русского государства. Западное влияние стало распространяться и полностью восторжествовало при Петре, расколов еще раз весь русский народ на тонкую пленку западно-образованных и толщу народа, жившую по старине. Этот разрыв, усугубленный несправедливостями и злоупотреблениями над народом продолжался до революций XX века.

ХРИСТИАНСТВО И ИУДАИЗМ

Михаил АГУРСКИЙ

БОРЬБА ВОКРУГ ВЕТХОГО ЗАВЕТА В РОССИИ ПЕРЕД РЕВОЛЮЦИЕЙ

К великому сожалению, благородное стремление собрать из праха ценности русской духовной культуры часто оказывается поврежденным неразборчивостью, чреватой опасными последствиями. Это, в частности, сказывается в письме из Москвы, помещенном в «Вестнике РХД», № 128. Его автор называет М. Меньшикова «замечательным русским мыслителем», не вдаваясь в подробности, какие именно ценности защищал этот бывший толстовец. А при даже поверхностном знакомстве с его творчеством оказывается, что Меньшиков по существу занимал антихристианскую и антицерковную точку зрения по многим важнейшим вопросам и неоднократно осуждался русскими богословами и деятелями церкви. Право А. Н. (так подписался автор письма) занимать любую точку зрения, но он хвалит при этом «Вестник», стоящий на совершенно иных позициях. К сожалению, некритическое отношение к Меньшикову можно было встретить и в некоторых статьях Е. Вагина. Знакомы ли эти авторы с тем, что говорил и писал этот ведущий журналист «Нового Времени»? Боюсь, что нет. Я надеюсь, что его позиция, по вопросу о Ветхом Завете и по другим важнейшим вопросам, освещенная здесь, заставит подумать, в самом ли деле они разделяют его мировоззрение. Отмена духовной цензуры в ходе первой Русской Революции, формирование право-радикальных (черносотенных) партий, принявших расистскую идеологию, вызвали появление в русской печати многочисленных нападок на Ветхий Завет, в которых последний противопоставлялся Христианству. Эти нападки исходили преимущественно из светских кругов, но против него раздавались голоса и среди православного духовенства. Нападки на Ветхий Завет касались как его отдельных персонажей, так и всего Ветхого Завета в целом. Наиболее показательной, но отнюдь не единственной, в этом смысле является печать главной право-радикальной партии — Союз Русского Народа. Естественно, что нападки на Ветхий Завет воспринимались большинством богословски подготовленного духовенства с недовольством и вызывали полемику в печати.

Источником и стимулом многих антиветхозаветных выступлений явились выпущенные после отмены духовной цензуры в переводе на русский язык некоторые главы из книги Х. С. Чемберлена: «Основы 19-го века»; «Евреи, их происхождение и причины влияния в Европе» * (СПб, 1906) и «Явление Христа» (СПб, 1906), где, во-первых, доказывалось, что ветхозаветные книги созданы путем грандиозного постепенного подлога, а во-вторых, нееврейское происхождение Иисуса Христа. Ведущие публицисты «Нового времени» М. Меньшиков и В. Розанов приветствовали обе книги, как открывающие новые горизонты мысли, а автора как одного из счастливейших Колумбов истории. При этом Меньшиков назвал книгу «Евреи» мировым событием, бросающим могучий поток света в хаос старого материала, а Розанов заявил, что с принятием тезиса о нееврейском происхождении Христа еврейство отпадает в уединение и провинциальность ханаанских культов. Среди православных богословов книги Чемберлена приветствовал также протопресвитер Евгений Аквилонов. Именно поэтому с конца 1906 — начала 1907 года начинаются нападки на Ветхий Завет в русской правой печати. Систематически публиковал вызывающие выпады против Ветхого Завета главный орган Союза Русского Народа (СРН) — газета «Русское знамя» (РЗ). Так там было опубликовано, в частности, стихотворение «Кит и жид», в котором высмеивались истории пророка Ионы (1907, № 60). Рында (Пруссаков) называл завет Бога с Авраамом еврейским преданием, которое евреи используют во вред христианам, поскольку это дает им... моральное право на умножение потомства. (РЗ, 1908, № 61). В. Игнатъев называл Эсфирь — жидовкой (РЗ, 1908, № 62). «Доверчиво отогретье за русской пазухой всесветные паразиты — евреи, — говорилось в «Русском знамени» (1907, № 152), — приблизили нас к временам ветхозаветного Египта, где они, прикрываясь именем Иеговы, творили возмутительные злодеяния до убийства египетских первенцев включительно».

В другом месте генерал М. И. Драгомиров называл ветхозаветного патриарха Иосифа — фокусником, вымогателем, мошенником (см. архиеп. Антоний, Вольнские Епарх. ведомости, 1907, № 10). Помимо нападков на отдельных лиц из Ветхого Завета выдвигаются обвинения и против Ветхого Завета в целом. Примером может быть передовица «Русского знамени» за 5 марта 1908 года — «О жидях», где, в частности, говорилось, что «чрез

* Chamberlain H. C., «Die Grundlagen des 19-Jahrhunderts», 1899.

все протяжение истории все народы, приходившие в соприкосновение с жидями, презирали и испытывали гадливое опасение перед этим рассеянным и проклятым Богом народцем.» Вину за эти еврейские особенности «Русское знамя» возлагает прямо на Библию, ибо именно она, по словам газеты, «научает их (М.А. — евреев) обращать благосостояние края, где живут, на исключительное свое благосостояние».

Очень резко напал на Ветхий Завет Меньшиков, один из наиболее видных идеологов т. н. прогрессивного русского национализма. «Говорят, — писал Меньшиков, — евреев связывает отношение ко всем народам, но эта связь отрицательно плохая по существу. Вовсе не Библия евреев связывает; напрасно думают, что Библия — р е л и г и о з н а я книга! Это книга чисто п о л и т и ч е с к а я, которая легко забывается евреями, когда их не заставляют держаться ее» (Новое время). В другом месте он называет Библию «сумасшедшим бредом маленького несчастного народца» (РЗ, 1908, 11 марта).

«Кто такие евреи? — спрашивал Меньшиков. — Если верить их легенде, то это народ избранный среди народов. Любимец Божий, он изменил Творцу, и за это был извержен из Ханаана совершенно так, как некогда Люцифер был низвергнут на Землю. И как падшие с неба духи занялись совращением невинных людей, так падший, как бы ниспавший в человечество народ-изменик занялся совращением, главным образом, белых, наиболее свежих арийских рас. Бросьте общий взгляд на четырехтысячелетнюю историю евреев. Ее основной темой является искусительство. С тех пор, как Авраам, вышедший из земли Ур, начинает великое кочевание, с тех пор, как он втирается в доверие к фараону Египетскому и соблазняет его своей женой, властям и народам во все веки приходилось итти на еврейский соблазн, в ужасе — подобно Фараону — отшатываться от соблазна, бороться с ним... Как процесс заразы состоит в том, что паразитные грибки находят сначала гостеприимство в организме, затем быстро множатся и выделяют яды, так и затем всеми силами организма изгоняются вон — так точно и евреи».

Меньшиков откровенно отождествляет здесь евреев с мировым злом. Один из главных идеологов правого радикализма Г. В. Бутми де Кацман, член гл. совета СРН и главный популяризатор «Протоколов сионских мудрецов», говорил о первородном грехе, концепции, лежащей в основе иудео-христианского мировоззрения, как о воспоминании евреев о своей испорченной в египетском плену расе: «Иначе трудно объяснить, — говорит Бутми, — себе

предание о первородном грехе происхождения — предание, которому нельзя найти аналогию в мифах других народов» (Бутми Г., «Враги рода человеческого», СПб, 1906). О Ветхом Завете Бутми говорит не иначе как о гнездилище всевозможной безнравственности, проистекающей из еврейской расовой неполноценности. В качестве примера он приводит приезд в Шхем патриарха Иакова. «Так поступал, — утверждает он, — родоначальник, именем которого гордился весь народ Израилев. И тогда уже опасно было оказывает ему гостеприимство» (там же).

Исключительно показательным является сообщение о собрании членов клуба русских националистов, примыкавших к Всероссийскому Национальному Союзу (ВНС). Это собрание состоялось в январе 1909 г. в Киеве (Киевлянин, 1909, № 28). На нем был заслушан доклад А. Эртеля «Еврейство и тора», в отчете о котором говорилось, в частности: «Причину страшной зловредности еврейства принято видеть в Талмуде, безнравственное, человеконенавистническое учение которого вошло в плоть и кровь евреев. Докладчик основу зла видит в Пятикнижии или в Торе, по отношению к которой Талмуд является только комментарием. Именно Пятикнижие учит, что евреи — избранный народ, и что все другие народы созданы только для того, чтобы быть рабами евреев. По учению Торы, союз Иеговы с евреями состоит в том, что евреи обязались исполнять данные им через Моисея законы, а Иегова за это обязался истребить или покорить евреям все другие народы. Ужас, однако, заключается не в том, что Пятикнижке — сплошная безнравственность, человеконенавистничество, а в мнимой божественности происхождения этих чисто еврейских книг. Особенно прискорбно, что наиболее усердные доказательства божественности происхождения Торы идут со стороны христиан, которые 1900 лет остаются во власти ветхозаветного еврейства и его безнравственного учения, разрушенного Христом. С величайшим усердием у нас стремятся соединить несоединимое и сплетают в одно целое Христово учение и еврейскую Тору. И в этом отношении можно сказать, что ужасно и губительно не столько еврейство в евреях, сколько еврейство в нас самих. До тех пор, пока не будет создана совершенно ясная подложность Торы, пока не будет отвергнуто кощунственное утверждение о божественности происхождения ее, до тех пор борьба с еврейством не будет иметь под собой твердой почвы».

На этом же собрании один из руководителей ВНС А. Савенко резко критиковал русскую школу за то, что в ней под видом Закона Божьего преподается история евреев. «Вместо того, чтобы

учить русскому национализму и патриотизму, — говорил он, — школа у нас является скорее национально-еврейской: под видом Закона Божьего в школе детей пичкают шовинистической и тенденциозной историей еврейского народа, полной ужасных безнравственностей, и тем учат преклонению перед еврейством».

Такое отношение к Ветхому Завету отталкивало часто духовенство, сочувствовавшее правому радикализму и принимавшее участие в деятельности таких организаций, как СРН, Союз Михаила Архангела и т. д.

Так, уже в 1906 г. архиеп. Антоний (Храповицкий) подвергал резкой критике отрицание Ветхого Завета, сославшись, например, на упомянутого выше ген. М. И. Драгомирова. Правое «Миссионерское обозрение», редактировавшееся сотрудником Синода В. Скворцовым, осуждало антиветхозаветные тенденции, говоря: «Отношение патристической прессы к именам, святым для евреев и христиан иногда прямо возмутительно... Увлеченные борьбой с революционным потоком, где еврейство играет такую видную роль, защитники русских начал часто забывают Слово Божие и осмеивают Ветхий Завет» (1908, № 5, стр. 761).

Нападки на Ветхий Завет вызвали резкое раздражение со стороны активного участника СРН, члена Гос. Совета, архиеп. Никона (Рождественского), который в статье «Слово правды нашим патриотам-антисемитам» (Церковные Ведомости, 1915, № 25) критиковал нападки на Ветхий Завет, солидаризировавшись, однако, с антисемитизмом по отношению к «современным жидам».

На 4 Всероссийском миссионерском съезде свящ. Г. Корсунь осудил попытку объявить Ветхий Завет безблагодатным (Полтавские Епарх. ведомости, 1908, № 28), которая исходила от некоторых священников, присутствовавших на этом съезде. Однако наиболее полно подверг критике отрицание Ветхого Завета проф. Киевской Духовной Академии прот. Александр Глаголев,* в связи с упомянутым выше собранием киевских националистов, связав их представления с идеологией левопротестантского расизма. А. Глаголев выступил с докладом «Ветхий Завет и его непреходящее значение в Христианской Церкви» (Труды Киевской Духовной академии, 1909, №№ 11,12). Этот доклад представляет исключительный интерес и заслуживает достаточно подробного цитирования. О причинах нападков на Ветхий Завет А. Глаголев

* Прот. А. Глаголев (1872-1937) оставался вплоть до своего ареста в 1917 г. священником последней церкви в Киеве (на Подоле). Он описан в лице о. Александра в романе М. Булгакова «Белая Гвардия».

говорил: «Чаще же всего полемика против Ветхого Завета своею основой или почвой имела глубокое нерасположение европейских народов к евреям, и этот антисемитизм сообщал немалую долю страстности борьбе против Ветхого Завета. В России до самых последних лет ничего не было известно о какой-либо борьбе этого рода. Только в последние лет пять начали и у нас слышаться отзвуки западноевропейского движения против Ветхого Завета. При этом, по примеру всегдашнего нашего учителя — европейского Запада, мотивы отрицательного отношения к Ветхому Завету у наших возражателей неодинаковы — частью принципиального свойства, частью же, и главным образом, практического характера. Давнее нерасположение к еврейству современному, подогретое событиями 1905-1907 гг., является и у нас нередко той канвой, по которой порой вышиваются самые чудовищные узоры критики и глумлений против ветхозаветных лиц, учреждений, а затем и против Ветхого Завета вообще».

«Особенно прискорбно, — замечает Глаголев, — то, что подобный отзыв о священных для всей Христовой Церкви, для всего христианского мира, книгах, отзыв, своим радикализмом оставляющий далеко позади себя самые ультралиберальные течения в области западноевропейской библейской критики, вышел не из социал-демократических сфер, не из марксистских кругов и не из масонских лож, а от чисто русских людей, — националистов, поставивших задачей своею святою целью охранения народных русских святынь, из которых бесспорно первое место занимает вера христианская, содержащая св. Церковь, в т. ч. и вера в богодуховенность священных писаний Ветхого и Нового Завета».

А. Глаголев далее спрашивал: «Может ли быть введено в систему борьбы против современных евреев непочитание или даже отрицание Ветхозаветных писаний, в целом или отдельных частях? Отрицательный ответ слишком ясен. А между тем в последние годы такой прием борьбы повторяется не однажды и грозит получить право давности».

Глаголев подвергает резкой критике за непонимание «мирового значения библейского Израиля» и сущности Ветхого завета Меньшикова и Розанова. Он обвиняет их в том, что «они охотно использовали измышления Чемберлена в целях борьбы с современным еврейством, совершенно не интересуясь вопросом, какой ценой покупаются эти выгоды». Глаголев указывает на

элементарную безграмотность Меньшикова в Ветхом Завете на ряде конкретных примеров.*

Глаголев полностью присоединяется к словам архиеп. Антония (Храповицкого) о том, что иудаизм ни в коей мере не может считаться источником каких-либо еврейских недостатков (см. Волыньские Епарх. ведомости, 1907, № 10). «Не потому, — по словам Глаголева, — современные евреи вредны, что они усиленно держатся за закон Моисеев или всецело стоят под определяющим влиянием Ветхого Завета, а совершенно наоборот: именно отсутствие у многих представителей еврейства всяких следов уважения пред законом Моисеевым и пред лучшими традициями своей нации делает их малопригодными или даже вредными для общества членами. Припоминаются газетные сообщения о том, как в некоторых синагогах и на разных еврейских собраниях среди требований разных льгот и свобод раздавались возгласы молодежи: «долой субботу! долой обрезание!»

Перечисляя различные проявления атеизма среди еврейской молодежи и интеллигенции, Глаголев делает затем вывод, что «считать источником зловредности нынешних евреев привязанность их к закону Моисееву и, вообще, влияние на них Ветхого Завета, тогда как многие из них по собственному побуждению отказываются от того и другого, — дело одного недоразумения».

Заканчивая свой доклад, Глаголев говорит, что «мировые вечные цели библейского Израиля и всего Ветхого Завета» нельзя «измерять грошевой меркой современной борьбы за наживу и житейские удобства».

Против расистских теорий Чемберлена выступил также и ректор Киевской духовной академии Д. Богдашевский (после революции архиеп. Василий, 1933). В своей рецензии на книгу «Явление Христа» (Труды Киевской Духовной академии, 1907, № 9) Богдашевский писал о Чемберлене, что «автор брошюры

* Меньшиков являлся частым объектом критики со стороны православного духовенства и по другим вопросам. В частности, говорилось, что «точка зрения г. Меньшикова на христианство — это точка зрения благонамеренного вольнодумства 18 столетия. Не веруя в истинность христианства, г. Меньшиков, однако, высоко ценит его, как средство, дисциплинирующее и облагораживающее массы» (Церковный Вестник, 1914, № 6). Резко осудил Меньшикова влиятельный член Гос. Совета, архиеп. Варшавский Николай (Зиоров), который сказал: «Кто же, как не он своими статьями, часто совершенно антихристианскими, сеял так много зла в обществе; кто чаще его вертелся, как флюгер по ветру и стихиями мира сего? Был — был тем врагом и он, который нам спящим всеял среди пшеницы и плевелы» (Архиеп. Николай, «Варшавские беседы и речи», вып. III, 1910, стр. 74).

— завзятый враг христианства». Богдашевский отмечал, что «брошюра от начала до конца запечатлена вульгарным рационализмом, каких «изделий» появляется в последнее время особенно много. Резко отличает ее от «фабрикаций» подобного рода ее антисемитский характер, ясно выступающий в самых низменных взглядах Чемберлена на ветхозаветную религию, ветхозаветный закон, ветхозаветное учение о Боге».

Вполне очевидно, что критика Богдашевским Чемберлена была также критикой правых радикалов, использовавших его в своих целях. Указанные факты говорят о том, что критика Ветхого Завета среди правых русских радикалов вызвала оппозицию среди богословски подготовленного духовенства и, главным образом, в среде академического богословия. Вместе с тем видно, что антиветхозаветные тенденции не встречали серьезного сопротивления части правящей иерархии, которая поддерживала такие организации, как Союз Русского Народа, несмотря на то, что его пресса изобиловала кощунственными нападками на Св. Писание. Упомянутый выше архиеп. Никон решился опубликовать свой протест — «Слово правды» — лишь в 1915 году, в то время как в 1907 году и позже он безоговорочно поддерживал Союз Русского Народа.

Впоследствии полемика против Ветхого Завета продолжалась и в эмиграции, как со стороны старшего поколения эмигрировавших на Запад бывших участников правых организаций, так и со стороны молодого поколения русских фашистов. Нет никаких оснований полагать, что нападки на Ветхий Завет сколько-нибудь изменили богословское понимание Ветхого Завета в Русской Православной Церкви, однако их можно ожидать и впредь, поскольку социальная база для них по-прежнему существует.

В. Я. ВАСИЛЕВСКАЯ

УЧЕНИЕ К. Д. УШИНСКОГО О ВОСПИТАНИИ (Окончание)

II

ПРАКТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ВОСПИТАНИЯ

1. Нравственное воспитание

а) Развитие нравственного сознания.

Нравственное сознание, как и вера, по убеждению Ушинского, врождены человеку. «В глубине души всякого человека скрывается», по словам Ушинского, «признание равенства его личности со всякой другой личностью. Христианство сделало это равенство религиозным законом».

Одинаковость ума и совести во всех людях делает возможным торжество мысли и торжество нравственного учения. Перед законом совести все равны. Христос обращается к совести фарисеев, зная, что она скажет им то же, что говорила другим людям их совесть.

Но если стремление к совершенству врождено человеку, то идеал совершенства развивается. Вначале возникает отрицательная формула совести: «не делай другим того, чего не хочешь, чтобы другие тебе делали». Затем появляется ее положительная форма: «делай другим то, что ты хочешь, чтобы тебе делали другие». Сострадание есть средство чувствовать бытие другого.

Нравственный кодекс у всех одинаков, но за недостатком сравнения он может остановиться на первых ступенях. Для христианина это уже невозможно, ибо на последней ступени во всем своём величии стоит образ Христа. Единственный отрезок человеческой истории — Евангельские события — мирит человека с человеком и притом с человеком, погрязшим в пороках.

Религия христианская, принимающая, по словам Григория Нисского, целое человечество, как бы одного человека, созданного по образу и подобию Божию, способна внушить любовь к человечеству и народу.

Для непосредственного нравственного образования человека, которому открыты «священные книги», говорит Ушинский, «вы ничего больше сделать не можете. Евангелие единственный и наиболее совершенный источник нравственности, дающий живой образ совершенства в лице Христа-Спасителя».

б) Языческое и христианское понимание нравственности.

Ушинский утверждает, что нравственность не может быть выведена из общества. Разве мы не видим в истории примеров, когда человек стоит выше окружающего его общества?

Выводить совесть из общества нельзя. Общество опирается на индивидуальную совесть человека. Если человек, не вникая никак в угрозы и приманки света, начнёт внимательно прислушиваться к голосу своей совести, он откроет в нем источник премудрости, то есть высшей практической мудрости или нравственности.

Этика у Аристотеля (как и у современных материалистов) — часть политики. «Это чисто языческий взгляд», говорит Ушинский. «По-христиански политика должна быть частью этики».

Ушинский по-новому ставит вопрос о воспитании нравственности. Если педагоги старого времени (а также и вся официальная педагогика нашего времени) вопросы нравственности детей сводили в основном к вопросам поведения, то Ушинский категорически заявляет, что сущность нравственного воспитания не в кодексе правил поведения. Задача нравственного воспитания заключается в том, чтобы создать внутреннюю направленность человека, а поведение является производным и вытекает из внутренней установки личности. «Задача воспитания — пробудить внимание к духовной жизни». — Надо научить ребёнка любить красоту нравственных поступков. «Если ваш воспитанник», говорит Ушинский, «знает много, но интересуется пустыми интересами, если он ведёт себя отлично, но в нём не пробуждено живое внимание к нравственному и прекрасному — вы не достигли цели воспитания».

Нравственная жизнь развивается, как развиваются и все стороны личности человека.

Источник воды живой, — говорит Ушинский, — Евангелие. Если эта вода питает корни растения, оно будет давать цветы и плоды.

Для того, чтобы помочь ребёнку в работе над развитием нравственной жизни, воспитатель должен глубоко вникать в ду-

шевную жизнь ребёнка, он должен переживать вместе с ребёнком. «Создай раньше материал нравственности, а потом её правила», говорит Ушинский. «Надо трудиться над разработкой нравственной жизни».

Есть люди, которые очень сильны в умственной сфере, но не трудятся над нравственным строем своей личности. Кто над чем потрудились, тот то и имеет.

Чувства, а не мысль составляют средоточие душевной жизни, и в их образовании воспитатель должен видеть свою главную цель. «От сердца исходят помышления злые». Воспитание чувств в значительной степени зависит от тех представлений, которые получает ребёнок, от тех ассоциаций, которые образуются у него с раннего детства.

«В душу нашу ложатся следы не простых, но проникнутых чувствами представлений», говорит Ушинский, «не простые абрисы сознания, но раскрашенные чувствами картины».

Воспитание может направить мысль ребёнка на такие представления, которые ослабляют или усиливают определённые стороны душевной жизни. Таким образом, оно может способствовать образованию строя души.

Так, например, если первые ассоциации представлений человека будут взяты главным образом из области чувственных удовольствий, то они могут ослабить всю дальнейшую деятельность его души. «Если дитя слишком сильно погрузится в сферу телесной жизни, — говорит Ушинский, — если в душе его завяжутся обширные и сильные ассоциации, содержание которых взято из этой сферы, тогда трудно пробудить в нём жажду жизни духовной».

Для того, чтобы не причинить вреда душе, необходимо соблюдать разумную меру в удовлетворении телесных потребностей. Так, например, склонность к обжорству развивается как при излишней заботе о питании детей, так и при недостаточной заботе, когда дети вследствие постоянного недоедания вынуждены думать о пище больше, чем нужно. Точно так же склонность к лени развивается не только от бездействия, но и от непосильного труда.

Нравственное воспитание осуществляется лишь там, где ребёнка готовят не для удовлетворения физических потребностей и не для наслаждений, а для разумной творческой деятельности, исходящей из глубоких потребностей его души. Люди, ищущие полезного или приятного, меньше всего извлекали пользы или удовольствия.

«Мы часто готовим детей для того, чтобы плыть по течению и добиваться земных благ, для того, чтобы быть счастливыми», говорит Ушинский. «Мы забываем, что всего этого ищут язычники и что христианское понимание счастья навсегда отделено от языческого».

Чем быстрее и полней вы будете удовлетворять стремление человека к наслаждению, тем несчастнее и ничтожнее вы его сделаете». «Если вы хотите сделать человека вполне и глубоко несчастным, — говорит Ушинский, — отнимите у него цель в жизни и удовлетворите всем его желаниям. Наслаждения и страдание — цветы и тернии жизни, но не сама жизнь».

в) Значение свободы для нравственного развития.

Для нравственной жизни человека свобода так же необходима, как кислород для жизни физической. Стремление к деятельности и стремление к свободе так тесно связаны, что одно без другого существовать не может. «Деятельность, — говорит Ушинский, — должна быть м о я, должна не выходить из м о е й души, следовательно должна быть свободна. Свобода затем только мне и нужна, чтобы делать м о е дело». Чем менее свободы у человека или народа, тем более он вынуждается к фальшивой, кажущейся деятельности и тем несчастней он делается, потому что не живёт серьезными, из души вытекающими интересами.

Деспотизм всегда и везде создавал два сорта людей: плутов или развратников.

На обязанности воспитателя лежит сделать всё, что возможно, для развития в воспитаннике любви к самостоятельному свободному труду. Правильное понимание принципа свободы в воспитании предупреждает развитие своеволия и деспотизма в ребёнке, что особенно важно, потому что подавляя их, когда они уже развились, чрезвычайно трудно, если и возможно, не задеть святого законного стремления человека к свободе.

Воспитание, не дающее свободы развития личности ребёнка, не отвечает своему назначению. «Самые бесхарактерные люди», говорит Ушинский, «выходят из тех семейств, где родители и воспитатели, не понимая свойств души человеческой, беспрестанно вмешиваются в жизнь ребёнка и не дают ему свободно ни чувствовать, ни желать».

Ушинский возражает против системы воспитания в фребелевских детских садах. «В детских садах», говорит он, «следует давать детям как можно больше свободного времени, в которое

надо предоставлять детям делать то, что им угодно. Нельзя вести на поводке волю ребёнка».

Самостоятельная деятельность не вырастает из подражания и не приходит с возрастом. Зерно её коренится в свободной воле человека, рождающейся вместе с душой. Оно скрывается глубже в душе ребёнка, чем может проникнуть туда воспитание, и самые попытки проникнуть могут только помешать развитию зерна.

«Воспитание может много, но не всё».

Эти слова Ушинского выражают глубокое проникновение в жизнь и развитие индивидуальной человеческой души. Вспоминаются слова Гераклита: «Пределов души не найдешь, исходив все пути, так далеко простирается Логос».

Надо дать простор воле ребёнка расти и усиливаться. Уединение по временам так же необходимо ребёнку, как и взрослому. Постоянное пребывание в коллективе приносит вред душе.

Душевная деятельность не должна быть однообразна, но она не должна быть слишком разнообразна, чтобы не растратились силы души.

Чрезмерная перегрузка внешними впечатлениями приводит к растрате душевных сил.

«Не следует», говорит Ушинский, «непрерывно действовать на ребёнка различными чувственными возбуждениями, не следует переполнять его ими, но, напротив, оставить ему время, охоту и силу на самостоятельную внутреннюю переработку». Создание самостоятельной направленности души — единственное, что может обеспечить действительное нравственное воспитание.

Всякое нравоучение, сухие сентенции, словесное морализирование должны быть решительно отвергнуты. «Длинные нравственные наставления, особенно однообразные, — решительно вредны», говорит Ушинский, «так как они приучают к бессилию».

Всякие действия ребёнка из страха наказания или из желания получить награду — не имеют нравственной ценности и являются, по словам Ушинского, действиями вредными, не нормальными. Всякая ложь, всякое насилие, а особенно по отношению к ребёнку, противны христианству. «Как жалко злоупотребляют», пишет Ушинский, «понятием страха Божьего» люди, которые прикрывают им своё неумение сдерживать гнев. Между тем это неумение должно было бы вычеркнуть их из списка воспитателей. «Страх Божий — начало премудрости». Но они внушают детям не «страх Божий», а страх учительский, из которого родится не

премудрость, но ложь, притворство, хитрость, трусость, слабость и ничтожество души». «Можно так воспитывать дитя, чтобы оно с первых лет своей жизни привыкло безусловно повиноваться воспитателю без наказаний и наград». «Любовь — единственное средство подчинить себе душу человека. Кто повинуется другому из любви, тот повинуется уже требованию собственной души, и делает чужое дело своим».

Но, наряду с любовью, для осуществления нравственного воспитания необходима также искренность и правдивость.

Ушинский побывал во многих странах Европы и критически оценил те системы воспитания, которые он мог там увидеть. В частности, глубокое возмущение вызвала у него система воспитания в иезуитских школах. Методы иезуитского воспитания, по мнению Ушинского, противоположны свободному христианскому воспитанию. Чтобы приготовить в воспитаннике пассивное или активное орудие ордена, нужно прибегать к обману и шпионству. Для того, чтобы сделать его правдивым и честным человеком, нужно поступать с ним всегда честно и правдиво. Дурные средства нужны для дурных целей. Истинная религия не нуждается ни в каких хитростях и ни в каких насильственных оградах.

Возбудите в человеке искренний интерес ко всему полезному, высшему и нравственному и вы можете быть спокойны, что он всегда сохранит человеческое достоинство.

Строй души вырабатывается постепенно, и для того, чтобы помочь ребёнку в этом, воспитатель должен прежде всего внимательно присматриваться к ребёнку, изучать его особенности.

Мы не знаем, может ли воспитание усилить или ослабить природенную силу души, но всегда в большей или меньшей власти воспитателя отвлечь душевную деятельность от сфер непроизводительных, ложных или даже вредных и сосредоточить ее в сферах производительных и полезных.

Воспитателю нужно упражнять волю ребёнка и мало-помалу передавать ему власть над своей нервной системой. Всякое нетерпеливое действие со стороны воспитателя производит последствия совершенно противоположные тем, которых он ожидает.

Часто можно сделать ошибку, несправедливо заподозрив душу ребёнка в слабости только потому, что она оказывается слабой в той сфере, куда мы её призываем.

Для того, чтобы правильно подходить к чувствам и поступкам ребёнка, необходимо помнить, что всё это — «летопись начинающейся истории души», а не «непоправимое событие». «Душа ребенка», по словам Ушинского, «не пришла еще к единству

сама с собой, поэтому и чувства его не выражают весь строй души, а только не связанные части этой будущей душевной сети, которая подготавливается. Поэтому, не придавая абсолютного значения чувствам ребенка, воспитание должно работать над их направлением.

г) Значение привычки и борьба с дурными привычками.

Рычаг воспитательной деятельности — привычка. На необходимость привычки в различении добра и зла указывает апостол Павел. (Послание к евреям).

Для укоренения привычки требуется время, как требуется оно для возрастания семени, посаженного в землю. Воспитатель, который торопится с укоренением привычек и навыков, рискует вовсе не укоренить их. Для искоренения дурных привычек существуют два средства: по возможности устранять повод к проявлению вредной привычки и в то же время направлять деятельность ребёнка в другую сторону.

Слишком крутое искоренение привычек может возбудить ненависть к воспитателю, а самую привычку обратить в страсть. В ребенке необходимо возбудить уверенность, что от него ожидают хорошего. Как бы ни был испорчен ребенок, мы должны показать ему любовь и доверие.

Говоря о борьбе с отрицательными чертами характера и поведения ребенка, Ушинский выдвигает мысль, очень близкую к той, которая постоянно встречается у христианских подвижников: для искоренения порока необходимо заботиться о развитии соответствующей, но противоположной ему добродетели. Если у ребёнка есть склонность ко лжи, надо поощрять его правдивость, если у него наблюдается злость, надо искать случая пробуждать в нем нежные чувства; если он раздражителен, надо стараться не возбуждать его, но действовать успокаивающе. Главное же — необходимо дать ребенку возможность быть разумно деятельным. «Ни один воспитатель, как бы неусыпна ни была его деятельность, не может руководить всей душевной деятельностью даже немногих воспитанников; поэтому он должен окружить их такой атмосферой, в которой они легко могли бы с а м и найти себе деятельность.*

* Необходимо научить ребенка ценить время. «Время — деньги», говорят американцы. «Нет», возражает Ушинский, «время, отпущенное нам на земле, это тот невещественный капитал, на который мы покупаем вечность».

Воспитатель не должен забывать, что если ему удастся искоренить какую-либо вредную склонность ребенка, то он тем самым разрушает привычную сферу его душевной деятельности, и сила души, оставшаяся свободной, потребует себе помещения и если не найдет такого, какое следует, то обратится в прежнюю или создаст новую, может быть худшую. «Когда нечистый дух выйдет из человека, то ходит по безводным местам, ища покоя, и не находит; тогда говорит: возвращусь в дом мой, откуда я вышел. И придя находит его не занятым, выметенным и убраным; тогда идет и берет с собой семь других духов, злейших себя, и вошедши живут там и бывает для человека последнее хуже первого». (Еванг. от Матф. 12).

Анализируя факты жизни и развития человеческой души, Ушинский повсюду приходит к раскрытию глубокого психологического смысла слов Священного Писания. Он ясно осознаёт глубокую органическую связь психологии и педагогики с христианством.

«Религия не только основана на откровении», говорит Ушинский, «но она связана также с неумолкаемой и всеобщей потребностью души человеческой». Психологии следует разъяснять историю развития религиозного чувства в душе человека и условия споспешествующие и противодействующие этому развитию. Психология и педагогика, поскольку они направлены и имеют своим предметом развитие души человека, не могут быть оторваны от христианства, так как душа человека, по прекрасному выражению Тертулиана, «родится христианкой».

В религии заключается подлинный учебник психологии.

Работа над нравственным воспитанием, как уже говорилось, есть прежде всего работа над чувствами ребенка. «Как можно воздействовать на чувства?», спрашивает Ушинский и отвечает: «Через представления». «Никаким насильем нельзя переменить любовь в отвращение, но этого можно достигнуть терпеливым подбором представлений».

Надо обращать внимание детей на внутренний мир, приучать их вникать в душевное состояние других людей, ставить на место обиженного и чувствовать то, что он должен чувствовать. Научить ребенка этому — значит дать ему возможность быть справедливым. Для того, чтобы эта возможность превратилась в действительность, надо, «чтобы ребенок не только понимал свою неправоту, но чтобы для него было несносно чувствовать себя неправым».

Справедливость не исчерпывает всю область нравственного, но она необходима для гражданской жизни. Справедливость требует только, чтобы мы не нарушали права других, как будто это право было наше собственное.

Для того, чтобы достигнуть цели нравственного воспитания, педагог должен стремиться как можно глубже понять душевную жизнь человека. Вот как излагает Ушинский эту чрезвычайно важную для воспитателя мысль:

«Можно требовать, чтобы, взявшись за воспитание человека, педагог употребил все зависящие от него средства на то, чтобы сколько возможно ближе ознакомиться с предметом всей своей деятельности. Он должен узнать человека, каков он есть в действительности со всеми его слабостями и во всем его величии, со всеми его будничными мелкими нуждами и со всеми его великими духовными требованиями».

Воспитатель должен знать человека в семействе, среди человечества и наедине со своей совестью; во всех возрастах, во всех классах, во всех положениях, в радости и в горе, в величии и унижении, в избытке сил и в болезни, среди неограниченных надежд и на одре смерти, когда слово человеческого утешения бессильно.

Он должен знать побудительные причины самых грязных и самых великих мыслей и историю развития всякой страсти и всякого характера.

Тогда только будет он в состоянии почерпнуть в самой природе человека средства воспитательного влияния, а средства эти громадны».*

Одним из важнейших источников нравственного развития человека является, по учению Ушинского, воспитание любви к труду. Но для того, чтобы понять тот нравственный смысл, который находит Ушинский в труде, необходимо отдать себе отчет в том, что труд является для Ушинского не только средством удовлетворения материальных потребностей, но, в первую очередь, путём к нравственному совершенствованию.

Понятие труда неразрывно связано с понятием творчества и с понятием смирения — одного из величайших нравственных понятий, которыми, по выражению Ушинского, «христианство обогатило мир».

* Воспитатель должен изучать индивидуальность воспитанника, помня, что один и тот же поступок двух различных людей — это два совершенно различные поступка, которые требуют к себе разного отношения.

Гордость, по мысли Ушинского, не может быть источником истинного творчества, так как гордость всегда есть ограниченность, односторонность. Творчество в смиренности. «Вот почему в Спасителе», говорит Ушинский, «виден Бог-Творец». И человек творит, поскольку он смирен.

Сравним эту мысль Ушинского со словами Аввы Дорофея: «Ветвь, на которой нет плодов, растёт вверх, а ветви, полные плодов, нагибаются книзу. Так и душа, когда смиряется, тогда приносит плод, и чем более смиряется, тем более приносит плода».

В полном согласии с пониманием этого вопроса святыми отцами Ушинский утверждает, что труд — лучший хранитель нравственности.

«Закон свободного труда», говорит Ушинский, «Господь начертал и во внешней природе и в самом человеке, в его теле, сердце и уме. Высылая человека на труд, Творец сделал труд необходимым условием физического, нравственного и умственного развития и самое счастье человека поставил в неизбежную зависимость от личного труда. «Трудись», сказал Он человеку, и в этом слове выразилась вся неполнота падшей природы человека и всё достоинство его земной жизни».

Труд сделался отличительным признаком сына земли, знаком его падения и указанием пути к совершенствованию, признаком бессилия и залогом силы, цепью, накинутой природой на человека, и уздой для обуздания самовластия природы, клеймом рабства и печатью свободы. Жизнь и самое счастье стали трудом, и в труде же нашёл человек и жизнь и достойное его счастье.

Дело, вытекающее из самой души, значит для человека более самой жизни, и в этом отношении, говорит Ушинский, «психология блистательно подтверждает глубокие Евангельские слова о том, что, ища сберечь жизнь, мы её губим, а тратя жизнь для дела, мы находим самую жизнь».

Религии Востока зовут человека к пассивности, и только в христианстве мы находим направленную к неустанному «деланию» и творчеству жизнь. «Не в том ли», спрашивает Ушинский, «заключается обещанный Спасителем покой», что душа, вся отдавшись своему делу, не замечает уже наслаждений, не возмущается страданиями, не ощущает никакой гордости. Вся она — одно могучее творческое слово: «да будет!»

Но нельзя ли построить нравственное воспитание и на принципах материализма?

Ушинский хорошо показал внутреннюю противоречивость подобных попыток.

В самом деле, что является конечной целью деятельности человека с точки зрения материализма? Если мы даже возьмём самую последнюю современную нам формулировку, то и тогда мы увидим, что данный Ушинским анализ является достаточным для её рассмотрения.

В книге, выпущенной в 1953 г., мы читаем, что целью труда является «максимальное удовлетворение непрерывно растущих потребностей». Вот что говорит по этому вопросу Ушинский: «окружите человека всеми материальными благами, и он не только не делается лучше, но не будет и счастливей, и, что-нибудь из двух: или будет тяготиться самой жизнью, или быстро начнёт понижаться до степени животного. Это нравственная аксиома, из которой не вывернуться человеку. Зерно его существа — бессмертный дух — требует иной пищи, и, не находя её, или томится голодом, или покидает человека заживо. Вот почему всякая школа (и всякое воспитание), позабывшая слова Спасителя: «Не о хлебе едином жив будешь» и приготавливающая человека только к материальной жизни, как бы утончённа эта жизнь ни была, и сколько бы ни требовалось для неё познаний, не выполняет своего назначения. Она не приготавливает человека к жизни, но на первых же шагах сбивает с настоящей дороги». «Как ничтожна и шатка теория морали материалистов!» восклицает Ушинский...

Возникает вопрос, чем же объяснить, что среди материалистов мы встречаем немало хороших людей, которые руководствуются в жизни высокими нравственными принципами?

Для психолога и педагога, говорит Ушинский, поучительное явление представляет тот факт, что люди, проповедующие мирозерцание, из которого никак не вытекают нравственные правила христианства, руководствуются в жизни теми принципами, которые христианство внесло в жизнь человеческого общества.

Так например, отвергая свободу в человеке, они требуют её в своих политических убеждениях; низводя в своём мирозерцании человека до степени животного, требуют в то же время признания высочайшего человеческого достоинства. Они ищут истину и отвергают ложь, хотя мысль, «как свойство организованной материи, не может быть ни истинной, ни ложной».

Это замечательное противоречие между мирозерцанием человека и его нравственными принципами должно показать огромное расстояние между мирозерцанием, опирающимся на данные науки, и нравственными принципами, живущими в обществе и незримо воспитывающими новые поколения. Это показывает,

что христианская традиция так глубоко подействовала на нравственные убеждения человека, что он может с большей безопасностью выносить в своём сознании противоположное мирозерцание. Материализм не проникает даже в характеры тех, которые сделали его своим мирозерцанием».

2. Эстетическое воспитание.

Эстетическое воспитание неотделимо для Ушинского от нравственного воспитания, а то и другое вместе — от основного стержня «центральной христианской идеи», без которой рухнет всё воспитание и всякое разумное понимание достоинства человека и смысла его жизни на земле. В самом деле, что такое красота? Красота, отвечает Ушинский, это Истина в такой форме, что сила её непосредственно действует на душу.

Самая возможность эстетических переживаний — непосредственного действия Истины на душу человека, заключает в себе, по словам Ушинского, «чувствительное, фактическое доказательство божественности души человеческой». Вот почему материализм так тяжело сталкивается с искусством и так бессильно хочет объяснить его своими средствами.

Высшая красота открылась людям в образе Воплотившегося на земле Слова Божьего, и то непосредственное действие, какое оказывает этот Образ на душу человека, свидетельствует о его всепобеждающей силе. Вид Распятого Христа с одной художественной стороны действует победоносно: «смирися бо до смерти крестныя».

«Смирение безграничное есть безграничное сосредоточение духа. Это смирение, создавшее мир».

«Человек неверующий, но не предубеждённый», говорит Ушинский, «прочитав в первый раз Евангелие и дойдя до минуты смерти Христа, не верит в эту смерть. Если Христос мог умереть навсегда, то как же земля может не распасться на части и солнце может светить? Как звёзды могут не сталкиваться на пути своём, и всё не превратится в хаос! В этом, говорит Ушинский, истинная художественность христианства. «Сердцем веруется в правду».

«Разве может быть сомнение в том, что нравственное прекрасно, то есть производит эстетическое впечатление?» спрашивает Ушинский. «Мне кажется», говорит он, «что нравственно прекрасно все то, в чем не форма только, но и содержание прекрасно. Таково Распятие. Здесь содержание сделало и форму художественной и доказало миру, что творческая сила в нравственном. Но здесь и границы искусства».

«Нет художника, который бы воплотил Истину в форме статуи или картины. Она раскрыта для нас в Евангелии».

«Нет статуи и нет картины», говорит Ушинский, которая воплотила бы чувство, разливающееся по Руси в день Светлого Воскресения, когда из края в край гремит одно слово:

«Христос Воскресе, яко Всесилен!»

Протестантские пасторы часто вооружались против эстетичности в религии. Они смотрели на религию, как на обязанность. «Такая религия», говорит Ушинский, «не художественна, но она и не религия».

Эстетический элемент необходимо входит в состав христианского богослужения. «Мы украшаем храм Божий всем, что дает лучшего наша земля и что нам нравится: в драгоценные камни, золото, мрамор, хотя это такая же земля, как и все остальное.

И для иноверца, умеющего ценить глубину идей и красоту форм, каждое украшение, каждая песнь проникнуты той величавой красотой, подделка под которую еще более невозможна, чем подделка под классическую древность.

Все эти элементы прекрасного не остаются внешней формой, но помогают душе человека проникнуть глубже в содержание и смысл богослужения.

Эстетическая неотъемлемая принадлежность христианства, которое исповедует Воплотившегося на земле Бога — Спасителя мира. «Оставьте в стороне», говорит Ушинский, «догматическое значение наших церковных служений, взглянем на них глазами этики языческой. — Что выражено в них?

Торжество нравственности, всемирное торжество в ранах, в рубище, посреди насмешек, поруганный, на кресте, во гробе... Торжество тем более сияющее, чем более оно унижено».

«Что более возвышенного может дать человеческая философия, история, искусство?» спрашивает Ушинский.

«Вот та укрепляющая атмосфера, в которой воспитывается христианское дитя. Очищайте ее от миазмов, если они по слабости и невежеству людей проникли в нее, но не извлекайте из нее детей, если не хотите, чтобы они задохнулись за неимением нравственного воздуха».

3. Религиозное воспитание.

Вопрос о религиозном воспитании не является для Ушинского частным вопросом, одной из сторон воспитания. Тем более религиозное воспитание не есть нечто внешнее, чуждое, навязан-

ное ребенку взрослыми, как об этом еще в то время писали некоторые авторы, в статистических данных «обобщая» извращенную «практику» современных им фарисеев.

Религиозное воспитание должно начинаться с самого раннего детства, отвечая глубочайшим потребностям детской души. Религиозное чувство не может быть оторванным от жизни, оно живет и развивается вместе с развитием самосознания ребенка и осознанием им окружающего мира.

Вот как пишет об этом сам Ушинский: «Религиозное воспитание — это родная, живительная, органически необходимая для роста и нормального развития детской души атмосфера, которая встречает ребенка при его вступлении в жизнь, окружает его младенчество, и, вместе с первыми проблесками самосознания, с первыми впечатлениями от близких людей и окружающей природы, создает то ощущение жизни, навстречу которому тянутся растущие силы ребенка с его потребностью познать, действовать, любить и быть любимым».

Религия непременно должна пройти «глубже сознания» для того, чтобы заложить прочный фундамент для развития сознательной жизни. Первые впечатления жизни сливаются воедино, и если взрослые не создадут намеренных преград для проникновения благодатных сил в душу ребенка, религиозное чувство пробуждается в нем на самой заре жизни. Мы видим многочисленные случаи, что даже там, где взрослые оказывают противодействие, небесные семена веры иногда чудесным образом проникают в души детей. «Вера врождена человеку. Это очень важно для педагога», говорит Ушинский. «Он должен дать пищу сердцу, уму и вере, чтобы не окануть человека».

Педагог должен знать, в какие крайности и грубые предрассудки вдается человеческая душа, если врожденная ей потребность религии не удовлетворяется как следует, то есть истинно христианским верованием.

«Как бы примитивно ни было религиозное чувство, оно само по себе», по словам Ушинского, **«выше всех остальных чувств»**.

«Там, где дело касалось веры и души человеческой, Ушинский был чрезвычайно осторожен. Он понимал, что вера есть небесное сокровище, которое вручено человеку Творцом, как рай Адаму, чтобы его «хранить и возделывать». Поэтому он бережно относился к тем «религиозным предрассудкам и суевериям, которые можно встретить в народе. Исторические пути воспитательного воздействия духовных истин на жизнь народов своеобразны. Были времена, когда святые подвижники шли в глубину лесов со

своей могучей проповедью. Но в настоящее время христианские правила жизни более передаются, как святое преданье, чем обновляются и возрождаются вновь из их непосредственного источника. Но всякое предание, только прочувствованное, но мало осознанное и переходящее в привычку, подверглось влиянию веков, одевающих плесенью и твердую скалу, и, не очищенное огнем сознания, несёт из поколения в поколение не только истинно нравственные правила, но и предрассудки и суеверия. «Так река выносит из глубины лесов и болот песок и ил, которые потом где-нибудь скажутся мелями». Ушинский не советует слишком ревностно и торопливо стирать эти предрассудки, чтобы не задеть того драгоценного зерна, которое мы дать не можем и для которого предрассудок служит иногда обороняющей скорлупой. Гранить алмаз надо очень осторожно и умеючи, он и в коре сохранит всегда свою цену и дожждётся искусного художника, а в руках самонадеянного невежды может утратить большую половину цены.

Не заключено ли в этих словах глубокое психологическое наблюдение, выраженное в словах Евангелия: «Оставьте плевелы и пшеницу расти вместе до жатвы».

Величайшая бережность нужна в обращении с душой человека, где иногда нетрудно разрушить, но так трудно созидать.

«Никакими эгоистическими расчётами не исчерпать потребностей души человеческой. Много есть в ней непостижных влияний, не вполне раскрытых чувств, и именно из этих глубоких тайников души человеческой рождаются и лучшие побуждения и величайшие помыслы и благороднейшие деяния».

Огромное воспитательное влияние имеют на ребёнка церковные праздники. Вот что говорит об этом Ушинский.

«У ребёнка на всю жизнь остаются воспоминания о тех мирных, сияющих торжествах, о тех то грустных, то торжественных мотивах, которые предлагает православная Церковь в дни великих праздников.

Для ребёнка Светлый Праздник и весна, Рождество и зимний пейзаж, Спас и спелые плоды, Троица и зелёные берёзки сливаются в одно могучее впечатление, свежее и полное жизни. Церковь со своими торжественными обрядами, природа со своими годовыми переменами и семья со своими праздничными обычаями и весёлостями — вот три элемента, озаряющие в памяти ребёнка каждый праздник.

Обряды православной Церкви имеют **великое воспитательное влияние** уже и потому, что они сами собой, без посредствующих

объяснений обнимают детскую душу святым религиозным чувством, настраивающим её на возвышенный, торжественный лад».

Ушинский протестует против высказываний тех педагогов, которые считают, что религиозное чувство мало доступно детям. «Евангелие», говорит он, «действует и на ребёнка, служение также, обряды также. Они укрепляют религиозное стремление».

4. Религиозное образование.

Принцип сознательности играет ведущую роль в педагогической системе Ушинского. Поэтому и в отношении этих важнейших основ воспитания он указывает на то, что без осознания истин религии они не могут стать основой и руководством для жизни человека. Систематическое ознакомление с истинами религии должно начаться возможно раньше.

«Религиозное образование должно с ранних лет ложиться на душу человека, как верный залог того, что он не собьётся с дороги, как верный якорь спасения в дни житейских бурь и душевных тревог».

К сожалению, мы не находим у Ушинского систематического изложения этих вопросов. Третий том «Педагогической антропологии», посвященный духовному развитию ребёнка, Ушинский, как известно, не успел написать, и его размышления по этим вопросам разбросаны в отдельных томах его сочинений.

Ушинский бывал во многих странах Европы, где изучал положение школьного дела. Критически оценивая то, что он видел, он высказывает отдельные очень ценные мысли по вопросу об обучении детей религии. Обучение это не должно быть сухим, книжным, но живым и конкретным. Оно не должно быть ни в коем случае омрачено тяжёлыми ассоциациями, но должно быть связано с самыми светлыми, отрадными воспоминаниями. Так, первое ознакомление с Евангельскими событиями всегда удобнее совместить с объяснением предстоящих праздников. «Тогда», говорит Ушинский, «и церковная служба, и рассказ матери, и праздничное чувство ребёнка — всё соединяется, чтобы оживить то или другое событие».

Здесь, как и везде, а может быть и более, чем где бы то ни было, надо прислушаться к переживаниям самого ребёнка. «Для того, чтобы стать христианским педагогом», говорит Ушинский, «надо снизить до потребностей ребёнка, заглянуть в его душу».

Образцы такого подхода к ребёнку даны в рассказах «Родного слова». «Для маленьких детей», говорит Ушинский, «гораздо

больше религии в детском рассказе из их жизни, чем в целой странице катехизиса, вызубренной наизусть, но не оставившей никакого следа в сердце».

В школах Швейцарии Ушинский наблюдал, как проводились беседы с детьми на темы Священного Писания. «Дети», говорит он, «принимают в них самое живое участие; спрашивают, добавляют, угадывают окончание, рассказывают, что случилось с ними. Иногда можно слышать один и тот же библейский рассказ и в малолетнем классе от ребёнка 5-ти лет, и в выпускном от девушки 18-ти лет. Но какая разница! Там это наивный детский рассказ, здесь — критически разобранный, глубоко прочувствованный страница Библии».

Ушинский является сторонником концентрического обучения, то есть такого, при котором одни и те же темы разрабатываются на каждом этапе развития ребёнка соответственно с его возможностями, для того чтобы дети глубже и основательней усваивали тот материал, который они изучают. «Исторические рассказы», пишет Ушинский, «надо проводить так, чтобы в первый раз были рассказаны только важнейшие черты события, а когда эти черты запечатлеются в памяти, тогда привязывать к ним другие черты и происшествия, носящие второстепенный характер. Одна прочно залегшая черта в состоянии потом выдержать много привязанных к ней подробностей. Если же сначала дать подробный длинный рассказ, то ребёнок не заметит главного. Чем прочней фундамент, тем прочнейшее здание можно на нём возвести».

Органический рост души можно сравнить с ростом сильного дерева, которое приобретает новые ветви и в то же время укрепляет корень.

То учение, которое проводят обычно в школах, Ушинский уподобляет пьяному вознице с дурно увязанной кладью. Он гонит всё вперед, не оглядываясь, и, хвастаясь тем, что прошел длинную дорогу, привозит домой пустую телегу.

Первые рассказы не должны ставить перед собой задачу изложения всего хода событий Священной Истории. Дети 7-10-ти лет не в состоянии обозреть такое широкое поле. Они в состоянии обозреть одно какое-нибудь несложное и недлинное событие. Вот почему в первых библейских рассказах должны быть сообщаемы отдельные события Ветхого и Нового Завета.

В лучших заграничных школах в первый год обучения (детям от 6-ти до 8-ми лет) сообщается не более десятка рассказов.

На следующий год снова повторяются рассказы как первого, так и второго года с новыми подробностями и объяснениями.

Только когда в памяти детей запечатлеется совершенно конкретным образом столько отдельных библейских рассказов, что их можно уже связать одной общей нитью, начинают излагать Священную Историю в порядке. Рассказывая детям отдельные библейские истории, надо иметь в виду дать прочный материал для будущей постройки.

Чем прочнее и свободней овладеет ребёнок этим материалом, чем ярче и определённой будут отдельные образы, тем скорее и легче пойдёт со временем самая постройка. Вот почему библейские рассказы, переданные раз, должны постоянно повторяться для того, чтобы предупредить забвение.

Как должен учитель готовиться к рассказу? Ушинский даёт совершенно конкретные указания: «Учитель непременно должен заранее обдумать свой рассказ и даже написать его. Возьмите какой-нибудь библейский рассказ по библейскому тексту. Прочтите его сами со вниманием, отделите то, что вы можете рассказать и объяснить в первый раз, от того, что можно добавить при втором и третьем рассказе того же события.

Рассказав детям событие, вы делаете ударение на фактах, собственных именах, выражениях, составляющих сущность рассказа, и потом можете обратиться к детям с такими вопросами, в ответ на которые они передали бы вам главные черты события. Затем следуют вопросы, исчерпывающие событие.

Более способные ученики передают всё целиком, остальные добавляют».

Тон библейских рассказов должен быть не педантическим и книжным, но вполне серьёзным и отличаться особенной задушевностью. Серьёзность рассказа не должна делать его скучным и вялым. «Хорошие рассказы по истории библейских событий, которые я имел возможность в школах у нас и за границей», пишет Ушинский, «передают эти события не как нечто давно прошедшее, но как происшествия, только вчера виденные или слышанные».

Интерес, проявившийся в словах рассказчика, пробуждает веру и в детском сердце. Очень большое значение придавал Ушинский здесь, как и везде, наглядности в обучении. Наглядность, в силу образующихся ассоциаций, придает эмоциональный, глубоко личный характер тем мыслям, которые мы стремимся внушить ребёнку даже в тех случаях, когда они сами по себе абстрактны.

«Кто не замечал за собой, что в памяти нашей сохраняются с особенной прочностью те образы, которые мы восприняли сами посредством созерцания, и что к такой, врезавшейся в нас картине мы легко и просто привязываем даже отвлеченные идеи, которые без того изгладились бы из памяти.

Вот почему Сам Божественный Учитель наш показал нам великий пример наглядного обучения. Он брал полевую лилию и, указывая на неё, говорил о доверенности к Провидению. Он указывал на стены иерусалимские и говорил о тщете всего земного, брал простые общеизвестные примеры из обыденной жизни и выводил из них высокое учение о Царстве Божьем.

Ушинский затрагивает также вопрос о том, как приучить детей сознательно воспринимать богослужение. «Предположим», пишет Ушинский, «что преподаватель хочет объяснить ученикам главные священнодействия литургии. Для этой цели он должен спросить у них, что они заметили, присутствуя в церкви.

Если преподаватель заметил, что ученики его, хотя и ходили в церковь и, может быть, усердно молились, но не вникали достаточно в слова священнослужителей и пение клира, так что не заметили даже порядка главнейших действий, пусть скажет им, чтобы в следующее воскресенье они заметили всё, что делалось в церкви, а потом потребует отчета в том, что они заметили. Это должно быть повторяемо до тех пор, пока большинство будет в состоянии рассказать в порядке весь ход литургии. Только тогда можно приступить к объяснению самих священнодействий и их порядка. От такого приёма преподавание приобретает не только наглядность, но высокое, торжественное, живое значение».

Кроме того, ученики приобретают привычку быть внимательными в церкви.

Открыть в церкви для человека источник духовного развития и нравственных убеждений — высшая цель всякой народной школы. «Школа», говорит Ушинский, «учит человека сравнительно недолго, церковь поддерживает и настаивает его от колыбели до могилы».

Общее развитие и необходимые знания помогут человеку воспользоваться этой поддержкой и этими наставлениями.

Воспитание, так, как его представляет себе Ушинский, есть дело глубоко христианское и имеющее самое непосредственное отношение к церкви. И действительно, разве не были все святые, подвижники и великие старцы наилучшими воспитателями? Не случайно назвал историк Ключевский преподобного Сергия бла-

годатным воспитателем русского народа. «По коренному смыслу христианской религии, — говорит Ушинский, — духовный пастырь должен быть не только служителем алтаря, не только проповедником Слова Божьего, но и наставником и учителем. На обязанности его лежит не только совершение таинств, но и введение каждого христианина в смысл христианских истин и в нравственный храм христианства. Приготовляя христианина к будущей жизни, христианский пастырь имеет назначение возвышать людей в этой жизни и открывать источник того благодетельного влияния, которое христианская религия оказала на умственное и нравственное развитие человеческих обществ».

«Сам Спаситель», говорит Ушинский, «указал на необходимость особенного внимания к детям — «таковых бо есть Царство Небесное». «Какое общество», спрашивает Ушинский, «может быть приличнее для проповедника религии Спасителя, как не общество детей, которыми Он так любил Себя окружать и заботу о которых заповедал Своим ученикам».

Нельзя отделить религию от жизни, очерчивать для нее какой-то узкий круг. «Лукавое отделение религии от жизни есть идолопоклонство», говорит Ушинский, «оскорбляющее религию и разрушающее жизнь». «Христианство есть жизнь. Не сказал ли Спаситель, что кто хочет спасти душу свою, тот погубит её, и кто погубит её ради веры и ближних своих — спасет её. Это вечно живая основа христианства. Кто удаляется от неё, тот удаляется разом и от христианства, и от жизни».

Каким бы глубоким и ценным ни были сами по себе предметы изучения, предлагаемые детям, если они не могут быть на данном этапе осознаны ребёнком, не могут быть прочувствованы им и связаны с жизнью — они принесут вред, а не пользу.

Обучение, которое не связано с жизнедеятельностью ребёнка, с его нравственной и интеллектуальной практикой, является карикатурой на обучение. При таком обучении нередко можно наблюдать, что «не только понятия, но и идеи лежат в голове мёртвыми вереницами, как лежат, по преданию, оцепенелые от стужи ласточки».

Каким же должен быть педагог-воспитатель? Какие требования необходимо предъявить к тому, кто берётся за дело воспитания человека? Прежде всего необходимо заметить, что отделение воспитания от обучения так же немисливо для Ушинского, как отделение теории от практики. «Обучение — одно из важнейших средств воспитания», говорит он. Изучив все школьные системы

Европы, он говорит, что только в Англии поняли, что «единственная задача школы — воспитание».

Педагог должен глубоко знать человека, он должен внимательно изучать своего воспитанника. Ушинский отрицательно относится ко всяким попыткам обучать и воспитывать детей, не опираясь при этом на их изучение. Все попытки подобного рода он считал заранее обречёнными на неудачу.

Воспитателем может быть только тот, кто относится к своей деятельности искренне и творчески, а не является механическим исполнителем указаний.

«Всякие уставы, предписания, программы», говорит Ушинский, «самые дурные проводники идей. Плох тот защитник идеи, который проводит её только потому, что она есть в уставе и точно так же примется за другую, когда устав переменится. Воспитатель не чиновник, а если он чиновник, то он не воспитатель». Воспитатель не должен быть односторонним, иначе он не в состоянии будет понять многообразие путей развития человеческой души. «В таком практическом деле, как воспитание, всякая односторонность скажется практической ошибкой». Воспитатель не может быть равнодушным к религии. Сердце, совершенно удовлетворённое земным, и остается в этой сфере. Но такой человек не в состоянии понять развития души и её стремлений, он не может осознать ни целей, ни путей воспитания. «Кто не имеет религии и не чувствует в ней потребности, не может воспитывать детей», говорит Ушинский.

Воспитание неотделимо от самовоспитания. «Цельность, беззаветная искренность души», говорит Ушинский, «единственная основа и залог действительного, а не призрачного воспитания». «Человек с двоящимися мыслями не твёрд во всех путях своих». Как же может такой человек быть руководителем молодого поколения? Человек, у которого нет цельности и искренности в душе, не может близко подойти к душе ребёнка, он будет «непрерывно нарушать гармонию детского мира».

«Только тот», говорит он, «кто сохранил в себе возможность во всякую минуту стать лицом к лицу со своей собственной душой, не отделяясь от неё никакими предубеждениями, никакой привычкой, кто не торгуется с самим собой и готов во всей целостности души решаться на то или другое, без задних мыслей, скрытых чувств, обманчивых фраз — только тот способен идти по дороге самоусовершенствования и вести по ней других».

Невозможен успех воспитания там, где между учителем и воспитанником нет искренней духовной связи.

Самым большим злом является та сознательная или привычная ложь, которая проникает и в сознание воспитателя, и в сознание ребёнка и в отношения между ними, образуя целую систему лжи, которую перестают замечать. (Это печальное явление столь же характерно для нашего времени, как и для того времени, к которому относится деятельность Ушинского). «Когда ребёнок начинает играть роль перед самим собой и перед другими, душа его раздвояется. Сеются семена лжи, которые приводят к лживости в жизни человека и общества, и имеют своим результатом, по словам Ушинского, «бездну несчастья и фиктивное, недостойное человека счастье».

Такой жизни и такому душевному разложению человека Ушинский противопоставляет «вечно нестареющее детство души».

«Детство души», по определению Ушинского, заключается во всегдашней готовности искренне решать основные вопросы жизни. «Если человек перестает о них думать», говорит Ушинский, «он перестаёт быть ребёнком, но перестаёт быть и человеком». «Если не будете как дети, не войдете в Царство Небесное».

Заключение.

Мы видели, что философской основой всей педагогической системы Ушинского была христианская идея. Компасом на трудном пути его жизни, его исканий в области теории и практики воспитания — Евангелие, а конечной целью воспитания — тот идеал человека, который передан нам через апостолов: «подражателями будьте мне, как я — Христу».

Но Священное Писание и история учат нас, что истинные ученики и последователи Спасителя всегда «гонимы будут». Ушинский принадлежал к числу тех, которые ищут прежде всего «Царства Божьего и Правды Его». Не того искала в то время официальная церковь в России, находившаяся фактически в подчинении у светской власти. Сколько мыслящих русских людей соблазнились этим положением вещей и, не разобравшись в нём до конца, отвернулись от Церкви и Вечной Истины, хранительницей которой она является на земле (Белинский, Герцен и т. д.). Но Ушинский глубже понимал пути развития души человеческой. Несправедливые обвинения и происки врагов не могли восстановить его против Церкви. Подобно многим апологетам христианства во все века, он стал борцом за Истину и чистоту церкви, внутри её.

«Истина всегда остаётся святой и чистой, какими бы нечистыми руками к ней ни прикасались», говорит он. «Таково чудное

свойство Истины». Тёмные силы ополчились против Ушинского клеветой, доносами, требованиями запретить издание его книг и учебников.

Против «Родного Слова» начался настоящий поход, который затянулся на 15 лет. Ушинского отстраняли от работы в учебных заведениях, в которых он вводил невиданные в то время преобразования, уча учителей и воспитателей видеть в ребёнке живого развивающегося человека, а в процессе обучения — средство для его подлинного развития и воспитания. Однако остановить влияние идей Ушинского было невозможно. До запрещения его книги уже разошлись в тысячах экземпляров. За 10 лет, пока «Родное Слово» не находилось под запретом, оно выдержало 38 изданий. Когда дочь Ушинского (уже после его смерти) добилась разрешения книги, она вышла уже 116-м изданием.

Основные обвинения против Ушинского заключались в том, что вместо схоластической учёбы, заучивания наизусть непонятных текстов в школах начали читать доступные детям сказки, песни, загадки. Из места пыток для детей школа превратилась в место радости. В школе впервые слышалась живая речь, раздавался весёлый смех детей. В букваре вместо поучений появились рассказы о репке, петушке и зайчике. Это «светское» направление учебников Ушинского сторонники старой школы считали «греховным». При этом они ссылались на народ, который имеет якобы отвращение к «мирскому». Ещё больше смушало их в «Родном Слове» и «Детском мире» Ушинского обилие материала, знакомящего детей с жизнью окружающей природы.

Враги Ушинского не останавливались даже перед обвинением его в атеизме. Поводом послужили будто бы сказанные Ушинским в частной беседе слова о том, что он предпочтёт преподавателя атеиста, но честного человека, ханже и лицемеру.

Отвечая своим обвинителям, Ушинский выражает протест против того факта, что он вынужден официально оправдываться в словах, сказанных в частном разговоре и в домашней обстановке.

В то же время он прямо говорит о том, что религиозный лицемер хуже всякого атеиста и губительней действует на общество. «К неверию атеиста у него присоединяется ложь и страшная дерзость, так как он Имя Божие употребляет для своих корыстных целей».

«Сколько юных благородных сердец именно потому уклонились от религии, что встретились с отвратительным лицемер-

рием». Не материализм опасен для веры, но мнимые и лицемерные её защитники.

В одном из доносов Ушинский был обвинён в непочтительном отношении к митрополиту Филарету. В ответ на это обвинение Ушинский пишет: «Речь шла не о митрополите и составленном им катехизисе. Я вооружился лишь против буквального изучения катехизиса и доказывал, что наизусть нужно учить только молитвы и тексты Священного писания, но не учебник, и что преосвященный Филарет, вероятно, не для того писал свой катехизис, чтобы его зубрили от доски до доски, и если бы сам преосвященный действительно этого требовал, то он поступил бы против правил педагогики. Буквальное зубрение каких бы то ни было учебников способно убить живое чувство веры, врождённое человеку! Оно принесло уже немало зла и остановило навсегда религиозно-нравственное развитие многих людей».

Ушинскому говорили, что буквальные ответы нужны не столько для детей, сколько для присутствующих на экзаменах духовных особ. Ушинский назвал такую постановку вопроса «неприличным и ненужным обманом».

Большой интерес представляет в этом отношении также статья Ушинского под заглавием «Цветы московской педагогики на петербургской почве».

Ушинский в этой статье подвергает критическому разбору книгу для первоначального чтения, составленную неким Филоновым.

В указанной книге, предназначенной для 8-ми-10-тилетних детей, имеются образцы высокой духовной литературы, совершенно недоступной детям этого возраста. Автор нисколько не обеспокоен этим, так как понимание детьми читаемого представлялось ему излишним. Ученики должны были лишь прочитывать непонятные тексты и выучивать их наизусть, причём за неудачное выполнение этой бессмысленной задачи они подвергались всевозможным истязаниям. Ушинский до глубины души возмущён этим диким извращением обучения, которое приводило лишь к тому, что заставляло ученика на всю жизнь возненавидеть именно то, что могло бы принести ему величайшее утешение. «Если учитель должен учить детей читать слова, не внося в них никакого понимания, то лучше давать детям читать старые газеты, чем профанировать страницы глубокого вдохновения».

Ничего нет удивительного, если из этих детей вырастали люди чуждые и даже враждебные религии.

«Во всех их взглядах», говорит Ушинский, «отразится горькое сознание их несчастного воспитания, и взгляды эти будут безумны именно потому, что они — плоды душевной горечи, а не ясного сознания. Они будут отрицать всё, чем полно их прошедшее, не отличая вещи от её злоупотребления, не отличая идеи от её профанации».

Непонятное ожесточение против религии имеет своим психологическим источником ассоциации тяжёлых чувств, связанных с религиозными представлениями, усвоение которых сопровождалось этими чувствами. Большинство яростных нигилистов принадлежало к числу людей, вырвавшихся из-под тяжёлой семинарской ферулы.

Предубеждения, говорит Ушинский, слагаются у нас в душе именно из этих чуть заметных черточек, которые, ложась одна на другую, проводят неизгладимую борозду в характере, имеющую потом сильное влияние на формирование наших убеждений.

Понимая, где подлинные враги Церкви Христовой, Ушинский выступил не против революционеров и материалистов, а против произвола, невежества и лицемерия. Именно эти моменты создают почву для развития неверия, именно они отталкивают от церкви многих.

Свобода человека и просвещение народа необходимы для развития и процветания Христианской Церкви.

«Просвещение ума и сердца необходимы для христианина», говорит Ушинский. «Для христианской религии нет ничего опасней невежества, потому что оно может превратить её в сердце человека в идолопоклонство».

Здравое воспитание является необходимым посредником между человеком и Церковью. Вот почему первые распространители христианства так заботились об учреждении школ. Человек, ум которого спит, может исповедовать высоконравственную религию и, не смущаясь совестью, жить как язычник.

Воспитание должно дать человеку достаточно пылкости и умственной силы для того, чтобы он не принял формы за сущность и не удовлетворился скорлупой, не добравшись до зерна».

Только тогда, когда религия стала использоваться как средство для посторонних целей, духовное сословие стало враждебно смотреть на просвещение.

Ушинский прекрасно понимал ложное и унижительное положение церкви в самодержавной России. Со всей свойственной ему силой и горячностью отстаивал Ушинский внутреннюю независимость Церкви.

«Пусть Церковь не позволяет прятаться под сенью Дома Божия покупающим и продающим и Сама пусть не идёт на рынок, где покупают и продают, а следовательно, толкают и давят друг друга, или пусть не удивляется, если прольёт на землю ту Чашу, Которая ей вручена Христом. Церковь должна быть прибежищем для чувств и верований человека, а не становиться на широкой дороге его мирских дел. Она должна сохранить себе одно право: прощать и миловать, предоставляя Суд Небесный — Богу, а земной — людям.

Христос на земле только прошал. Церковь занимает его место на земле, но не на небе.

Пусть это будет место отдыха для сердца, убежище для наших стремлений, которые не удовлетворяет мир. Она не будет тогда нуждаться в жандармах. Пусть прогонит от себя этих защитников. Если бы ей пришлось погибнуть, — чего никогда не случится, — то пусть лучше погибнет, чем сама станет в ряды детей погибели. Погибнув так, она воскреснет, как воскрес Христос!»

Возможность и необходимость такой независимости от мирских дел Ушинский считает органически присущим именно православной Церкви. «В православии мы видим, говорит он, единственную религию, которая, сохраняя нерушимо не только общие основные истины христианства, но и свои древние формы, может стать религией великого и образованного народа, неуклонно идущего по пути европейской цивилизации.

Свято сохраняя древние формы христианства и не объявляя никаких притязаний на земную власть, православная церковь благословляет и освящает всякий истинный прогресс. Сохранённые православием древние, бесконечно глубокие и полные смысла формы христианства открывают возможность бесконечно-прогрессивного углубления в себя как для народа младенчествующего, так и для народа, обогатившегося всеми плодами образования. Церковь православная никогда не делается государством, никогда не превратится в школу. Она останется всегда вечным неземным учреждением. Исторический храм христианства сохранён именно православием».

Ушинский не относился враждебно к революционерам, он сочувствовал их стремлениям и хорошо понимал те исторические и психологические причины, которые приводили их к односторонности материализма и безумию атеизма. Всеми своими трудами Ушинский стремился показать, что свобода и знание не враги,

а союзники религии, что истинная христианская церковь не может существовать и развиваться без этих условий, а невежество и лицемерие являются её злейшими врагами. Мы уже упоминали о том, как настаивал Ушинский на необходимости широкого естественно-научного образования. Со всей свойственной ему смелостью, необходимой в то время для подобных утверждений, он говорил о том, что не следует бояться материализма в науке и в философии, что материализм построен не на фактах, а на гипотезах, что материалистический метод внёс много ценного в разработку отдельных отраслей знания. Христианская истина выше научных и философских споров и нисколько от них пострадать не может.

Как во времена Ушинского, так и в наше время, противники религии часто выдвигали тот аргумент, что религия есть что-то реакционное, противостоящее прогрессу, в то время как материализм есть нечто новое и передовое. Ушинский указывает, что материализм существовал ещё в древности, что христианство, особенно в тех чистых формах, в каких оно сохранено Восточной Церковью, не только не противоречит подлинному прогрессу, но питает и вдохновляет его, потому что корни его в душе человеческой, деятельной, развивающейся и стремящейся к вечным ценностям.

Автор одного интересного исторического исследования о Томасе Мюнцере пишет: «Нет в мире силы более революционной, чем религиозная идея, она преобразует самую основу человеческого общежития — душу человека». В этом смысле Ушинский был революционером. Он никогда не останавливался перед ломкой старого, если того требовала его совесть. Доказательством этого является вся его педагогическая деятельность. С его именем связано всё, что есть живого, передового, творческого в деле воспитания. Никто ещё не сказал, что Ушинский принадлежит прошлому.

«Чем больше будет развиваться педагогическая литература, чем больше будет совершенствоваться русская школа, тем больше будет расти значение Ушинского», писал Острогорский.

Его не поняли современные ему руководители педагогического дела, но его понял народ, приняв в свои семьи и народные школы запрещённое «Родное Слово», как лучшую книжку для своих детей. Его по-своему поняли наши современники, подняв его на пьедестал как основоположника педагогической науки и народной школы в России, как тонкого психолога, замечательного дидакта и «учителя учителей». Но «отвергшись силы его» они не

могут плодотворно использовать его наследие — Ушинский принадлежит будущему.

Имя Ушинского дорого для нас не только как имя великого учёного и педагога, вставшего на защиту ребёнка и подлинного просвещения и указавшего пути в этом великом деле как своим современникам, так и потомкам. Для нас пройденный Ушинским путь является глубоко поучительным. Взяв в руки светильник, который, по его собственным словам, всецело идёт впереди людей и народов, он, как смелый борец за Истину, пронёс этот светильник между Сциллой неверия и Харибдой лицемерия, которые его окружали.

Оттого так плодотворны были его земные дела, что он никогда не упускал из виду их небесной цели. Отдав всю свою недолгую жизнь трудам на пользу своего земного отечества, он никогда не спускал глаз с Отечества Небесного, руководствуясь словами Спасителя: «Ищите Царствия Божия, и всё остальное приложится вам».

Именно в этом причина жизненности и плодотворности дела Ушинского, а также того тяжелого разочарования, которое неизбежно постигает даже самых талантливых и добросовестных людей, когда они пытаются разрешать вопросы воспитания человека, забывая о его назначении.

Н. ШЕМЕТОВ

ПОРА НАДЕЖД

(краткий обзор христианского чтения «Надежда» №№ 1-5*)

В потоке посыпавшихся с Запада русскоязычных журналов промелькнуло издание с необычным названием — «Надежда». Открыв небольшую, но объёмистую книжку, обнаруживаем, что христианское чтение «Надежда» составляется в России и распространяется Самиздатом. На западе переиздан пока лишь первый и второй номер, тогда как в России Великим постом 1979 года вышел пятый. В западной русскоязычной периодике сборник отмечен вскользь, в «Православной Руси» и в «Русской мысли» представителями Зарубежной церкви. Ни один из журналов не заметил «Надежды», даже сплошь критический Синтаксис, умудрившийся разглядеть микроскопического Шиманова. Это не удивительно. В составе сборника часто взаимоисключающие авторы, составители отнюдь не стремятся печатать только себя и своих друзей, сборник не участвует в состязании, охватившем Зарубежье — кто позабористее оснастит журнал, будь то исследование об анекдоте, блатной песне или дневник неудачника-эмигранта, пытающегося перекрыть «Лолиту». Цели «Надежды» иные — восполнить зияющие пропасти, оторвавшие нас от духовного опыта отцов и дедов, воцерковить культуру и показать образцы воцерковления в прошлом, напомнить о забытых мучениках. Религиозная периодика последних лет на русском языке, за исключением «Вестника РХД», довольно слаба. Даже «Вестник» можно ли сравнить с «Путем» или «Новым градом»?

Сейчас очевидно, что кризис XX века в русской религиозной жизни и мысли явление не случайное. Он порожден теми обскурантистскими тенденциями, которые помогли подорвать влияние веры в стране, где корни ее были достаточно глубоки. Одной из совершившихся трагедий был разрыв между верой и культурой (об этом неоднократно говорил Г. Федотов). Это верно поняли представители русского религиозного ренессанса, но их голоса заглушались всевозможными идеализаторами прошлого. Плоды, доставшиеся нам, чрезвычайно горьки, именно поэтому необхо-

* Выходит в издательстве «Посев».

димо серьезно и критически пересматривать наследие, чтобы не повторять сделанных ошибок. В краткой рецензии невозможно охватить все обилие материалов, публикуемых «Надеждой». Постараемся отметить удаchi и недостатки, а где возможно, рассказать вкратце о неизвестных авторах.

Первый номер предварен вступлением составителей: «Культура теряет память... религиозные культурные имитации... — разрушительны для современного русского сознания... Языческое мифотворчество, порожденное падшей религиозностью, стало одним из мощных религиозных соблазнов». Эта война против культуры, объявленная с первых же страниц сборника, категоричность деклараций пугают — неужели враг номер один — это культура? Во втором-третьем и четвертом номерах помещены две статьи З. Крахмальниковой под единым названием «Возвращение блудного сына», в которых война продолжена. Насколько верно утверждение составителей о том, что культура теряет память? Ныне расплодилось множество суррогатов культуры, против которых так ярко и беспощадно высказывается З. Крахмальникова. Но очень важно разграничить подлинную культуру и ее суррогаты. Это разделение не может быть осуществлено одним энергичным взмахом руки. Повторить неудачные слова о. А. Шмемана о том, что «дьявол украл язык у Бога» и сделать их основанием статьи — далеко не действенный метод. Подобное допущение влечет нас на позиции манихейства. Вторым основанием статьи стали слова о. П. Флоренского. Когда-то, о. Павел не посчитал нужным указать, когда же именно, «во времена древнейшие»... «феургия»... — была материнским лоном всех наук и всех искусств,... родником жизни, всею деятельностью человека». Затем, опять-таки «во времена древнейшие», «когда единство человеческой деятельности стало распадаться, когда феургия сузилась только до обрядовых действ... то деятельности жизни, выделившись из нее,... узаконив свое блудное существование... стали плоски, поверхностны, без внутреннего содержания.» (Лекции о культе, **Богословские труды** № 17). Вот блистательное обоснование нынешнего христианствующего нигилизма, так распространенного в среде советской молодежи. Опираясь на подобные «доказательства», они отмечают все: науку, искусство, социальные проблемы. Они бросают учебу, работу, уходят из семьи, стремясь «воцерковиться», т. е. устроиться на работу в храм, неважно кем: сторожем, певцом, чтецом, алтарником, пополняя многочисленные ряды «юродивых», наполняющие наши храмы. А ведь все проблемы жизни органически спаяны с учением Отцов. Вспомним слова Климента Ал. о

науке и знании, св. Григория Нисского об искусстве, св. Иоанна Златоуста о социальных вопросах. Можно ли назвать «плоскими и поверхностными» произведения Достоевского, Гоголя, Лескова, Мельникова-Печерского, К. С. Льюиса, Честертона, Т. Мертона, А. Солженицына, картины А. Иванова, Поленова, Сурикова, А. Харитоновой? Этот список можно было бы продолжить до бесконечности. Некритическое цитирование приглянувшихся мыслей, возведение их в ранг аксиом, на которых строится мирозерцание, ведет к схематизму, и подчас в статьях З. Крахмальниковой получается черно-белый рисунок, особенно, когда она говорит «о двух Россиях». Любой честный и самоотверженный человек может попасть в черную половину только потому, что он внецерковен, а иной мракобес, дерзко, вопреки Евангелию, назначающий сроки конца света, проповедующий нетерпимость, ненависть, обскурантизм и черносотенство — попадает в «овца», в сонм «чистых». Нельзя согласиться с третьей «аксиомой» статьи — утверждением В. Иванова о «внекультурности грядущей творческой эпохи». Творчество Солженицына, Максимова, К. С. Льюиса, Фолкнера, Г. Гессе — самое действенное опровержение. Безусловно, необходимо разоблачение псевдокультуры, обожествляющей самое себя, т. к. источник творчества в Боге, и подлинная радость творца возникает в моменты, когда он ощущает себя ведомым Высшей силой. Немало соблазнов таится на путях культуры. В марксистских парниках выращена антикультура и ее творцы — интеллектуалы, но ничего общего с культурой у них нет. Антикультура может быть внешне яркой и даже талантливой (А. Н. Толстой, Ештушенко, Вознесенский), безобразно скучной и бездарной (Шевцов, Кочетов, Г. Марков, Ж. Федин), но она бездуховна, мертворожденна. Так оставим «Литературной газете» философствовать об антикультуре — это ее хлеб. Сборники будут читать и уже читают священники. Важно помнить, что главная их беда — бескультуре. Отцы Церкви стояли на высоте культуры своего времени. Современный священник, отойдя от этой традиции, ставит себя в трудное и искусственное положение. Он погрязает в быте, обывательщине, мещанско-купеческом благочестии. И это в лучшем случае. Худший вариант — пьет горькую или увлекается вещами малодостойными. Подлинная культура тесно связана с нравственными устоями. Если нитрийские невежественные монахи могли громить языческие храмы и растерзали на улице Ипатию, то едва ли на такое были способны св. Иустин или св. Василий Великий. Если еп. Феофан рекомендовал побольше вешать бунтарей, то невозможно представить себе таких слов на страни-

цах книг о. Сергия Булгакова. А наш современник, русский богослов А. Карташов писал в 1937 году: «Просвещение, наука, культура требуются Божественным откровением. Пророки, апостолы, учителя Церкви изложили Божественное Откровение в формах мышления и языка наиболее высоких в то время культур земного шара. В культурных условиях христианская мудрость сияет настолько же ярче и прекрасней, насколько чудеснее преобразуется драгоценный камень после его огранения». (статья «Русская Церковь периода империи».)

Композиционное построение сборников почти одинаково: в самом начале прославляется Богородица, затем святоотеческие творения. Святоотеческий раздел представлен в основном пустыннониками. Среди них св. Исаак Сирский, Нил Синайский (выборки из Добротолубия), Исихий, пресвитер Иерусалимский, пр. Филофей Синайский, старцы Варсонофий и Иоанн, пр. Симеон Н. Б., св. Григорий Палама. Раздел подобран симптоматично. Подобный подбор способствует развитию, а не искоренению известного отечественного недостатка — мечтательности. Как сладко, живя в разлагающемся атеистическом обществе, почитать великих аскетов пустыни и грезить, достигая тех же высот созерцания, что и они. Сколько их среди нас, любителей созерцания, отвергающих первую ступень монашеской жизни, — деятельную, воспаряющих сразу ко второй, высшей — созерцательной. Сколько их, истеричных, нетерпимых, неумелых, невыносимых в общении, рассуждающих об ангельских иерархиях! Как сладко мечтать, что мы в пустыне, в строгом монастыре, а не в этом безумном мире. Понятны и затруднения составителей — православное предание часто искажено, более всего — монофизитством, прямым следствием которого является презрение к миру, апатия, безделье. Стоит ли потакать самообману, ссылаясь на традицию пустынноников. Она не может быть универсальной. Люди, живущие в миру, часто успокаивают себя ссылками на «авв» и «старцев», а сами живут фактически вне Евангелия. Не могут же они следовать рецептам насельников древней Фиваиды или Сирии. Само старчество невольно делается эталоном православия, между тем настоящее учительство должно сосредотачиваться в руках епископата. Крайний итог — распутиновщина. Это было возмездием за поиск «старцев», как неперемного условия церковной жизни. В наши дни сплошь и рядом Предание воспринимается некритично. Рядом с пр. Симеоном Новым Богословом уживается под псевдонимом Нила Синайского осужденный соборно еретик Евагрий. Следовало бы вспомнить завет пр. Нила Сорского, проверявшего

Предание своим умом и сердцем. Пример подобного отношения к Преданию — письма к монахам и мирянам еп. Игнатия Брянчанинова в 5 номере. Человек сложной судьбы, часто насилувавший себя, в этих письмах, забыв заповеди Христа, безапелляционно осуждает и св. Терезу и св. Франциска Ассизского, называя их сумасшедшими только потому, что их жизненные пути отличны от путей православной аскетики. Западную церковь разгневанного епископа обличает как «еретическую». В этих письмах его голос звучит в унисон с голосом К. Леонтьева. Так в статье «Наши новые христиане» К. Леонтьев обрушивает на Л. Толстого и Достоевского тяжелую артиллерию православной аскетики. Еп. Игнатий также наставляет эти орудия на всякого инакомыслящего. Естественно, что даже добрые дела инакомыслящих — добры лишь внешне. Читая эти строки в наше звериное время, когда добрые дела преследуются законом, диву даешься — как актуальны исследования добра еп. Игнатия! Неужели Православное Предание не таит ничего более актуального, поддерживающего нас, слабых и немощных, рвущихся судить и разрушать? Безусловно есть. Как важно познакомиться с опытом св. Афанасия Великого и св. Максима Исповедника — вот подлинные образцы отношений христианина и государства. Особенно важны экклезиологические вопросы, малоизвестные работы отцов 1-3 веков. Весьма насущны проблемы антропологии. Православному в наши дни очень трудно спорить с буддистом и теософом — они знают о человеке гораздо больше.

Прекрасен по замыслу отдел «Православное пастырство». В первом номере под псевдонимом «Священнослужитель» опубликован отрывок из довоенной работы архиепископа Иоанна Сан-Францисского. В отрывке много интересных мыслей, тонущих, к сожалению, в многократных повторениях. Лаконизм украшает и духовных писателей. Многоречивостью грешат и проповеди о. Д. Дудко во втором-третьем номере. Особо интересны в первом номере письма игумена Никона (Воробьева), выходца из крестьянской семьи, подлинного самородка, прекрасно знавшего языки, учившегося психологии в петербургском Психоневрологическом институте, но ушедшем после окончания первого курса в связи с глубоким духовным кризисом. Он учился затем в Московской академии до ее закрытия, отбыл пятилетний срок и окончил свою жизнь в Гжатске в 1963 году. В своих письмах он затрагивает важнейшие богословские вопросы нашего времени: о личности, о свободе, о церкви. Решает эти вопросы не ортодоксально, хотя часто в письмах предстает консерватором. Интересна работа о. А.

Шмемана «Таинство крещения», в ней подробно описываются и обосновываются все исторические напластования на очень простой и безыскусный обряд крещения. Вряд ли столь подробное обоснование необходимо для неопита — авторитет о. Александра достаточно велик в России, а критических работ, расчищающих обряд крещения, кроме «Литургических заметок» о. С. Желудкова, почти нет. Своей работой о. Александр невольно способствует укреплению позиций обрядоведения и служит тем, кого еп. Илларион Троицкий назвал сектой типиконщиков. У нас было много споров о канонах, а сами каноны оставались фикцией (не было реформ и кодификации канонического права), приводили иногда к абсурдам. Один из подмосковных священников, пунктуально следуя требнику, крестит в течение пяти часов. Это не преувеличение! Можно представить, что испытывают крестные и крещаемые. Почему о. Александр молчит о том, что многие слова чина крещения звучат как насмешка, т. к. обращены к взрослому кающемуся грешнику. Зачем они для младенцев? Не говоря уже о кумовьях, которые вообще ни слова не понимают. Христос заповедал Церкви: 1. научить, 2. крестить, 3. учить «соблюдать все, что Он заповедал». У нас же осталось только среднее. Отсюда вырождение таинства в магический обряд. Могут возразить — условия! Нет, это дурная традиция. Если бы катехизация и проповедь были неотделимы от крещения (подготовка крестных как церковный закон), то никакие «внешние» не смогли бы это упразднить. Осталась же у католиков катехизация детей, поскольку ее требуют церковные правила. Страшен не запрет проповеди (фактически его нет), а ее вырождение в пустое «глаголение». Составители должны искать в наследии все самое ценное, а иначе чем будет отличаться христианское чтение от выхолощенных «гомилий», которые публикует ЖМП?

Великолепен раздел «Русские судьбы». В «опыте художественного исследования» Солженицын просмотрел светлые лики новых мучеников русской церкви. Оттого Архипелаг предстает кровавой жуткой кашей, почти лишенной светлых проблесков. Но вот русские жены-мироносицы донесли до нас, сохранили в кошмарные костоломные годы письма и воспоминания о новых святых земли русской. Где они, эти русские женщины, где они, эти мученики-епископы, непреклонные, мужественные, любвеобильные, где священники-исповедники, где мученики миряне? Чудовишные эксперименты марксистов в области воспитания ударили в первую очередь по женщинам. Они, существа наиболее уязвимые, пострадали больше мужчин. Оттого так часто сейчас рядом с нами

женщины-раздорносицы, истерзанные, истеричные, оттого-то с такой болью читаешь о светлых сподвижниках страдальцев за веру. Во втором-третьем номере это воспоминания матушки о. Михаила Ш. об о. Сергии Мансурове, авторе истории Церкви первых веков. В начале века, вплоть до 50-х годов в Троице-Сергиевом Посаде сосредоточилось мощное духовное братство. Это и братья Голубцовы, о. Сергей Мансуров, о. Михаил Ш., архимандрит Серафим (Батюков), С. И. Фудель, о. П. Флоренский, сразу после революции выпавший из братства, вокруг пр. Сергия. Это братство — богатейший материал для историка церкви. Великолепна в 5 номере переписка еп. Германа (Ряшенцева) с Натальей В. Какая боль, какие проникновения не только в наше настоящее, но и в будущее. Еп. Герман пишет: «Конечно, возможно, что многие из нас предназначены, быть может, быть искупительными жертвами и надо, таким образом думать более не о том, чтобы получить возможность жить где-либо в городе, а о граде грядущем, где все наше земное со всеми скорбями и невзгодами только путь и дверь». Подлинное смирение, дух любви и кротости сквозит в этих письмах. Нет в них озлобления и духа насилия. Страдания еп. Германа длились десятилетиями, перерывы между тюрьмами были короткими. Сколько в этих письмах мягкого юмора, иронии по отношению к самому себе. Это подлинные жемчужины, столь необходимые для нас, запуганных, мятущихся, озлобленных. Интересны воспоминания безымянной матушки «Так нужно было для пробуждения души» в 5 номере, воспоминания еп. Арсения (Жадановского) об о. Иоанне Кронштадском. Документы прошлого (о священниках, мирянах и епископах) все нуждаются в публикации как документы и материалы, но в «Надежде» необходимо печатать с большим отбором, чтобы не получался опаснейший результат р е с т а в р а ц и и прошлого во всем его объеме, со всеми его теневыми сторонами. Подобную публикацию материалов могла бы осуществить ИИРИ, тем более, что во многих «Вестниках» разбросаны публикации, так необходимые сейчас для историков. Теневые стороны в «Надежде» представлены довольно обширно. В первом номере это воспоминания об о. Ионе Атаманском. Если бы не сохранились свидетельства о жизни замечательного подвижника, то по прочтении воспоминаний возникает ощущение, что о. Иона никогда не существовал, кроме как в горячечной голове его почитательницы. Его полеты в сопровождении стаи воронов по-своему красочны, но какое отношение они имеют к реальному о. Ионе, умершему в 1925 году (прекрасное описание похорон дает в своих воспоминаниях

баронесса М. Мейендорф), любимцу одесских рабочих. Религиозное мифотворчество, на наш взгляд, несколько не предпочтительнее языческого. Хотя может показаться странным — почему же вреден «нас возвышающий обман»? Религиозная легенда — подмена действительности. Она перечеркивает жизнь. Усвоенная неокрепшим сознанием, она служит мерилем жизни. Наложённая на действительность, она вызывает активное неприятие ее. И впрямь, как убога и сера наша обыденная жизнь, как мало в ней яркого и притягательного. Легенда всегда красочна и полнокровна. Отсюда объяснима тяга к чудесам в народе и столь частые сетования на современность: «Вот, мол, раньше святость сияла, а сейчас что? Оскудела благодать! Последние времена!» Подобным легендотворцем часто оказывается и С. Фудель в своих глубоких и талантливых воспоминаниях во втором-третьем номере. Подчас он благоговееет перед традицией, подчас много и горячо выступает против ее темных сторон. Воспоминания архимандрита Спиридона в первом и втором-третьем номере, схиархимандрита Захария (да существовал ли он на самом деле?) — яркие и трогательные образцы легенд. По духу им противостоят мемуары вл. Луки (Войно-Ясенецкого) во втором-третьем номере, воспоминания о старце Нектарии архимандрита Б. в четвертом. Читая мемуары вл. Луки, невольно вспоминаешь беседу пр. Серафима с Мотовиловым — так живо ощущается присутствие Христа, Его близость мученикам. Как безыскусственно повествование — оно начисто лишено легендарных атрибутов. Нет в них полетов по воздуху, нет огня, выходящего из боку праведника и пожирающего нечестивых, но читаешь и видишь путь двоих — праведника и Христа.

Интересны мнения о. В. Свенцицкого об общей исповеди во втором-третьем номере. Публикация его проповедей, направленных против общей исповеди, ныне, при скудости храмов и священников не совсем своевременна, но безусловно полезна. Проповеди напоминают священникам, что нельзя ограничиваться только общей исповедью. Великолепны публикации в четвертом номере переработанных житий матерью Марией (Скобцовой). Выбрано то, что необходимо современникам, написано великолепным литературным языком, побольше бы таких публикаций.

Еще одна неудача — публикация во втором сборнике «Письма к дяде» старца Амвросия. Стоит ли давать столь наивный, несправедливый и некачественный материал против лютеранства? Гордая изоляция никогда никому ничего доброго не принесла. Неужели не ясно, что к нам относятся слова: «прежде, чем идти

к жертвеннику — примиришься с братом? Пусть у брата есть свои, на наш взгляд ошибочные теории, но рассматривать их надо с благожелательностью и объективностью. Опасно обобщать все, что входило в православный багаж, именуя его безоговорочно «богатством». Там, кроме богатства, было много опасного и вредного. В частности это было показано в книге П. Иванова «Тайна святых». Оправдание крепостничества в катехизисе Филарета, духовная цензура, гонения на старообрядцев, сращивание церковного и государственного аппарата, подчинение церковных дел воле двора, отсутствие учительства в епископате («Мелочи архиерейской жизни», «На краю света» Н. Лескова), отрыв веры от жизни, хотя и не от быта, но быт менялся и вместе с ним расшатывалась вера.

С. Франк называл «допотопным» мышление, воспроизводящее схемы, которые сложились до исторических «потопов» нашего века. Такой допотопной является первая часть Закона Божия, выпущенного ИМКОЙ. На этой книге можно поставить любой год XIX и даже XVIII века. На этом фоне выгодно отличается труд Е. Трояновской. Это образец, которого православие еще не давало. В четвертом и пятом номерах появились отрывки из трехтомного труда Е. Трояновской. Отдел, посвященный детям — необходимейший. Дети забыты Православной церковью. Им достаются крохи со стола взрослых. В России и на Западе можно назвать лишь нескольких людей, занимавшихся проблемой религиозного воспитания детей. Из них наиболее интересны попытки о. В. Потапова, издающего ежемесячный журнал «Трезвон» (название журнала, к сожалению, чрезвычайно неудачно). Журнал изредка попадает в Россию и пользуется здесь огромной популярностью. Интересны работы С. С. Куломзиной, но ее книги издаются лишь на английском языке. Неоценима заслуга о. Вс. Рожко, на свой счет издавшего в Иерусалиме молитвенник для детей, составленный детьми в Советской России и сопровождаемый советами детям покойного о. Н. Голубцова. Вот краткий перечень имен, тогда как атеистические издания для детей многообразны и тиражи их велики. Проблема детей в атеистическом обществе стоит очень остро, часто дети верующих родителей, не выдерживая соблазнов или давления, отпадают от Церкви. Вина во многом лежит на ведущих богословах прошлого и настоящего. Е. Трояновская дарит верующим родителям трехтомный труд: «Мир», «Человек», «Бог». В книгах содержатся материалы для бесед с детьми. Труд неоценимый, нетрадиционный подход сочетается с подачей многообразного материала, всегда остав-

ляющий место для творческого разрешения возникающих по ходу чтения проблем.

Последний раздел «Надежды» — литературный. В первом и четвертом номерах помещены рассказы Левятова — типичный образец того, как вера, еще не ставшая «плотью и кровью», недопереваренная, извергается на читателей. Оттого язык рассказов убогий, почти газетный, подлинный анализ состояний часто подменяется броской истерикой, рассказы сюжетно не выстроены — сделаны под «Опавшие листья» (верно, так легче). Рассказы оставляют смешанное чувство — порывы автора искренни, но неужели не было Л. Толстого, Мельникова-Печерского, Достоевского, Лескова. Еще Пастернак писал, что писать хуже Гоголя и Достоевского мы не имеем права. Интересны стихи М. Пробатова в первом и четвертом номерах, Н. Марьина во втором-третьем номере. Живые, яркие, они обременены тем же недостатком, что и проза В. Левятова — недостаточной работой над языком, излишней словоохотливостью, нечеткостью композиции. Стихам Марьина недостает технического совершенства. Поскольку нецерковные писатели не являются авторитетами для творческой молодежи, позволю себе процитировать слова еп. Игнатия из его писем. «Мне очень нравился метод Пушкина по отношению к его сочинениям. Он подвергал их самой строгой собственной критике, пользуясь охотно и замечаниями других литераторов. Затем он беспощадно вымарывал в своих сочинениях излишние слова и выражения, также слова и выражения сколько-нибудь натянутые, тяжелые, неестественные. От такой вычистки и выработки его сочинения получали необыкновенную чистоту слова и ясность смысла. Как они читаются легко! в них нет слова лишнего! от чего? От беспощадной вычистки». Очень интересны стихи Солодовникова в пятом номере, поэта, умершего совсем недавно, сына известного в свое время благотворительностью московского купца. В голодные годы Гражданской войны его кормили бывшие рабочие. Сын был офицером Белой армии, после войны попал в заключение, приговорен к расстрелу, но высшая мера была заменена тюремным заключением. Заключение затянулось на долгие годы. Подлинной религиозной глубиной проникнуты его стихи:

Запоры крепкие, спасибо!
Спасибо, лезвие штыка!
Такую мудрость дать могли бы
Мне только долгие века.

К сожалению, стихи не всегда выдержаны на высоком поэтическом уровне. Очень интересна подборка стихов в четвертом номере: единая по композиции, цельная, на хорошем поэтическом уровне. Сейчас, когда ощущается засилье «ленинградской школы», родившейся и процветающей под знаком Водолея, болтливой и неряшливой, трудно встретить ясность, чистоту и религиозную глубину стиха.

Интересны публикации прозы в 5 номере — забытого рассказа Мамина-Сибиряка «Последняя треба» и отчета о поездке в Саров Е. Поселянина. Существенный недостаток «Надежды» — отсутствие постоянного критического раздела. В 4 номере статья «Возвращение блудного сына» делится на три части. В первой рассматривается творчество И. Глазунова, рассмотрение яркое, эмоциональное, но затрагивающее, в основном, личность художника и его взгляды, но не творчество. Во второй части рассматриваются «Зияющие высоты» А. Зиновьева — подлинный образец критики, так необходимый в наши дни. Третья часть посвящена разбору «Мастера и Маргариты» М. Булгакова. Роман разгромлен с помощью православной аскетики, хотя, как известно, М. Булгаков пустынноником никогда не был. По-видимому к его творчеству должны быть приложены иные мерки.* Подобный разбор отчасти уже осуществлен в талантливой статье И. Бэлзы «Генеалогия Мастера и Маргариты» (Контекст 1978). А очень важно и для читателей и для молодых авторов, чтобы каждый номер «Надежды» содержал критический обзор — яркое дарование критика З. Крахмальниковой не должно стесняться составительством.

Часто слышатся в наши дни пожелания о журнале, в котором совмещалось бы и Предание, и современное богословие, и полемика, и литература, и церковная история. Такое издание появилось. Оно выходит в России трудами горстки подвижников. Уже то, что «Надежда» выходит, и выходит периодически — чудо! Среди бесконечной говорильни, грызни и прожектов, среди журналов, конфискованных еще в зачатке, «Надежда» крепнет от номера к номеру, все четче вырисовывается композиционное построение, происходит очищение не только от языческого, но и от религиозного мифотворчества. «Надежда» стремится к совер-

* Отец «аскетического» метода критики — св. Павел Флоренский. Наиболее яркий образец подобного разбора — его статья «О Блоке», опубликованная в Вестнике № 114. Его продолжатель и соперник З. Крахмальниковой — И. Шафаревич. Его статья о Шостаковиче пример применения этого метода от противного.

шенству и универсальности. Беда не в том, что Церковь теснят. Ее теснили в лучшие эпохи ее истории. И это было предсказано Господом (многие наши протесты как будто бы игнорируют слова «блаженны изгнанные правды ради»). Беда в удалении от Евангельского духа, в забвении великих слов бл. Августина: «В главном — единство, в спорном — свобода, во всем — любовь», а также слов св. Иоанна Златоуста: «Церковь Христова присно обновляется». Остается пожелать «Надежде» долгих лет жизни.

лето 1979 г. Москва.

Философия

Владимир ЗЕЛИНСКИЙ

ВЕЛИКИЙ МОЛЧАЛЬНИК

Se moquer de la philosophie, c'est vraiment philosopher. Pascal*

Язычник (христианину): «Скажи, брат, если ты чтить Бога, который есть истина, а мы не намерены чтить Бога, который не есть Бог в истине, то какая разница между вами и нами?» Ник. Кузанский.
О сокровенном Боге.

«Вот, Он убивает меня; но я буду надеяться!...» Книга Иова, 13;15.

I

Знание — откуда оно, к чему? Задаться таким вопросом для Шестова — все равно, что спросить: с чего началось грехопадение человека?

С непослушания — говорят одни. С прелюбодеяния — говорят другие. С гордыни и обольщения — соглашаются все. Поддавшись наущению змея, Адам и Ева преступили прямой запрет Божий. Ибо тот, кто «был хитрее всех зверей полевых», сказал жене: когда съедите плоды с древа познания, «откроются глаза ваши, и вы будете как боги, знающие добро и зло». Тысячелетиями мы, люди, читаем эти строки, толкуем их так и сяк и как будто не видим самого простого, того, что написано — что в самом похищении знания таилось начало греха. «И увидела жена, что дерево хорошо для пищи, что оно приятно для глаза и возжеленно, потому что дает знание...»

Вкусив знания, мы и стали грешниками; только оказавшись изгнанными из рая, мы принялись п о з н а в а т ь; природу с ее законами, самих себя с нашим познанием и наконец Бога

* «Смеяться над философией, значит поистине философствовать.» — Паскаль.

с Его свойствами. Познание выросло из удаленности, удивленности, сиротства и тотчас же превратилось в самоцель. С незапамятных времен мы знаем, что хорошо само по себе и что само по себе плохо, знаем суверенное добро и вечное неизменное зло. И эти наши знания, даже самые благочестивые из них, стали «как боги», захватили мир в свое владение, опутали его своими необходимостями, посмели распоряжаться самим Творцом, обуславливая Его волю нашей мудростью и нашим милосердием, создав для Него и для людей нерушимый твердый порядок, которому все обязаны свободно и радостно повиноваться... «Для чего познавать это чертово добро и зло, когда это столько стоит?» — мучается Иван Карамзов. Шестов даже и не спрашивает: для чего? Он з н а е т. Познание для него — проклятье рода человеческого. «Чертово добро и зло», «самоочевидные истины», «торжествующие идеалы» — они, как идола, которым люди готовы всегда служить и жертвовать всем, что имеют. Примириться с тем, что однажды утраченного никогда не вернуть — разве это не жертва идола?

«Змей не обманул человека, — повторяет он с горькой торжественностью. Плоды с дерева познания добра и зла, т. е. разум, все черпающий из самого себя, стал принципом философии на все времена. «Критика разума», заключавшаяся в предостережении против дерева познания, от которого должны придти в мир все беды, заменена «недоверием к недоверию», и Бог был изгнан из сотворенного им мира, и власть Его полностью перешла к разуму, который, хоть он мира и не сотворил, предложил человеку в неограниченном количестве именно те плоды, от которых Творец его предостерегал. Надо думать, что именно «неограниченность» более всего соблазнила человека. В том мире, где плоды с дерева познания стали не только принципом всей последующей философии, но уже стремились превратиться в принцип самого бытия, мыслящему человечеству грезилась возможность величайших побед и завоеваний.»¹

Мы вступаем в область странного мышления, загадочной философии. Загадочно не то, что провозглашено здесь, хотя и само «учение Шестова» необычно, провоцирующее и как бы всегда недосказано, не выявлено до конца. Загадочно притяжение самой этой философии и, может быть, не философии вовсе, а «художественного исследования» самых последних гадательных, темных вещей, когда-то от нас ускользнувших, сокрывшихся от человечес-

кого зрения, ослепленного разумом. Не вправе ли мы назвать Шестова одним из первых художников среди всей плеяды русских религиозных философов, благословенных, каждый по-своему, собственной жизнью слова? И все же шестовский дар — в чем-то особый. Его мысль не ищет никакого словесного «успеха» для себя (речь его строга, добротна, безыскусна, порой даже утомительна своей охлажденной правильностью), но мысль эта не может, не хочет, не умеет быть попросту мыслью. Она не излагает себя, не себя изображает, она стремится что-то подспудное собою выразить, исполнить, она всегда облекается в некий сюжет, интеллектуальную интригу, драму, повесть с завязкой и развязкой, даже если все пространство этой повести замыкается недолгим размышлением, наброском, вариацией, этюдом. Но главное, облекается она в чужую душу, чужую тоску, чужое прозрение, и только там чувствует себя как дома.

Отсюда берет свое начало философский жанр, органически шестовский — жанр скитаний, «странствования по душам». Он — и «очарованный странник» русской философии и нигде не уживающийся скиталец, не имеющий ни града, ни даже собственного философского очага, у которого можно было бы согреться, почти не строящий «учения» — того, что можно было бы легко изложить, уложить, сопоставить, отмечая влияния и заимствования, он — страстный наблюдатель, едва ли не обитатель чужих духовных миров, упорно запирающий свой собственный, он — сочинитель притчей, первопроходец нерассказанных биографий, открыватель тайников, гранильщик афоризмов, он — собрат и спутник душ, через которые — отраженным светом — может пробиться и отблеск правды о нем самом. Но чтобы заполучить эту правду или хоть какую-то доступную нам частицу ее, следует отправиться обратно — тем уже протоптанным, тем «странническим» путем, которым он сам когда-то отправлялся за душами своих философских героев. Его маршрут — то, в чем, собственно, выявляет себя «учение Шестова» — продуман и четок, даже и при всех кружениях своих, но цель его странствований притягательна и странна. Мы вступаем в область философии, посвященной, нет, скорее, замороженно предавшейся исследованию, может быть, одной-единственной проблемы, одной тайны — павшего знания. Тайны человеческого познания добра и зла, а также неодолимого соблазна и отравленных плодов этого познания. Тайны змиева искушения: «будете как боги». Наконец и тайны самого искушителя, коему мы отдали себя в добровольное рабство — разума.

¹ Лев Шестов. «Афины и Иерусалим», Париж, 1951, стр. 91.

Лев Шестов родился в 1866 году в Киеве и умер в конце 1938 года в эмиграции, в Париже. Но и задолго, за десятки лет до того времени, когда людям его склада стало нечем дышать на родине, Шестову пришлось прожить долгие годы за границей, в основном в Швейцарии, у подножья Альп. Жизнь его протекала в общем-то в стороне от «роковых минут» и «высоких зрелищ» его эпохи, всего лишь — на фоне их. Лично он не был в эти зрелища особенно вовлечен, всецело интересуясь тем, что выходит за пределы истории, что стоит по ту сторону человеческих правд, свершений, схваток. Но именно таким людям, что слышат порой самые отдаленные, почти неразличимые толчки, но как будто не воспринимают землетрясений, изредка удается уловить в своем времени нечто неисследимое для других.

До настоящего времени вышло двенадцать философских книг Шестова, последняя — почти через тридцать лет после его смерти.² Время от времени ранее неизвестные его статьи, дневники, записи публикуются до сих пор. Но мало есть авторов, о которых с большим основанием можно было бы утверждать, что все их работы складываются по сути в одну — с единой настойчивой, исподволь нарастающей темой. На протяжении всего шестовского пути нас сопровождают одни и те же «вечные спутники», одни и те же вечные оппоненты (часто те и другие в одном лице). Он не умел и не хотел отвелкаться от своей самой важной, значительнейшей темы, от великой и последней борьбы. И эти слова здесь — не расхожая риторическая фигура. Это точное повторение двух самых строгих и выношенных его формулировок, двух самых шестовских, хотя и платиновских изначально, его определений философии. Философия по Плотину есть τὸ τιμιώτατον — буквально то, что более всего ценится, что читится превыше всего, значительнейшее, единое на потребу. «Великая и последняя борьба ожидает души», — то и дело повторяет за Плотиним Шестов. Так, в последней статье своей, названной «Памяти великого философа» и посвященной Гуссерлю, Шестов вспоминает о самом важном и остром споре с ним: «...Перед тем у нас разгорелся горячий спор по вопросу — что такое философия? Я ска-

² «Шекспир и его критик Брандес» (1898), «Добро в учении гр. Толстого и Фр. Нитше» (1900), «Достоевский и Нитше» (1903), «Апофеоз беспочвенности» (1905), «Начала и концы» (1908), «Великие кануны» (1912), «Potestas Clavium» (1923), «На весах Иова» (1929), «Киркегард и экзистенциальная философия» (1939), «Афины и Иерусалим» (1951), «Умозрение и Откровение» (1964), «Sola fide» (1966).

зал, что философия есть великая и последняя борьба — он мне резко ответил: Nein, Philosophie ist Besinnung».³

Этот спор он ведет на протяжении всей жизни, начиная с того момента, как для него «распалась связь времени» — трагического потрясения его молодости, истоки которого остались неизвестными — и кончая предсмертной болезнью, когда он писал о Гуссерле, незадолго до того умершем. И более чем за сорок лет он так и не был не то, что кончен, но хотя бы смягчен, отстранен, остужен этот спор. Но вместе с тем сам он — спор с философией-рефлексией, с философией-созерцательным размышлением — постоянно оттенял и подчеркивал то, как философ понимает собственную задачу. Здесь, в этом споре подспудно совершалось и самопознание философа — не утешительное самопознание «наедине с собой» с восхождением на снежные вершины бесстрастия и всеведения — но непосредственное, даже вопреки воле мыслителя, выявление предмета его философствований, его темы, его правды, его «исходной заботы», как говорит Тиллих, его «значительнейшего», как говорят Плотин и Шестов, и в силу этого такое определение-самопознание тотчас ставит нас в самый центр шестовской мысли. Не только то, что е с т ь философия сама по себе, но и то, что е с т ь в ней самой, то, что раскрывается из мысли, то, что исследуется ею, то, что обещается, манит, пробивается издала и даже то, что не дается в руки суть «значительнейшее» и «великая и последняя борьба».

Борьба — с кем, во имя чего? И что — «значительнейшее»? Собственно, ответить на эти два вопроса, значит исполнить едва ли посильную задачу — разом сказать все о Шестове. Но здесь, в этих вопросах — пульс его мысли. Как подступиться к ним? Окольный путь в данном случае может оказаться короче прямого; ведь философия Шестова всего естественней чувствует себя в притчах, проще всего пересказывается в «историях». Именно в иносказаниях его мысль обретает гибкость и сочность, в намеках и легендах получает для себя нестесненный простор.

«Ангел смерти, — рассказывает он, — слетающий к человеку, чтоб разлучить его душу с телом, весь сплошь покрыт глазами. Почему так, зачем понадобилось ангелу столько глаз — ему, который все видел на небе и которому на земле и разглядывать нечего? И вот, я думаю, что эти глаза у него не для себя.» Бывает так, что, явившись за душой, ангел убеждается, что пришел слишком рано, и тогда, оставляя душу для земной

³ «Умозрение и Откровение», Париж. 1964.

жизни, он незаметно оставляет ей еще пару глаз из бесчисленных собственных. И человек начинает жить, одаренный теперь уже новым — «иным» — зрением, помимо того, которым он владел раньше. «И видит новое по-новому, как видят не люди, а существа «иных миров» так, что оно не «необходимо», а «свободно» есть, т. е. одновременно есть и его тут же нет, что оно является, когда исчезает и исчезает, когда является.» Однако «иное зрение» в обыденной жизни побеждается старым, тем, что имеет в своем распоряжении и слух, и осязание, и разум, и коллективный опыт человечества, и освященный традициями авторитет. И все же новое зрение иногда вырывается из плена старого, разрывает его коросту, разбивает его стены — стены видимого, надежного, плотно сколоченного мира, на которых во времена «подпольного героя» Достоевского неизменно писалось, что «дважды два — четыре», а ныне та надпись почти стерлась и на месте ее намалевано, что «свобода есть осознанная необходимость», «материя первична» и прочее, что по смыслу как будто противоположное, а в духе одно — а за ними, за теми стенами, открываются вдруг видения фантастические, «незаконные», ибо по законам, здесь написанным, их нельзя не осудить как нелепости, галлюцинации, а то и худшее что-нибудь. Не обязательно священное или романтическое безумие развязывается новым зрением — чаще «то безумие, за которое сажают в желтый дом».¹

Философски или эстетически Шестову вовсе не нужно это зрение оправдать. Оправдать было бы очень просто — взять лишь несколько ходовых метафор, оставляющих приятный звон в читательских ушах. Нет, он готов его как угодно унизить, лишить почти всякой славы земной и тем бесславием еще раздражить. «Я самый гадкий, самый смешной, ... самый глупый», — надрывается любимый им герой «Записок из подполья». Но не то ли говорят о себе и святые? — спрашивает Шестов. Новые глаза открывали им нечто такое, что ветхий человек, в них живущий, должен был ужасать их своей греховностью. Так «начинается борьба между двумя зрением — естественным и неестественным — борьба, исход которой также кажется проблематичен и таинственен, как и ее начало...»⁵

На обычном, принятом философском языке это называется борьбой с рационализмом. Когда Шестов становится объектом критического внимания — что случается не так уж часто — он,

⁴ «На весах Иова», Париж, 1929, стр. 29.

⁵ Там же.

конечно же, объявляется иррационалистом, а исходя из этого — абсурдистом и фидеистом, экзистенциалистом и индивидуалистом, словом, втискивается в одну из тех «общих идей», с которыми он сам до изнеможения боролся. Но все эти определения не точны и в конечном счете не истинны просто потому, что недостаточно радикальны. Шестов даже не иррационалист; он — человек, раздирающий коросту ветхого зренья, без конца бьющийся головой об стену. Можно ли назвать это философией? Именоваться ли такое экзистенциализмом, индивидуализмом, солипсизмом или трагикомической одержимостью? И считать ли нам «великой борьбой» то, что сам Шестов не в силах остановиться, отвлечься, отдохнуть, пробиться наконец, чтобы самому уйти в тот открывшийся новому зрению мир, о котором он столько рассказывает и куда так зовет и манит... Не знаю, существовал ли больший одноум в истории философии; все «странствованья» его складываются в одно нескончаемое скитанье, все драмы с их завязками и развязками пугающе похожи друг на друга. Однако все эти развязки как бы временны, условны, ненадежны... «Странное дело: — пишет о. Василий Зеньковский — после торжественных похорон рационализма в одной книге, он снова возвращается в следующей книге к критике рационализма, как бы ожившего за это время. Но все это объясняется тем, что разрушив в себе один слой рационалистических положений, Шестов натывается в себе на новый более глубокий слой того же рационализма.»⁶

Но не только от книги к книге, но и от раздела к разделу, от размышления к размышлению, от одного афоризма к другому Шестов, в отличие, скажем, от Ницше, стилем и пафосом мышления которого он, видимо, был захвачен, повторяет в сравнительно немногих вариациях одну и ту же тему, то утверждая, то призывая, то спрашивая:

«Да точно ли наш человеческий мир, тот мир, которому «разум продиктовал законы», тот мир, который создан «коллективным» опытом, есть единственно возможный мир и точно ли разум с его законами властвует над живыми?»⁷

«Нужно не усыплять себя «объяснениями», хотя бы метафизическими, загадок бытия, нужно будить и будить себя. Для того же, чтобы пробудиться, нужно мучительно почувствовать на себе оковы сна и нужно догадаться, что именно разум, кото-

⁶ о. В. Зеньковский. «История русской философии», т. II, стр. 324-325. Париж, 1950.

⁷ «На весах Иова», стр. 75.

рый мы привыкли считать освобождающим и пробуждающим — и держит нас в состоянии сонного оцепенения.»⁸

«И метод, и логика, и разум — все это средства, скрывающие от нас действительность. Нужен подъем души, нужна именно способность избавиться от метода, от всякого контроля, налагаемого на нас «логикой». Нужен порыв, восхищение.»⁹

И вот еще: «Она (человеческая душа) рвется на простор, от домашних пенатов, изготовленных искусными руками знаменитых философов. Ей часто об этом некогда и думать. Она не умеет дать себе отчета в том, что разум, превративший свой бедный опыт в учение о жизни, обманул ее. Ей вдруг дары разума — покой, тишина, приятство — становятся противны. Она хочет того, чего разуму и не снилось. По общему, выработанному для всех шаблону, она жить уже не может. Всякое знание ее тяготит — именно потому, что оно есть знание, т. е. обобщенная скудость. Она не хочет знать, не хочет понимать, чтобы не связывать себя. Разум — сирена: он умеет о себе и о своих так рассказать, будто его учения не связывают, а освобождают. Он только и говорит о свободе. И обещает, обещает, обещает. Обещает все, кроме того, что ему не дано постичь, даже заподозреть.»¹⁰

Итак, борьба с рационализмом? Можно привести еще сотни цитат — проклятий, издевок, недоумений, намеков, наскоков, выпадов, вздохов, разоблачений, сдавленных воплей — их интонации могут быть различными, но цель неизменно одна: развенчание разума. Шестов убежден — и это убеждение, видимо, навсегда засело в нем с молодости — что мир, по крайней мере, цивилизованный, только и делает, что боготворит разум и все провозглашенные им «вечные истины». Нужно помнить о времени, когда это убеждение сложилось — мирное угасание XIX столетия, эпоха позитивизма, неокантианства, рационалистического самодовольства европейских университетов. Еще не кончился век, уверенный в своих знаниях, незыблемых принципах, в испытанных, упитанных добродетелях, век, ступавший по твердой земле и потому породивший среди прочего и пресловутый «аморализм» Ницше и шестовский «апофеоз беспочвенности», что в иные эпохи могут легко обернуться гротеском. Ну а Шестов — он и через тридцать лет все как будто еще задыхается в атмосфере Конта

⁸ «Potestas Clavium», Берлин, 1923, стр. 127.

⁹ «Sola fide», Париж, 1966, стр. 61-62.

¹⁰ «Potestas Clavium», стр. 64.

и Спенсера, Наторпа и Ренана, все еще дразнит их и подкалывает (хотя едва ли и поминая их к тому времени уже идиллические, музейные имена), все еще посылает до смешного серьезный вызов канувшему веку, тот вызов, что явным образом окрашивает тона его мысли. И никакие «самоочевидности» первой половины века двадцатого, от очной ставки с которыми и ему не удалось уберечься, не только не разубедили его, а, напротив, еще более убедили его в главном: мир фанатически поклоняется разуму. И он оказался прав — как раз вопреки очевидности. Другое дело, что разум может испытать ряд неожиданных метаморфоз, что почтенные «идеалы» могут водить карнавалы, переменяв маски профессоров на вампиров, что «вечные истины» перевернулись бы в своем хрустальном гробу, едва взглянув на своих прямых и законных наследников. Это уже иная тема в истории суверенности человеческого разума — тема его диалектических приключений, и Шестов ее не касается. Он метит глубже и уже, его несмеляемая мишень — разум как единственный критерий истинности для неба и земли, единственный законодатель, владыка и судья.

Не рассудок, нет, не какой-нибудь здравый смысл, который так привыкли попираť ногами отвлеченные философы, взбираясь на высоты Большого Диалектического Разума, ибо в разделении этом уже открывается королевская дорога какому-нибудь надменному и захватническому Познанию во главе с Мировым Духом или Законами Истории, нет, разум в лучшем и наифилософском смысле слова является главным врагом Шестова; а рассудок — что ж? с ним он даже готов на зло разуму и помириться. Он, ничуть не стесняясь, и даже демонстративно мирится с ним, когда происходившие вокруг него великие исторические события казались ему явным помешательством. Впрочем, (перефразируем здесь Камю) можно быть завзятым противником разума, но не обязательно быть дураком. Шестов, следует подчеркнуть это, вступает в борьбу не только с «плохими», но и с наилучшими традициями западной философии (оставаясь внутри нее), с философией как таковой в буквальном, древнем и благородном смысле слова — любви к мудрости.

«Какой профессиональный философ — назовите, хоть одного, — совершенно один против всех, смог бы, подобно ему, без колебаний и ожиданий и с такой великолепной уверенностью ввязаться в битву, явным образом проигранную?», — не без пафоса спрашивает Луи Альтюссер в своей книжке о Ленине.¹¹

¹¹ L. Althusser. «Lénine et la philosophie», P. 1969, p. 36.

И действительно Ленин и Шестов — два мыслителя (едва ли когда интересовавшиеся друг другом, едва ли и читавшие друг друга всерьез), что начинают свой бой на противоположных флангах с противоположными целями, но каждый — один против всех, не считаясь с философскими приличиями, идя напролом. Ленин и Шестов, при всем различии их культур, — две «крайности» русской, может быть, и мировой мысли, не ведавшие друг о друге в философии, но странным образом сопряженные в своем отношении к разуму. Один, не побоявшийся воплотить собою, — делом своим и собственной эмпирической личностью — исторически необходимое движение Мирового Разума (пусть и слегка в русифицированном варианте) в сторону тотального подчинения мира некой якобы ему присущей Закономерности, ни разу даже не усомнившийся в полноте, адекватности и окончательности такого воплощения; другой — решившийся из неведомой глубины, из опыта «смертного» зрения и неизреченной свободы бросить разуму проклятие во всех его повседневных или всемирно-исторических, или трансцендентных принуждениях — жест с философской точки зрения шокирующий и абсурдный.

Ибо что такое традиционно разум согласно этой точке зрения? Нечто человеческое и весьма человеческое, т. е. частное, ограниченное, но полезное в практической сфере; философы, избегающие крайностей материализма и спиритуализма, откроют законы его познания, подсчитают категории, возвысят его над рассудком, опишут обстоятельства, при которых пригоден разум и при которых лучше воспользоваться интуицией и «моральным чувством». Но Ленин и Шестов ощущают разум иначе — как то, что выходит за пределы «умствований» или мнений, как то, что стоит за ними и их определяет, как то, что о б ъ е к т и в н о присуще миру, познаваемому людьми. По-разному понималось ими «объективное» и «всеобщее», естественно по-разному толковался и «разум», так что у нас нет даже одного языка для описания общих для них философских реалий. Может быть, уместно в академическом плане представить Шестова русским Киркегором-антигегелем, но Ленин-то здесь причем? Ибо тот д е й с т в о в а л в «разуме», но воспринимал его совсем не по-гегелевски, не как Судьбоносную Необходимость, которую перстом начертано осуществить, не как покорение реальности фантому абстракций (в какую ярость привело бы его подобное предположение!), но просто как задания текущей политики, как неизбежную диалектику классовой борьбы, как совершенно predetermined историю замену старого новым. Шестов же о разуме

со стороны м ы с л и л, всем существом своим переживая ту внемную, ту религиозную драму, которая в разуме скрыта. Именно здесь — в сокрытости — вне каких-либо преходящих вещей совершалась его философская борьба. Но с рационализмом ли?

С рационализмом классически боролся, скажем, Бергсон, мыслитель гораздо более богатый и в глазах современников увлекательный. Но все его богатства — интуиция, динамика, длительность, *élan vital*, примат воли над сознанием — Шестову ни к чему, и в бергсоновской победе над рационализмом он легко угадывает еще одну апологию «общих понятий». Нет, его собственная — «великая и последняя» — борьба разрушает все замаскированные опоры, отвергает все утешения и даже на интуиции и сокровенном иррациональном «я» отказывается помириться.

III

«Мне кажется, что мир спит», — читает он в «Короле Лире». «Пока душа в теле, — приводит Шестов слова Плотина, — она спит глубоким сном.»

«...во сне мы так же мало подозреваем, что находимся во власти заморозившей нас посторонней силы, как и наяву. Подозрение является, или начинает являться лишь тогда, когда мы начинаем чувствовать, что овладевшая нами сила враждебна нам, когда сон превращается в кошмар. И тогда нам приходит на ум та нелепая и бессмысленная идея, — все ведь бессмысленное и нелепое узнается по тому признаку, что оно заключает в себе внутреннее противоречие, — что эта действительность не есть подлинная действительность, а только сонное видение, обман, иллюзия.»¹²

Философия Шестова — сказали мы, — проще всего пересказывается в «историях». Возьмем очерк «На Страшном Суде» — о последних произведениях Льва Толстого. Герой неоконченного рассказа «Записки Сумасшедшего», богатый помещик, отправляется покупать имение и рад, что оно достается ему почти даром и ему будет выгодно купить его. Но вдруг по дороге во время ночевки в гостинице им без всякой видимой причины овладевает невыразимая тоска. Вокруг ничего не изменилось, но все как по волшебству изменилось внутри. То были покой и уверенность, теперь — неодолимый, непонятный страх. Точно также «отправ-

¹² «Афины и Иерусалим», стр. 97.

ляются за именем» и другие герои Толстого: Иван Ильич ездит в суд и в гости, отец Сергей, бывший князь Степан Касатский, совершает монашеские подвиги, говорит наставления, принимает богомольцев со всей России, даже удивляет праведностью Европу, а Василий Андреевич Брехунов строит свои амбары и кабаки, талантливо торгует и обсчитывает работников — каждый в своей колее, на своих проторенных дорогах делает по известному порядку то, что считается людьми нужным, значительным или полезным. И все они до рокового переломного момента, как, впрочем, и сам Толстой, когда он писал «Казак», «Войну и мир», «Анну Каренину» — все они глубоко убеждены, что «их сон, их жизнь и их «общий мир» есть единственная, последняя и окончательная реальность.»¹³ И они этой реальностью загнипнотизированы и ничего не ведают о том, что живут под властью посторонней силы. И вот они пробуждаются...

Их будят ослепительные, но мгновенные «откровения смерти», страх, боль, ужас, сознание немощи, на дне которых вдруг — благодатные озарения. Позади — тяжелый, крепкий сон жизни, суды, успехи, гости, построенные амбары, купленные имения, написанные романы — все накопленное, все праведное, все «удивлявшее Европу», впереди же... Тьма? свет? пустота? спасение? Иван Ильич и Брехунов умирают, отец Сергей бежит от своего монашества, старчества, гордыни, чтобы кончить когда-нибудь жизнь «на заимке у богатого мужика». Там — смерть, обрыв, здесь — художественно отчеркнутое смирение, завесу которого нам уже не дозволено приподнять, здесь — растворение в покаянном толстовском добре (которому в молодости Шестов посвятил целую книгу), т. е. опять-таки возвращение к разуму, погружение в сон. Кажется, что вся его философия располагается словно на узкой кромке между миром здешним, где господствуют старое зрение, вечные истины, законы аристотелевской логики, тяжелые сны, и тем миром, к которому пробуждаются, куда выходят из темной платоновской пещеры, освобождаясь от уз. Его интересует именно это освобождение, пусть через бегство, пусть даже через смерть. Не сном, но и не явью захвачена шестовская философия, не сном, но пробуждением — от внезапного ли толчка, неожиданной встряски, потрясения, экстаза, боли, смерти. Но пробуждение — недолго длится. Долог сон, цепко схваченный логикой и обыденным зрением, и на нем можно выстроить множество прочных и ладных философий, не разгадана действительность, что

¹³ «На весах Иова», стр. 102.

начинается за его порогом, но и там можно как-то задержаться («экстазы», видения), но краток и мимолетен момент перехода из одной реальности в другую, перехода, который Шестов одолевает на протяжении всей жизни, всегда лишь сопровождая на нем своих философских героев.

Он, кстати, совершенно не «эстетический» читатель; ему дела нет до известной дистанции, до литературной условности, он занят только правдой сердца художника — не художественной правдой, а правдой человеческой, той подспудной внутренней правдой, что лишь в условности облекается. И Толстому — так видит его Шестов — надлежит эту правду исполнить; то, что угадывалось, прозревалось им в Иване Ильиче, отце Сергии, Брехунове, происходит и с ним самим. Он (Толстой), как один из сыновей в знаменитой евангельской притче, всю жизнь говорил тому, что звало и будило его: «не пойду». Пойду — за разумом, всегда самому себе равным, за «обязательным нравственным законом, за собственным толстовским писанием. Говорил «не пойду» и в конце концов идет, уходит от Ясной Поляны, от славы, от мудрости, от учительства, даже не уходит — бежит «за несколько дней до смерти, без всякой нужды, без всякой «причины», без «достаточного основания», без всякой нужды, сам не зная, куда...»¹⁴

«Иду, иду, радостно, умиленно говорило все существо его. И он (Брехунов) чувствует, что он свободен, и ничто уже его больше не держит».

Возьмем Плотина, столь далекого и от Толстого и от его героев, но в глазах Шестова совершающего очень похожий путь. «Философия Плотина — говорит он, — которую он сам определил одним словом — *τὸ τιμιώτατον* (единое на потребу) — имела своей задачей освободиться от кошмара видимой действительности. Но в чем кошмар? В чем ужас? Откуда они? Гностики говорили: мир сам по себе безобразен. Для Плотина это было неприемлемо. Он знал, что не в «мире» зло...»¹⁵ Зло по Плотину-Шестову в колдовстве разума, заворожившего мир, зло в том, что душа спит. И те, кому было обещано какое-то пробуждение, всеми силами пытаются стряхнуть с себя сон. Но ведь сама борьба происходит во сне, и сон находит для себя разумные доводы и «достаточные основания», на которых философы возводят свои системы. То, что Плотин учил об этике, о космологии, натурфилософии, то, как он строил свою теодицею, то, чему вообще учат

¹⁴ «Умозрение и Откровение», стр. 169.

¹⁵ «На весах Иова», стр. 333.

философы, как о них рассказывают затем учебники, чувствуется, интересуется Шестова едва ли больше, чем вынесенные Иваном Ильичем приговоры и выстроенные Брехуновым амбары и кабаки. Он весь — в сокровенной (иной раз только им и воспринимаемой) борьбе, он целиком сосредоточен на том изначальном решении, что принимается философом — в пользу ли разума, самоочевидных истин, мира, околдованного необходимостью, автономного добра, теодицеи и этики («искусства творить «естественные чудеса»), идеальных сущностей, сотворенного разумом бога (наивысшая идеальная сущность), кошмара видимой действительности, темной пещеры, где на стене написано «дважды два — четыре», или в пользу...?

С пронзительной, оскорбительной ясностью ставится этот вопрос в шестовском «завещании о Гуссерле» — «Памяти великого философа». «И вот, когда я сказал ему, повторяя почти дословно то, что потом было написано в «Скованном Пармениде»: «В 399 году отравили Сократа. После Сократа остался его ученик Платон, который, «принуждаемый самой истиной» (выражение Аристотеля) не мог говорить, не мог не думать, что Сократа отравили. Но во всех его писаниях слышится только один вопрос: точно ли в мире есть такая сила, такая власть, которой дано окончательно и навсегда принудить нас согласиться с тем, что Сократа отравили? Для Аристотеля такой вопрос, как явно бессмысленный, совершенно не существовал. Он был убежден, что «истина» — собаку отравили, равно как и «истина» — Сократа отравили, равно навеки защищены от всяких человеческих и божественных возражений. Цикута не различает между собакой и Сократом, и мы, принуждаемые самой истиной, обязаны тоже не делать никакого различия между Сократом и собакой, даже бешеной собакой». — Когда я это ему сказал, я ждал, что его взорвет от негодования.»¹⁶

Или — навсегда отравили Сократа (то, что Сократ, в отличие от собаки, не убежал от смерти и сам поднес цикуту ко рту — дела для Шестова не меняет), и сама неподвижная окаменевшая истина нас принуждает согласиться с этим или мы не примем ее насилия, бросимся с размаху на эту каменную очевидность, будем колотиться об нее головой — вот как ставится им знаменитый вопрос: или-или? Именно от этой стены начинается философия Шестова, и сюда же после «странствований» она приводит. Или признаем мы неоспоримость и каменность этой

стены, или отважмся считать ее наваждением? Не то, что конкретно познают философы, и на чем строится затем их земное величие, интересуется его, а то, с какой силой, с какой глубиной и вдохновением ставят они вопрос о значимости познания. Хотя бы только ставят. Ибо решают его в итоге все одинаково. Даже немногие избранные — и Шестов со знакомым чувством торжествующей безнадежности констатирует это — даже Ницше, Киркегор, Достоевский бегут от своих видений и абсурдов под кров общепользных разумных и темных истин, назад, в пещеру.

Ну, а там, наверху? Там, за стеной, где кончается власть общеобязательного? Там, за «откровением смерти», за бегством, за обрывом, за последним прозрением — что ждет нас там? Какая неведомая воля, какое пристанище? «Бежим в дорогое отечество! — повторяет Шестов за Плотиним. — Отечество наше там, откуда мы пришли, там же и отец наш!»

Но сам он никуда не бежит — ни за Плотиним, ни за Толстым, ни за Достоевским. Потому ли, что некуда? Потому ли, что не знает пути? Потому ли, что не умеет — не может сбросить с себя пути необходимости, бремя оглядок, балласт мудрости? Или все это — внешнее, лишь маскирующее собой суть? Всякий раз, когда вместе с ним мы делаем этот рывок к «преодолению самоочевидностей», мы наталкиваемся на что-то недоговоренное и мучительное в Шестове — вечное обещание рая, непрестанное отстранение того, что мешает, борьба с теми, кто стоит на пути, «великая и последняя борьба» с самим собой и с грехопадением познания в себе самом, зов, порыв, усилие (такое усилие, что почти физически передается читателю) — и ни с места, скованное молчание. Там, куда зовет Шестов, Шестова нет. И мир по-прежнему заморожен стеной его отгородившей, и он несколько не верит, что ему удастся пробудить его своими зовами и порывами.

Пойдем ли мы, о чем он совершенно серьезно спрашивает? Или в 339 году до Рождества Христова афиняне осудили и отравили Сократа, да, да, того самого Сократа, того великого праведника, на долю которого выпала страшная честь повторить собою и делом своим — познанием грех прародителя Адама и возвести этот грех на высоты умозрения, откуда дьявол (если поклонитесь ему) обещал предоставить весь мир, или мы одолеем это злое колдовство, развеем чары мудрости, научимся мыслить так, как если бы «Сократа не отравили», ибо «отравленный Сократ есть бессмыслица, и стало быть Сократа не отрави-

¹⁶ «Умозрение и Откровение», стр. 305.

вили»,¹⁷ ибо мертвый Сократ — это вовсе не то, что мертвая собака, и пусть уж лучше неоспоримое знание об этом будет мертвым, а Сократ пусть будет живой. Но, постойте, раз уж на то пошло, почему бы и собаке не жить? Разве не найдется существа, для которого всего важнее жизнь именно этой собаки? Но побоялся же и Бердяев признаться, что не представляет себе вечности без своего любимого кота Мури! Но вопрос не в Сократе и не в каком-либо дорогом существе, а в том, примиримся ли мы с тем, с чем нельзя примириться, сможем ли мы не для утешения, а реально считать эту гибель, это безвозвратное уничтожение всего близкого и невосполнимого небывшим? Сможем ли мы сделать небывшим забвение, утрату, преступление, ужас, смерть?

Но взгляды в самую глубину этого вопрошания — сам Шестов заимствует его у Достоевского. Герой его, Ипполит, рассказывает о виденной им картине: снятие с креста. Христос на ней — обезображенный труп. Природа бессмысленно поглотила и раздробила это бесценное Существо, Которое одно стоило всей природы и всех ее законов, которая и создавалась, может быть, единственно для одного только появления этого Существа. Самая глубокая, самая заветная и вместе с тем самая трепетная и тревожная мысль Достоевского выразилась в этом рассказе, — настаивает Шестов. «В который уже раз стоит он, забыв и себя и все на свете, перед чашками страшных весов: на одной огромная, безмерно тяжелая природа с ее принципами и законами, глухая, слепая, немая; на другую он бросает свое невесомое, ничем не защищенное и не охраненное τὸ τιμώτατον и с затаенным дыханием ждет: какая перетянет.»¹⁸

Шестов, как и герой Достоевского, в муке застывает перед этой картиной. Он вспоминает слова Паскаля:

«Jésus sera en agonie jusqu'à la fin du monde: il ne faut pas dormir pendant ce temps-là.»

IV

И вправду, точнее всего он мог выразить себя чужими словами. Уместно ли говорить здесь о «даре перевоплощения»? Или о высокой стыдливости? Или прямо о том, что не во что

¹⁷ «Афины и Иерусалим», стр. 268.

¹⁸ «На весах Иова», стр. 71.

было облечь ему собственную философию — она вечно в чужих одеждах? Так почему же его шестовская истина не может выразить себя иначе, кроме как обнажая мысль других?

Вспомним еще раз Толстого — все его герои, и тот, от имени которого написаны «Записки Сумасшедшего», и Иван Ильич, и отец Сергей, и Брехунов испытывают то, что в двадцатом веке было названо «пограничными ситуациями», но о «пограничных ситуациях» учит не Шестов, а Ясперс. Шестов о них не учит, он через них проходит, словно вкладывая в них то, что пережил сам. Существование этих людей, и можно сказать, людей вообще, воспринимается им под знаком какого-то давящего и смутного осуждения, оно устремлено в никуда, погружено в повседневность, в бессмыслицу, в озабоченность, в успокаивающую всеобщую безликость, в оболщания и иллюзии (и здесь по Шестову даже толстовский подвижник не является исключением), но об этой иллюзорной безликой всеобщности и бытия-к-смерти учит не Шестов, а Хайдеггер. Шестов не учит, но сильнее, чем кто-либо другой тяготеет всем этим и рвется к пробуждению. И даже об абсурде повседневного существования недвусмысленно говорит не Шестов, а Камю. Шестов не излагает и не проповедует, он как будто предпочитает беседу с глазу на глаз со своим читателем на языке, понятном лишь им двоим. И даже о том последнем опыте, о смертном зрении, открывающемся в переломную благодатную или страшную минуту, о том, для чего Ясперс выковал термин *Existenzerhellung* — «просветление экзистенции» почему же столь скупко говорит об этом учение Шестова? Разве не мог он — писавший о Страшном Суде с таким подлинным, затаенным знанием — ввести свой опыт в понятия, развернуть в структуры и фигуры мысли или хотя бы в общедоступные философские образы, могущие убедить, способные легко привиться чужим душам, гармонически вписаться в пейзаж культуры?

Вопрос, конечно же, не имеет смысла — как можно спрашивать у мыслителя о том, чего у него нет? Но ведь все это было, было и нечто большее, оставшееся за строкой, не вырвавшееся к слову, словно сжатое молчанием. Для Шестова слово изобретено для здешней жизни, оно приковывает человека к переходящему, не пускает к самому важному. Не тогда откуда у нас поэзия, Библия и молитвы? По странности забыв, что все это произошло еще до грехопадения, он пишет: «Сейчас же после сотворения мира, Бог позвал человека и велел ему дать имена всем тварям. И, когда имена были даны, человек этим отрезал

себя от всех истоков жизни.»¹⁹ Так пусть не будет имен, и перво-
зданное останется безымянным, не стертым в совместном владении,
для каждого своим, непередаваемым? Философия Шестова
отказывается делать то, к чему как раз призван философ: именовать
новые вещи, открываемые познанием. Философия Шестова
вообще отказывается — познавать. Познавать для нее — значит
судить, т. е. выносить приговоры по внешним, не имеющим отношения
к самому важному признакам. Она отказывается познавать
даже себя. «По заповедям Бога познавать себя вовсе не нужно,
даже и нельзя.»²⁰ Но философия, коль скоро она мыслит, видимо,
все же не может исполнить эту шестовскую заповедь. Она, пусть
и в прикровенной форме, постоянно задается вопросом: откуда
она? ради познания какой истины существует? почему истина
мыслится ею так, а не иначе? и наконец может ли она передать
ее другим?

«Может ли душа смертного, пробуждающаяся даже от сна
и уверовавшая в то, что она имеет высшее предназначение, объяснить
другим, что с ней происходит?»²¹

И много раз Шестов отвечает и разъясняет себе и другим:
«По самой своей природе тайна такова, что она не может быть
открыта, а Истина постигается нами лишь постольку, поскольку
мы не желаем овладеть ею, использовать ее для «исторических
нужд», т. е. в пределах единственного известного нам измерения
времени. Как только мы захотим открыть тайну или использовать
Истину, т. е. сделать тайну явной, а Истину всеобщей и необходимой
— хотя бы нами руководило самое возвышенное, самое
благородное стремление разделить свое знание с ближним, облагодетельствовать
человеческий род и т. п. — мы мгновенно забываем все, что видели
в «выхождении», в «исступлении», начинаем видеть, «как все» и говорим
то, что нужно «всем». Т. е. та логика, которая делает чудо превращения
отдельных «бесполезных» переживаний в «общепользительный опыт»
и таким образом создает необходимый для нашего существования
прочный и неизменный порядок — убивает Тайну.»²²

«Она (истина) задыхается в тяжелых объятиях «самоочевидностей»,
дающих достоверность нашему знанию...»²³

¹⁹ «На весах Иова», стр. 200.

²⁰ Там же, стр. 197.

²¹ Вестник РХД № 120, стр. 115. («Плотин»).

²² «На весах Иова», стр. 80-81.

²³ Там же, стр. 79.

Но коль скоро именно такая — истина-тайна, которую разделить
ни с кем нельзя — только и досталась во владение, то как же было
ею и одному-то владеть? Даже приобщившись к ней в «исступлении»,
как можно было ее сохранить, сделать своей, писать с нею книги?
И сколь нелегким делом было, должно быть, мыслить о ней, искать
для нее необщие слова, видеть ее во сне и не просыпаться...
Но здесь все большую определенность получает наша догадка,
что само п р е б ы в а н и е в этой несрешенности, в этом
трудном пробуждении на полпути между тяжелым сном и чаемой
явью было и шестовской истиной и непередаваемой тайной.
И что в самой муке о ней — муке о том, что не дается слову,
но мятется в сердце — и таилось «значительнейшее». Но
невывразимость истины теряет свою подлинную цену, как только
она замыкается на себе самой, становится «невывразимостью
ради невывразимости», а не ради той истины, которая не в
силах, но все же непременно должна в ней сказаться. Что
перетягивает: истина, которую невозможно сказать или к себе
самой обращенная «несказанность» истины? Я убежден, что
подлинность философии Шестова взвешивается именно на этих
весах.

Или это еще одна, словами Шопенгауэра, «профессорская
философия профессоров философии» (и некоторые причуды
добавляют к ней лишь ту остроту, что так по вкусу двадцатому
веку), философия, которую можно излагать и квалифицировать,
и делать объектом критических штудий, или это есть действительно
«великая борьба» за неподдельную истину, та борьба, философскую
нерешенность которой едва ли можно будет прикрыть каким-нибудь
«скептицизмом» или «агностицизмом». В чем же больше выявляет
себя шестовская истина — в борьбе ли за себя или же в учении
о своей непознаваемости?

«Самоочевидное» склоняет нас ко второму решению. Разве
шестовская истина не сознает себя? Сознает — значит судит
(и оправдывает), сознает — значит судит других (и осуждает).
Пусть она и казнит себя самосознанием, и все же не отменяет
своих приговоров. Более того: напряженно вглядываясь в своего
противника, она сама — как бы незаметно и естественно — вбирает
в себя некоторые наиболее ненавистные его черты. «В сущности
шестовская мысль очень деспотична» — сказал Бердяев в рецензии
на одну из последних его книг. То, что Шестов в борьбе с разумом
пользуется всюю его услугами — это замечает всякий (да и скрыть
невозможно), но хуже всего то, что его собственная, неуловимая,
ускользающая даже от него самого истина тотчас каменеет,
как только оборачивается, чтобы взглянуть

на себя. И это реальная, давящая окаменелость: философ словно окован невидимой им истиной, заморожен ее тайной, не в силах и взгляда отвести от незримого. Иногда кажется, что дело не в истине вовсе, а в каком-то застывшем изваянии ее. «Его (Шестова) положительная философия бедна и коротка, — говорится в той же рецензии, — она могла бы вписаться на полстранице».²⁴

Бердяевский приговор здесь сух и суров, но, увы, возможно, и справедлив — с «профессиональной», с посторонней, с критической точки зрения. Полстраницы было бы для «положительной философии» достаточно, а может, и меньше. И всё же для нее не хватило и двенадцати больших книг, и «самое важное» — то, в чем обитает его истина — так и осталось недонесенным. «Единое на потребу» так положительной философией и не стало. «Значительнейшее» укрылось где-то за знанием, за видимой бедностью, за скованной немотой. Много, слишком много уместилось в шестовской недоговоренности, то, что его познанием так и не было выявлено и «положительной философией» донесено. «Он сам становится проблемой философии» — заметил в другой раз Бердяев в статье, написанной после смерти Шестова.²⁵

Однако это проблема не была проблемой его собственной философии, эта загадка — для нас. Он был слишком вовлечен в свою нескончаемую борьбу, чтобы задаться вопросом о самой этой вовлеченности, как это делают другие, и не философствовал о себе самом. То, что его бесконечно интересует, вообще выходит за границы философии, и шестовская борьба направлена и против этих границ, и против философии как таковой. Ибо то, к чему философия в шестовском понимании призвана — вместить «значительнейшее», — выразить его собою — в конечном счете оказывается невозможным. И сам Шестов знает об этом. Именно поэтому положительная философия ему «не удается», он ее не строит, не занят ею, он всецело обращен к тому, что не осязается мыслью и стоит за ней. Его борьба — не за накопленное философское имущество, это борьба за то, что ему не принадлежит или, в лучшем случае, за то, что невозможно передать — истину и тайну. Но при этом такая борьба обнажает внутренние пределы и задачи самой философии, ее мощь и бессилие, ее скрытые возможности и противоречия. Ее учительная бедность оттеняет со-

бою меру ее подлинного богатства. Ее религиозная мука и незавершенность сосредотачивает собой всю подспудную напряженность и контрастность верующего мышления.

V

Духовная встреча с Киркегором, в котором Шестов на склоне лет узнал своего двойника, помогла ему ставить старые проблемы яснее и радикальнее. «Либо мышление Авраама, Иова, пророков и апостолов, — цитирует он в последних книгах, — либо мышление Сократа.»²⁶ «Если этическое есть высшее, Авраам погиб.»²⁷

Либо философия греческого симпозиона — поясняет Шестов, — имеющая истоком своим удивление, философия, стремящаяся к пониманию, к суду над вещами, приговаривающая их жить в оковах необходимости, простирающейся на действия самого Бога, либо философия, движимая отчаяньем, разрывающая оковы и приходящая к вере. Либо она учит о неизбежности зла, и мудрому человеку следует лишь научиться терпению, либо она отказывается от признания каких бы то ни было прав за злом (в том числе и права называться неизбежным) и дерзает бунтом своим это зло уничтожить, сделать его просто небывшим. Разум или вера, покорность или дерзновение, вопль, бунт, безумие или этика? «Вера значит именно это — потерять разум, чтобы обрести Бога.»²⁸ Потерять, стряхнуть с себя разум, который по Шестову служит лишь «князю мира сего», значит обрести то невозможное, то абсурдное, что делает человека господином самой необходимости. Вера, не этика, возвращает Аврааму Исаака. Вера, а не наставления друзей, возвращает Иову все, что было им утрачено. «Нужно чисто человеческое мужество, чтоб отречься от конечного ради вечного, — повторяет он Киркегора. — Но нужно парадоксальное и смиренное мужество, чтобы в силу Абсурда владеть всем конечным. Это и есть мужество веры.»²⁹

«Конечное» — это и есть наш мир со всеми его ужасами и оковами, перед лицом которых философы всегда призывали сохранять бестрепетную невозмутимость. «Конечное» — это и есть отравленный Сократ, утраты и болезни Иова, убитые сыновья,

²⁴ Современные Записки, Париж, 1936, XII, стр. 376.

²⁵ «Основная идея философии Льва Шестова», в «Умозрении и Откровении», стр. 10.

²⁶ «Киркегард и экзистенциальная философия», Париж, 1939, стр. 60.

²⁷ «Умозрение и Откровение», стр. 247.

²⁸ «Киркегард и экзистенциальная философия», стр. 74.

²⁹ Там же, стр. 17.

погибшая родина. Примем ли мы равнодушную неизбежность всего этого — ту истину с сердцем истукана, что, мол, так бывает, было всегда, будет и впредь? Послушаем ли мы мудрецов, которые во все века прилежно учили нас сохранять спокойствие даже в фаларийском быке, где человека сжигают на медленном огне, а вопли его доносятся к палачам в виде улаждающей музыки?

«Мы стоим между двумя «безумиями», — говорит Шестов. — Между безумием разума, для которого обнаруживаемые им «истины» об ужасах реального бытия есть истины последние, окончательные, для всех обязательные, вечные истины, и безумием киркегардовского «Абсурда», который решается начать борьбу тогда, когда, по свидетельству нашего разума и его очевидностей, борьба невозможна, ибо она обречена на позорную неудачу. С кем идти — с представителями эллинского симпозиона, или с Иовом и пророками — какому безумию отдать предпочтение?»³⁰

В этом и заключается для него основной вопрос философии — какому безумию отдать предпочтение? Безумию философии умозрительной или спекулятивной, для которой все то, что есть, облекается в доспехи окончательного, всеобщего и разумного, или безумию философии экзистенциальной, неистово эти доспехи срывающей? «Там, где философия спекулятивная видит конец всяких возможностей и безвольно складывает руки, там философия экзистенциальная начинает великую и последнюю борьбу. Философия не есть рефлексия (*Besinnung*), «допрашивающая» действительность и ищущая истины в непосредственных данных сознания, она есть преодоление того, что кажется нашему разуму непреодолимым».³¹

Нужно ли говорить, что «экзистенциальная философия» в шестовском понимании далека от того, что принято называть «экзистенциализмом» в собирательном ли неопределенном смысле или более строго — понимая под ним ряд учений конкретных мыслителей? Экзистенциализм — могучее дерево с глубокими корнями, выросшее в ухоженном саду европейской философии, и мне кажется, неправы те, кто располагают учение Шестова на одной из его ветвей.³² Скорее оно похоже на колючий странный кустарник, упорно и дико растущий на песке; здесь не найти

³⁰ «Умозрение и Откровение», стр. 320-321.

³¹ Там же, стр. 321.

³² См. например: E. Mounier. «Introduction aux existentialismes», P. 1947, или: В. Ф. Асмус. «Экзистенциальная философия: ее замысел и результат (Лев Шестов как ее адепт и критик)». В сборнике: «Человек и его бытие как проблема современной философии». Москва, 1978.

ни прохлады, ни тени, ни отдыха. Экзистенциализм отстаивает права личности, ее сокровенность, ее решимость, ее противостояние безликости; экзистенциализм (в популярном смысле) озабочен состоянием души в ее внутренней самозащите перед тем, что ей враждебно и внешне. Он мастерски разоблачает это внешнее и враждебное, он умеет видеть его там, где раньше его и в голову не приходило искать — внутри самой личности, в ее «отчуждении», в ее мышлении, в ее речи, в ее совместном существовании с другими, в ее вовлеченности в историю, но как бы далеко не заходил экзистенциализм в разделении «подлинного» и «неподлинного» в глубине человека, он так или иначе кончает какой-либо формой рафинированного стоицизма.

Шестов же не о внутренней «подлинности» прежде всего печется, он посягает уже на внешнюю, он «внутреннее» в человеке — его веру, его безумие, его произвол — хочет сделать мерилом, хочет сделать повелителем внешнего, и на меньшем он не помирится. Такое — по словам Аристотеля — можно лишь говорить, но нельзя действительно мыслить. Ведь и самые дерзновенные мыслители — Платон, Плотин, Августин, Лютер, Ницше, Достоевский, даже и Киркегор — в конце концов предавали свое дерзновение ради покорности и уходили от «неистовых речей» к речам назидательным. Шестовского экзамена по экзистенциальной философии не выдерживает никто. Стоит ли говорить еще раз, что Шестов первый же на нем проваливается, что и его философия грешит назиданием-умозрением уже в силу того, что ненавидные ей «самоочевидные истины» оледенили ее взор, ибо поистине она не может от них оторваться, глаз на минуту отвести? Стоит ли говорить, что сама экзистенциальная философия, такая, какой он ее видит, остается чистой и неиспользованной возможностью, а, стало быть, умозрительной утопией, философской мечтой? Что она — экзистенциальная философия — экзистенциальна, «безумна» именно там, где всякая философия как раз кончается? Что сам Шестов остается экзистенциальным философом именно в своих размышлениях о чужой — самой им брезжущей для него экзистенциальной философии, пусть даже это будет «философия» Иова или Авраама? Что невозможная возможность философии последовательно экзистенциальной существует именно как вызов философии умозрительной, вызов, сам по себе исполненный философского смысла, но все же от умозрения целиком зависящий?

Но к чему гоняться за несведенными концами, в них ли суть? Всякая философия в конечном счете исполняет волю пославшего

ее духа, человеческого или иного. Всякая философия, сколь бы она ни была суха и отвлеченна, запечатлевает в себе душу философа, и это относится к нерешенности основных философских вопросов, к противоречиям, к трудностям, ко всему. И когда философия бежит от умозрений, от традиций, от себя самой наконец (на подмостках шестовской мысли это всего ярче и драматичней изображается бегством Серена Киркегора от государственного философа Гегеля к «частному мыслителю» Иову), то достигнув своей цели — убежав от самой себя — она совершает акт самопожертвования ради того, что признается ею бесконечно более важным и значительным. Шестов отсекает от своей и от чужой экзистенциальной философии, никого при этом не милуя и не идя ни на какие компромиссы, все то, что, по его мнению, заражено умозрением и покорностью разуму, и мы видим, как от философии в конце концов ничего не остается, она исчезает, чтобы уступить место вере. Вере, не обремененной никакой разумностью, не отягощенной никаким авторитетом, никаким знанием, никакой разделяемой хоть несколькими традицией, вере-безумию, вере-произволу. Вере столь свободной от какого бы то ни было интеллектуального или религиозного облачения, столь чистой и столь бесплотной, что она может быть определена опять-таки в границах умозрений — путем редукции умозрений.

«Он искал веры, но не выразил самой веры», — сказал о нем Бердяев.³³ И в этом — Шестов. Здесь, может быть, и таится та его «великая неудача» или то «крушение» (Scheitern) философии, в котором, по мысли Ясперса, открывается человеческое величие и человеческая ограниченность ее творца. Ибо Шестов на собственном пути и по-прежнему один против всех взялся за дело, которое вообще едва ли под силу философии, такой, как она сложилась на Западе, именно такой, с какою он сам боролся — выразить собою библейскую веру и библейское Откровение — и оказался сокрушенным. «Ибо то, что мы называем философией, — пишет один современный философ, — греческое дело греческим словом уже само подразумевает «науку», и это греческое дело представляет собою одну из фаз, — нет, не одну из фаз, а решающую фазу в истории человечества, благодаря которой «Западная Европа» отошла от мифологии предрассветной рани человечества и восточной иератики и встала на путь, устремленный к знанию...»³⁴

³³ «Русская идея», Париж, 1971, стр. 237.

³⁴ Н.-У. Hadamer, «Über die Naturanlage des Menschen zur Philosophie», Universitas 1972. Heft 5 s. 494.

«Достиг ли этот путь своей цели и не покончено ли с философией?» — спрашивает Гадамер. И не входит ли в «замысел», предлежавший этому пути, чтобы философия именно так и кончалась: самозакланием знания? Или же это еще один признак «заката Европы», когда философия с покоренной ею вершины бросается вниз головой? Когда она бежит и от государственных и даже от экзистенциальных философов назад — к «предрассветной рани и восточной иератике»? Однако и в бегстве своем она остается скованной старыми умозрениями. Приближаясь, почти прикасаясь к «значительнейшему», философия оказывается не в силах вобрать его в себя или самой в него влиться, потому что «значительнейшее» по ее предпосылкам вообще не может быть облечено в материю мысли. И потому мысль эта вечно должна метаться между отчаяньем и верой, между слепотой и надеждой, между «Да» и «Нет», тщетно пытаясь соединить их в нечто неразрывное, истинное, святое...

«И рече безумец в сердце своем: несть Бог. Иногда это бывает признаком конца и смерти. Иногда — начала и жизни. Почувствовавши, что нет Бога, человек постигает вдруг кошмарный ужас и дикое безумие земного человеческого существования и, постигши, пробуждается, если не к последнему, то к предпоследнему знанию. Не так ли было с Нитше, Спинозой, Паскалем, Лютером, бл. Августином, даже с ап. Павлом?»³⁵

Но «странствуя по душам» и пробуждаясь с ними, Шестов так никогда и не вверяет себя тому «предпоследнему знанию», что было в них рождено. Не идет он ни за Спинозой, ни за Паскалем, ни за Нитше, ни за апостолом Павлом. И собственное его «предпоследнее знание» как бы всегда останавливается и застывает на пороге чужого пробуждения. О чем же оно?

О Боге?

VI

Чтобы рассказать о яви, нужно стряхнуть с себя сон. Кажется, что Шестов так отчаянно борется с философией именно для того, чтобы навсегда покинуть ее. Но говорить о Боге можно лишь словами, сопричастными Его Слову.

Карл Барт, один из великих богословов, сопоставляя философию с богословием говорил, что философ проходит путь от творения к Творцу, от человека к Богу, а затем возвращается назад

³⁵ «На весах Иова», стр. 143.

— к творению и человеку, но уже озаренным сверху. Богослов же совершает обратный путь, начиная его с Творца. Но оба они, несмотря на различие направлений их мысли и способов выражения, отвечают на обращение к ним единой и неделимой Истины.³⁶ И все же противоречие между путями их мышления неразрешимо. То, что философ, исходя из творения, именует «трансцендентным», «непостижимым» или, скажем, «значительнейшим», подразумеваемая здесь религиозно окрашенную Высшую Идею (или Нечто, лежащее за порогом каких бы то ни было идей), мыслится богословом в рамках разделяемого Церковью Откровения. «Богослов, — говорит Барт — не стыдись своей философской наивности, должен заявить прямо и безоговорочно, что единая и неделимая истина его — Христос, и это определенно указывает ему путь мышления и словесного выражения и потому отрезает для него философский путь. Речь идет не об идее Христа, но о Христе Иисусе из Назарета, что жил при Августе и Тиберии, умер и воскрес, чтобы больше никогда не умирать, но не как прекрасное (может быть, самое прекрасное) средство выражения мыслей, не как символ, не как шифр, избранный для обозначения истины, а как истинный Бог и истинный Человек, как олицетворение установленного Богом союза между Ним и человеком».

Но случается также, когда богослов и философ как бы меняются местами: богослов изменяет своему пути и становится втайне философом, криптофилософом, как называет его Барт, или когда бежит со своего пути философ, бежит тайком от других и, может быть, от себя, когда не именуя и не осмысливая до конца той Истины, которая служит ему точкой отсчета, он идет от нее к творению, когда, оставаясь философом, он незаметно от себя делается криптобогословом. Он начинает судить о творении с высоты той Истины, которая сама для него остается закрытой вторичными, умозрительными именами, и тогда суд его — коль скоро философ предельно честен, искренен и захвачен Истиной — обращается на самого себя и на собственное мышление. И поскольку эта Истина жива, поскольку она требовательно обращена ко всякому человеку, в том числе и к философу, тот суд или кризис, о котором идет речь, обретает в нем огромную глубину и серьезность. Конечно же, философия всегда может найти пути, чтобы миновать его, вернуться окончательно к тварному и только в нем укрепиться в беспомыслии о Творце, как может

³⁶ См. Karl Barth Philosophie und Theologie. In: Philosophie und christliche Existenz. Basel und Stuttgart, 1960.

и она, потянувшись к Откровению, принять Христа в собственном доме и как Марфа деятельно служить Ему. Но бывает так, что она остается на полдороге, застывает в пробуждении своем, и тогда кризис-суд становится ее постоянной невыразимой реальностью. Суд в котором пленная мысль судит себя и корчится в муке, пробиваясь к «значительнейшему», будучи не в силах передать его собою.

Услышим ли мы иносказание? «Страшный Суд, которым мучилось средневековье и о котором так основательно забыла современность, вовсе не есть выдумка корыстных и невежественных монахов. Страшный Суд — величайшая реальность. В минуты — редкие, правда, — прозрения это чувствуют даже наши положительные мыслители. На страшном суде решается, быть или не быть свободе воли, бессмертию души — быть или не быть душе. И даже бытие Бога еще, может быть, не решено. И Бог ждет, как каждая живая человеческая душа, последнего приговора.»³⁷

Шестова со стороны нередко принимали за глашатая библейского иррационализма. «Положительные мыслители», его критиковавшие, охотно возводили его в ранг выразителя ветхозаветного мирозерцания. Ведь сам он так часто, с таким жаром и вызовом утверждал: учитесь у Библии, люди мыслили там совсем не так, как наши мудрецы и философы. «Если же мы обратимся к Писанию...» — многозначительно говорит он, закончив разбор какого-нибудь философского учения, и мы чувствуем, как бедный разум уже дрожит. Так последуем его призыву, задумаемся над Библией. Ветхозаветная праведность и ветхозаветная мудрость основываются на глубочайшем доверии к открытому на Синае Закону, каждая заповедь которого, сколь ничтожной бы ни казалась она постороннему, связана с идеей целостной регуляции человеческого существования, тела, души, духа. (Правда, когда Шестов вспоминает о насмешке Вольтера: «лучше бы Бог научил евреев о бессмертии души, чем учить их aller à la selle»,³⁸ в тоне его звучит явственно: Вольтеру ли учить Бога? — в нем просыпается иудей.) Но «религиозная философия» иудея заключается прежде всего в п о з н а н и и Закона, в проникновении в скрытый замысел каждого формального предписания, в усмотрении невидимой взаимосвязи всех его заповедей, т. е. в постижении той Мудрости, которая изначально была вложена в Закон его Создателем. Эта мудрость пронизывает собою все творение, она хранится где-то

³⁷ «На весах Иова», стр. 145.

³⁸ «Афины и Иерусалим», стр. 60.

в сокровенном ведении Божиим, и человек на пути неукоснительного исполнения закона и праведного познания может к какой-то частице ее приобщиться.

«Откуда же исходит премудрость (говорит Иов)
и где место разума?

Сокрыта она от очей всего живущего,
и от птиц небесных утаена.

Авадден и смерть говорят:

«ушами нашими слышали мы слух о ней».

Бог знает путь ее,
и Он ведает место ее.

Ибо он прозирает до концов земли,
И видит под всем небом.

Когда Он ветру полагал вес,
и располагал воду по мере,
когда назначал устав дождю

и путь для молнии громоносной:
тогда Он видел ее, и явил ее,

Приготовил ее, и еще испытал ее,
и сказал человеку: «вот, страх Господень есть
истинная премудрость,
и удаление от зла — разум».

И это говорится в одной из самых близких, самых важных для него книг — в книге Иова. А сколько слов о премудрости, сколько увещаний, обращенных к разуму, можем мы почерпнуть из других книг Ветхого Завета! А Евангелие Христово — разве не обращено оно также и к разуму человека? Но где в Писании найдем мы столь надрывно-категорическое: «Когда разум обессиливает, когда истина умирает, когда свет гаснет — только тогда слова Откровения становятся доступны человеку?»³⁹

И если Шестов без конца воюет с умозрительной эллинской мудростью, это вовсе не значит, что Библия на его стороне. Рассорившись с Афинами и бежав от них, он не нашел приюта в Иерусалиме, ни в старом, ни в новом. Тот союз между Откровением и познанием в форме ли отношений между Господином и рабом или отношений между Отцом и сыном, союз, которым крепятся и иудаизм, и христианство, его как раз и отпугивает. Бог его не «испытывает премудрости» и как будто бессилен что-либо

³⁹ «Умозрение и Откровение», стр. 63.

возвестить разуму. Ведь разум держит нас в рабстве у самого себя, познание столь греховно, что не в силах вывести нас к Богу. Но уготовят ли нам путь к Нему экстазы, порывы, «неистовые речи»? А вера, не тронутая знанием, выведет ли нас к Отцу? Без Него же, Того, Кто может миловать и спасать, испытывать скорбями и отвечать молитвам, для чего нам и запредельные отечества?

Знал ли такие вопросы Шестов? Не мог не знать. Знал и поневоле прятал их в бесконечных, но всегда захватывающих разоблачениях разума, в намеках, умолчаниях, спорах. Есть и вправду что-то затягивающее в самом кружении его мысли, в ее дерзновении и деспотизме, и оттого все истинные его читатели следуют за Шестовым из книги в книгу, хотя и давно знают, куда он их поведет. Ибо они, эти книги, что-то всегда обещают, несут в себе как будто «пролегомены» к какой-то небывалой будущей религиозной философии, которую автор до времени скрывает. Должно быть, поэтому о. Василий Зеньковский и, видимо, не он один, предполагал, что Шестов из какой-то стыдливости не открывал своей истинной веры. Поэтому, может быть, другой православный богослов — Оливье Клеман сказал однажды, что философия Шестова могла бы стать достойным введением к тому, что называют хорошим богословием. И оба они ненароком касаются его религиозной тайны. Тайны, о которую бьется и которую мучится его мысль, той тайны, что затрагивает и нас, читателей, ибо поистине на нее падает какой-то отблеск правды самой значительной для людей — правды о Боге Живом.

Но какой язык человеческий способен эту правду вместить? — мог бы спросить Шестов. В какой из сосудов можно заключить невместимое? В ответ ему можно было бы повторить слова царя Соломона, которыми он молился при освящении Храма. «Поистине Богу ли жить на земле? Небо и небо небес не вмещают Тебя, тем менее сей храм, который я построил (имени Твоему). Но призри на молитву раба Твоего,... услышь молитву, которою будет молиться раб Твой на месте сем» (3 кн. Царств, глава 8). С этой молитвой создается не только храм, но и всякий живой, пусть и слабый, робкий религиозный опыт. От этих слов берет начало и язык, которым Церковь говорит о Боге, и тот разум, коим она познает Его. И дерзновения и доверия в них больше, чем в каких-либо экстазах. Но Шестов не слышит их. Чудо претворения того, что воздвигнуто человеческими руками или достигнуто человеческим познанием, в обитель Бога Живого, прошло для него незамеченным. Бог его бездомен.

«Мой Бог — невидимый, — мог бы вспомнить он слова Гершензона в «Переписке из двух углов» — ...Он — моя жизнь, мое движение, моя свобода, мое подлинное хотение.»⁴⁰ Но в его опыте присутствия Божьего нет той умягчающей теплоты, той эмоциональной интимности религии, которую чувствовал Гершензон. «Господь свет мой и спасение мое», — хотел бы воскликнуть Шестов за псалмопевцем, если бы не был н е м. Но это — стенающая немота. Это многословная немота изнемогающего под тяжестью умозрений автора философских книг. И пугающая, загадочная немота вдруг умолкнувшего юродивого. Он сам не в силах справиться с ней, разбить стены ее «неистовыми речами». И она-то для него «тяжелее песка морского».

«Смотрите, как бьется в тенетах наш друг Шестов, — писал М. О. Гершензон Вячеславу Иванову. — Сколько раз мы говорили с вами о нем с любовью! Он ли не прозрел пустоту умозрений, мертвящий догматизм идей и систем? он ли не алчет свободы? Его тоскующий дух беспомощно рвется вон; то силится распутать узлы догматического мышления, спеленавшего человечество, то с увлечением рассказывает о минутных прорывах, удавшихся тому или другому...»

Может быть, тайным богословием его было само смятение? А мука, не нашедшая слов, должна звучать для нас проповедью? «Сего, Неведомого, Которого вы, не зная, чтите, я проповедую вам», — говорит апостол Павел в афинском Ареопаге. И Шестов обращается к грекам и к наследникам греков, ко всему ареопагу европейской философии, но странная обличительная проповедь его внезапно разрешается воплем Иова:

«Если бы взвешена была горесть моя, и вместе страдание мое на весы положили, то ныне было бы оно песка морского тяжелее.»

VII

Что же взвешивается на этих весах — скорбь человека и песок морей? Но к тяжести песка (неумолимой природе, слепой неизбежности) Шестов добавляет еще и те полновесные рассуждения, утешения и упреки, которыми сочувствующие друзья отвечали иступленному Иову. Будем внимательны к этому спору, ведь он происходит в святилище шестовской философии. И каждый раз завершается он все более жестким и вызывающим отка-

⁴⁰ Вячеслав Иванов и М. О. Гершензон. «Переписка из двух углов», Петербург, 1921, стр. 50.

зом от тех высоких метафизических утешений, которые «друзья Иова» накопили за тысячи лет умозрительных и благочестивых размышлений. Конечно, нельзя сравнивать их с наследниками Сократа и Аристотеля, с которыми только и спорит Шестов, но ведь и те, и другие хотели всего лишь утешить, примирить, приобщить к бессильной этической мудрости. «И разве друзья Иова, на которых он так ополчался, провозглашали что-нибудь другое, чем бессильную любовь? Они не могли помочь Иову — и предлагали ему то, что было в их распоряжении — слова милосердия. Только когда Иов явно обнаружил свою «закоренелость», свое «упорство» и отверг их «моральные» и «метафизические» утешения, они, справедливо увидевши в этом «бунт» и «мятеж» против этического, обрушились на него со своими упреками...»⁴¹

Но если бы спорили только этика с верой! В Книге Иова спорят — бросаются на весы — две человеческих, проникнутых верой правды. Было ли замечено, что отвергнутые Богом речи друзей складываются в одну из самых «возвышенных» религиозных философий, которая сама по себе составила бы честь всякому мудрецу? Но дело было совсем не в том, какие доводы оказались сильнее. Доводы вовсе были здесь ненужны. И оправдывать Бога — искать «объективный», объяснимый источник горестей Иова — тоже было не нужно. «Всякое «объяснение» его несчастья для Иова лишь умножение скорби. Не нужно никакого объяснения, никаких ответов. Не нужно и утешений.»⁴² И Господь отказывается от тех высоких оправданий, которые друзья Иова предоставляют в Его защиту.

Ибо не доводы и не вопли взвешиваются здесь на весах, но исповедания сердец. В споре Иова с друзьями каждый обнаруживает то сокровенное, самое важное, что связывает его с Богом. Иов исповедует здесь такую близость к Нему, такое сердечное ведение Его, что меркнет в его стенании речистая набожность рассудительных его друзей. И само его богохульство — в глазах друзей речи Иова и были богохульством — звучит перед Богом как иступленное славословие. «Вот Он убивает меня, но душа моя не перестает уповать на Него!» И в ответ на призывы к покаянной покорности Иов твердит:

«А я знаю, Искупитель мой жив,
и Он в последний день восставит из праха
распадающуюся кожу мою сию;

⁴¹ «Киркегард и экзистенциальная философия», стр. 110.

⁴² «Афины и Иерусалим», стр. 234.

и я во плоти моей узрю Бога.
Я узрю Его сам;
мой глаза, не глаза другого, увидят Его.
Истаивает сердце в груди моей!»

(19; 25-27.)

Но именно эти — самые важные — слова неопишуемой, неистовой надежды Иова — сокровенны у Шестова. Иов знает, что есть, жива, существует за словами традиций, утешений, упреков воля и сила Божия, которая превратила его во прах и может вернуть ему все утраченное одним произволением. Самый вопль его есть свидетельство о безмерной власти Бога. Само требование суда есть исповедание Его милующей справедливости. Ибо тошен Иову суд человеческий, притязающий судить от имени Бога, суд заповеданной мудрости, суд осмотрительного разума, суд всего человечески должного и нравственного. Над преданиями, над мудростью, над всем заповеданным и положенным — Бог свободен.

Вот, что втайне проповедует Шестов, вот, что прорывается через долгие его монологи и скитанья по душам: Бог свободен, свободен неслышанно, непредвиденно и перед собственным творением, и перед сотворенными людьми вечными истинами и метафизическими утешениями, и перед безликой необходимостью, открываемой разумом, и перед этикой, склоняющей к покорности. Бог свободен перед законом, в том числе и собственным, перед всякой религией, перед всем, что человек может понять, чем он может овладеть, что может ввести в круг своих понятий и ощущений. Бог свободен от всего, к чему человек может прикоснуться и что он может помыслить. И только перед таким Богом — Богом Иова может смертный человек сделаться «рыцарем веры, владеющим всем конечным».

А иначе — «нам придется вновь вернуться к эллинскому представлению о Боге, возможности которого ограничены самой структурой бытия? И Бог чем-то связан, и над Богом наш разум открывает начало или начала, независимые от Него, Им несотворенные, которые полагают предел Его воле и принуждают довольствоваться возможным? Перед лицом этих начал Бог так же бессилен, как и смертные; у Него есть только любовь и милосердие, которые сделать ничего не могут».⁴³

Но мы слышим здесь лишь вопрошание и недоумение Шестова, ибо собственные его «неистовые речи» немы. Но они в самом

⁴³ «Киркегард и экзистенциальная философия», стр. 113.

вопросе: или Единое эллинского симпозиона, «утешающая» Трансценденция человеческих религий, или Бог, способный вернуть детей Иову и бывшее сделать небывшим. Либо Афины с их этикой и наукой, либо Иерусалим с верой и воплями? Так спрашивает видимая — «скованная» — философия Шестова. Скованная именно тем, что так беспощадно и пронизательно выслеживает и разоблачает в других: необходимостью рассуждать там, где следовало бы ей взывать и неистововать. Он окован своей философией точно так, как Парменид, по словам Аристотеля, был окован принуждающей его истиной.

Но откуда эта скованность и замолченная проповедь о свободе Божьей? Спросим еще раз: откуда прикровенность, затаенность, двойственность всех вопросов, всех шестовских прорывов к «значительнейшему», за которым — Бог, а «Бог — значит — все возможно»? Откуда эта неутомимость и страстность, эта «заведенность» в разоблачении разума и этики вместо того, чтобы открыто и взаправду искать Бога, который выше этики, выше добра — к чему призывал Шестов в одной из ранних книг?⁴⁴

Как будто разрушая стены своей темницы, вкладывая в это дело каждый раз столько труда, сноровки, мастерства, упорства, воли и наконец разума, он, проделав брешь, не выходит на свободу, столь превозносимую издали, а возвращается назад, чтобы пробиваться снова в другом месте. Как будто главная нерешенность именно там и начинается, где гаснет разум и пробивается свет, где все человеческое теряет опору и произвол Бога вступает в свои права. Замечает ли Шестов, что освободив Бога от человеческого познания и представлений о нравственности, сделав само существование Его недоступным и нерешенным, он как бы «с другого конца» повторяет столь отталкивающую его мысль Спинозы: воля и разум Бога имеют столько же общего с волей и разумом человека, сколько общего имеет Созвездие Пса с псом, лающим животным? Бердяев в уже цитированной здесь рецензии на шестовскую книгу о Киркегоре сказал, быть может, самые безжалостные слова об авторе:

«Мысль Шестова носит особенно трагический характер, потому что Бог, для которого все возможно, который выше всякой необходимости и всех общеобязательных истин, остается условной гипотезой, Бог постулируется для спасения от власти разума и морали, подобно тому как Кантом Он постулировался для спасения морали».⁴⁵

⁴⁴ «Добро в учении гр. Толстого и Ф. Нитше».

⁴⁵ «Современные Записки», стр. 377-378.

Чем могла бы ответить на эти слова философия Шестова? На территории аргументов он побеждает, как был бы побежден и Иов, если бы принялся философствовать по совету его друзей. Бог для него — самое важное, неописуемая свобода — лишь «условная гипотеза». Но приговоренный умозрением, он должен был завопить: «Можно ли назвать Бога «постулатом»? Бог владеет всеми человеческими постулатами, Бог Живой, как бы Он ни был явлен, как бы Он ни был назван, обитает в душах людей и стоит у истока той «великой борьбы», что всегда идет за Него! И этот вопль как подавленное славословие также звучит в философии Шестова.

Вопль и умозрение спорят здесь между собой. И побеждают друг друга. Да и вправе ли мы назвать спором это яростное противоборство ради «значительнейшего», где обе стороны изнемогают? Мы видим ясный знак смертельного изнеможения: философия валится наземь. Она зачеркивает саму себя. То дело, к которому философия по самой сути своей призвана, которым она только и в силах заниматься, ею же самой признается греховным, трусливым, суетным. «Она ищет «твердых основ», бесспорного, окончательного, почвы и больше всего страшится свободы, каприза, т. е. всего того, что есть в жизни необычного, гадательного, неопределенного, не подзревая, очевидно, что именно это необычайное, гадательное, неопределенное, не нуждающееся в гарантиях и защите, есть единственный и истинный предмет ее изучения, *τὸ τιμωτάτον*, о котором говорил и к которому стремился Плотин, та «действительность», которую из своей пещеры разглядел Платон, тот Бог, которого скрыл под «математическим методом» Спиноза и который вдохновлял гадкого утенка, подпольного человека Достоевского, когда он показывал кукиш и выставлял свой отвратительный язык сооруженным людьми хрустальным дворцам. Великие древние мудрецы оставили нам завет: про Бога нельзя сказать, что Он существует. Ибо сказавший: «Бог существует — теряет Бога».⁴⁶

Противоборство шестовской мысли выступает здесь во всем напряжении, во всей муке. Подлинная вера его, желая стряхнуть с себя всякое умозрение, оказывается в плену у него. Ибо он вовсе не ищет «философской веры», успокаивающейся на «шифрах Божества», он хочет веры библейской, веры в Бога Живого, огражденного от него стеной разумения, самим словом о Боге: есть. И мука его о вере, стенание веры самой есть тяжкое бремя,

⁴⁶ «На весах Иова», стр. 89-90.

а не предмет экзистенциальной философии. Об этом не философствуют, не рассуждают. Говорят о другом — вторичном и преломленном. Шестов не имел «обнаженных», дерзких, вызывающих слов Иова, чтобы сказать о своем бремени — а как бы хотел иметь! — и в этом главное его страдание. И оно-то как раз безгласно, немо. Но именно немота его придает шестовской философии ее непроявленную, настоящую силу. Сила эта могла бы мгновенно исчезнуть, как только все «необычайное и гадательное» получило бы некое автономное существование, мистически обособилось бы и «устроилось» и стало бы себя выставлять: «Необычайное!», «Гадательное!», «Увлекательное!» — но нигде этого не происходит, и сила шестовской мысли не ослабевает никогда. «Гадательное» закрывает у него Того, Кто есть. Но Шестов в какой-то доле прав, когда говорит: «сказавший: «Бог существует — теряет Бога». Сказавший: «Бог существует» остается в плоскости умозрения. Вера не начинается с утверждения: Бог есть. Она говорит: «Веруем во Единого Бога О т ц а...» Она выявляет себя прежде всего в обращении и Имени.

«Проблема Бога обнаруживает противоречие внутри самой философии, — читаем мы в книге Жана Даниэлу. Ибо цель философии — доказать существование Бога, но она может сделать это лишь признав свою беспомощность».⁴⁷ В философском утверждении: «Бог есть» основное ударение падает на слово «есть», а слово «Бог» частично теряет тот смысл, который узнает в нем вера. Оно заволакивается туманом чего-то «гадательного». Но «гадательное», «необычайное» — всего лишь «тусклые стекла» веры. И вот Шестов с каким-то рассчитанным безумием, с тем безумием, которое всегда таится в его строгой речи, бросается на эти стекла, чтобы разбить их.

Не это ли безумие, отстоявшееся, отрезвевшее (Шестов всегда трезв и тогда, когда говорит об экстазах), не отчаянное, но отчаявшееся безумие проскальзывает и в его учении о вере (за которым скрывается еще учение о свободе Божьей)? Вера есть «экзистенциальный прорыв» из царства скованности в царство свободы, где все вдруг (обязательно — вдруг!) становится возможным. Возможно все, кроме того, чтобы вера открывала людям истинного Бога и соединяла Бога с людьми и людей друг с другом. В книге о Киркегоре Шестов говорит его устами: «Веру нельзя опосредствовать через общее; это значило бы отменить ее. В этом и есть парадокс веры, и один человек в этом не может

⁴⁷ Jean Daniélou. «Dieu et Nous», P., p. 62.

понять другого... Человек может стать рыцарем веры, если он всецело возьмет на себя парадокс — иначе он никогда рыцарем веры не станет. Товарищество в этих делах немислимо».

Но парадокс веры прежде всего в том, что человек, не рыцарь, нет, но персть земная, может встретить Бога Истинного, узнать в Нем Создателя и Отца, молиться Ему, взывать к Нему, парадокс веры в том, что единым безусловным и благодатным порывом ее он может разрушить те стены, которые, отгородившись от Бога, он сам возвел вокруг себя, что немым зовом сердца может он позвать, и ему ответят, и он услышит ответ; парадокс веры есть реальность веры, банальность веры и только. Именно притязание на абсолютное, а значит, и абстрактно-рассудочное, а стало быть, и слишком человеческое «полное» одиночество этот парадокс снимает, переводит его в ранг философских антиномий, запирает в умозрительной клетке. Ибо в умозрении, когда оно живет лишь собой или борьбой с самим собой, сказывается лишь внутренняя замкнутость человека; умозрение иссякает, становится пустым в диалоге, в вопрошании и ответе, в живой связи «я» и «Ты». То, что всего удивительней, начинается как раз там, где одиночество, такое философское, такое мирское одиночество уступает себя тайне, разделяемой многими и соединяющей людей наиболее глубоко, когда самое сокровенное и личное становится всеобщим, братским, насущным, здешним. Самое таинственное более всего и открыто, откровенно, но постижение этого дается труднее всего: парадоксальное единство быющей в глаза открытости и непроницаемой тайны. И это единство, неместимое разумом, есть Христос.

Одиноким же «рыцарь веры», не заводит ли в тупик ее? Ибо суть веры — не человеческий, пусть даже сверхчеловеческий порыв, но Тот, Кто открывается этой вере, Тот, Кто слышит ее и отвечает ей. Суть веры — не убеждение в истинности чего-то и не выход в нечто запредельное, а Тот, Кто эту веру собой зажигает. Все остальное — умозрения, те или эти. Каждому — свой абсурд, великая нерешенность, скорбная загадка, где один не в силах пенять другого, но у всех — Бог Единый, и чем больше Он открывается людям, тем больше связывает их (разных людей, мудрецов и простаков, рыцарей и поденщиков) глубочайшим взаимопониманием. Суть веры, может быть, в том, что она в конечном счете едина (хотя и по-разному явлена, выражена, раскрыта), ибо обращена к единому Богу, в Которого веруют, и в том еще, что каждого вера ставит перед лицом Творца мира, и для каждого Он есть неповторимое, другим неведомое «Ты»...

Верующие, люди вообще, не только святые, не одни лишь рыцари, но и мытари веры, но и калеки веры, что бы ни говорили, знают о д н о г о Бога, Бога, явленного в Сыне Божьем, Распятом и Воскресшем и в каждой душе человеческой запечатлевшем Свое Лицо. Разные души, конечно, задуманы и исполнены по-разному, у всех своя судьба и своя история, все по-разному видят, по-разному слышат, по-разному удерживают в себе то, что было им послано, и по-разному то, что запечатлелось им, исповедуют или от него отрекаются, и все же в душе человечества, на последней ее глубине — а то и гораздо ближе, ощутишь — у всех один ХРИСТОС, подлинный и недобрымимый ни на какие человеческие Его восприятия и опыты разных сердец. Тот Христос, о Котором говорят все веры и все проповеди Царства Божия, пусть и не понимая друг друга, и Тот, о Котором рассказывают Евангелия, Тот, Кто прозревается и предугадывается всякой душой.

И оттого парадокс «одиночества веры» — а он неоспоримо существует в ней — восполняется парадоксом еще более глубоким и неожиданным — парадоксом «товарищества в вере», братства в вере, парадоксом соборности. Отчаянье веры отступает перед ликованием веры, коль скоро она дает нам Живого Христа. И не в одних лишь дальних нехоженных закоулках обитает она, где только и ищет ее Шестов, вера живет и в общих молитвах, и в храмах, распахнутых для всех. Но там для него — всеобщность, обыденность, вечные истины, Великий Инквизитор из легенды Достоевского. Вот как заканчивает он свою книгу о Киркегоре: «Его неистовые, иступленные, безудержные, полные надрыва писания и речи только об этом и говорят нам: глас вопиющего в пустыне об ужасах Ничто, поработивших падшего человека! Безумная борьба за возможность, она же есть безумный порыв от бога философов к Богу Авраама, Богу Исаака, Богу Иакова». И память подсказывает следующие, столь же хрестоматийные строчки в паскалевском Мемориале, которые Шестов вспомнить отказывается, которые он не цитирует никогда:

«Certitude. Certitude. Sentiment. Joi. Paix.
Dieu de Jésus-Christ».

VIII

Шестовский порыв от «бога философов», его «безумная борьба за возможность» оставляют нас в конечном счете лишь с немой и тоской. Но эта бедность и немота — поистине богаты они

могучим воплем Иова, ничем не владеющего, кроме самого этого вопля. Философия Шестова, состоящая лишь из споров и отречений, это, может быть, тоже вопль, но задущенный, сдавленный в умозрениях, и все же достигший неба из-под глыб философской культуры. Вопль разрушенного и погребенного Иерусалима, вопль чаемого им Иерусалима Небесного, пристанища обетованной свободы, против торжествующих, против утешающих, против усыпляющих Афин. Он не допускает и мысли о каком-либо синтезе вопля и разума, он как будто намеренно не замечает нерукотворного храма христианской догматики — может быть, самого великого из человеческих творений, созданного соизволением Святого Духа и примирившего Откровение с умозрением, Афины с Иерусалимом — и все же в его отказе от всякого греческого наследия, в его замолчанном, недоуменном, облеченном в строгую философию вопле до нас отдаленно доносится весть о Христе.

Вопль этот не в силах ни поколебать этот храм, ни оторвать нас от веры в ее «разумной», греческой, умозрительной оправе; скорее, напротив, своими порывами и парадоксами такая философия придает ей какую-то иную, новую значимость. Шестов делает веру чем-то невысказанно трудным, недостижимым, неисполняемым, и при чтении его книг нас тревожит догадка, что так оно и есть. «Иго Мое благо, — сказал Иисус, — и бремя Мое легко». Мышление Шестова совершает невероятные, подвижнические усилия ради приобретения этой легкости, и порой кажется, что трудится он и за нас — за тех, кого называют верующими. Ибо есть благое иго Христа, но есть и обыденная, дешевая легкость «верующего безверия». Слишком легким нехристовой легкостью, почти невесомым, незначащим бывает для нас, христиан, иго веры. Изнурительный, «в поте лица» духовный труд Шестова может показаться нам беспечным, мученически натужным, а вся его жизнь представиться лишь талантливым битьем головы об стену. Поистине труд его был Сизифов (и недаром молодому Камю, интерпретирующему миф о Сизифе, вспоминался Шестов) — такими усилиями, такими ухищрениями бороться с разумом, как будто не было ничего важнее в жизни, вновь и вновь приниматься за эту борьбу, и при этом догадываться, нет, твердо, умозрительно сознавать, что поверженный ныне разум завтра опять окажется победителем. Так философия, уничтожая себя, каждый раз принося себя в жертву, трудится ради веры, истинной веры в истинного Бога, она повергает разум наземь, разбивает каменные стены очевидности и в открывшейся брешу видит лишь абсурд, Абсурд.

Запечатлевается ли в Абсурде Лик Божий? Или это один из псевдонимов Имени Его? Посмотрите, как осторожно и вместе с тем судорожно мыслитель подбирает эти псевдонимы: «Бог — это произвол», «Бог — это воплощенный каприз», «Бог — значит все возможно», — словно закрывает под руку попавшимися словами великую загадку, великую муку, великое обещание. Он не замечает, что вместо одних закрытых горизонтов он предлагает другие, «только иначе разрисованные и раскрашенные». ⁴⁸ Ибо никакие слова человеческие не могут выразить сущность Бога, не могут служить заменой тому, что Самим Богом сказано о Себе — в рождении Сына, в Его распятии, Воскресении и нисхождении Святого Духа. И «все возможно» становится лишь тогда, когда свобода Бога из запредельной абстракции делается воплощенной реальностью, когда Бог первый совершает нечто невозможное и непредвиденное — становится Человеком и освобождает людей от проклятья и рабства. И эту свободу и тайну Бога невозможно похитить одним безумным рывком экзистенциальной философии, как нельзя победить первородный грех «неистовыми речами», как и нельзя (здесь Шестов прав) выманить ее логикой «онтологического доказательства», как и нельзя подсмотреть ее через увеличительные стекла всяких систем и умозрений; но к ней можно попросту придти, разделить ее, принять ее из рук Божьих, ей поверить и ее исповедовать.

Но в руках человеческих — тайна Бога — может ли всегда оставаться той же тайной? Может ли она не померкнуть в глазах, которым делается больно от сияния, не стать в человеческом владении земной, «разумной», необжигающей? Мы все — верующие своих исповеданий — остаемся нередко «фарисеями» своей веры, богачами своей веры, владельцами не нами собранного достоинства, гордцами самодостаточных истин. Житницы наши полны и откровениями и умозрениями и мы уверены, что истины хватит на наш век. Но «истина, — свидетельствует из своего подполья и одиночества Шестов, — есть истина лишь потому и постольку, поскольку ее распинают». ⁴⁹ И не для того ли Бог посылает нам иногда «мытарей веры», бедняков веры — немых и юродивых, призванных не учить, не проповедовать, не «исполнять», но воплотить собою это непостижимое, не разгадываемое и им самим, мытарем, самораспятие истины? Не есть ли это самораспятие-самозаклание всякого знания о Боге, эта невозможность знания-об-

⁴⁸ «Апофеоз беспочвенности», Петербург, 1912, стр. 39.

⁴⁹ «На весах Иова», стр. 170.

ладания, эта сдавленная немота о Боге — одно из непонятных, но подлинных изображений Его тайны среди людей. «Я стал нем, не открываю уст моих, потому что Ты соделал это.» (Псалом 38; 10). Не посылает ли Он юродивых, чтобы напомнить, что «с Богом «устроиться» еще менее возможно, чем «устроиться» без Бога?»⁵⁰ Не посылает ли Он испытания некоторым избранникам — как некогда Он послал их Иову — в том числе испытание «незнания», разделенности, немоты?

Философия Шестова, как бы ни была она выношена, стройна, упорядочена, заключает в себе стенание и юродство. Она есть отречение от мудрости человеческой усилиями той же мудрости — ради «безумия перед Господом». И это вовсе не поэтическое безумие; «душа, выброшенная за нормальные пределы, никогда не может отделаться от безумного страха, что бы нам ни передавали об экстаических восторгах».⁵¹ И вправду: вывернутая наизнанку логика, причудливые жесты, односложная, упрямо повторяющаяся речь, непонятные восторги, нелепые страхи. Но это юродство — вокруг тайны Божией, вокруг последней неразгаданности Бога, вокруг свободы Бога, вокруг Имени Бога, а, стало быть, — и «Христа ради». Он — мытарь веры среди нас, «великий и загадочный молчаливник и столпник», как он сам назвал еще одного своего двойника — Кириллова из «Бесов». Он — мученик «предпоследнего знания», мученик неразрешившейся мысли, мученик и свидетель того «необычайного и гадательного», той радости, того света, что вошли в мир с тех пор, как Господь родился в Вифлееме.

⁵⁰ Там же, стр. 92.

⁵¹ «На весах Иова», стр. 49.

В. В. РОЗАНОВ

ПЕРЕД САХАРНОЙ*

***

1913 год.

Еврей находит «отечество» во всяком месте, в котором живет, и в каждом деле, у которого становится. Он въязвляется, врастает в землю и в профессию, в партии и в союзы. Но это не фальшь, а настоящее. И везде действует легко (с свободой) и с силою, как родной.

Он в высшей степени не чужой везде, со всеми. Общее предположение, что еврей ведь чужие — верно только в половине. В каком-то одном и таинственном отношении они и есть везде и всем чужие. Но столь же верно и неодолимо то, что они и близки, до «единокровности», со всем.

Отсюда проистекают некоторые мелочи, например, знаменитое «жидовское нахальство», которого сами еврей не замечают и даже не понимают, о чем мы говорим. Нас поражает и мы не выносим, что в России они ведут себя и разглагольствуют «как мы»; а они и чувствуют себя «как мы» и так говорят и ведут себя.

Отсюда (отчасти) побои, и — то, что еврей так этого не понимают. (в клинике около мамы).

***

Когда идет добро от священника и когда идет добро от мирского человека, и собственные «измерения добра» в одном и другом случае одинаковы, — т. е. равны: доброе слово здесь и там, утешение здесь и там, милостыня здесь и там, — то есть разница какая-то в благоухании. Добро священника благоуханнее добра светского человека.

Отчего это? Явно чувствую. Чувствую не потому, что я «таких убеждений». Не ум чувствует, а нос чувствует.

(припомнился разговор с одним добрым батей).

Эх, попы. Поправьтесь! — и спасете Русь.

* Рукопись получена нами из Финляндии. Сахарна — бессарабское имение помещицы Апостолопуло. Там Розановы жили летом 1913 г.

*
**

Мне не нужна «русская женщина» (Некрасов и общественная шумиха), а нужна русская баба, которая бы хорошо рожала детей, была верна мужу и талантлива.

Волосы гладенькие, не густые. Пробор по середине, и кожа в проборе белая, благородная.

Вся миловидна. Не велика, не мала. Одета скромно, но без постного. В лице улыбка. Руки, ноги не утомляются.

Раз в году округляется.

(иду от Пр. Гор.).

*
**

— Это что часы-то? Остановились?

Большие, с белой доской. С тяжелыми гирями, из которых к одной был прицеплен еще старый замок.

— Это худо. Это к чему-нибудь. И мамаша задумалась. Правда, энергией своей она все преодолевала. Но когда они остановились, это было дурным часом в ее дне.

в Ельце.

Часы ходили еле-еле. Вековые. От покойного Дмитрия Наумыча (мужа, отец «друга»).

За него она вышла замуж, п. ч. он был тихий и удобный для воспитания брата ее. Ей было 15 лет, брату 4 года. Но она все сообразила и планировала, и не вышла за «бойкого», который был бы «самой люб», а за удобного.

Она была постоянно веселая, и любила, чтобы было все чистое, комнаты и нравы, — и поведение сыновей и дочери.

Умирая, завещала похоронить «вместе с мужем». «Вместе родили детей», «вместе лежать в земле», «вместе идти к Богу».

*
**

«Три-три-три
Фру-фру-фру
Иги-иги-иги
Угу-угу-угу».

Это хорошо. После «Синтетической философии» в одиннадцати томах Герберта Спенсера — это очень хорошо.

(Статья о футуристах Рог-Рогачевского с примерами из их поэзии).

А не верят люди в Бога, Судьбу и Руку. Но Он дерет за ухо не только верующих, но и не верующих в Него.

*
**

Теперь стою в банке, перевод или что, — смотрю по сторонам; где тут международный плут, с его «печатью на лице», которого бы ловил Шерлок-Холмс.

(Начитавшись Ш.-Хол.). [Перезожаю последнюю уплату за монеты Осману Нурри-бею в Константинополь].

*
**

Много можно приобрести богатством: но больше — ласковостью.

(мудрость евреев).

*
**

Булгаков честен, умен, начитан и рвется к истине.

Теперь — к христианству.

Но он не имеет беды в душе, ни бедствия в жизни. Он не восклицал никогда — «тону!» — среди ужаса. Он профессор, а не обыватель; ученый, а не человек. А христианство (думается) открывается именно «немудрым земли» в особых точках и в особые минуты. И, кажется, проникнуть особенно глубоко в не свои темы ему не удается.

*
**

Как поправить грех грехом — тема революции.

(на извозчике).

И поправляющий грех горше поправляемого.

*
**

— Отдай пирог! Отдай пирог! Отдай пирог!

Вера лежала животом на полу в Шуриной комнате. 10-ти лет. И повторяла:

— Отдай мне пирог!!

Шура выбежала ко мне и, смеясь «до пупика», спрашивала:

— Как я отдам ей пирог?

— Какой «пирог»?...

— Вчера, вернувшись из гостей, она вынимает из кармана завернутый в платок кусок торта и говорит:

— Это, Алусенька, тебе.

— Конечно, я съела. Сегодня она на что-то рассердилась, кажется — я сделала ей замечание, и требует, чтобы я ей отдала назад торт. Говорю: — Как же я «отдам», когда я съела? Она кричит (юридическое чувство):

— Все равно — отдай! Мне нет дела, что ты съела.

Шура смеялась (курсистка). Вера плакала.

В гневе с Верой никто не может справиться, хоть ей всего 10 лет. Она всегда безумет, как безумет и в увлечениях.

(на семейной карточке «Оп. л.» она одной рукой обнимает, другую устала в бок).

*
**

Бредет пьяный поп... Вдовый и живет с кухаркой... А когда рассчитывается с извозчиком — норовит дать Екатерининскую «семитку» (2 коп.) вместо пятака.

И тем не менее я отделяюсь от Влад. Набокова, профессора Кареева и дворянина Петрункевича, и подойду к нему...

Почему же я к нему подойду, отделясь от тех, когда те разумны, а этот даже и в семинарском-то «вервии» лыка не вяжет?

По традиции? Привычке?

Нет, я выбрал.

Я подошел к мудрости и благодати. А отошел от глупости и зла.

Почему? Как?

Да около Набокова станет еще Набоков и около Кареева станет еще Кареев...

Как бы они ни множились, и как бы цепь их не увеличивалась, она и в середине и на концах и в бесконечности не обещает ничего еще, кроме Набокова и Кареева или Тьера и графа Орлова-Чесменского, Захарьина и князя Юсупова; а рядом с попом может стоять сейчас же митрополит Филарет, да и сам Св. Серафим Саровский. Чего, и дальше: «за руку с попом» не погнушается взяться и древний Платон, сказав: «он — от моей мудрости».

А я прибавлю: «Нет, отче Платоне, — он превзошел тебя много. Ты — догадывался, а он — знает, и о душе, и о небесах. И о грехе и правде.

И что всякая душа человеческая скорбит, и что надо ей исцеление».

*
**

Вина евреев против Ис. Христа была ли феноменальная или ноуменальная? Т. е. только «эта толпа» «не могла понять» и, главное, «теперь» — ну, «при исходе времен»? Или — от корня, издревле, от Моисея и даже Авраама? Было ли больно все от истока начиная, или — только в устье? В последнем случае, т. е. если только «нравы» и сейчас — не для чего было отменять обрезания и всего жертвенного культа, и суббот и храма.

В этом случае была бы у христиан сохранена библейская семья; сохранено бы было живое и животное чувство Библии, а не то что «иногда читаем». Не было бы ужасного для сердец противопоставления Евангелия и Ветхого Завета.

Ничего не понимаю. О, если бы кто-нибудь объяснил.

*
**

Как задавили эти негодяи Страхова, Данилевского, Рачинского... задавили все скромное и тихое на Руси, все вдумчивое на Руси.

ПИСЬМА С. Н. БУЛГАКОВА В. В. РОЗАНОВУ

Эти письма С. Н. Булгакова (1871-1944) были получены нами из Финляндии, с примечаниями. Добавим сведения об упоминаемой в этих письмах Вере Александровне Мордвиновой (Ковно 1895 г — Нью Йорк 1966 г.). Короткие биографические данные о ней даны в некрологе Р. Б. Гуля («Новый Журнал», № 85, 1966 года. Декабрь) и она сама о себе пишет в замечательных письмах к В. В. Розанову, опубликованных в студенческом журнале «Вешние воды», в котором Розанов принимал деятельное участие.

Вера Александровна — дочь генерала Мордвинова, и по отцу — внучка мельника. Мать русская немка Агнесса Францевна Урбан. Часть детства провела в литовском поместье деда Урбана. Училась на высших женских курсах в Одессе и позднее в Москве. Изучала славянскую филологию и литературу. Хорошо знала языки — французский, немецкий, английский, литовский, древне-греческий, латынь. В сентябре 1914 г. начала переписываться с Розановым. За два месяца написала ему около 45 писем (а всего 118) и он ей отвечал. В декабре того же года В. А. и В. В. встретились в Петрограде и вторично виделись в 1915 г. Продолжалась и их переписка. Письма Розанова, вероятно, утеряны.

Стиль жизни В. А. в те годы. На столе портреты Царя, Царицы и Наследника (и они ей часто снились). К русской радикальной интеллигенции она тогда относилась резко отрицательно. Грибоедова, Гоголя, Герцена считала хулителями русского народа. В городских видела народные черты и считала их оплотом российской монархии. Что и говорить — В. А. была тогда очень уж не типичной курсисткой. Но не была и черносотенкой... Мечтала о народной монархии. В Розанове видела прежде всего человека, который может всё понять. Обоих их связывало гётевское избранное сродство душ, и вся их удивительная переписка (хотя судить о ней мы можем только по её письмам и по его длинным припискам) не менее замечательная, чем Переписка Гёте с Бетиной фон Арним. На год-два Вера Мордвинова стала музой Василия Розанова. Как известно, Розанов недолюбливал ученых девиц, говаривал им: — Выходите замуж, рожайте детей! Но В. А. к этому не стремилась и стала для В. В. душевным другом, лучшей истолковательницей его н о ч н ы х мыслей и мечтаний. Т. н. учение Розанова о святости пола В. А. не разделяла. Для неё, как для З. Н. Гиппиус (см. сб-к «Живые лица»), он был уединенным странником, м. б. даже не в России, а где-то между

небом и землей. О себе В. А. писала: у меня нет творческого огня, нет чувства формы, а есть только творческий трепет.

В те же годы она была поистине ему конгениальна: розановоравная! Поражают многие ее наблюдения, мысли. Она видела, как кроты по утрам греются на солнце... Гром её не пугал, она слышала в нем голос Бога, Отца... Она страстно любила Россию — и империю, и народ (не интеллигенцию), но ей иногда казалось, м. б. Россия ничего не создаст и она оставит лишь «отметки резкие ногтей» (Евг. Онегин, VII) на чужих книгах, византийских и западных — какие-то гениальные и иногда святые комментарии к истории человечества.

Следовало бы переиздать письма В. А. к В. В. и они должны быть поставлены рядом с лучшими книгами: «Уединенным» и «Опавшими Листьями». Теперь всё больше пишется о Розанове — даже в официальных сов. журналах, а в США о нем недавно были изданы три книги, но такой угадчицы Розанова еще не было...

В революцию 1917 г. В. А. очень сочувствовала газете Максима Горького «Наша жизнь», а после Октября работала в Союзе больничных касс, где сблизилась с рабочими-меньшевиками (Р. Б. Гуль). В 1919 г. она вышла замуж за известного меньшевика С. М. Шварца и в 1922 г. вместе с ним была выслана за границу. В Берлине и позднее в Америке она сотрудничала в «Социалист. вестнике». Писала о крестьянстве и о сов. литературе. Постоянно печаталась в «Новом Журнале». В 1963 г. на англ. языке вышла ее книга по истории сов. литературы (от Горького до Солженицына). С 1952 г. по 1956 г. В. А. была главным редактором Чеховского изд-ва в Нью Йорке, где с ней не раз встречался. Она сухо отнеслась к моему проекту издать «Избранные сочинения» Розанова с длинным предисловием, но книга все-таки была напечатана. А я тогда понятия не имел о ее дружбе с Розановым, о её письмах в «Вешних водах»... Надо полагать В. А. резко порвала со своим розановским прошлым.

Отмечу: в эмиграции В. А., как и другие меньшевики (Абрамович, Николаевский, Даллин, Денике и др.), резко критиковала сталинский террор и компартию.

Юрий Иваск

I

(На визитной карточке С. Н. Булгакова)

Дорогой Василий Васильевич,

Рекомендую Вам своего приятеля Сергея Алексеевича Цветкова, вашего читателя и почитателя. Надеюсь, что знакомство с ним не будет для Вас неприятно.

Ваш С. Булгаков.

Б. Афанасьевский пер. кв. 12.

Розанову. СПб. Звенигородская, 18, кв. 23.

Булгаков Серг. Ник. (заметка В. В. Розанова о нем на письме Булгакова): при великолепной пользе, есть что-то сухое и «не нашенское» в нем. «Чем выше я его ценю, тем менее я его люблю».

А м. б. это от того, что я червь?

[почт. штемпель. СПб. 29.XI.1914]

II

Москва, Zubовский бульвар 15

27 ноября 1914.

Дорогой Василий Васильевич!

Приношу Вам благодарность за присланную Вашу книжку о войне,* во-первых, за добрую память, во-вторых за благожелательную на меня ссылку, и, в третьих, и самое главное, за самую прекрасную книжку Вашу, которую я местами читал с волнением и восхищением. Это истинно русские чувства, слова, и любовь к народу и солдату, и понимание, единственное по художественной силе выражения. Пишите побольше таких статей, и помогай Вам Бог! Рекомендую для чтения своей семье и всем знакомым, как лакомство. Жму Вам руку.

Ваш С. Булгаков.

* Имеется в виду книга В. В. Розанова "Война 1914 года и Русское Возрождение". Петроград 1915. Сборник статей. В статье "Забывшие и ныне оправданные" (о славянофилах) В. В. Розанов приводит выдержку из статьи С. Н. Булгакова "Родине", помещенную в газете "Утро России", в которой С. Н. критикует поверхностное западничество русского образованного общества и выражает уверенность, что война приведет к единению всех живых сил русского общества с правительством ("под ударами вражеского меча, празднуем мы светлый праздник государственности").

III

6 декабря 1914 г.

Москва, Zubовский бульвар 15

Дорогой Василий Васильевич!

Довожу до Вашего сведения, что «шкатулка» В. А. Мордвиновой* на сохранение мною принята и «чаем» она мною посылно напоена. Т. е. от чая физического она настойчиво отказалась, но поговорили довольно и, кажется познакомились. Я Вам оч[ень] благодарен за это знакомство, ибо существо это оказалось пр[е]интересное и пресамобытное, прямо какой-то самородок. Подобные встречи всякий раз поражают меня радостью и удивлением перед матушкой Россией. Ведь вот где-то в предместьи, рядом с «Степаньчем» [рабочим] в какой-то конуре (лежит целыми днями на диване 18-летняя курсистка родом из Ковно и — прямо из Достоевского, живьем. И в довершение всего — «хромоножка», — я даже был поражен этой деталью общего ее сходства с Хромоножкой и другими вещими женщинами у Д-го. Хромота есть признак побежденного или не побежденного богоборства: Иаков ночью борющийся с Богом — впрочем, по Каббале это была, кажется, Шехина, но это здесь не важно — хром был Байрон. Я, конечно, про чин говорю, а не про степень. Очень она даровита и, главное, очень самобытна, имеет свою стихию, к которой можно прислушаться, спросить и получить ответ. Вы помните, конечно, как Белинский выразил свои впечатления от Лермонтова, в котором была эта н а т у р а, в самом Б-ом отсутствующая, мне часто вообще вспоминается эта характерная встреча.

Однако должен прибавить, что у меня далеко нет впечатления, чтобы эта даровитость могла выразиться в чем-либо себе соответственном. Наоборот, у меня есть определенное впечатление большой хрупкости — и не только физической, при безалаберности и детском пренебрежении к здоровью — но и духовной: такое резкое несоответствие гения и типа жизни дает впечатление, что трудно такому духу цепляться долго за тело.

Чувствую, что этот силуэт я мог бы значительно восполнить и осветить на основании уже полученных впечатлений, но они у меня как-то еще не выяснились окончательно, да мне хочется

* Письма В. А. Мордвиновой к В. В. Розанову с примечаниями Розанова напечатаны в журнале "Внешние Воды" Петроград 1915-1917 гг. См. приложение.

Вам выразить свое общее впечатление, впрочем я не сомневаюсь. Немного в Вашей приятельнице и мальчишеского задора, впрочем хорошего и по возрасту полагающегося. Надеюсь, что видел ее вчера не в последний раз.

А С. А. Цветков находится в военных мытарствах, сейчас на испытании.

Крепко жму Вам руку

Ваш С. Булгаков

IV

Москва. 19 марта 1915

Христос Воскресе, дорогой Василий Васильевич!

Шлю Вам пасхальное приветствие с пожеланием здоровья и сил. Спасибо Вам за Ваши бывшие автобиографические строки, страшно ценные и интересные. Мое детство было несравненно богаче Вашего положительными и именно церковными впечатлениями, в них была и этика, и эстетика и поэзия, и музыка, — и для всех в семье. В отрочестве же, когда вместе с сомнением, разгар которого Вы наблюдали в Ельце (ведь и самый уход из семинарии в гимназию, вопреки желанию родителей и всех семинарских учителей, был символическим и победным актом нигилизма, хотя я и не мог избежать этого окружного пути) — пробудился с каким-то цинизмом, мне вообще совершенно несвойственным, бунт и кощунство именно против святынь Страстной недели. Как-будто хотелось опытно проверить, убедиться на самом святом и высоком в своем нигилизме! Теперь когда я страстные дни провожу в каком-то благодатном отсутствии, когда до головокружения почти чувствуется детство с его святыней, сохранившей меня вопреки мне же самому от смерти духа, я вижу, о чем, о каких ценностях шла речь в эти первые шаги. И вот почему как-то особенно близко, как родное и понятное, прозвучали мне и Ваши автобиографические строки. Спасибо за них. Жму Вам руку.

Ваш С. Булгаков.

V

Москва. 3 апреля 1915.

Дорогой Василий Васильевич!

Возвращаю Вам оба письма, — спасибо Вам на добром чувстве, с которым Вы их посылали.* Я и не знал, что имеется в обращении сей уродливый портрет мой. А что касается В. А., то симпатия с Еленой Ивановной, женой моей, у них взаимная, и это с первой встречи, а Е. Ив. вообще далеко не всегда дарит своими симпатиями моих знакомых и даже близких. Семья это одно совершенное интимное, но, я вполне с Вами согласен, дело не только наиболее важное, но и характерное для человека, и ближе, характернее, чем напр[имер] его книги, — так же, как жест, улыбка, осанка говорят иной раз больше и выразительнее, чем слова. Но именно потому для меня это относится к числу совершенно невыразимых по интимности областей, я не умел бы и не хотел бы об этом рассказывать словами. У жены моей столь же по своему сложная и ломанная духовная биография, как и у меня, с той, конечно, разницей, что женская душа остается в большинстве случаев чище, самоотверженнее и возвышеннее на всех путях, чем мужская...

Был здесь на днях о. Павел, уж он крепко утомлен.**

VI

Дорогой Василий Васильевич!

Возвращаю Вам присланные Ваши письма с благодарностью за доверие. Знакомство с ними и Ваше письмо убедили меня в том, что мое непосредственное впечатление не было ошибочным, как в той части, что я Вам написал, так и в той, что только подумалось да и теперь только предварительно отпечатывается. И теперь еще у меня нет настоящей уверенности, чтобы подвергнуть существо дела Вашему же реактиву, имея мое только обонятельное, так сказать, впечатление, я не решаюсь и касаться сих деликатных материй! Скажу коротко, что, вполне сохраняя в силе все уже написанное, я считаю случай сложнее и замысло-

* Опять, как и в пред. письме от 19 дек. 1914, речь идет о письмах В. А. Мордвиновой к В. В. Розанову.

** О. Павел — П. А. Флоренский.

ватее и, если судить эстетически, тем интереснее и разнообразнее. Думаю, во всяком случае, что здесь нельзя говорить именно о «святости», о какой говорите Вы, а о чем-то ином, стихия иная, «Эрда» (?) здесь сильнее замешана и еще что-то, а что, еще не знаю. Ваше сближение есть во всяком случае именно в своем роде*. С. А. Цветкова я люблю, но нахожу, что он сам себе враг и уже за время нашего знакомства сумел себе повредить много. Я разумею не внешние его неудачи, но внутренний его путь, какой-то неплодотворяющий. Может быть не нашел себя.** По всем видимостям, приятельница Ваша даровитее, по кр[айней] м[ере], умнее Вашего приятеля, хотя тоже еще вопрос, принадлежит ли и она к творческим натурам. Впрочем, здесь вопрос: что же есть творчество? И где его искать?

Разумеется, если В. Ал.*** захочет и впредь посетить меня или познакомится через меня с нашими приятелями я всегда буду рад.

Желаю Вам благополучных праздников и Нового года.

Жму Вам руку.

С. Булгаков

VII

За Пасху видел и С. А. Цветкова, который полон наблюдениями над разноплеменными пленными — много поучительного.*

Моя лекционная поездка в Петроград расстроилась, и потому видеться нам там не придется.

Жму Вам руку. Привет Варв. Дм.

Ваш С. Булгаков.

* Речь идет о В. А. Мордвиновой, судя по всему Розанов передал С. Н. Булгакову письма Мордвиновой к нему для прочтения, перед тем как их опубликовать в журнале «Вешние Воды».

** С. А. Цветков — род. в Тифлисе умер в Москве 29 августа 1964. Похоронен в Тарусе на городском кладбище. В 1913 г. С. А. Цветков издал книгу князя В. Ф. Одоевского «Русские Ночи», Москва, кн-во «Путь» 1913. В советское время С. А. Цветков работал в разных библиотеках. К концу жизни перешел в католичество.

*** В. Ал. — Вера Александровна Мордвинова.

* В 1915 г. С. А. Цветков работал помощником фельдшера в эвакуационном госпитале и был очень увлечен этой работой (со слов Т. В. Розановой).

Приложение.

Отрывки из писем В. А. Мордвиновой к В. В. Розанову. Из журнала «Вешние воды», 1917 г., том XIX (январь), письмо 117-ое. 15 апреля 1915 г.

...перед отъездом заходила к Б[улгакову]. Удивительно славная семья. Жену его так и хочется назвать Алёна свет Ивановна, что-то есть в ней от вечного, тихого и славного. А сын кажется совместил в себе улыбку отца и матери, а если даже не улыбается, то улыбка чувствуется в существе его [...] У мальчика (по виду лет 15) всё еще по-детски дремлет, и только эта не выявленная улыбка, улыбка отца и матери светит изнутри. И над всей семьей С. Н. Б(улгаков) — такой милый крепкодум. Есть что-то сильное в нашем крепкодуме. И от муки его не становится тяжело и безысходно; а как-то мило. Не умею иначе сказать.

Письмо 118-ое. 16 мая 1915 г.

О Булгакове? Он очень славный даровитый обыкновенный русский человек. Видите, мы в России очень избалованный народ и, пожалуй, в оценке таланта очень требовательны.

В Германии Булгаков может быть был бы крупной величиной, как ученый и мыслитель, а у нас? — У Булгакова нет б у д у щ н о с т и, т. е. у него нет с в о е г о яркого «я», он хороший человек и даровит, и всё.

«Горя — у него не было; в этом Вы правы,* оттого он чересчур «здоров», «здравомыслящ». Это я говорю о Булгакове с нашей русской точки зрения. Если же стать над ней, то картина несколько меняется. Ведь в сущности у русского человека в его критicisme есть доля аномалии. Всякий другой народ р а д у е т с я, имея здоровых мыслителей и человекoв.

А мы плачем над ним, как над усопшим. Булгаков сделал свое дело. У Булгакова даровитый сын, может быть, будущий художник и то, что не удалось воплотить Булгакову — удастся через сына. В душе у Булгакова целые потоки красоты, в потенции; Федя эту красоту выявит в образах зрительных. Этим и закончится род Булгаковых.

(...) Булгаков-отец может всю жизнь восторгаться морем (кстати, он очень любит море), а Федя его нарисует, с о т в о р и т

* В. А. не знала, какое горе пережил С. Н. Булгаков: смерть сына летом 1909 г., в Крыму («Автобиографические заметки», 138).

это море, м о л ч а. Дальше идти некуда, путь окончен и начнется в роде Булгаковых «мелкота» до нового накопления и разряжения творческой энергии.

Что касается Булгакова, как человека, то его я люблю и писала об этом уже раньше. Только что мелькнула у меня мысль — уж не в честь ли Достоевского назвал Булгаков своего сына Феодором? Если потому, то... удивительно, как н е ж н о и т а й н о любит он Достоевского.

(... Знаете, что меня поразило в Булгакове: его человеческий страх. Я как-то обмолвилась, что люди очень одиноки и любовь к людям должна быть выше любви к Богу. Ибо, если вдуматься в картину мироздания с одинокими планетами, может быть давно погасшими и безлюдными, то одиночество наше ужасно. Я почувствовала, что Булгаков б о и т с я этой мысли, и за страх он мне стал как-то родней).

Н. СТРУВЕ

ВАСИЛИЙ РОЗАНОВ. — «РЕЛИГИЯ и КУЛЬТУРА»

(УМСА-PRESS. 1979, 320 стр.)

Серия переизданий, выпускаемая в свет издательством «Имка-пресс», насчитывает уже 18 названий. Поэты (Цветаева, Ходасевич) соседствуют с религиозными мыслителями (Булгаков, Карсавин), историки (Нольде, Анциферов) — с литературными критиками (Мочульский, Чуковский), встречаются классики (Тютчев, Леонтьев), а также писатели или мыслители эмиграции (Ремизов, композитор Николай Метнер). Общая связующая черта этих переизданий, к какой бы области они ни относились — их причастность к религиозной культуре, и тем самым, запрещенность в Советской России.

Особенно следует приветствовать последний, 18-й выпуск этой серии — малоизвестную книгу гениального русского писателя Василия Розанова. Как писатель утробно-религиозный, как систематический противник интеллигенщины и всякого позитивизма, Розанов, несмотря на свою гениальность, для советского читателя не существует: над ним тяготеет полнейший запрет. Наследие его, как печатное, так и неизданное (Розанов умер, как известно, в разгаре гражданской войны, в 19-м году) еще не изучено. Книга «Религия и культура» появилась 80 лет назад, в последний год прошлого века и, вышла затем при жизни Розанова вторым изданием, но вскоре стала библиографической редкостью. Состоит она из статей и очерков, напечатанных в разных временных изданиях между 90-м и 99-м годом. По своей теме она могла бы даже служить программой для всей серии переизданий: религия и культура в их взаимосвязи. В творчестве же Розанова эта книга занимает промежуточный момент, переход от объективных трудов (каким было, например, исследование о «Легенде о Великом Инквизиторе») к более интимному подходу и стилю. Сам Розанов в ярком предисловии называет книгу сборником «интимных по происхождению статей» и посвящает его «милому храму бытия своего, тесной своей часовенке», усопшим родителям и здравствующим жене и первым четырем детям, которые, как он говорит, «всему его научили и в религии и в культуре».

Но следует сказать, что интимность книги ощущается не сразу. Сборник открывается пространной статьей, несколько амбициозно озаглавленной: «Место христианства в истории». В ней чувствуется зависимость Розанова от немецкой гегелианской науки, гладко оперирующей тезисом, антитезисом и синтезом. Так получается и у Розанова: арийцы определяются своей объективностью, своим стремлением во вне — к природе, к искусству, государству, семиты же — субъективностью, стремлением в себя и тем самым к трансцендентному Богу. Воплощение Христа явилось синтезом этих двух, казалось бы, противоположных начал. А христианство — синтезом науки и религии. В этом очерке, написанном блестящим языком, слышен еще голос Розанова-учителя, но учителя, надо сказать, высокой марки, более подходящего к университету, чем (как это было) к преподаванию в средней школе. И выступает здесь Розанов с несколько необычным для него оптимизмом, этаким гармоническим мыслителем, легко и безбоязненно видящим в христианской цивилизации «полное слияние в нас самих и во всем, что мы делаем и что создаем, элементов семитического духа с элементами духа арийского». Кто сказал бы, что через несколько лет Розанов восстанет на Новый Завет во имя Ветхого, увидит в христианстве не синтез, а разрыв, не исполнение семитского духа, а измену ему? В Христе Розанову почудится «темный лик», и этот темный лик затмит в нем восприятие «христианства как радости, только радости и всегда радости».

Более интимный характер, хотя и не менее оптимистический, носит второй очерк, весьма злободневный — «Психология русского раскола». Тут Розанов более самостоятелен. Видно, что вологодский учитель знает раскол не из книг, и уж во всяком случае чувствует его как нечто свое, близкое, относящееся к той «невидимой России сущности», до которой нет дела интеллигенции. Розанов различает два главных течения в расколе: консервативное, охранительное (блюстители старинной цельности) и творческое (искатели новой святости — духоборы, молокане и другие секты). Оба течения сходятся в скопчестве, творческом — у первых, телесном — у крайних приверженцев второго. Пытаясь проникнуть в психологию раскольников, Розанов остается на позициях верного члена православной Церкви, но никогда не впадает в осуждение и даже не вступает в полемику. Он убежден, что преодолевать раскол через споры — совершенно бесплодная задача. В консервативном течении он видит некий художественный подход, некую завороченность образом цельно-

го христианского уклада, против которых бессильны всякие умствования. Чтобы привлечь старообрядцев-буквоедов к Церкви, нужно не спорить с ними, а возвыситься до той же степени религиозного видения. В творческом же течении (духоборском и других) налицо требование непосредственного общения с Богом, так редко встречающееся в организованном, официальном христианстве. И здесь, для воссоединения, Розанов предлагает как бы заново «опьянить Церковь духом», вывести ее из рамок учреждения, а тем более ведомства. «Нужно некоторое сладкое опьянение человеку». И упрек в скопчестве Розанов обращает не к раскольникам, а к послепетровской России, в которой «мужи чернильницы и отношения», то есть попросту, на современном языке, бюрократы, как бы произвели некоторый скопческий акт над Россией. Одновременно прообраз или олицетворение этой официальной России Розанов видит в Сперанском, «человеке удивительных талантов и удивительной судьбы, но совершенно лишенном этической и эстетической идеи». Но и в этой статье Розанов намечает разрешение вопроса путем, как нам кажется, слишком легкого, а потому и не совсем реального синтеза: «ожить древним духом, тем прекрасным духом, прототип которого дала нам еще Киевская Русь, при сохранении той крепости сил, какую сумела создать Москва и не отказываясь нисколько от правильных сторон просвещения, завещанных великим Петром». Все это можно соединить, все слить в новую гармонию через живой акт души. С такой прекрасной программой не поспоришь. Но сам Розанов ответил бы несколькими годами позже: слить-то, пожалуй, и можно, но почему-то не сливается. Киевская Русь остается воспоминанием, московская сила оборачивается насилием, а петровское просвещение слишком часто — просвещенством и варварством. На рубеже двух столетий мысль Розанова лишена того трагизма, который станет как бы ее второй природой после первых ударов судьбы (смерти младенца и тяжелой болезни жены). Остальные очерки сборника почти все написаны на случай, по поводу какого-нибудь события в мире книг, будь то 30-ти страничная лекция Ключевского или семнадцатитомный труд Барсукова о Михаиле Погодине. Но эти отклики-рецензии всегда оригинальны, всегда повод, чтобы развить собственную мысль. Этюд Ключевского «Добрые люди Древней Руси» (кстати сказать, изъятый советской цензурой из восьмитомного собрания сочинений историка)* позволяет Розанову противопоставить восточный и запад-

* См. этот текст: Ключевский. «Церковь и Россия», издание Умса-Press, Париж 1927.

ный типы женской праведности. Рецензия на труд Барсукова расширяется до блестящего синтетического портрета Михаила Погодина, этого доброго и деятельного человека современной России, которому Розанов противопоставляет злобного и мелкого Белинского, ненавидящего Шевченко или считавшего за ничто Самарина и других славянофилов. Погодин для Розанова — фигура в высшей степени народно-синтетическая. В нем «западничество и славянофильство, так не соединимые в книгах, соединяются без всякого противоречия в живой натуре человека, которая богаче, могущественнее и правдивее всякой логики». Заметим у самого Розанова это постоянное тяготение к синтезу, но не умопостигаемому, а живому, который впоследствии, именно ради жизни и жизнениости, он сам своими руками разобьет вдребезги. Так родится форма отдельных противоречащих друг другу мыслей, которая превратит Розанова из блестящего и умнейшего очеркиста в гениального писателя-новатора.

Новая форма лишь проскальзывает в этом сборнике. В конце книги, перед краткими рецензиями, помещены «Эмбрионы», первая типично розановская манера писать, записывать мысли-зародыши, манера, предвещающая будущие гениальные находки «Уединенного» и «Опавших листьев». «Эмбрионы» носят еще объективный, немножко рассудочный характер, в них еще не чувствуется биение непосредственной «жизнемысли», жизненных пульсаций. Но уже здесь мы находим неповторимые розановские афоризмы вроде следующего: «Молния сверкнула в ночи: доска осветилась, собака вздрогнула, человек задумался. Три грани бытия, которые мы напрасно усиливались бы смешивать». В этом кратком отрывке — весь космизм розановского видения, весь его путь от мимолетного впечатления к общему выводу через необычайную образность и лаконичность выражения.

«Религия и культура» — книга хотя и переходная, но насколько не устаревшая. Зрелая по мыслям, она еще не являет нам Розанова во всей его глубине, но даже эти утренние зарницы его гения, 80 лет спустя, в наш безрелигиозный и бескультурный тусклый век, светят с необычайной силой.

Литература и жизнь

Юрий КУБЛАНОВСКИЙ*

...ближе к милому пределу
П.

1. ВЕРА, НАДЕЖДА, ЛЮБОВЬ...

Бабьего лета отеческий лик.
Штрифель в холщёвом кармане.
Красно-зелёный кленовый плавник
поутру выплыл в тумане.

Нищий сидит у церковных ворот
к мелу спиной, подбородком вперёд.

Видят насквозь ледяные глаза.
Вылинял ворот рубашки.
К сальной подкладке его картуза
весело липнут медяшки.

С шишечкой чёрной резины костыль.
Псевдоплодовой отравы бутыль.

...Это, должно быть, сама благодать —
луч на надвратной иконе!
Бабки в ограде пришли торговать
астры и сливы в бидоне.

Таёт холодная слива во рту.
Крепнет малиновый звон на лету.

30 сентября

* Родился в 1947 году в Рыбинске — на Волге. Мать — учительница, отец — актёр. Воспитывался у бабушки “в старом доме, в старом квартале напротив тоже старого сада”.

В 1970 году окончил искусствоведческое отделение МГУ. Работал экскурсоводом в Соловецком, Кирилловском, Ферапонтовском музеях, в Муранове (им. Тютчева и Баратынского). В последние годы занимался переводами (Китс, Сэндберг и т. д.). Теперь — сторож в храме в с. Никольское под Москвой.

2.

На Никольском погосте в ограде
вязью значится «регент Машков»,
В глянцевице земля листопаде
от кленовых красна гребешков.

Точно в махом разбитой копилке,
перед нищим с грошами картуз.
«Парень, парень, сходи за бутылкой!»
Побегу и скорее вернусь.

...Хорошо нам на Родине, дома
в сальных ватниках с толщей стежков!
Верно, чувствуем — близится дрёма
та, в которой и регент Машков.

На ветру отсыревшие спички
инвалид прикрывает рукой.
По округе стучат электрички:
упокой, упокой, упокой.

3.

Безнадёжно в осенние дни
пахнет яблочной гнилью вино.
Алый панцырь кленовой клешни,
как холстину, топорщит окно.

Краснопёрая севера темь!
Кто из русских не хочет того,
чтобы не было больше совсем
ничего, ничего, ничего.

Подстригает стога под горшок
ветер, лишку хлебнув на пути.
В Емищёво дорога, дружок,
стала жижей, и нам не пройти.

Только сразу заплывший чертёж
сапогом на раскисшем песке...
Только тянувший жилы галдёж
журавлей в предотлётной тоске!

...Всё отдать за понюх табаку
— землю, волю, судьбу и фиту,
и лежать на печи на боку
с кочерыжкой зайчьей во рту.

4.

В край Киреевских, серых зарниц
под шатёр карамазовских сосен,
где Алёша, поверженный ниц,
возмужал, когда умер Амвросий,

исцелявший сердца на крыльце,
ибо каждое чем-то блазнится,
куда Лев Николаич в конце
то раздумает, то постучится,

— я приехал в октябрьскую мгу
посидеть наподобие калеки,
у руин и никак не могу
приподнять задубевшие веки.

...Надо встать, да пойти, да купить
настоящей отравы бутылку,
карамельки какой закусить,
чтобы стало лицу и затылку

сразу весело, жарко. А то
в шарф упрятать простывшую выю.
Всё я думаю: Братья! За что
изувечили нашу Россию.

5.

Небо рыхлое тёмное,
точно ямы во льду.
Даль земная огромная,
вся она на виду.

От рябины с оскоминой
лает рыжий трезор.
Путник в ризе заплёванной
входит в оптинский бор.

Страстотерпцу мерещится
вразумлённая Русь.
В старке ивовой плещется
подмерзающий гусь.

Птица глупая серая,
в Палестину лети,
где кончаются, веруя,
человечьи пути.

Там где самая строгая
служба ночью и днём,
— ждите нашего Гоголя!
— крикни с лёту в проём.

6.

В лжеучении Толстого
есть над чем всплакнуть,
от Козельска до Белёва
коротая путь

с тенью оптинского бора,
где одно в одно:
ребятни патлатой свора,
ругань да вино.

Ужас вместо русской чести
побелил кулак,
— только вспомнил шелест жести,
храмин сбитый праг

и ломоть, подобный глине,
из которой плоть...
Сколько зла в своей святыне
попустил Господь!

7.

Наметало кленовых стожков
с веток, свищущих, как кнутовница.
Коля Воронов. Регент Машков.
По соседству кресты и жилища.

С благовестом милеет лицо
за оградой юродки счастливой.
В стороне заросло озерцо
камышами с кауровой гривой.

...Перелётная утка крылом
расплескала осеннюю старку,
но когда б я сидел за столом,
мне хватило б на целую чарку,
что наполнена по ободок
на расшитом крестом полотенце...
Я бы выпив её за глоток,
помянул старика и младенца!

8. ПОКРОВ ДЕНЬ

Кауровым леском прошитое,
жнивьём ершащееся поле.
Знать, Подмосковье самовитое
печётся о своём престоле.

Покров с надвратными иконами
зарю встречает властным звоном,
плывущим над погостом с клёнами,
и мне б хотелось на котором

однажды лечь под свежей пахотой,
пока её не смёрзлась проба,
чтобы у паперти распахнутой
стояла твёрдо крышка гроба.

...Но идущим путями скользкими
невместно и мечтать об этом.
Не стоит кладбища Никольского
не брезгающий белым светом.

За ВЕРНУЮ ИЗМЕНУ РОДИНЕ
взамен широких листьев с веток
ему махровых черносотенных
на крест навешают виньеток.

14 октября

ВЕЧЕР*

1.

Там — указал Кирилл.
Елочный горизонт
в блеске вечернем плыл.
Да — сказал Ферапонт.

И песнопенья стай,
что в облаках с весны
— от монастырских свай
до островов Шексны.

2.

Елей, осин, осок
зелень темна, темна.
Послеиюльский ток.
Пепельный ворс гумна.

Келарня и казна.
Что на кивот поник,
сноп васильков и льна.
Кроткого Спаса лик.

3.

Страшно тебе одной.
Лучше в далёкий путь
тихо пойдём с тобой,
так, чтоб тебе на грудь

луч опустился вдруг
в цвет твоего лица,
— не разжимая рук,
верных и без кольца.

4.

Ветхую нашу плоть,
всю от ступней до лба,
верю, простит Господь,
только б была мольба.

Ибо в последний час
разве возможен страх?
Скажет: Прощаю вас.
И превратит во прах

5.

то чему должно тлеть,
ибо невместно т а м.
...Сумерек русских медь,
словно припай к стволам,

в узком дупле оса,
синей Шексны прибой,
берег в волнах овса,
— только без нас с тобой.

6.

Если закрыть глаза,
вместо ночной зари
«только без нас» — слеза
веки сожжёт внутри.

Соль из-под влажных век
крепче сожми в горсти,
словно последний снег.
Только без нас. Прости.

12 июля 1978

* Попавшая в редакцию рукопись содержала неполный текст стихотворения "Вечер" (Вестник № 129). Здесь мы приводим его полностью. (Ред.)

Из Узла II,
« Октябрь Шестнадцатого »

42'

(Александр Гучков)

Федор Гучков, дед Александра, был крепостным дворовым человеком малоярославецкой помещицы. В конце позапрошлого века он устроил в Преображенском шерстяную фабрику, но еще при жизни оставил её и торговое дело сыновьям, а сам был сослан в Петрозаводск за упрямое старообрядчество. Сын его Иван, полюбив замужнюю московскую француженку Корали Вагез, переодевался кучером, чтобы проникать в её квартиру на кухню — и так увлёк ее, увёз от мужа и женился, всем этим порывая со старообрядством. От того брака было четверо сыновей, среди них и Александр. Хотя и этот не вовсе выбился из плоти московского купечества, состоял членом банковских и акционерных правлений и директоров (впрочем не был богат, наследство уступил брату Фёдору, и отец не считал *его* хозяином), — жизнь *его* сложилась необыкновенно для *его* рода и окружения, лишней раз убеждая, что наш характер и есть наша судьба.

Окончив московскую гимназию с золотой медалью, затем и московский университет «кандидатом» (то есть, тоже с отличием), он еще пять лет ездил в Германию доканчивать там образование, слушать семинарии, философские и экономические, и притом написал несколько работ — об общественном землевладении, о страховании, о хозяйственной жизни древнего Новгорода, и доискивался (как бессознательно предчувствуем мы сами себя): участвовала ли Екатерина в государственном заговоре Мировича? В 23 года Гучков сдал в гренадерском полку экзамен на прапорщика, и это не было простым отбытием повинности университетским человеком, как и в 26 лет не случайно было избрание почётным мировым судьёй Москвы, в 31 — членом московской городской управы: гражданская и военная деятельность пересеклись и переплелись на жизни Гучкова — парламентского оратора, государственного человека, армейского застойника, солдата, стрелка и дуэлянта.

Эта глава относится к роду обзорных глав (?), содержащих лишь подлинный исторический материал, без вымышленных действующих лиц.

Можно понять, что очень рано и с болью он осознал распространённое русское интеллигентское свойство — не шибко любить *делать дело*, больше о нём разговаривать, спорить, а если уж и взялся, так не доделывать до конца, прощать себе и другим оставшиеся вершки. Может быть от крепкой крестьянско-купеческой натуры (а может быть — от матери) ощутил в себе Александр Гучков способность и волю: делать и доделывать. И в то время, как бывший его университетский товарищ Павел Милоков всё больше сладости находил в диспутах и лекциях, Гучкова из библиотек и аудиторий срывало к делу, к бою и к студенческим дуэлям (в Германии).

Услышав о голоде в России, покидал он берлинский университет — и кидался в нижегородскую глушь: стать волостным писарем и кормить деревню. Резали турки армян — Гучков кидался туда. Опасна охранная стража на сооружаемой Манчжурской железной дороге — уже Гучков там, служит офицером и даже ищет боевых столкновений. Отсюда *близко* в Тибет — и он странствует к заветным местам его. Началась далёкая романтическая бурская война, кто-то волнуется над газетными депешами, кто-то поёт «Трансвааль в огне» — Александр Гучков, с братом Федором, уже добровольцами среди буров, и даже храбрые буры удивляются его самообладанию в бою: под картечью он остаётся распутывать постромки зарядного ящика, освобождая мулов от гибели. За все эти годы не раз приходится ему писать прощальные письма родителям на случай своей неизбежной смерти. В бурской войне едва не потеряна нога, осталась хромота на всю жизнь; с 26 лет уже мучает его грудная жаба. Но вспыхивает восстание македонских четников против турок — и вот уже Гучков едет добровольцем туда. Лишь на 41 году беспоконный этот человек женится. 42 года ему — и он уходит на японскую войну, хотя не с винтовкой, а с полномочным Красного Креста и московской управы (впрочем, не минует его и короткий японский плен).

И, может, еще и на том не унялся бы он отзываться на дальние мировые события, если бы самые главные события (тогда еще никто не прозревал, что — всемирные) не заклокотали бы в самом сердце России. И всё, что делал Гучков до сих пор, загорался и кидался пособлять, — оказалось лишь брожением молодым, лишь подготовкою мужа к событиям государственным. Теперь-то пришлось попробовать, что сдюжит он для России.

Уже довольно было имя его известно, и по Москве заметный был он человек. Воротясь из Манчжурии весной 1905, узнал он, что от московской городской думы избран на майское земское совещание. Там уже всё более выдвигались не собственно-земцы — Петрункевич, Милоков, Родичев, братья Долгоруковы. Совещание поразило приезжего накалом своей революционности. Хотя и избиралась депутация к царю посоветовать ему конституцию, но многие жаждали, чтоб отказано было в приёме, и можно было бы неогляднее разворачивать революцию. Умеренная шиповская группа и в ней Гучков осталась в порицаемом меньшинстве. Но Гучкову, не избранному в депутацию, как раз во время съезда пришло личное приглашение в Петергоф к государю (наслышанному о деятельности Гучкова в Красном Кресте и о спорах с Милоковым).

Был принят, беседовал целый вечер, при встрече милостиво присутствовала государыня (далеко не предвидя в этом купчике своего будущего лютого врага). Это было сразу после Цусимы и еще до приёма земской депутации. Гучков, как он понимал себя и самодержца, дал советы мужественного бывалого человека — человеку засидевшемуся, отгороженному от жизни и робкому: не дать внутренней слабости одолеть Россию, ни в коем случае не идти на перемирие с Японией, где игра внешних держав решит русскую судьбу, но, уж ввязавшись, продолжать стоять против Японии, а в России быстро, без сложных выборов, собрать Земский Собор — от дворянства, крестьянства и горожан, явиться туда самому и выступить смело, что в прошлом было много сделано ошибок, они не повторятся, но сейчас не время реформ, а время — окончить эту войну, при единстве страны не может Россия проиграть Японии — и не проиграет! В Земском Собрании будет почеркнуто недостающих сил, это передастся и армии, она воспрянет духом, передастся и Японии, все расчёты которой — на общественный развал в России. И несколько раз государь в раздумьи повторял: «Да, вы правы. Вы совершенно правы». (И в тех же днях советчику противоположного — что Земский Собор только усилит революционное движение, продолжение войны грозит России гибелью, и надо немедленно заключить мир во что бы то ни стало, — государь согласно повторял: «Вы совершенно правы. Именно так надо поступать»).

Обласканный Гучков в то лето был позван и на узкое Петергофское совещание по выработке проекта Думы. Все там предлагали выборы сложно-сословные, чтобы не упустить руководства, только Шипов и Гучков — общенациональные (но ступенчатые, по степени достоверной известности кандидатов избирателям, отнюдь не прямые).

Если открыть Верховной власти разумный путь — отчего б она не пошла этим путём? Нет! Безмыслие и бездарно ту войну начав, — бездарно и невыгодно спешили только вытянуть ноги из проклятой Азии. Внутри России вместо смелых шагов всё лето перебывались малымями, трусливыми и опозданными, а когда помнилось, что вода уже под горло (она далеко не была под горло) — выбросили сумбурный Манифест 17 октября.

Осудили Манифест правые, осудили и левые. Настроение общества было: царь задрожал? уступает? — так вырвать большее, а взятое — ничто! (Когда в ноябре Гучков предложил земскому съезду осудить насилия и убийства как средства политической борьбы, — «конституционное» большинство съезда отказалось принять такую фразу!) Кадеты отказались войти и в «полупубличный» кабинет Витте.

Отказались и приглашённые к тому Шипов, Гучков, орловский предводитель Стахович, князь Евгений Трубецкой, ибо сочли, что зовут их для показа, перемешать со старыми администраторами, но не реально обновить политику. Шипов же настаивал, что они — меньшинство, а большинство — левые, и именно их надо звать, чтобы общество поддерживало правительство.

Однако за совместные поездки из Москвы в Петербург и обратно, то на консультации о законосовещательной Думе, то на

переговоры о вхождении в кабинет, Шипов, Гучков и Стахович в долгих беседах обнаружили и утвердили основания новой партии.

Вослед Манифесту сразу заплодилось много партий, тем мельче, чем их больше. Земское меньшинство этой проблемой партийной группировки было застигнуто врасплох: оно вообще ведь было против всякой политической борьбы. Теперь и конституционное устройство и партии приходилось принимать как неизбежное зло, всё равно уже введенное волею монарха. Не оставалось другого пути, как принять и свою долю тяготы в новом устройстве. С другой стороны, единственное практическое расхождение с земским большинством — конституция, первенство *правового* начала, всё равно уже было введено, так что практически Шипову ничто не мешало бы вступить и в партию кадетов. Но разделяла, как он говорил, чуждость кадетов основам народного русского духа.

А Гучков и был за конституционную монархию, именно такую, как обещал Манифест, с ответственностью правительства перед монархом, а не партиями. Он не одобрял наступательного настроения левых земцев, кадетской требовательности парламентаризма для парламентаризма.

И согласился Шипов и Гучков, что пришло время политически объединить всех тех, кто хочет осуществить Манифест — утвердить новый государственный порядок, но при сохранении авторитета монарха; кто одинаково отвергает и застой и революционные потрясения, у кого есть это ощущение исторической глубины, вековой устойчивости, которую надо сохранить в её новом развитии. А для того создать не партию но союз партий чтоб избиратели не группировались мелко, разномыслием по частным вопросам лишь усиливая партийную рознь, но — единомыслия в основном. Первый такой союз — не против правительства, но в поддержку его.

В начале ноября 1905 шестнадцать основателей объявили о «Союзе 17 октября», приглашавшем в себя мелкие партии с сохранением их программ. Не могли войти только: сторонники неограниченного самодержавия и сторонники демократической республики. Среди главных положений программы нового Союза были: все гражданские права в неприкосновенности; уравнивание крестьян в правах с другими сословиями; признание государственных и удельных земель фондом земельной нужды; допустимость и принудительного отчуждения частных земель, но при справедливом вознаграждении и в исключительных случаях; для рабочих — страхование, ограничение рабочего дня и даже свобода стачек, но при условии, чтобы не страдала жизнь прочего населения и государственные интересы; прогрессивный прямой налог (чем богаче, тем больше платит) и понижение косвенных.

Устроители «Союза 17 октября» торопили скорейший созыв Думы — в мечте, что тогда и начнётся тесное единение монарха с народом. А между тем быстробегущие недели накатывали на Россию сотрясения и испытания: пьяный мятеж в Кронштадте, флотский мятеж в Севастополе, волнения в губерниях, убийства, террор, паралич всей Сибири, вооружённое восстание в Москве, а в ответ — «режим чрезвычайной охраны» вместо «незыблемых основ гражданских свобод», обещанных Манифестом: левые круги и правительство, как бы наперехват, друг друга выпереживая, сши-

бали и топтали тот злополучный Манифест. И Союзу 17 октября, всю свою деятельность полагавшему от Манифеста, приходилось спорить о своём заветном ещё прежде, чем Союз учредился вполне.

Эту среднюю сложную миротворную линию устроители объясняли так:

Шипов — Кому дорого мирное преобразование государственного строя, должен с появлением Манифеста признать революционное движение в стране законченным и доброжелательными усилиями содействовать проведению новых начал. Мы отмежевываемся и от левых, и от правых партий. От правых, потому что они селятся сохранить старый приказный строй, приведший нас к Цусиме. От левых, потому что весь русский народ привержен идее монархизма, а не деспотизма олигархии или массы. Монарх — выше всех политических партий, и свобода и право каждого гражданина наиболее обеспечены при конституционной монархии. В отличие от левых партий мы считаем, что человек должен быть не только свободным, но и проникнут нравственным идеалом.

Здесь председатель ЦК «Союза 17 октября» сильно приподнял, приписывая свою высокую программу разношерстному соединению, составившему Союз. Для Шипова задачи нового Союза совпадали с его давней мечтой:

устранять из политической борьбы раздражение, предвзятую подозрительность, взаимное недоверие; политическую борьбу сводить по возможности к доброжелательному выяснению спорных вопросов, к установлению соглашений, приемлемых для спорящих сторон.

Гучков — Мы не можем относиться отрицательно к тому, что создано старой Россией. И монархическое начало тоже должно быть перенесено обновлённым в новую Россию.

В охотничьем клубе на Воздвиженке, где триста прекрасно одетых людей слушали уверенных ораторов, съезд *октябристов* как будто мог торжествовать: сложная средняя линия общественного развития была ясно выражена в речах и неоспоренно принималась аудиторией. Но когда вскоре начались выборы в Думу — мелкие партии и их кандидаты легко откальзывались от «Союза 17 октября», вступали в любые беспринципные блоки, лишь бы быть избранными. И собранная силища Союза оказалась трухой. А общество, всё более обозлённое и убеждённое, что никакие соглашения с *этой властью* невозможны, не отдавало голосов странному проповедникам какой-то средней линии и соглашения. И на выборах в Первую Думу в начале 1906 года октябристы потерпели сокрушительное поражение, даже сами Шипов и Гучков не были избраны. И как будто зря они эти месяцы силились воплотить свои высокие принципы в послушное политическое тело.

То был кризис для обоих, но при разнице возраста всего в 11 лет, для Шипова — переломивший его общественную деятельность на нисходящую ветвь, для Гучкова — взмывший его жизнь по восходящей. Не хочется сказать, что от поражения, но от сошедшихся

нескольких причин на том они и разошлись, и даже отчуждились. Вскоре после неудачных выборов Шипов уступил Гучкову пост председателя «Союза 17 октября».

Была в их расхождении смена эпох, но было и то, что по законам *собственной* жизни мы должны, отыграв своё, не задерживаться на сцене. Шипова это настигло в 55 лет, счастливы те, кого настигает в семьдесят, а иные и в тридцать отжаты.

На этих обзорных страницах мы так много занимаемся Дмитрием Шиповым не потому, что он повлиял на ход русской истории, но именно потому, что с началом самых жестоких сотрясательных лет *не* повлиял нисколько. Его умеряющие благотворные действия прежних тихих лет, принесшие и успех его медленным основательным замыслам и всероссийское влияние ему самому, — с началом общественной тряски сменяются чередой поражений, честных самоотказов и полным задвигом в бездействие, отбросом в бессилие. Именно потому мы так внимательно к урокам Шипова, что за четверть века своей общественной деятельности он как будто ни на градус не уклонился от стрелки нравственной идеи, вышедшей из центра религиозного сознания, кажется, ни на одном шаге не был озлоблен или разгорячился бы борьбой, сводил бы с противниками счёты, или был бы лукав, или корыстен, или славолюбив, — нет! он своим спокойным обстоятельным умом прилагал нравственную идею к русской истории, и не где-то на задворках, но на самых главных местах, и в самые опасные переломные месяцы для России вызывался к государю для советов, для получения министерских постов, а в июне 1906 — и поста премьер-министра из рук самого государя. И — все советы его оказались непринятыми. И — от всех постов он отказался, смечая соотношение сил и настроений — странный удел столь многих русских деятелей: по разным причинам, почти всегда — отказ...

Урок Шипова напряженно дрожит вопросом: вообще осуществимо ли последовательно-нравственное действие в истории? Или — какова же должна быть нравственная зрелость общества для такой деятельности? Вот и 70 лет спустя и в самых незапретных странах, веками живущих развитою гибкой политической жизнью, — много ли соглашений и компромиссов достигается не из равновесия жадных *интересов* и *сил*, а — из высшего понимания, из дружелюбной *уступчивости* сделать друг другу добро? Почти ноль.

Как при ничтожном загибе тропы мы уверенно видим свой путь прямым, и лишь нескоро обнаруживаем, что описали петлю, — так и в политической жизни Шипова за последний слишком бурный год был совершён загиб, ему самому не заметный. Ещё год назад он считал для России конституцию губительным путём. Затем из послушания монаршей воле стал проводником Манифеста 17 октября, — твёрже самого государя. Теперь же, когда победа — едва, на перевесе — оставалась за властью, Шипов, не замечая, всё более принимал сторону кадетов:

Власть должна отказаться от борьбы с обществом.

В эти самые месяцы убивали сотни должностных лиц, или грозили убийством (брата Гучкова Николая, московского городского голову, за противодействие забастовке митинг трамвайщи-

ков *официально* постановил — *убить*), однако Шипов не прибавлял: «и общество тоже должно отказаться от борьбы с властью». Он отшатывался поддержать энергичные действия Столыпина, который якобы «не признавал нравственного начала в государственном строе и государственной жизни», и склонялся отдать последнее в волю кадетов, уж вовсе не озабоченных нравственным началом.

Как будто при содействующих, располагающих обстоятельствах встречались Шипов со Столыпиным летом 1906, обговаривая, как вместе создать правительство, — но никакое согласие даже не промелькнуло между ними, а сразу — душевное внутреннее отталкивание, которое невозмутимого кроткого Шипова довело до возбуждённого, сбивчивого оскорбительного объяснения, потом разложенного по убедительным логическим пунктам: Столыпин не предан искренно Манифесту и даже — противник его; он хочет вести страну в традиции старого абсолютизма; он пренебрегает представительными учреждениями, он — главный виновник роспуска 1-й Думы; у него — ограниченный политический кругозор, неглубокое общее мирозерцание; он не стремится к общему благу и высшей правде; а притом — самоуверен, властен, и вот сумел подчинить своему пагубному, но сильному влиянию государя.

А Столыпину, вероятно, виделось, что Шипов при святости верховного кругозора, лишен хватки, поворотливости, быстрой энергии, хорошо разговаривает, а *сделать* в кругую минуту неспособен ничего.

Урок Шипова тем более печален, что свои последние годы, не избираемый в Думу, всё более вышибленный и устранённый даже из мелкой деятельности, даже из уездного земства и из московской городской думы, и медлительно занимаясь мемуарами, он проявил не возросшую, а ослабшую остроту зрения, когда полуслёзная плёнка доброты и слышком настойчивой, неотклончивой веры, мешала видеть. Дописывая мемуары осенью 1918, он изъясняет нам, что вот закончилась последняя большая война истории, подобная кровавая катастрофа никогда не повторится, окончательно ниспровергнуты идеи милитаризма и империализма, религиозное сознание победило, особенно в Соединённых Штатах, русский же народ, богоносец и богоискатель, в недалёком будущем вновь поднимется с колен, а интеллигенция согласует свои взгляды с идеалами народного духа, как террорист-социалист Савинков, уже перешедший в христианство.

И такой конец Шипова заставляет усомниться, насколько отчётливо и быстро оценивал бы он события и отдавал решения, если бы в июне 1906 согласился возглавить русское правительство? (Это — не символическое представление: в тех же переговорах наряду с Шиповым участвовал его близкий единомышленник князь Г. Е. Львов. В 1917 тот показал всё своё бессилие...). Почитая народ устойчивым богоносцем, отчего, правда, было и не отдать его взбрыкам кадетской Думы? — богоносцу ничто не повредит, он всё равно подымется на ноги. Из нашего отдаления нам легче теперь оценить сравнительную правоту и неправоту Шипова и Столыпина, для них самих в горячие недели постигаемые только интуицией.

Столыпин оказался роковым человеком и для Гучкова, в его расхождении с Шиповым. Недавних союзников он разделил как

взмахом сабли: от первой же встречи, почти мгновенно, всё той же нашей спасительной интуицией, Гучкову без оговорок полубился его твёрдый уверенный мужественный ровесник Столыпин. В наших схождениях-расхождениях мы иногда сами не замечаем, как выбор наш решается не убеждениями, а темпераментом. Гучкову открылся в Столыпине *человек дела*, с сильной волей, ясным умом, определённым взглядом на всякий предмет и прямой в высказываниях.

Сам Гучков, к сорока пяти годам из своих передражных поездок и войн придя как будто молодым человеком, только и рвался, только и брался уставлять общественную жизнь — перенявши от Шипова руль «Союза 17 октября» в его крушении, ту самую идею провести, начатую вместе с Шиповым: благожелательное сотрудничество между властью и обществом. Гучкову странно было слышать от Шипова, что тот, занимаясь политикой, порицает политическую борьбу.

А для меня, напротив, всегда большое удовольствие — хорошенько *накласть* своим противникам!

Именно борьбой как таковой, самой тканью борьбы, переживанием борьбы — до страсти охватывался Гучков. И в самые бурные месяцы, когда России грозило развалить и разорвать, ему дикими казались советы Шипова уступить России кадетской Думе, пусть со временем убедятся обе в своих ошибках. Не терпя кадетов, Гучков не упускал случая нанести им удар — хотя б в заседании губернской управы, в повороте мелкой местной резолюции, чтоб кадеты поперхнулись.

Но даже и стоя так и при симпатии к Столыпину — войти в его первый кабинет Гучков не решился: это значило бы перешагнуть пропасть от общества к правительству. На Аптекарском острове, за несколько недель до взрыва, Столыпин предложил ему пост министра торговли-промышленности, и программу правительства Гучков одобрял, — а ставил и ставил встречные условия, кого еще из *общества* непременно позвать в министерство. Уговор не состоялся, но Гучков обещал поддерживать Столыпина с общественной стороны.

В те же дни захотел поговорить с Гучковым и государь, принял его в Петергофе. Это были дни восстания в Свеаборге, тут — дремало поразительное спокойствие. Государь был в благодушном настроении, очаровательно любезен, как он умел быть очаровательным, очень располагая к себе. Тоже звал в министерство. Но, по всему, не отдавал себе отчёта в серьёзности положения. Монарх — как будто не этой страны, не этой планеты. Он находил излишним всякое обновление внутренней политики и не хотел себя связывать никакой программой. Стало

так тяжело на душе, что и сказать нельзя. Петергофские впечатления совсем доканалы меня. Никакой надежды в ближайшем будущем. Мы идём навстречу еще более тяжёлым потрясениям. Но вместе с тем и примирительное чувство, что *невинных нет*, что все жертвы готовящейся катастрофы несут в себе свою вину, что совершается великий акт исторической справедливости. До боли жаль отдель-

ных лиц, но не жаль всю совокупность этих лиц, целые классы, весь строй, —

писал он жене по свежим впечатлениям петергофской аудиенции. Вся загадка и всё бессилие сгущались в этом странном вежливом государе, который только и находился спросить солдата — в каком он полку служил перед тем, а послушав игру знаменитого пианиста — что он, старший или младший брат одюфамильца-моряка?

Гучков поражался, но не ослаб, а крепкими ногами война побрёл против сшибающего течения. Когда в августе были введены военно-полевые суды, мотивированные в правительственном сообщении:

Революция добивается не реформ (проведение их почитает обязанностью и правительство), но разрушения самой государственности и монархии,

а всё общество, разумеется, негодовало на суды, — Гучков не испугался выступить в печати одиноко с одобрением:

Твердая власть, имеющая охранить молодую политическую свободу, должна прибегать к скорым и суровым репрессиям. У нас в некоторых местностях идёт междуусобная война, а законы войны всегда жестоки. Возрастающее у нас грабительство уже перешло от революционного характера в разбой. Введение военно-полевых судов — жестокая необходимость. Репрессии вполне совместимы с либеральной политикой: только подавление террора создаст нормальные условия. На революционное насилие правительство обязано отвечать энергичным подавлением. Я глубоко верю в Петра Аркадьевича Столыпина. Таких способных и талантливых людей еще не было у власти у нас.

И через год:

Если мы присутствуем при последних судорогах революции, то этим мы обязаны исключительно Столыпину.

Сторонники отпадали, левые поносили Гучкова. Но этим заявлением он твёрдо начинал шестилетний вершинный путь своей жизни — те самые, отпускаемые нам главные годы, для которых вьётся вся остальная жизнь.

Не сразу этот путь пробился: общество жаждало левизны и революции, во 2-ю Думу октябристы так же не попали, как и в 1-ю. Но весной 1907 Гучков отказался от верного, однако слишком спокойного места в Государственном Совете — чтобы побыть за Думу, собирать октябристов под проклятия и угрозы слева.

Миновали, как считал Шипов, условия для деятельности «Союза 17 октября»? или только теперь и начинались, как уверено вёл Гучков:

Примирить вечно враждующие русскую власть и русское общество, дружно сотрудничать с властью и безболезненно перейти от осуждённого уклада к новому.

Со своими мировыми и внутренними задачами Россия может справиться

только под предводительством сильной царской власти. Конституция (1906) просвечивает власть для общественности

и тем высвобождает от безответственных тёмных влияний, — но не для того же, чтобы кинуть её

в распоряжение политических партий и их центральных комитетов! Мы — против революционных элементов, которые думали воспользоваться затруднительным положением правительства, чтобы насильственным переворотом захватить власть. В борьбе со смутой, в момент смертельной опасности мы решительно стали на сторону власти,

сохраняя свободу осуждать ошибки правительства и отстаивать его верные шаги.

Сам тот МанIFEST 17 октября сперва слишком неуступчивого, потом слишком напуганного царя — был ли посильным скачком для страны, никак не подготовленной к парламентской жизни? Не обещает ли закон 3 июня 1907 более спокойного развития к парламентскому состоянию?

Тот государственный переворот, который был совершён нашим монархом, как раз и являлся установлением конституционного строя. Я уверен, что спокойная лояльная работа 3-й Думы примирит и наших противников, и через год-два будет вынута ядовитое жало, столько времени растравлявшее народное тело, и избыточная энергия революции уйдёт в созидание.

Так и случилось. Именно с 1907 в России началось неоспоримое выздоровление. Люди, которые несколько лет назад металась от сходки к сходке, теперь развивали экономические программы, и всё более заметной фигурой общества становился инженер.

Осенью 1907 октябристы прошли сплочённой группой в 3-ю Думу, и их лидеру Гучкову предстояло показать теперь на деле, возможно или невозможно осуществить среднюю линию устроенного устройства России. Две первых Думы не видели иной цели, как дразнить правительство и ярить общество, — сумеет ли 3-я формировать государственный путь страны?

Первый свежий толчок, который мы испытываем здесь — это соотношение лидера думского большинства Гучкова и председателя совета министров Столыпина: их сотрудничество — не в сговоре, не в умысле, но в служении общей цели, кто лучше её поймёт: при единомыслии — спор и состязание. Одно из первых выступлений Гучкова (май 1908) было: отказать в кредитовании флота, укрепляя Россию — отказать ей в броненосцах! Иначе

как нам отделаться от призраков прошлого? Правительство должно пролить всю правду, назвать всенародно имена лиц, виновных в катастрофе.

Эта речь вызвала большое раздражение Николая II, так любившего флот, и отношения государя с Гучковым были испорчены бесповоротно.

С думской трибуны открылся Гучкову простор объяснить и всю японскую несчастную войну:

Главной виновницей наших неудач была не армия, виновники — наше центральное правительство и наше общество. Правительство легкомысленно способствовало воз-

никновению этой войны; в долгие мирные годы не озабочивались правильной постановкой дела обороны; когда появилась опасность — не отдало отчёта в серьёзности положения. Предполагалось, что это — далёкая колониальная война, которую нет надобности вести со всем напряжением сил. Лишь гораздо позднее явилось сознание, что дело идёт не о Южной Манчжурии, но о существовании России. Когда же мы стали на Дальнем Востоке сильны, и дух армии был еще бодр — правительство потеряло веру в себя, в свой народ, и заключило тот мир, который надолго похоронил наше международное положение.

Но если правительство хоть в конце несчастной войны поняло свою ошибку, то второй виновник наших неудач — наше общество, так до конца и осталось в своём ослеплении. Общество оказалось несколько не прозорливее правительства, они друг друга стоили. Непопулярность повода к войне заставила общество закрыть глаза, какая жизненная ставка разыгрывалась там, вдалеке. И всё, что лилось отсюда в армию — наша пресса, письма родных и знакомых, приезжие люди, всё это отнимало последнюю бодрость, остаток веры в себя и в успех. Наше общество действовало во всё время войны деморализующе на нашу армию. (*Справа: «Правильно!»*) А в конце войны оно еще усугубило свою ошибку.

Впрочем и в армии.

Канцелярия заполнила всё, подчинила строй, мертвила энергию, убивала дух. Генеральский состав оказался наиболее слабым. Как и в Крымской, и в Турецкой войне, большинство генералов оказалось не подготовлено к распоряжению всеми родами оружия. И до *сегодня сохранился* во всей нашей стране *тот противоестественный подбор*, при котором *всё слабое и ничтожное всплывает наверх*, а *всё талантливое и смелое отбрасывается*.

Выступал Гучков не для того, чтобы покрасоваться с думской трибуны, но — каждую речью улучшить что-то в отечестве, и особенно — в армии, которой он посвятил свою деятельность. То — за кредит на улучшение быта нижних чинов, то — за увеличение содержания офицерам — сословию презренному обществом, обойденному казной, но обязанному в тяжкие минуты отечества за всех за них проявить высший воинский дух.

Некомплект офицеров в армии принимает угрожающие размеры. Есть войсковые части, где он достигает половины офицерского состава. Оклады содержания офицеров и раньше ставили их вплотную с нуждой. А в последние годы, когда многие общественные группы и классы в суматохе так называемого освободительного движения несколько устроили свое материальное благосостояние, нужда стоит уже не у порога офицерского жилища, но вошла в это самое жилище, офицерские жёны несут самую черную работу, офицерские семьи переходят на довольствие из ротного котла, а на далёких окраинах ведут существование

прямо недостойное человека. Беспросветность жизни армейского офицера... Невозможность даже под конец жизни обеспечить свою семью. Тогда как в армии должна быть только одна привилегия — образования, военных знаний и таланта (*аплодируют, но не справа*),

в ней — незаслуженные, неоправданные привилегии гвардии, происхождения, денежного достатка, столичных связей.

Жернов гарнизонной службы перетирает в порошок рыцарские чувства и благородные характеры. Не бережётся чувство чести и личного достоинства, но цуканьем, хамством с подчинёнными, издевательствами, унижениями уничтожают то чувство самолюбия, которое в военном человеке — из главных стимулов героизма. И офицеры уходят из армии — куда-нибудь, землемерами, экзекуторами, бухгалтерами. Остаются в армии или немногие подлинные любители военного дела или лица, ни на какую другую службу не годные.

А реформы входят в военное ведомство слишком робко.

И когда вспомнишь, как после тяжких поражений поступали другие народы, закрадывается в сердце грусть и зависть. Вы помните, как после 1871 года возрождалась Франция, на какие жертвы шла она вплоть до того момента, как задул ветер социалистических учений и доканал то, чего не в состоянии были сломить немцы?

Еще в 1908 Гучков понимал и называл, чего так и не удалось сдвинуть до разгара отступления 1915 года:

Комплект наших патронов и снарядов совершенно не отвечает новым условиям войны. При значительной войне наши заводы не приспособлены покрыть расход боеприпасов, а некоторых составов русская промышленность вообще не вырабатывает.

И — о одновременном переносе заводов от возможного Западного фронта. (До отступления 1915 так и не сдвинулось ничто.) И — о слабости, дряхлости наших крепостей. (Так и оставлены.)

В горьких выступлениях Гучковалучился и юмор:

Я думаю, что нет министра, который был бы больше заинтересован в свободе печати, чем министр военных. Я бы на его месте ежедневно надоедал министру внутренних дел: когда же он внесет законопроект о расширении свободы печати.

Ибо не улучшить нам военного ведомства и особенно легендарного интендантского, пока не будет выслушан голос армии и не будет контроля общественного мнения. Вот военный министр (Редигер) решился на беспримерную, первую в русской истории ревизию над интендантским ведомством.

Перед материалами, которые добыты ею, я вижу себя обезоруженным, ибо на каждый мой вопрос: известно ли военному ведомству то или другое злоупотребление, я уверен, ведомство может мне ответить: «мне известны гораздо большие злоупотребления.» (*Смех в центре и слева.*) А если ведомство скажет, что в его руках недостаточно репрессий,

я уверен, что Дума не поставит пределов этим репрессиям: для вороватых интендантов мы готовы дойти и до военно-полевых судов. (*Рукоплекания центра и справа.*) Я уверен, что даже господа левые в этом вопросе только стыдливо воздержатся от голосования. (*Слева шум.*) И тогда все эти рассказы о картонных подошвах у героев Шипки, отможенных ногах и босоногой армии отойдут в область преданий. (*Бурные рукоплекания. Пуришкевич: «Молодчина, Гучков!»*)

В вопросы военного ведомства Гучков входил особенно глубоко. Он сам возглавил думскую комиссию государственной обороны, министр Редигер охотно раскрывал перед комиссией все дефекты. (В эту комиссию Гучков не допустил социалистов, но даже и кадетов, считая сомнительной их готовность радеть о защите отечества.) Старались добросовестно изучить постановку военного дела в России. Гучков завязал связи и с генералом Василием Гурко и в военно-морских кругах. Военных кредитов не только не урезывали, но всегда добавляли, провели и повышение окладов офицерству. *Наверху* были недовольны, что Дума увеличением военных кредитов ищет симпатии армии и вмешивается не в своё. Но и глядя из Думы можно было быть недовольным *верхами*, и Гучков решился взорвать эту тему в ярком выступлении. Чтобы никто не мог помешать, он скрыл свой замысел ото всех и от председателя Думы. Сперва защищал смету, а потом, стараясь говорить возможно быстрее, чтобы не прервали, атаковал великих князей:

Совет Государственной Обороны во главе с великим князем Николаем Николаевичем обессилил и обезличил военного министра и тормозит всякие улучшения в военном деле. (*«Браво!» Рукоплекания.*) Чтобы закончить перед вами картину той дезорганизации, граничащей с анархией (*«Браво!» «Верно!»*), которая водворилась в управлении военного ведомства, я должен еще сказать: должность генерал-инспектора всей артиллерии занимает великий князь Сергей Михайлович, генерал-инспектора инженерной части — великий князь Петр Николаевич, главный начальник военно-учебных заведений — великий князь Константин Константинович. Так во главе ответственных отраслей военного дела поставлены лица, по своему положению фактически *безответственные* (*«Браво! браво!»*) Назвать это своим именем — наш долг, и вместе с тем мы должны признать наше бессилие. (*«Верно! Верно!»*) Прав был депутат Пуришкевич: мы больше не можем позволить себе поражений! Новое поражение России явится не просто уступленной территорией, не просто заплаченной контрибуцией, но *будет тем ядовитым укусом, который сведет в могилу нашу родину!* (*Рукоплекания. «Верно!»*) И если мы требуем от страны тяжёлых жертв на дело обороны, то мы вправе обратиться и к тем немногим безответственным лицам и потребовать только всего: отказа от некоторых земных благ и некоторых радостей тщеславия! (*Продолжительные бурные рукоплекания слева, в центре и отчасти справа.*) Этой жертвы мы вправе от них ждать.

Растерявшийся председатель закрыл заседание. Дума была потрясена. Спрашивал Милоков в кулуарах:

— Александр Иванович! Что вы сделали? Ведь после этого Думу распустят!

— Нет, армия и народ — с нами, не решатся!

А Николай II Столыпину: «Он мог бы это сказать в частном разговоре, а не с публичной трибуны.» Но в частном разговоре ответ — улыбка и «вы совершенно правы», и всё остаётся на местах. Уверен был Гучков, что только публично высказанная мысль подействует. Речь его никем не была опровергнута, престиж великих князей подорван. Но и до 1917 они оставались на подобных местах. А Совет Обороны был распущен, к облегчению.

Окончательно потерял Гучков бывшее расположение государя. А дерзил и дальше. В начале 1909 при запросе о годности высшего командного состава вынудил Редигера к признанию:

При выборе кандидатов на высшие должности приходится сообразовываться с тем составом, который налично, — и за этот ответ государь отрёшил военного министра и назначил на долгие годы... — Сухомлинова. Этот — был уже врагом думской военной комиссии, и только помощник министра Поливанов снабжал Гучкова необходимой тайной информацией. Предстояло Гучкову еще немало разоблачать и Сухомлинова и излюбленного им жандармского полковника Мясоедова.

Вспоминал Шингарёв:

Речи Гучкова были бы невозможны со стороны кого-нибудь из нас — скандал, удаление на пятнадцать заседаний. А его — слушали.

Впрочем, правые — спокойно. В постоянном сочувствии Гучкова к армии они видели желание перетянуть армию от Верховной власти к Думе. В правых газетах и с думской же трибуны Гучков был обвинён в «младотуречестве», в «раскрытии ран» нашей обороны, подрыве доверия, выносе сора из избы. Гучков отвечал:

Когда мы видели неспособных вождей, мы говорили: это — неспособные вожди. Едва ли виноваты мы, называя их своими именами, — скорее те, кто держат их. От курения фимиама, от тактики замалчивания мы так много пострадали, что надо воспользоваться Думой, чтобы говорить правду. Член Думы Пуришкевич упрекнул: «Нужна вера, а вы вселяете безверие». Но есть хуже, чем безверие — это ложная вера. И мы будем разрушать её везде, где найдём. «Хлопчатобумажный патриотизм» сказал обо мне Пуришкевич, повторяя засаленную остроту. Эти господа не могут мне простить, что я — купеческого происхождения. Чтобы дать им материал для новых острот, я им еще добавлю: я не только сын купца, но и внук крестьянина, который из крепостных выбился в люди трудолюбием и упорством. (*Рукоплекания.*) И в моем «хлопчатобумажном» патриотизме вы, может быть, найдёте отзвук другого патриотизма — чернозёмного, мужицкого, который знает цену таким барчукам, как вы.

И разве Гучков не выдержал исходной программы «Союза 17 октября»? Пора 3-й Думы представлялась ему

небывалой с 60-х годов картиной русской жизни: власть и общество, всегда непримиримо враждовавшие, сблизились. В этом акте примирения выдающуюся роль сыграл Столыпин совершенно исключительным сочетанием качеств. Благодаря именно его обаятельной личности, высоким свойствам его ума и характера, накапливалась вокруг власти атмосфера общественного доброжелательства и доверия на место прежней ненависти и подозрительности. Третья Дума своей уравновешенностью оказала глубокое воспитательное влияние на русское общество. Создавалась небывало благоприятная обстановка, обещавшая обновление во всех областях нашей жизни.

О, не так-то просто отползают с народного пути старые каратицы, одряхлевшие у власти! Уже весной 1909, чуть утихло с революцией, эти фантомы и уроды сплотились к трону — убраться Столыпина. Готовилась его отставка. Гучков дал интервью:

Конституции грозит опасность со стороны правых групп, оставшихся бюрократов, при новом строе оставшихся не у дел, правого крыла Государственного Совета. Пока Столыпин вёл борьбу с революцией — правые могли жить спокойно. Но наступила эра реформ, и правые поняли, что их торжеству приходит конец. По мере того, как революция отлагалась, поднимали головы со своей короткой памятью те, кто неискренне терпел Манифест как легкомысленную уступку. Приведшие Россию к небывалому унижению, перед смертельной расплатой как будто исчезнувшие, — они теперь выползают из всех старых гнойников и захватывают позиции.

А ещё

Столыпин никому не прощает воровства, взяточничества и корысти. Тут он беспощаден. Когда начался грозный цикл сенаторских ревизий, всколыхнулось тёмное царство взяточников и казнокрадов. Кругами расходился по этому болоту страх за существование.

(Всё же в ту весну Столыпин устоял: еще недостаточно прикукли государю и как будто еще не опасно затмевал его.)

Особенности центра — с такою же силой Гучков разоблачал и левых:

Если раньше могли быть какие-то иллюзии о моральном значении и политической целесообразности террора, если раньше террор был окружён в известных общественных кругах атмосферой *сочувствия*, даже *соучастия*, то ныне лужи крови и грязи лишили террор того ореола. А наш государственный и социальный строй оказался столь могучим, что выдержал безумный натиск безумных людей. Разве террор не выродился теперь в дикую бессмысленную злобу?.. Последние годы, отмеченные *освободительным* движением, вложили свою лепту в развитие хулиганства. Припомните, с чего началось в России революционное движе-

ние? С декабристов! Припомните, чем оно закончилось? (Слева: «Оно — не кончилось!») ...Террор убивает безжалостно не только тех, кто являются его действительными и опасными противниками, он убивает вокруг себя зря, вслепую, кого и как попало. И если раньше можно было предполагать, что в рядах революции сосредоточена известная доля самопожертвования и героизма, то давно героизм перекочевал в противоположный лагерь; надо признать, что те городские, солдаты, те генералы, губернаторы и министры, кто в течение многих лет мужественно выстаивают на своем посту, ежеминутно подвергая тяжкой опасности себя и своих близких, — они и являются истинными героями! (Рукоплескания центра и справа.)

И Гучков призывал, чтобы законопроект о помощи семьям, чьи кормильцы убиты революционерами, был поддержан в сейю Думой — это оздоровило бы нравственно сознание страны,

прекратило бы или ослабило то пролитие крови, которое составляет несчастье и позор нашей родины.

Но призывал он, разумеется, тщетно. Не только социалисты, но и конституционалисты-демократы перестали бы быть сами собой, если бы осмелились вслух осудить революционный террор. Головы, непоправимо скрученные влево, вернуться в среднее положение не могли.

Со стороны крайних левых групп мы слышим исключительно только речи, полные подозрения, полные яда, полные ненависти. Это показывает, насколько искренними работниками они являются в том труде, который мы несём.

Были и позже случаи противостоять левым — всё о терроре. В конце 1909 на Астраханской улице в Петербурге, в частной квартире, снятой полицией, был взорван бомбою начальник петербургского охранного отделения Карпов. И левые, и кадеты внесли поспешный шумный запрос о полицейской провокации: что квартира была полицейскою фабрикою бомб. — Но зачем полиции фабрика бомб, да еще тайная? производить взрывы? — недоумевал центр. — Нет, подкидывать бомбы перед обысками, — предполагали левые.

Так накалено было в думских крылах — всегда доказывать правоту *своих*, всегда доказывать виновность *тех*, что ораторы не желали охватывать возражений, подробностей дела. Неисчерпаемо-цветистый Родичев, прославленный своим языком и им же едва не наказанный на смерть, теперь с думской трибуны пересказывал из французской газеты статью эмигранта Бурцева (такое было возможно в этой консервативной Думе!),

кому кадетская фракция верит больше, чем председателю совета министров, но упустил, очевидно, неумышленно,

— язвит Гучков, — как раз то место статьи, где Бурцев свидетельствует о человеке, (Петрове-Воскресенском), произведшем взрыв, что он был

агентом революции, палачом революционного трибунала, командированным в стан охраны *двойником*.

А это даёт повод Гучкову высказать, что часто

в полицию являются представители революционных партий с предложениями услуг за деньги. Моральное разложение в революционном лагере пошло далеко, так далеко, что от лозунга «всё дозволено в политической борьбе» дошли до лозунга «всё дозволено во всех областях жизни». Идеалистический, героический период революции, о котором мы знаем по наслышке, давно отошёл, а теперь наступил период *разбойный*. Вот член Думы Чхеидзе, вероятно, не будет мне противоречить. Мне писали с Кавказа в период *освободительного движения*, что каждая так называемая *политическая экспроприация* — грабёж, чтобы достать средства для революции, сопровождалась всегда чрезвычайно широкими кутежами в лучших ресторанах Тифлиса. Как эти кутежи бывали, так люди и знали: произошла политическая экспроприация.

И, обращаясь к левым:

Если вы будете разоблачать действительно провокационные приёмы полиции — вы всегда найдёте нас союзниками. Но если вы хотите разоружить государство и правительство в борьбе с революцией — то нет, слуга покорный!

Так стоял он крепкими ногами против шумных и яростных натисков то слева, то справа, то и слева и справа, то поддерживаемый, то бранимый, — но в вере, что твёрдо ведёт средний курс корабля, примиряя русскую власть и русское общество для созидания; в надежде, что наконец и власть и общество ограничат себя и откажутся от непомерных требований.

В этом — особенность парламентского центра:

В Думе есть группы, несколько не заинтересованные в плодотворности законодательной работы. Левые наши *товарищи* твердят и мечтают, что из Думы ничего не выйдет и нужна великая катастрофа,

правые грозят, что Дума к ней и ведёт; власть презрительно смотрит на Думу — нечего с ней считаться; но

разочаруются те и другие, и Думе удастся восстановить у нас правду и справедливость.

Кто же больше *центра* заинтересован в прочном законодательстве? Особенность центра: прикрываться то левым, то правым крылом, собирать большинство то с правыми против левых, то с левыми против правых — и так двигаться вперёд, и так отстаивать страну.

Вместе с левыми Гучков: то (1908) поддержит протест против неслыханного произвола московского генерал-губернатора: он осмелился требовать запрещённые цензурой книги печатывать и *даже* сдавать властям!

то (1909) — за свободу публичного старообрядческого проповедания (все социалисты были конечно за, но эту свободу запрещала православная Церковь);

то — против *произвола* над присяжными поверенными (адвокатов, передававших заключённым недозволенные вещи — министерство юстиции покушалось не допускать в тюрьмы, каково!)

то (1910):

Потребность в системе успокоения прошла. Не видим прежних препятствий, которые оправдывали бы замедление гражданских свобод. Мы ждём!

то (1912) — за расследование Ленского расстрела, где царили условия кабалы, к счастью давно отошедшие в предание для большей части русской промышленности, а начало было в панике, обезумев от личного страха;

то, по телеграмме Короленко, заступиться и спасти политического смертника.

И всё это, особенность центра, не создаёт ему никаких союзников.

Мы и в стране и в Думе чувствуем себя несколько изолированными, —

звучит у Гучкова усталая нога. Лучше бы ни от кого не зависеть, ни с кем не блокироваться; плодотворны парламенты с центром самостоятельным, слабы парламенты с центром непрочным. Тут могут быть такие неожиданности: объединение правых и левых против центра. И в каком стечении: фракция октябристов предлагает начать думскую сессию (1912) с двух вопросов, важнейших для крестьянской России: порядка на земле и порядка в суде — землеустройства и восстановления выборного местного суда, независимого от администрации. Правое крыло Думы, разумеется, против. Но левое-то будет — за? Как бы не так, социал-демократы *против*, ибо *это ничего не даёт* (им). Но — кадеты? но — цвет русской интеллигенции? Кадеты — тоже *п р о т и в*: гораздо первой и важней вопрос *о неприкосновенности личности!*

И октябристскому центру не хватает голосов...

Господа, мы имеем перед собою чёрно-красный блок, это то, что составляет проклятье нашей русской жизни. (*Смех справа и слева, рукоплескания в центре.*)

И никогда еще этот блок не выступал с таким цинизмом. Да, с противником бывает нужно сосчитаться, но не нужно брать почвой для счётов живое народное тело. Мы доведем законопроект до крушения и оставим население на долгие годы без правосудия.

Ну, и что ж. Ну и пусть.

С марта 1910 Гучков избран председателем Думы, по ритуалу стал бывать на докладах у государя, и очень рассчитывал оказать прямое личное влияние.

Вы меня простите, Ваше Величество, я сделал своей специальностью говорить вам только тяжёлые вещи. Я знаю, вы окружены людьми, которые сообщают вам лишь приятное.

Но тот принимал Гучкова холодно. Терпеливо и, кажется, внимательно выслушивал — эти пассивные состояния всегда у него выглядели правдоподобно, а верней: и присутствуя, он как бы уклончиво отсутствовал. Не возражал, даже кивал. Но — никогда не переубеждался и не делал никогда ничего. Да подозревал Гучков так, что иные воли стояли за ним — за задними дверями или в

угнетённом сознании монарха, — таились, шептались, сплетались симпатии и антипатии, влияния, капризы и выиски шмыгающих теней. Еще было и шесть лет между ними — и с этой возрастной ступеньки тоже смотрел Гучков сожалеюще на приятный взрак царя, однако лишённый устремления.

Вместе со Столыпиным разделял Гучков эту трагическую роль: отстаивать монархию вопреки монарху, авторитет власти против носителей власти.

Моя жизнь принадлежит государю, но совесть ему не принадлежит, и я буду продолжать бороться.

Сухомлинов забавлял государя придумкою новых армейских форм (государь любил их как ребёнок, он завял бы, если бы вся армия была одета одинаково), избегал утомлять скучными докладами, скрывал недостатки. И более всего тормозил смену высшего командования на боевое. В аудиенциях Гучков жаловался государю, что все реформы армии замедлены, не развивается военная промышленность, технические улучшения ведутся за счёт иностранных заказов. А в глазах государя читал: интриги плетёте? сводите счёты с министром?

Нет, этим двум людям не судьба была сговориться. И от встречи ко встрече всё чужей они становились.

Тогда снова проводил Гучков в Думе атакующие резолюции, — и еще враждебней относился к нему государь.

Гучков был неуёмист, всегда — вызов, и даже в год председательства не мог удержаться — пережил одну из многих своих дуэлей, покидал Думу, чтобы отбыть месячное наказание в тюрьме (но высочайшим повелением всё же было ему три недели прощено).

И такие же порывы и дёрганья не давали плавно течь его сотрудничеству со Столыпиным. А когда тот в марте 1911 провёл западное земство роспуском Думы и Совета на три дня — Гучков испытал потребность сильно отдёрнуться, чтобы видеть все, что он и партия его — не соучастники. Он бросил председательство в Думе и с направлением Красного Креста поехал смотреть чуму в Манчжурии (подальше, чтобы безвозвратно). Взвизывая ли себя или действительно различая суть, он объяснил удивлённому Столыпину:

Устраняя одно препятствие, вы создаёте другое. Через него не перешагнёте ни вы, ни Россия. Вы знаете, как я дорожил вашей победой, как мне были ненавистны ваши враги. Но шаг, который вы делаете — роковой, не только для вас лично (я знаю, вы к этому равнодушны), а и для той обновлённой России, которая вам так дорога и которая вашими же усилиями стала выходить из хаоса.

Из Манчжурии Гучков вернулся в августе, за несколько дней до убийства Столыпина. Тут его достиг слух, что финские националисты готовы на Столыпина покушение (возможно, было и такое) — и он успел дать знать Курлову в Киев, не самому Столыпину, чтобы не тревожить его.

В сентябре в экстренном поезде, с полусотнею октябристов, Гучков ехал в Киев на похороны.

Раскаивался ли он, что на последнем пути не поддержал Столыпина? — теперь, в чём мог, он принимал на себя задачу убитого. ЦК октябристов обвинял кадетов в подготовке общественного настроения, облегчившего убийство. В 40-й день от смерти октябристы внесли в Думе запрос:

Революционные партии и враги России, объединившись, исполнили свою давнишнюю угрозу отомстить тому, кто когда-то подавил революцию.

И Гучков, поддерживая запрос:

Это была жизнь за царя и за родину и смерть за царя и за родину... Поколение, к которому я принадлежу, родилось под выстрел Каракозова. Кровавая и грязная волна террора прокатилась по нашему отечеству, унося с собой царя-Освободителя. Террор загормозил и тормозит поступательный ход реформ; террор давал оружие в руки реакции; террор своим кровавым туманом окутал зарю русской свободы, это свежо у всех в памяти (*справа и в центре: «Браво!»*, *слева: «Сказки для маленьких детей!»*); а теперь террор устранил и того, кто более всех содействовал укреплению у нас народного представительства.

Вокруг язвы, съедавшей живой организм русского народа, копошились черви. Они сделали себе из нашего недуга источник здоровья (*слева: «Охранники!»*) Для этой банды существовали только соображения карьеры, расчёты корысти (*справа и в центре: «Браво!»*). Это были крупные бандиты (*слева: «Правильно!»*), «жадной толпой стоящие», но с подкладкой мелких мошенников. И когда они увидели, что им наступили на хвост, стали обстригать их ногти и проверять ресторанные счета, — они своими действиями и попустительством дали произойти убийству председателя Совета Министров...

И назвал всех четырёх — Курлова, Спиридовича, Веригина, Кулябку.

Заклодованный проклятый круг, в котором бьётся правительство. Власть в плену у своих слуг. Змея, которой вы наступите на голову (*Пуришкевич: «Мы с вами никогда не будем!»*), ужалит смельчака, и кое для кого это может быть смертельный укус на прощание. Если виновных лиц вы удалите с пенсией, а в общем всё останется по-старому, — вы обречённые. Другой путь — полная реорганизация политической полиции. Хватит ли у вас решимости?

Нет, конечно, не хватило. Обречённые все оставили по-старому.

А в змею-то Гучков понимал и Распутина, доставался и тот Гучкову в тяжелое наследство. Но тут была опасность многослойная: нельзя было распахнуть передо всем народом России, что дело касается самого самодержца, — хотя именно ему Гучков не мог простить пренебрежённого Столыпина. (Не подошёл к раненому, не навещил в больнице, жаловался Коковцеву, что Столыпин всюду и всегда заслонял его.) Гучков искал помощи министров. Не нашёл. Тогда в январе 1912 в гучковской газете «Голос Москвы» напеча-

талась статья, изобличавшая хлыстовство Распутина. Номер был, разумеется, конфискован, редактор привлечён к суду. Это давало октябристам право запроса:

Доколе Святейший Синод будет безмолвствовать и бездействовать, наблюдая как разыгрывает трагикомедию проходимец, хлыст, эротоман, шарлатан Григорий Распутин? Почему молчат епископы, архипастыри? Почему всем газетам в Петербурге и Москве предъявлено требование ничего не печатать о Распутине?

И Гучков, поддерживая запрос:

Неблагополучно в нашем государстве. Опасность грозит нашим народным святыням. Безмолвствуют иерархи, бездействует государственная власть. И тогда патриотический долг прессы и народного представительства — дать исход общественному негодованию.

А вослед, при обсуждении сметы Святейшего Синода:

Я никогда еще не выступал на эту трибуну с таким тяжёлым чувством. Нужно душевное настроение, мне не свойственное, и склад души, мне чуждый, чтобы сосредоточить внимание на страховании церковного имущества, уравнивании епископских окладов, даже на приготовительных шагах к созыву поместного собора, когда всё это тускнеет, а хочется кричать, что церковь в опасности и в опасности государство!.. Этот изувер-сектант или проходимец-плут, эта странная фигура в освещении XX столетия (слева: «Электричество и пар!») — какими путями захватил этот человек такое влияние, пред которым склоняются высшие носители государственной и церковной власти? (слева: «Целуйте ручки!») Вдумайтесь только, кто же хозяйничает на верхах? Кто вертит ту ось, которая тащит за собою смену направлений и смену лиц, падение одних, возвышение других? (Марков 2-й: «Бабы сплетни!») За спиной Григория Распутина целая банда, лёстрая и неожиданная компания, взявшая на откуп и его личность, и его чары. Антрепренёры старца! Это они суфлируют ему то, что он шепчет дальше. Это целое коммерческое предприятие, умело и тонко ведущее свою игру. Никакая революционная и антицерковная пропаганда за годы не могла бы сделать того, что Распутиным достигается в несколько дней. И со своей точки зрения прав социал-демократ Гегечкори, сказавший: «Распутин полезен». Да, для друзей Гегечкори даже тем полезнее, чем распутнее! И в эту страшную минуту, среди отчаяния и смятения одних, злорадства других, — где же власть? власть церкви и власть государства? А где были вы, обер-прокурор Святейшего Синода? Когда у нас проходили законы о гарантиях религиозных свобод, о праве перейти из одного вероисповедания в другое, о старообрядческих общинах, чтобы исправить вековую неправду, — мы вас видели среди противников. А язвю, разъедающую сердцевину народной души, — вы проглядели!

Я замечал, что достижения больших жизненных благ ме-

нее всего склонны ими поступиться. Знаю: не всегда можно требовать героизма. Но есть этический минимум, обязательный для носителя власти. Есть моменты, когда *служить* означает другое, чем *прислуживаться*. Когда гражданский подвиг становится обязанностью. Под годами 1911-1912 русским летописцем будет записано: «В эти годы при обер-прокуроре Святейшего Синода Владимире Карловиче Саблере православная церковь дошла до неслыханного унижения!»

После этой-то речи и было промолвлено императрицей: *Гучкова мало повесить!* Он стал уже не политическим, а личным врагом императорской четы.

А Гучков всё с той же несдавленной шеей и всё ожесточаясь, запрашивал и выступал, и начал резкую кампанию против Сухомлинова. Это привело опять к дуэли, теперь с жандармским полковником Мясоедовым. (Среди гучковских дуэлей должна была быть одна и с Милоковым, за думское оскорбление, но благоразумно выскользнул из неё Милоков, «уже вспоминавший арию Ленского»). Гучков не дрогнул, и в апреле 1912 стрелялся с Мясоедовым на Крестовском острове. Однако, убивая противника политически, из револьвера он не целился, — а сам появился в Думе с подбинтованною рукой под бую думских аплодисментов.

Гремели речи его по стране, и, казалось — всё от них менялось в государстве.

А не менялось — ничего. Непробиваемой бесчувственной стеной всё так же высилась Верховная Власть — и брало отчаяние, что нет таких сил — пробить в ней окна для света и сквозняка. Да полно, бы ли тот Манифест, или только оставил память о поспешивой царской трусости? И сама партия октябристов — бы ли а ли (скоро «партией потерянной грамоты» назовёт её вождь правых Щегловитов)? Как будто — была, если составляла устойчивый центр 3-й Думы. Но при выборах в 4-ю, осенью 1912 года, партия потерпела поражение, атакуемая и слева и справа (особенность центра), для левых — партия помещиков и крупной буржуазии, для правых — *октябри-христородавцы*. Потерпела поражение — и уже надо было усилиться фантазией и твёрдостью голоса, чтобы утверждать, что партия — *есть*. И больше всего тех усилий выпадало опять на Гучкова, истерзанного на предвыборных митингах (сравнительно с устойчивым думским положением, митинги-ухаживания за избирателями были ему унижительны), а после того — сенсация на всю Россию! — забаллотированного и своею Москвою, уже больше — не любимца, не кумира Москвы, переменчивая публика пошла перебирать дальше.

Ни правые, ни левые не простили ему его выступлений, его *средней* линии. Самой трудной линии общественного развития.

Ещё вчера ты считал свою партию и себя — Россией. И вдруг вы оказались совсем не Россия. Пробоина жестока, а понимание происшедшего долго не приходит. Человек никогда не постигает сразу смысла происшедшего с ним. Но когда изменяешь эти к успеху, к победе — мы, всё же, разбираемся в них быстрее. Трудней различить, что жизнь от вершинного плоскогорья сломалась

книзу, и это непоправимо, и хотя б ещё тридцать лет суждено ей тянуться, а только уже книзу и книзу.

Это поражение постигло Гучкова всего в 50 лет. Обескураженный, он не понял и не принял приговора. Он верил ещё в свои силы — сам повернуть судьбу и свою, и партии. Испытанное средство: он уехал на балканскую войну, там пробыл год. Он год осмысливал происшедшее — и понял как знак: изменить линию борьбы.

В сентябре 1913 в Киеве на открытии памятника Столыпину Гучков возложил венок и молча до земли поклонился. Своему убитому ровеснику, единомышленнику и сопернику он понимал верность как понимал, умерший снова бы удивился. В ноябре, непримиримый и неломимый, Гучков стянул конференцию своих расползающихся октябристов и представил им и стране — полный поворот свой деятельности:

Наша программа, осуждённая в Пятом году как слишком умеренная и отсталая, была естественным оптимизмом эпохи, лозунгом примирения. Это был торжественный договор между исторической властью и русским обществом, договор о взаимной лояльности. И русскому обществу не было бы оправдания, если бы в момент грозной опасности для государства оно отказало бы власти в поддержке.

Но борьба, в которой изнемог такой исполин, как Столыпин, оказалась уже совсем не по плечу его преемникам. Удержаться у власти можно только ценою самоупражнения. Манifest 17 октября формально не отменён, но — иссякло государственное творчество: ни широкого плана, ни общей воли, глубокий паралич. Общественные симпатии и доверие, бережно накопленные вокруг власти во времена Столыпина, в миг отхлынули от неё. Власть не способна внушить даже и страха. Даже то злое, что она творит — часто без разума, рефлекторными движениями. Правительственный курс ведёт нас к неизбежной тяжёлой катастрофе. Но ошибутся те, кто рассчитывает, что на развалинах повергнутого строя воцарится порядок. В тех стихиях я не вижу устойчивых элементов. Не рискуем ли мы попасть в полосу длительной анархии, распада государства? *не переживём ли мы опять Смутное Время*, но в более опасной внешней обстановке?

Примирить власть и общество не удалось. Неоправданной ошибкой было бы теперь продолжать разорванный властью договор.

История ли, действительно, поворачивается вокруг нас? Или мы сами бессознательно предпринимаем эти крутые повороты, руководимые отчаянием, что именно *мы* выброшены? Но когда это всё скажется и свяжется словами — выгладит как будто стройно. За что Гучков осуждал и ненавидел кадетов всего 6 лет назад, теперь оказывалось верно для октябристов, хотя строй государственный не изменился. Октябристы становились в затылок кадетам. Потерянный Гучков поворачивал на 180° и прекрасно доказывал, что это повернулись круглые стены карусели.

Когда-то, в дни народного безумия, мы, октябристы, подняли наш голос против эксцессов радикализма, — теперь, во дни безумия власти мы должны сделать предостережение власти. Перед грядущей катастрофой мы должны сделать последнюю попытку образумить власть. Дойдёт ли наш крик предостережения до высот, где решаются судьбы России? Заразят ли мы власть нашей мучительной тревогой? Выведем ли её из состояния сомнабулизма? Пусть не убаюкиваются внешними признаками спокойствия. Никогда еще революционные организации не были в таком разгроме и бессилии, и никогда ещё русское общество не было так глубоко революционизировано — действиями самой власти.

Так повернул Гучков, но поворачивать-то ему было некого, кроме думской фракции октябристов, в которую сам он уже не входил. И правое крыло октябристов и центр откололись. Только двадцатка левых октябристов поддержала Гучкова и назвалась прогрессистами.

Поворачивать было — некого. Россия — не поворачивалась. А сам Гучков проводил время более всего — в комиссии по переустройству водоснабжения Петербурга.

Может быть, действительно, он горячился и двигался суетней именно оттого, что был выкинут сам?

Ещё полный сил — и лишённый их приложения, такой же знаменитый на всю Россию — и вдруг никому не нужный, в отчаянии наблюдал Гучков малодушие политики не только внутренней, но и внешней. Не умели остаться с Германней в дружбе, как это нужно было им и нам, — но и стать супротив не умели как следует. Один мог быть смысл будущей войны — выбиваться к Константинополю, но именно Балканы, особенно Болгарию, отвратили от себя и потеряли в последние годы. У себя на петербургской квартире Гучков устраивал тайное свидание болгарского генерала и сербского посланника — мирить славянские страны. Инерция почти векового направления панславистской политики была так сильна над русскими умами, даже над реющим Достоевским, — Гучкову ли было выбиться из неё и понять, что слава России лежит только в её внутреннем развитии, а не во внешнем? У каждого времени есть свой потолок понимания, и Гучкову так же невозможно было отказаться от константинопольской мечты, как и Милокову, и всему Прогрессивному Блоку. Уже после сараевского выстрела Гучков горячился, беспокоился, что Россия не вступит в войну, и писал министру иностранных дел Сазонову:

Вот та — последняя ли? — ступень унижения, до которой мы фатально докатили благодаря малодушью государя... Я когда-то верил в вас, желая видеть на вас отражение хоть некоторых отблесков великой русской души Столыпина. Теперь я надеюсь, что переполнится же чаша терпения русского народа, и стряхнёт он вас от себя, сколько вас ни на есть.

(О, исполнится! И даже — через меру...)

Первый день войны Гучков увидел таким:

Что-то будет. Начинается расплата.

Война застала его на лечении, в Эссентуках. Он вырвался с первым же воинским поездом. На фронт! — но никакого не оставлено было ему места кроме Красного Креста. Гучков успел под Солдау, где случилась катастрофа Второй армии. И с той же Второй армией — рок номера? повторный рок людей, оставшихся в ней же? а верней беспросветная бездарность генерала Ю. Данилова («чёрного») — к ноябрю 1914 был снова почти в полном кольце псд Лодзью. Сохранялся ещё узкий коридор, судьба которого решалась. Но эвакуация раненых была отрезана прежде того, и Гучков принял решение остаться с ними, отстаивать их перед немцами и разделить их судьбу. Последним коридором, посылая с князем Волконским требования помощи, он писал:

Образовалась свалка раненых не менее 12 тысяч и при самых скудных средствах помощи. Нужда ужасающая: и в персонале, и в перевязочных материалах, в топливе, хлебе. Крепкий я человек, но и то трудно выдержать. Сегодня, 9 ноября, повидимому критический день и только чудо может спасти нашу армию. А с её судьбой связана судьба кампании, да и России. А всему виной та банда мерзавцев, которая засела наверху.

Всё же — разжали клещи, и Вторую армию в этот раз спасли. И в правительство, и в Думу Гучков писал ещё с фронта, вскоре и сам приехал в Петроград. С рассказом обошёл влиятельных министров. Каменная стена. Добился приёма у дворцового коменданта Сейкова: раскройте глаза государю! снимите Сухомлинова скорей, не будет военного снабжения! Бесполезно. Группе думцев — каледтам, центру и правым, он рисовал положение, как уже безнадежное. Никто и верить не хотел: чудит Гучков, как всегда, скандальной славы ищет. Все ещё были в очаровании своего июльского национального единения, а значит русская победа была обеспечена.

Только в начале 1915 проняло Петроград, что на фронте плохо. Надо было отдать Галицию и Польшу, чтобы правительство и корона достаточно перепугались, общество бы закипело, и Сухомлинов был бы заменён.

Во всей этой войне ощущая себя самым нужным России человеком, верней бы всего — военным министром, Гучков метался избыточно-лишним, никуда не пристроенным, русская судьба! С начала 1915 всё более понимая так, что правительство не сдрогнет, не сдвинется к лучшему, Гучков затевал «Военно-Промышленные Ксмитеты» для технического снабжения армии (кажется, верно рассчитывая, что на этом поле может опередить правительство). Нет, не в затылок кадетам! — теперь, напротив, опережая их в резкости, Гучков на сентябрьских съездах 1915 предлагал разогнанным думцам — внепарламентские способы борьбы! И — опять был жестоко отброшен, не выбран даже в депутацию от тех съездов. Прогрессивный же Блок, разумно сохраняя себя, ожидал нового созыва Думы.

Теперь всё развитие проходя раньше кадетов (сидя на карусели лошадкою раньше?), беспокойный Гучков ранее кадетов метался разорвать легальные отношения с проклятой пораженческой властью, а в 1916, ранее же кадетов, ужаснулся того, к чему призывал сам:

Наши способы борьбы обоюдоостры и при повышенном настроении народных, особенно рабочих, масс могут послужить первой искрой пожара, размеры которого никто не может предвидеть, ни локализовать.

Когда власть окончательно недоступна убеждению, а открытая общественная борьба с нею грозит сжечь и взорвать всю Россию, — то что же? что же? что же одно остаётся, как не скрытый, малочисленный энергичный дворцовый переворот???

К осени 1916 года замыслы и воля Гучкова всё более уставлялись только в это одно: в дворцовый переворот.

В. Ф. ХОДАСЕВИЧ

Жизнь В. Ф. Ходасевича представляет собой как бы образец современного «*poète maudit*»: бедность, болезнь, ссылка и страдание являются главными действующими лицами в его личной биографической драме. Но чувствуется, что без боли не было бы и поэзии, что недовольство «миром как он есть» играет центральную роль в создании поэтом «мира каким он должен быть», т. е. мира творчества.

Ходасевич родился в 1886-м году в Москве, в семье польского фотографа, переселившегося в Россию. Его мать была еврейкой, принявшей католическую веру. Польскую культурную традицию родителей, однако, не унаследовал молодой Владислав; он чувствовал себя как бы отдалённым от неё: «И вот мать наша, плача над нашим обрусением, над тем, что мы совсем ушли от Польши и католичества, постоянно... (упрекала нас) — «Вы вот совсем обрусели и говорить даже по-польски забыли, в костел не ходите, хоть давала я вам книги, и молитвам учила, всё ни к чему»..., — говорит он Ледницкому 30 лет спустя. Тема исключения из мира родителей, боязнь потерять мать сильно влияет на Ходасевича («Я часто задумывался, не подкидыш ли я»... «Я вообразил, что мама обо мне забыла, и вышла в противоположную дверь»... «Белый туман, и в этот туман уезжает пролётка, в которой сидят отец с матерью», — пишет он в своих воспоминаниях о детстве), и образ сиротства в его поэзии становится метафорой одиночества современного человека.

Слабое здоровье Ходасевича напомидало о себе всю его жизнь. Ребёнком он чуть не умер от опухоли во рту; его преследовала постоянная угроза чахотки; у него был туберкулёз позвоночника, из-за которого он провёл три месяца в гипсовом корсете; он страдал фурункулёзом; и в конце жизни его мучил рак, который и свёл его в могилу.

Четырёхлетним мальчиком Ходасевич страстно увлекался балетом, и это оказало очень сильное влияние на его юность. Для него театр стал символом волшебного мира призраков и сверхъестественных существ, чьё торжественное великолепие пробудило в его душе мечту об идеальной красоте. Когда он пишет, что «...театр был моей духовной родиной», чувствуется, что этим он заменяет утраченную духовную связь с родителями; что здесь,

в области искусства, сирота обретает свою родину. Мир искусства был для Ходасевича чем-то противопоставленным обыденному миру повседневности; в нём таилось мистическое обещание «иног бытия», где мелочи и страдания реальной жизни забывались в улыбке вневременного счастья: «...Я уже воображал себя на голубой лунной сцене Большого театра, в трико, с застывшей улыбкой на лице...» Мечтам о возможности стать танцовщиком, однако, не суждено было исполниться: «Лет с шести я стал хворать бронхитами и доктор объявил, что мои лёгкие не выдержат балетной учёбы». Физическая слабость не позволила ему стать актёром; реальная жизнь, таким образом, взяла верх, и мистическое бытие театрального мира сделалось для Ходасевича недостижимым. Потеря этого волшебного мира отзывается во всём творчестве поэта, и сама его поэзия представляет что-то вроде попытки вернуть его обратно.

Попыткой приблизиться к идеалу красоты является и франтовство молодого поэта: как будто обиженный безобразием и несовершенством настоящего мира, этим он стремится создать сферу совершенства, хотя бы замкнутую и ограниченную. «Я терпеть не мог дурно одетых дам, и любил гулять с Женей, потому что она была хорошо одета... Главное же — я сам стал настоящим франтом». Бодлеровский «*dandy*» со своей безупречной наружностью и изящными манерами, скрывающий пороки и недостатки природы с помощью блестящей одежды и косметики, представляет для Ходасевича пересоздание банального мира действительности художественным воображением. Это представление об идеале очень рано принимает для Ходасевича, как и для Бодлера, форму женской красоты («...во мне развились черты и наклонности женские... в балетных своих упражнениях я неизменно изображал танцовщицу, а не танцовщика»), и в его поэзии источником всего прекрасного в поэтической личности является «женское начало» души.

Из всего этого следует одно: импульс к преображению мира является соображением эстетического порядка. Сознание несовершенства мира вызывает в поэте мечту о «бытии ином», но в отличие от «миров иных» символистов, воображаемый мир Ходасевича основывается не на мистических, а на эстетических принципах. Поэт стремится преобразить действительность через своё искусство, создавая искусственное целое из раздробленных и кажущихся бессмысленными переживаний, превращая хаос безумного века в порядок и стройность вневременного мира поэзии. Ибо «иное бытие» Ходасевича, та сверхъестественная область,

в которой забываются бедность и болезнь, и разрешаются все земные загадки, — является миром творчества.

Тема искусства как осмысления и возвышения жизни играет большую роль как в поэзии Ходасевича, так и в его критической прозе, и «сознательный» характер его творчества (многие из его стихотворений носят оттенок «метапоэзии») резко выделяет Ходасевича из среды современных ему поэтов. Трудно приписать его поэзию к одной или другой литературной школе; он сам считал, что «мы с Цветаевой ни к чему и ни к кому не пристали, остались навек одинокими, «дикими»...» Определяющими же элементами его художественного стиля являются та классическая прозрачность языка и стройный порядок изложения, которые характеризуют и стихи Мандельштама и стихи Пушкина, любимого поэта Ходасевича. Для него поэзия представляет собой не романтическую «исповедь души», не простое воспроизведение мира переживаний,* а переработку этого мира: «Сам по себе «быт» в литературе... не имеет никакого отношения к задачам художественного творчества. Он играет вполне вспомогательную второстепенную роль, ни духа, ни смысла литературного произведения не определяющую» — пишет Ходасевич в 20-ых годах в газете «Возрождение». Для него суть литературы не в изображении жизни, но в преображении её в формальную красоту.

Стиль Ходасевича замечателен своей классической сдержанностью, которая противопоставляется мелодраме и преувеличенным эмоциям романтиков: даже описывая потрясающие явления современной войны, революции и бесчеловечности нашей эпохи, голос поэта остаётся тихим и спокойным. И, взамен, искусство как бы защищает его от безобразия и нелепости современного мира, приводит в порядок вопиющую бессвязность его жизни и ограждает его от хаоса двадцатого века.

Сам Ходасевич определяет свою литературную позицию следующим образом: «Родись я на десять лет раньше, был бы я сверстником декадентов и символистов... Я же явился в поэзии как раз тогда, когда самое значительное из всех современных течений уже начинало себя исчерпывать, но ещё не настало время явиться новому». Творчество Ходасевича, находившееся между «старым» символизмом и «новым» движением акмеизма, носит отпечаток обоих этих влияний. С одной стороны, поэт как бы чуждается реального мира страшных явлений, ища спасения в области чистой

* На эту тему см. полемику Ходасевича с Г. Адамовичем 1927-го года, в которой Адамович защищает «поэзию лирических эмоций»...

эстетики; но, с другой стороны, Ходасевич отвергает пустые мечты о «мирах иных» и непостижимых идеалах, так что идейный вектор его поэзии колеблется между «падением в себя» символистов и «возвращением на землю» акмеистов. Подразумеваемая тема стихотворений Ходасевича перекликается с вопросом заданным Фетом:

«Кому венец: богине ль красоты
Иль в зеркале её изображён?»

В ранних сборниках «Молодость» и «Счастливый Домик», Ходасевич отвечает на этот вопрос, кажется, так: «богине красоты», т. е. реальному миру; и в стихотворении «Брента» (из сборника «Путём Зерна») он повторяет и уточняет этот ответ:

«С той поры люблю я, Брента,
Прозу в жизни и в стихах».

(«Ни розового сада»,
«Тяжёлая Лира»)

«...уж ни слов, ни мыслей мне не надо,
И я смотрю как бы обратным взором
В себя»

(«Полдень»,
«Путём Зерна»)

И, в самом деле, эта внутренняя родина творчества и поэзии скоро становится для него единственным ему доступным убежищем от жизненных невзгод. В 1922-м году, в атмосфере тяжёлых лет послереволюционной эпохи, когда Ходасевич покидает свою земную (хоть и «заимствованную») родину, ему начинает казаться, что он всё больше удаляется от реального мира, и что ему остаётся лишь одно — «мировая культура»:

«России пасынок, о Польше
Не знаю сам, кто Польше я,
Но восемь томиков, не больше,
И в них вся родина моя.
Вам под ярмо поставить выю
И жить в изгнании, в тоске,
А я с собой мою Россию
В дорожном уношу мешке».

(1922)

Восемь томиков — это сочинения Пушкина; и автор «Евгения Онегина» становится для Ходасевича как бы символом вневременного братства писателей и поэтов всех времён и всех стран, в

цепи которого поэт чувствует себя «прочным звеном». Чувство солидарности с другими поэтами, и в частности с Пушкиным и Державиным, претерпевшими те же лишения и страдания, что и он сам, утешает поэта. Они становятся его «живыми собеседниками», родными душами, заменившими тех, кого он оставил в России; и потребность общения с этими «мысленными братьями» частично объясняет возрастающий интерес Ходасевича к критической прозе в 20-ых и 30-ых годах. Переход от поэзии к критике, однако, был для него сложным и трудным процессом, обусловленным многими соображениями, не последним из которых было двусмысленное положение заграничной русской литературы. Русскому писателю, живущему вне России, лишённому своей публики, окружённому людьми, говорящими не на русском языке, безусловно трудно сохранить русский характер своего творчества. «Сохранить язык и культуру», — пишет Ходасевич в 1927-м году, — «вот всё, что требуется от русского писателя на чужбине... Огромные трудности для молодого писателя таятся в неизбежности посреди чужой культуры — сохранить свою. Тут он встречает много явных и тайных соблазнов, много сил... стремящихся отклонить его с верного пути».

Для Ходасевича положение изгнанника усложняется тем, что сам материал его поэзии как бы ускользает от него. Жизнь, питавшая раньше его искусство, иссякла: революция 1917-ого года изменила облик бывшей России, и, переселившись на Запад, Ходасевич раз и навсегда отрезает себя от этого старого мира. К тому же, ему кажется, что современный мир духовно и физически распадается, растерзанный войной и слишком крутыми переменами в общественном строе. К новой жизни Ходасевич не может привыкнуть; мир ему представляется безысходным и страшным: превратить такой хаос в стройность и красоту поэзии он уже не в состоянии; скоро наступит молчание:

«А под конец узнай, как чудно
Всё вдруг по-новому понять,
Как упоительно и трудно
Привыкши к слову — замолчать». (1924)

Лишённый настоящего, Ходасевич пытается выковать свои стихи из прошлого, основываясь на воспоминаниях прежних дней, но:

«Воспоминанье прихотливо,
Как сновидение — оно
Как будто вещей правдой живо,

Но так же дико и темно
И так же, вероятно, лживо...» (1926)

Память изменяет поэту, как бодлеровскому «королю дождливой страны», по жилам которого текут «летейские воды», оставляя его художественно импотентным. Остаётся только тютчевское молчание.

Остаётся кризис русской литературы, который, по мнению Ходасевича, грозил немедленным разрушением всей литературной традиции страны. Советская литература, казалось, была намерена отвергнуть своё литературное прошлое, и, следовательно, вся ответственность за сохранение и продолжение этой традиции легла на плечи русских писателей в изгнании. Творческое зерно Ходасевича-поэта, может быть, умерло, но оно воскресло в Ходасевиче-критике. Между 1925-ым годом, когда он поселился в Париже, и его смертью в 1939-м году, Ходасевич написал больше трёхсот критических статей на разные литературные темы, ведущая среди которых — тема предстоящей гибели русской культуры, и необходимости, чего бы это ни стоило, спасти её. Советских писателей, и, в особенности, футуристов, он бранил за неуважение к прошлому, за разрушение литературной традиции: «После того, как было написано (Кручёных; М.С.) классическое «Дыр, бул, шыл» — писать уже было, в сущности, не к чему и нечего...» — пишет он в статье «Докльтированная Лошадь», — «...Маяковский на все эстетические «искания» наступил копытом».

С другой стороны, Пушкин становится для Ходасевича символом живой традиции 19-ого века, хранителем которой он чувствует себя. Уже в 1921-м году в своей речи «Колеблемый Треножник», Ходасевич предупредил об угрозе пушкинской традиции: «Тот приподнятый интерес к поэту, который многими ощущался в последние годы, возникал, может быть, из предчувствия, из настоящей потребности: отчасти — разобраться в Пушкине, пока не поздно, пока не совсем утрачена связь с его временем, отчасти — страстным желанием ещё раз ощутить его близость, потому что мы переживаем последние часы этой близости перед разлукой».

Но если дикость и нелепость происходящего в 20-м веке грозила разрушением эстетическим ценностям исторической культуры, Ходасевич и тогда знал, что «солнце русской поэзии», какие бы трудные ни настали дни, всё же не погаснет в сердцах пушкинских потомков: «О, никогда не порвётся кровная, неизбывная связь русской культуры с Пушкиным... Мы, как и наши

потомки, не перестанут ходить по земле, унаследованной от Пушкина, потому что с неё нам уйти некуда».

И для самого Ходасевича Пушкин остаётся путеводной звездой во мраке смутных времён: «Наше желание сделать день смерти Пушкина днём всенародного празднования, отчасти, мне думается, подсказано тем же предчувствием: это мы уславливаемся, каким именем нам аукаться, как нам перекликаться в надвигающемся мраке?»

Последние дни Ходасевича были трудны. С 1927-ого года он работал литературным редактором парижской эмигрантской газеты «Возрождение», написал биографию Державина и готовил (оставшуюся неоконченной) книгу о Пушкине. Всё это время, однако, он часто болел, голодал, и, что хуже всего, был отвергнут многими из молодых эмигрантов-писателей. В своих воспоминаниях об этом периоде («Курсив Мой», 1972), Нина Берберова пишет: «В роскоши европейской интеллектуальной жизни тех лет было не так просто отличить друга от врага и создателя от разрушителя... В этой атмосфере Ходасевич чувствовал себя одиноким (только теперь стало ясно, с кем он перекликается в европейском подъёме новой поэзии), считал, что время работает против него (а вышло наоборот). Пленник своей молодости, а иногда и её раб..., он проглядел много или не разглядел многого, обуянный страшной усталостью и пессимизмом, и чувством трагического смысла вселенной (последняя стадия перед чувством полной её бессмысленности), не имея уже сил взглянуть в ту сторону, где стояли его европейские единомышленники (впрочем — только частичные). Или, может быть, разрушенный российскими событиями, он сознательно закрылся от них, не веря им, отвернулся и замолчал?»

На смерть Ходасевича в 1939-м году откликнулась лишь маленькая группа близких к нему писателей (среди них — Набоков и Мережковский), и пренебрежение к его стихам и прозе, которое царит вот уже сорок лет, обусловлено во многом личной нелюбовью к Ходасевичу влиятельных эмигрантов-критиков 30-ых годов. Мы же можем надеяться, что начавшееся теперь переиздание произведений Ходасевича, послужит основанием к переоценке его творчества, и что его вера в будущее, высказанная в стихотворении 1917-ого года, окажется оправданной:

«Так и душа моя идёт путём зерна:
Сойдя во мрак, умрёт — и оживёт она».

Martin Sixsmith, Cambridge 1979.

Ц. Ф. ХОДАСЕВИЧ

ИЗ ЛИТЕРАТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

(Публикация и примечания Мартина Сикссмита)

Печатаемые здесь незаконченные и шуточные стихотворения относятся почти все к первым годам пребывания Ходасевича в Европе, сначала в Берлине и Саарове, затем в Сорренто, где он жил вместе с Горьким, наконец в Париже. Стихи записаны черными чернилами на отдельных листках или в рабочих тетрадях; большей частью над ними стоят дата и место написания, которые и воспроизводятся.

После смерти Ходасевича в июне 1939 года, архив его находился у его вдовы Ольги Борисовны Марголиной. В 1942 Ольга Борисовна была арестована немцами как еврейка и депортирована в Освенцим, где и умерла (в 1939 году она приняла крещение в Православной церкви). Несмотря на то, что квартира О. Марголиной была опечатана, Нине Берберовой удалось спасти архив. Переехав в США, она передала его на хранение профессору Михаилу Карповичу. По смерти его, в 1959 г., бумаги его перешли к сыну, Сергею Михайловичу, который и позволил нам ознакомиться с ними и дал разрешение на их напечатание.

М.С.

Лирические стихи и отрывки

**

Пыль. Грохот. Зной. По рыхлому асфальту,
Сквозь запахи гнилого мяса, масла
Прогорклого и овощей лежалых,
Она идет, платочком утирая
Запекшиеся губы. Распахнулась
На животе накидка — и живот
Под сводом неба выгнулся таким же
Высоким круглым сводом. Там, во тьме,
В прозрачно-мутной, первозданной влаге,
Морщинистый, сомкнувший плотно веки,
Скрестивший руки, ноги подвернувший,
Предвечным сном покоится младенец —
Вниз головой.

Последние часы

Чрез пуповину, вьющуюся тонким
Канатиком, досасывает он

Из матери живые соки. В ней же
Все запрокинулось, все обратилось внутрь —
И снятся ей столетий миллионы,
И слышится умолкших волн прибой:
Она идет не площадью стесненной,
Она идет в иной стране, в былой.
И призраки гигантских пальм, истлевших
Давным-давно глубоко под землей,
И духи птиц, в былой лазури певших,
Опять, опять шумят над головой.

Запекшиеся губы
И ангелов торжественные трубы
О, надо много солнца и лазури
Чтоб им процвести в твоей утробной мгле.
Должны взыграть все ангелы, все бури,
Чтоб человек родился на земле.
Кто б ни кричал в руках у повитухи, —
Трибун, поэт или простой тиран —
Все звездные над ним роятся духи,
И ангелы ликуя, кличут:

он наш!

И в ту лазурь, и в то былое время
Системой полушарий и шаров
Врезается — живот, небесный кров,
Младенца опрокинутое темя
И синева московских куполов.

Старик и девочка-горбунья
Под липами в осенний дождь.
Поет убогая певунья
Про тишину германских рощ.

Валы шарманки завывают;
Кругом прохожие снуют...
Довольно! рощи не бывают,
И соловьи в них не поют!

На свете только есть косица
Незаплетенная твоя —
Да то, что каждый день мне снится:
Кровавая судьба моя.

На свете только есть такое
Страдание, какое ты
Еще изведаешь, лихое
Дитя язвительной мечты.

Молчи берлинский призрак горький,
Дитя язвительной мечты!
Под эту дождливую зорькой
Обречена исчезнуть ты.

Шарманочка! Погромче взвизгни!
С грядущим веком говорю,
Провозглашая волчьей жизни
Золотожелчную зарю.

Еще бездельники и дети
Былую славят красоту, —
Я приучаю спину к плети
И каждый день полы мету.

Но есть высокое веселье,
Идя по улице сырой,
Как бы новоселье
Суровой праздновать душой.

Нач. 10.12.1922
Сааров

В этих отрывках нас два героя,
Незнакомых между собой.
Но общее что-то такое
Есть между ним и мной.

И — простите, читатель, заранее:
Когда мы встречаемся в песий час,
Все кажется — для компании
Третьего не хватает — вас.

Нач. 26.12.1922
Сааров

Он не спит, он только забывает:
Вот какой несчастный человек.
Даже [и во сне он] не смыкает
Этих воспаленных век.

Никогда ничто ему не снится:
На глаза все тот же лезет мир,
Нестерпимо скучный, как больница,
Как пиджак, заношенный до дыр.

Сааров,
28-29 янв. 1923

Помню, куртки из скрипучей кожи,
И запах изо рта...
А ей Богу, были мы похожи
На хороших, честных моряков.

Голодали, мерзли, — а
боролись.

И к чему ж ты повернул назад?
То ли бы мы пробрались на полюс,
То ли бы пошли погреться в ад.

Ну, и съели б одного, другого:
Кто бы это видел сквозь туман?
А теперь, как вспомнишь, — злое слово
Хочется сказать: Эх капитан!

Повернули — да осволочились,
Нанялись работать на купца.
Даже и не очень откормились —
Только так, по прибыли с яйца.

А купец-то нами помыкает,
(Плох сурок, коли попал в кликан).
И тебя не больно уважает,
И на нас плюет. Эх, капитан!

.....

НЭП.

Если б маленький домишко
Да вокруг него садишко,
Да в погожий бы денек
Попивать бы там чаек.

Да с супругой Акулиной
Да с дочуркой Октябриной
Д'на крылечке бы стоять —
Своих курочек считать.

Да у каждой бы на лапке
Лоскуток из красной тряпки —
Вот когда бы я сказал:
«Национальный идеал».

Не мудростью умышленных речей
Камням повелевал певец Орфей.
Что прелесть мудрости камням земным?
Он мудрой прелестью был сладок им.
Не поучал Орфей, но чаровал
И камень дикий на дыбы вставал,
И шел — блаженно лечь у белых ног.
Из груди мшистой первый рвался вздох.
Когда взрыдали тигры и слоны
Из каменной и из звериной тьмы
Тогда впервые вылупились — мы.

СЕБЕ.

Сааров, 1923

Не жди, не призывай, не верь.
Что будет — есть уже теперь.
Глаза усталые смежи,
О будущем не ворожи.
Но знай: придет твоя пора, —
И шею брей для топора.

Париж 28.7.24 г.

Мне б не хотелось быть убитым
Ни в пьяном уличном бою,
Ни пасть за родину свою
Подобно мужам знаменитым.

УТРО.

То не прохладно-утренний дымок подмосковных осенних туманов,
То не на грядку роняет листочки свои георгин;
Сыплются мне на колени, хрустя, лепестки круассанов,
Зеленоватую муть над асфальтом пускает бензин.

ЮМОРИСТИЧЕСКИЕ СТИХИ И ЭПИГРАММЫ.

НА СМЕРТЬ ТЕЙТЕЛЯ*

Макееву

На кифаре ли, на флейте ль
Будем петь печальну песнь —
Все равно наш бедный Тейтель
Превратился просто в плеснь!

В колеснице ли, в телеге ль
Повезут почтенный прах, —
Причитая, Соня Прегель
Побредет за ним в слезах.

Но — Макеев — ты об этом
Не горюй и плечь не горбь,
Ибо власть дана поэтам
Претворять в веселье скорбь.

* Тейтель, русский общественный деятель еврейского происхождения, проживавший в Париже.

Макеев Николай Васильевич, второй муж Нины Берберовой.

Прегель Софья Юльевна, поэтесса, после войны редактор-издатель журнала "Новоселье".

За душевной сильной мукой
Тризна тихая придет,
И крутым яйцом, и шукой
Подкрепит себя народ, —

И меж тем, как Тейтель в гробе
Будет слушать грустный марш,
Будет в сониной утробе
Перевариваться фарш.

И когда он превратится
В ровный, мягкий, сочный пласт,
Наша милая певица
Звуки дивные издаст.

*
**

Не могу Вас не воспеть я
Потому что мир земной
Вы три четверти столетья
Украшаете собой.

И чтобы голос мой был ярок,
Не звучал бы, как в гробу —
Подношу я вам в подарок
Эту новую трубу.

На 75-летие Софьи Ландау.*

АПАЛЛИНАЗМ.

«На Лая лаем лай! На лая лаем лаял...
То пес, то лютый пес! Поспел, поспел!» То спел
Нам Домодок, медок в устах тая. И таял
И маем Майи маял, маем Майи млел.

Ты, Демодок, медок (медовый ток) замедли!
Медовый ток лия — подли, помедли лить!
Сей страстный, сладный бред душе, душе не вред ли?
Душе, вдыхая вздох — паря не воспарить.

* Софья Ландау — мать писателя Марка Алданова.

НОЧЬ В ОТЕЛЕ СЕЛЬТИК.

Илье Горбатову* не спится
(Какой тут сон!?)
«Садиться или не садиться?»
Все шепчет он.

В досаде Ньюша суетится
(Она же блядь):
«Садиться мне или ложиться —
Прошу сказать!»

И Шайбинг (Алексей Иваныч)
Уж тут как тут:
«Ишь, подняли вопросы на ночь,
Спать не дают!».

Ты помнишь, что изрек,¹
Прощаясь с жизнью, седой Мельхиседек?
«Не привелось дожить, промолвил он сурово, —
До новой свадьбы Милюкова».²

Все изменилось под нашим зодиаком:
Уж Глебом стал Борис, а Вера стала раком.³

С тех пор, как стал Антоний в моде
Евлогий сумрачно глядел —

* Илья Горбатов, Ньюша, Алексей Шайбинг — персонажи из романа Н. Берберовой "Последние и первые".

¹ Первые две строчки — цитата из последнего стихотворения К. Батюшкова, написанного им в 1821 году перед психическим заболеванием. Библейский Мельхиседек никогда ничего не изрекал.

² Милюков Павел Николаевич (1859-1943) известный политический деятель, лидер кадетской партии, в эмиграции издавал ежедневную газету "Последние Новости".

³ Переиначенная цитата из Пушкина. Борис и Вера — Зайцевы. Уж "Глебом стал Борис" — намек на автобиографический роман Б. Зайцева "Путешествие Глеба".

И никого во всем приходе
Благословить он не хотел.*

Песчинка как в морских волнах,
Так он в Раисиных грудях.¹

Милюков: Gieb meine Jugend mir zurück! —²
Могилевский: Верни мне деньги, о Зелюк!
Где наши денежки, Зелюк?

Дарует небо человеку
Замену зол и частых бед.
Абрам Гукасов Казем Беку³
Дал восемь франков на обед.

Задумаешь его почтить эпиталамой
Выходит эпитафия. Вздохнешь,
За эпитафью примешься — и что ж?
Она звучит невольной эпиграммой.

* Последние две строчки переиначенная цитата из стихотворения Пушкина "Демон". Антоний Храповицкий митрополит († 1936), известный богослов, глава т. н. "Зарубежной Церкви".

Евлогий Георгиевский митрополит († 1945), назначенный патриархом Тихоном возглавителем западно-европейских русских церквей. О каком приходе в частности здесь идет речь мы не знаем.

¹ Раиса — Раиса Ноевна Блох, поэтесса, погибшая в 1943 г. в немецких концлагерях.

² "Верни мне молодость назад".
Могилевский, сотрудник "Последних Новостей".
Зелюк, издатель.

³ Пародийное использование стихов Пушкина.
Абрам Гукасов, крупный нефтяной деятель, издатель ежедневной газеты "Возрождение", в которой сотрудничал регулярно Ходасевич.

Казем Бек — один из возглавителей движения младороссов, в 50-х годах из США вернулся в СССР, где скончался в 1977 г.

Г.Л.: Среду и субботу
Я решительно отверг,
Но засел бы за работу
С наслаждением в четверг,
А потом и всем собором
Где-нибудь у камелька
Да сойдется пленный кворум,
И могучим грянет хором
Песню в память Дундука.

КУПЛЕТЫ.

Un vrai Viandox stimule et réconforte...*
Какие звуки! Да! Так вот зачем
На север шла латинская когорта
И в гальском стане реял надо всем,
Венцингеторикс, твой крылатый шлем!
Un vrai Viandox stimule et réconforte.

Un vrai Viandox stimule et réconforte.
Все истины вместились в сей одной.
Когда, кипя в чугунном чане черта,
Я из себя пушу бульон мясной,
Черт будет ей оправдан предо мной:
Un vrai Viandox stimule et réconforte.

Un vrai Viandox stimule et réconforte.
Он все дает: здоровый цвет лица,
И прыть в стихах, и прыть иного сорта.
Лелея в Мише мужа и певца,**
Вари Viandox, Раиса, без конца.
Un vrai Viandox stimule et réconforte.

* Viandox — мясной концентрат. «Настоящий Виандокс укрепляет и силы дает» — из рекламы.

** Михаил Генрихович Горлин (1909-1943), писатель, литературовед, муж Раисы Блох, как и она погиб в немецких лагерях.

ПИСЬМО К Р. БЛОХ

24-го октября

Милая Раиса Ноевна!

К сожалению не можем быть в Murat'e в пятницу — приглашены в гости. Не хотите ли перенести «выдачу» туда же, но в воскресенье? Может быть придет и Клара Соломоновна. Во всяком случае, поблагодарите ее очень. Будем очень рады Вас повидать. Целую Вас и сердечный привет Мих. Петр.

Ваш, Ходасевич.

Жалоба Амура.

Амур в слезах поэту раз предстал
И так ему сказал:
«Мой горестен удел: чуть сердца два взогрею,
Уж уступаю место Гименею».

Антон Мяукин.

Примеч. редактора к изданию 2035 года:

Черновик без пометок. Датируется предположительно 1974 г., когда поэтесса Р[оза?] Блох вышла замуж за д-ра медицины М[атвея?] Горлина. Чувствуется влияние Богдановича, Оцуа и др. классиков. Инверсия в 3-м стихе напоминает подобную же:

Взяли тыквы штуки три,
Чисто выдолбить внутри.
Руки всунет в тыквы две —
А одна на голове.

При жизни поэта не печаталось. Повидимому, в ней нашло себе выражение чувство безнадежной любви к Р[озе?] Блох, — чувство, как известно, послужившее причиной болезни поэта и рано сведшее его в могилу.

Из отзывов критики:

«...Г-жу Блох звали, очевидно, Раисой, как следует из текста письма, на которой находится автограф. Редактор мог бы это сообразить сам. В каких отношениях были Р. Блох, О. Ходасевич(?) и Антон Мяукин, нам, к сожалению, не удалось установить.»

Кн. Д. П. СВЯТОПОЛК-МИРСКИЙ О П. Б. СТРУВЕ

К 90-летию со дня рождения одного
и 110-летию со дня рождения другого

В этом году исполнилось сорок лет со смерти князя Дмитрия Петровича Святополк-Мирского (1890-1939). Он умер в советском концентрационном лагере на Колыме, и точная дата его смерти остается и до сих пор неизвестной (это относится и ко многим другим «реабилитированным» жертвам сталинских чисток). В небольшой статье о нем в советской «Краткой Литературной Энциклопедии» дан только год его смерти; ни день, ни место не указаны. Согласно принятой формуле, в этой статье (между прочим автор ее, Л. Н. Чертков, с тех пор стал эмигрантом и преподает русскую литературу в одном из французских университетов) сказано, что он был «незаконно репрессирован; реабилитирован по-смертно».

Только в прошлом году в Советском Союзе вышло первое после реабилитации произведение Святополк-Мирского — сборник его довольно односторонне подобранных литературно-критических статей, написанных после того, как он в 1932 г. возвратился в Советскую Россию. Сборнику предпослана вступительная статья М. Полякова, который дает не лишнюю интереса, хотя тоже тенденциозную, характеристику его, называя его «человеком сложной судьбы, трагических заблуждений, мучительных поисков», прошедшим «драматический жизненный и идейный путь», начавшим свою литературно-критическую деятельность в кругу идей т. н. английской «новой критики», под влиянием Т. С. Элиота, и закончившим ее как «один из видных советских критиков и литературоведов». При этом Поляков просто умалчивает — а сколько его читателей никогда и не слышало об этом! — о том, что свой жизненный путь Sv.-Мирский закончил в советском лагере и, насколько известно от некоторых других одновременных лагерных сидельцев, уже совершенно разочарованный советским строем. Рассказывая довольно подробно об активном и энергичном участии Sv.-Мирского в советской литературной жизни между 1932 и 1937 гг. (в 1937 г. он был арестован), Поляков ни словом не заикается об обстоятельствах смерти его, упоминая только в начале своей статьи ее год.

Жизненный и идейный путь Sv.-Мирского был действительно сложный и драматический. Сын одного из последних министров

внутренних дел доконституционной России, слывшего либеральным и пробывшего на своем посту совсем недолго в 1904 г., оставивший СПб. университет (и может быть, даже не закончивший его), чтобы стать кадровым офицером в одном из гвардейских полков; участник Белого Движения, в котором он, правда, сильно разочаровался; лектор русской литературы в Лондонском университете с 1922 по 1932 год; автор двухтомной «Истории русской литературы» на английском языке, которая в несколько сокращенном виде была переиздана в США в 1949 г., издавалась затем в дешевых карманных изданиях и, на мой взгляд, остается по сей час самым лучшим кратким обзором русской дореволюционной литературы на каком-либо языке; сотрудник таких высококачественных английских и французских журналов, как *Criterion*, *London Mercury*, *Echanges* и др., Sv.-Мирский увлекся в 20-х годах евразийством и сотрудничал в их альманахах и журналах; а затем марксизмом, написал книгу о Ленине (по-английски), а в 1930 г. стал членом Британской коммунистической партии, вынужден был подать в отставку как лектор университета и осенью 1932 г. вернулся в Советскую Россию. Здесь он пользовался вначале покровительством Максима Горького, который, например, заступился за него, когда вскоре после его возвращения советская печать обрушилась на него за его критический отзыв об одном романе Александра Фадеева. Позже у него произошло столкновение на почве одной его статьи о Пушкине с одним из виднейших тогда советских пушкинистов, Д. Д. Благим, и теми, кто стал на его сторону.* Что Sv.-Мирский кончит в Советском Союзе плохо, можно было сказать наперед, и я это говорил, когда узнал, что он уезжает в СССР, в 1932 г. Так вышло, что моя судьба оказалась связанной с ним: когда он подал в отставку, я, работавший тогда журналистом и переводчиком в Париже, получил приглашение занять его место в Лондонском университете. Я был с ним немного знаком еще с 1922 года по Лондону, где я прожил некоторое время по окончании Оксфордского университета, но после того мы с ним не встречались, хотя в 20-х годах в Париже были такие возможности (у Ремизовых, например). Приехав в Лондон в конце лета 1932 г., я раз совершенно случайно видел Sv.-Мирского перед зданием Школы Славяноведения в окне своего кабинета там: он, очевидно, приходил прощаться с кем-то.

* Я не буду касаться здесь существа этого спора между Sv.-Мирским и Благим. В своей статье «Проблема Пушкина» в т. 16-18 «Литературного Наследства» (1934) новоиспеченный марксист перегнул палку и оказался *plus marxiste que Marx lui-même*.

Св.-Мирский, будучи человеком очень талантливым, широко начитанным, разносторонним, был также, несомненно, человеком увлекающимся, капризным (этому много примеров можно найти в его писаниях), нестойким. Интересно, что Поляков в своем предисловии к недавно изданному сборнику статей отмечает (я этого не знал), что перед тем как сменить университет на армию незадолго до Первой мировой войны, он сменил несколько факультетов.

Сейчас один английский славист, д-р Джералд Смит, с которым мы вместе напечатали недавно открытую мной в архиве «Русской Мысли» моего отца неопубликованную статью Св.-Мирского 1922 г. о тогдашнем состоянии русской поэзии (см. нью-йоркский «Новый Журнал», кн. 131, июнь 1978), готовит книгу о Св.-Мирском, для которой давно уже собирает материал и в России и на Западе. Надо надеяться, что в связи с этим будут собраны и изданы и иноязычные литературно-критические статьи Св.-Мирского, разбросанные по разным журналам, и те его русские статьи раннего зарубежного периода, которые он печатал в «Современных Записках», в «Звене» и в других зарубежных изданиях. Здесь же я хочу сейчас сказать, пользуясь тем, что в наступающем 1980 году исполняется 90 лет со дня рождения Св.-Мирского и 110 лет со дня рождения П. Б. Струве, о том, что Св.-Мирский писал о моем отце. Близкого знакомства между ними не было, но в начале 20-х годов они, насколько я помню, встречались в доме А. В. Тырковой-Вильямс.

В 1923 г. Св.-Мирский напечатал в довольно распространенном английском ежемесячном журнале «Contemporary Review» статью под заглавием «Русский пореволюционный национализм». В этой статье он касался таких злободневных тогда явлений как «национал-большевизм» (Н. В. Устрялов), «сменовеховство» (газета «Накануне» и Г. В. Ключников и другие авторы сборника «Смена вех») и евразийство, к которому сам тогда еще не примыкал. Говоря о национал-большевизме и сменовеховстве, он вспоминал «Вехи», от которых последнее течение взяло свое название. Он характеризовал «Вехи» как продукт восстания некоторой части русской интеллигенции против интеллигентского правоверия — будь то во имя христианства, во имя философского идеализма или во имя государства и родины. К этой последней категории он относил П. Б. Струве, говоря про него, что он стал центральной фигурой в той части русской интеллигенции, которую вдохновляли патриотические и «имперские» идеи. Этой части интеллигенции Св.-Мирский даже приписывал роль (очевидно, идейную?) в подготовке войны, а также в отказе либеральной России в 1917

году заключить мир и в продолжении гражданской войны. Говоря о том, что П. Б. Струве был министром иностранных дел в правительстве ген. Врангеля, а потом одним из возглавителей Русского Национального Комитета, он называл его бесспорно самым главным политическим умом в русской эмиграции и писал: «Его образ мыслей совершенно свободен от того плоского патриотизма, который весь большевизм сводит к германским интригам или к еврейской жажде мести; он признает в русской революции продукт русской почвы и русского национального духа». При этом Св.-Мирский приводил даже параллель с Устряловым и говорил, что некоторые из последователей Струве могли бы, пожалуй, ожидать, что его любовь к идее государства и его имперские чувства могли бы побудить его примкнуть к Устрялову и начать проповедовать паломничество в коммунистическую Каноссу. Но он тут же продолжал: «Струве, однако, видел то, к чему Устрялов предпочел остаться слепым: он видел, что большевизм это не бессознательно-национальное государство согласно учению Устрялова, а совершенно сознательная международная и антипатриотическая организация, для которой Россия лишь этап на пути к мировой революции. Его не ослепляло рассуждение о том, что правительство, восседающее в Москве, тем самым является русским правительством. И он отверг то русское правительство, которое отвергло Россию. Он не отвергает Россию, а если Россия повинна в стольких преступлениях против себя самой, его отношение к ней можно уподобить отношению к любому человеку, когда тот пытался покончить с собой и все еще находится в смертельной опасности».

И дальше Св.-Мирский писал: «Но патриотизм Струве ничуть не мессианистический или метафизический. Он не закрывает глаза на то, что он любит Россию единственно потому, что он сам русский, и у него нет тенденции идеализировать все русское. В давнем споре между западниками и славянофилами Струве скорее западник; и все это делает его патриотизм вовсе не питательным для тех, чью жажду более крепкого напитка в виде дальше идущего национализма усилили недавние трагические события на их родине».

Тремя годами позже, в 1926 г., в своей книге «Современная русская литература», которая была вторым томом его общего обзора, но вышла раньше первого, Св.-Мирский упоминает имя П. Б. Струве много раз. Он называет его сначала блестящим представителем русского марксизма, а потом вождем национал-либерализма. А в подглавке о «Вехах» он дает краткую, но достаточно

углубленную характеристику П. Б. Струве: для него «Вехи», часто связываемые с именем М. О. Гершензона, книга именно Струве, ибо в нем нашла себе главное выражение политическая направленность «Вех». Св.-Мирский писал тут о П. Б. Струве: «Больше двадцати лет он был центральной фигурой в эволюции интеллигентских умонастроений: вождь легальных марксистов в 90-х годах и революционного либерализма в 1903-04 гг., он стал после революции 1905 года главой той части русской либеральной интеллигенции, которая была прежде всего патриотичной и русской и тяготела к приятию того империализма, который был в традиции императорской России со времен Петра Великого, отвергая в то же время упадочный и исключительный национализм преемников Александра II. После 1917 г. он был главной умственной политической силой антибольшевизма и сейчас является самым значительным политическим писателем среди эмиграции. Пропитанный и глубоким чувством и глубоким пониманием русской истории, он бесспорно — один из самых блестящих писателей нашего времени, и его короткие статьи представляют собой иногда шедевры сосредоточенной мысли и прямого выражения.* Хотя, поскольку он представляет собой живую и крепкую политическую силу, его остро ненавидят в широких кругах общественного мнения, включая даже его ближайших соседей слева (Милюкова и его старомодных, позитивистски настроенных радикалов), он будет признан, когда эти партийные чувства притупятся, одним из классиков русской политической мысли и политической литературы».

В 1933 г., вскоре после того как я начал преподавать в Лондонском университете, пользуясь в своих курсах учебником Святополк-Мирского, я послал отцу эту выдержку. В ответном письме мне он писал, что нашел ее «действительно интересной». И, вероятно, неожиданной. Книги Святополк-Мирского он не знал, но сравнительно незадолго до этого напечатал об издававшихся им альманахах «Версты» очень резкий отзыв — под заглавием, если не ошибаюсь, «Отвратная ненужность».

Сам Святополк-Мирский несколько раз сменял вехи и радикально менял свои взгляды, но, насколько я знаю, о П. Б. Струве он после 1926 г. больше не высказывался, если не считать двух коротких и чисто фактических фраз в книге о Ленине: о Струве как лидере «легальных» марксистов и об его участии в сборнике, который был конфискован за статью Ленина в нем.

* Первый том статей, написанных П. Б. Струве в эмиграции, выйдет в конце 1980 г. в издательстве YMCA-PRESS.

Судьбы России

ВОПРОСЫ ОБЩЕСТВЕННОСТИ

Прот. Александр ШИМЕАН

« НА ЗЛОБУ ДНЯ »

О Солженицыне и его обвинителях

1.

Ко всякому подлинному творчеству — писателя, художника, мыслителя — можно подходить двояко. Один подход соответствующий, я убежден, тайне и чуду творчества, состоит в усилии у с л ы ш а т ь или увидеть данное творчество в собственной его глубине и целостности, а потому и в его «уникальности», и, таким образом, расшифровать то, что всей своей совокупностью оно — и только оно — являет, о чем свидетельствует, что вносит собою в наше сознание, в нашу жизнь. Существует, однако, и другой, как бы обратный, подход и заключается он, прежде всего, в р е д у к ц и и творчества к априорным, т. е. вне его лежащим, категориям и идеям, выдаваемым за самоочевидные, не подлежащие ни уяснениям, ни пересмотрам. И вот, приходится с грустью признать, что именно этот второй подход имеет все бóльший успех в нашем мире, живущем, по слову русского философа Б. П. Вышеславцева, под двойным знаком: «Трагизма возвышенного и спекуляции на понижение».

Эта мысль пришла мне на ум при чтении, один за другим появляющихся, как в русских, так и не русских изданиях, вариантов, хотя и разными людьми составленного, но единого по духу «обвинительного акта», предъявляемого сейчас Солженицыну. Ибо больше всего поразила меня в этом акте направленность его, как раз на р е д у к ц и ю, на «сведение» Солженицына к готовым словесным штампам. Вот главные из них: Солженицын — вождь «новой русской правой», антидемократ, антизападник, изоляционист, враг правозащитного движения, враг свободы прессы, националист, идеализирующий старую Россию, ненавистник Февраля (а не Октября), хулитель Америки, проповедник русского

православного мессианизма... Список можно было бы продолжить, но и этого перечисления достаточно, я думаю, чтобы убедиться в «массивности» обвинения. И то, что в одних «вариантах» мы находим выражения вроде «Хомейнизм» и «национал-большевизм», а авторы других действуют мягче, с нюансами, оговорками, скорбью, вопрошаниями, ничего не меняет по существу. Цель у всех одна: низвести автора **Архипелага ГУЛаг** с пьедестала, на который вознес его «культ личности» и представить на суд мирового общественного мнения таким, каким, по всей вероятности, по «нутру» своему, он всегда и был: примитивным националистом-реакционером, «авторитаристом» и безнадежным анти-западником. Главное же — предупредить мир: **Солженицын опасен...**

В этой короткой статье я не собираюсь «защищать» Солженицына, он в защите моей не нуждается. Пиша ее, я думаю не столько о нем, сколько об его обвинителях. Меня волнует вопрос — от куда эти обвинения, это стремление свести Солженицына к готовым и заезженным штампам? Откуда эта, столь очевидная, неспособность, или нежелание, услышать в творчестве Солженицына то, что, с первой же встречи с этим творчеством, мною — но, конечно, не мною одним, воспринято, услышано было, как самое главное в нем? То, что делает его именно «уникальным» и по отношению к чему только и можно, я убежден, правильно понять и все другие его «измерения»? Иными словами, цель моя в том, чтобы, хотя бы кратко, уяснить сущность этой «реакции на Солженицына», реакции притом не с Запада, а от его же, Солженицына, соотечественников, дышавших одним с ним воздухом, выросших и живших под одним с ним небом.

И вот мне кажется, что сущность эта и раскрывается лучше всего в том методе, которым пользуются обвинители Солженицына, и который я называю методом редукции. Только при помощи такого метода под обвинительный акт, предъявляемый Солженицыну, можно подвести кажущееся — и не только читателям, но, я полагаю, и самим обвинителям — объективным основание. Для этого требуется, во-первых, «разбить» творчество Солженицына, изолировать в нем, одну от другой, различные «темы» — Россия, Запад, свобода, и т. д. А во-вторых, «свести» каждую из них к готовой, общепринятой, «штамповой» терминологии. И вот облик Солженицына как «анти-западника», «националиста», врага свободы и правозащитного движения и впрямь становится убедительным. Метод редукции, повторю еще раз, потому так и популярен в наши дни, даже в науке, что пользуясь им, можно всё что угодно свести к чему угодно. Можно Евангелие

свести к Марксу, Достоевского — к Фрейдю, Россию — к Ивану Грозному и Малоте Скуратову, а Солженицына — к «Хомейнизму» и «национал-большевизму».

Отсюда первый важный вывод: метод редукции нужен и им пользуются тогда, когда такой редукции — сознательно или бессознательно хотят. Хотят же ее, вопреки тому, что мы привыкли думать, совсем не одни казенные пропагандисты тоталитарных идеологий. Хотят ее, хотя, конечно, по-другому и исходя из других предпосылок, все те, чье сознание, чья мысль — в плену у неизмеримо более глубокой «редукции». Редукции уже не «текстов», а самой реальности — мира, человека, науки. Такая редукция, употребляя собственную ее терминологию, может быть «правой», «левой», «демократической», «националистической», «либеральной» и т. д. Но психологическая и, глубже, духовная сущность у всех них всегда одна и та же. Это — аркан, брошенный на реальность будь то прошлого, будь то настоящего, будь то будущего. Это — чтение мира и всего в мире — при помощи в один цвет окрашенных очков, это, каждой такой редукции присущая, **своя** система страхов и подозрений, запретных вопросов и тем. И это потому — всегда и неизбежно — **сведение** к себе, к своим категориям, к своему видению мира, всего того, что говорят, пишут, творят, защищают, являют — «другие».

Увы, именно такую редукцию не трудно распознать в основе обвинительного акта, предъявляемого Солженицыну. Именно она, с одной стороны, не позволяет обвинителям услышать в его творчестве то, что я называю главным в нем и о чем буду говорить ниже. А, с другой стороны, заставляет их инстинктивно воспринимать это творчество как опасное, разрушительное для тех убеждений, для того миропонимания, вне которых — утверждают они «*nulla salus est*»... Отсюда — желание во что бы то ни стало **свести** солженицынское «чтение» России, Запада, мира, человека, чтение, изложенное им на тысячах страниц — к карикатурно-упрощенной и банальной схеме.

Из многих возможных примеров приведу один. Солженицын признал, что, хотя в первоначальном замысле его «узлов», его «художественного исследования» как нарастания, так и сущности русской революции, центром тяжести предполагался Октябрь, в процессе работы он осознал необходимость коренного пересмотра Февраля и создавшихся вокруг него легенд и мифов. Пока что из этого огромного, четырехтомного труда доступны нам всего лишь несколько «предфевральских» глав. Но вот реакция на них, и какая окончательная, безапелляционная! — в одном из обвини-

тельных актов: «...вот они лозунги: все беды от Республики, от демократии. Не стремитесь к ним, не поддавайтесь на обман отравленных Западом либералов! и для подкрепления вывода — рассказ о том, как эти гнусные либералы подтачивали Россию и как ее защищал Марков 2-ой, глава Союза Русского Народа, печально известного черносотенной, погромной идеологией и практикой... **Чтобы знали люди, кто их настоящий друг**». (подчекнуто мною. А. Ш.). В этой реакции примечательнее всего то, что в ней ни слова не сказано о том, верен или неверен сам рассказ Солженицына и, если неверен, то в чем именно. Что — подтасованы в нем факты, искажены или замолчаны чьи-то слова, неправильно процитированы источники? Или еще проще — лжет или не лжет автор **Архипелага ГУЛаг**? В том-то и все дело, однако, что не это важно для обвинителя. Важно, опасно, преступно — само солженицынское прикосновение к **запретной теме**, само это святотатственное намерение **пересмотреть Февраль**, который, поскольку шел он под знаменем демократии, **должен** считаться явлением положительным, тогда как **Октябрь** **позволено** (да и то сравнительно с недавних пор и далеко не всеми критиками советского режима) рассматривать как явление отрицательное... И потому — пальба из всех пушек, из коих самая сильная, конечно, это имя, одно только и названное из дюжины упоминаемых Солженицыным, Маркова 2-го. Не для того ли, хочется спросить, чтобы хоть как-то пристегнуть это имя и «черносотенную, погромную идеологию» — к имени и идеям Солженицына?

И так почти во всем. Солженицын действительно подвергает страстной критике западную демократию, западную прессу, и, *horrible dictu*, многое в западной «практике» свободы. У обвинителей Солженицына, однако, эта критика как-то почти незаметно превращается в **отрицание** им прав и свободы. Ведь вот, разоблачая солженицынский «национализм», обвинители оговаривают, что они не против здорового национального чувства как такового, а только против «других» его последствий. Но почему же, спрашивается, другие последствия, искажения, слабости и злоупотребления невозможны и в демократии, и в свободной прессе и в пользовании свободой? Разве Гитлер, например, не самым что ни на есть демократическим путем пришел к власти? Но нет, тут у обвинителей всегда две мерки. Если речь идет о России, о национальном чувстве, о православии — тут все одни сплошные «опасности». А если о февральской демократии, о слепоте западной интеллигенции или о злоупотреблениях свободой

— здесь под подозрение и под обвинение немедленно берется само вопрошание, сама критика. С марксизмом, вот, нужно спорить вежливо, ибо, по словам В. Н. Чалидзе, «дискуссия с теорией должна вестись также теоретически: одна ссылка на практику нынешнего коммунизма и его зверства (уж не три ли тома **Архипелага** названы здесь «ссылкой»? И разве кроме «нынешнего коммунизма» существовал в прошлом какой-либо другой? — А.Ш.) не может опровергнуть теории Маркса». А зато для редукции солженицынского творчества к зловещей «опасности» достаточно, повидимому, нескольких цитат, нескольких поспешных обобщений и, наконец, «чувства, что работа (Какая? — А.Ш.) ведется (кем? где?) во имя его идей...».

2.

Все сказанное приводит нас к тому, что выше я назвал **главным** в солженицынском творчестве, к тому внутреннему его стержню, вне которого не понять по-настоящему, я убежден, ни единства его, ни силы, ни подлинного смысла. Это главное — опыт небывалого, неслыханного **духовного кризиса**, в который стремительно погружается современное человечество; опыт, пережитый и осознанный Солженицыным с исключительной силой и по отношению к которому — как противостояние, как противодействие ему — созидает Солженицын свое творчество. Не увидеть, не услышать, не почувствовать это — и не только в поистине «эпохальном» **Архипелаге ГУЛаг** (не случайно же воспринятом всем миром, как книга не об одной России, а и о судьбе человека и человечества), но и в **Раковом Корпусе** и в **В Круге первом**, мне кажется просто странным, и если это нужно доказывать, то тогда, как говорил покойный В. В. Вейдле, «не нужно доказывать». Суть же этого кризиса — в отрыве современного человека от того **высокого** самопонимания, от того знания им своей духовной природы, которыми плохо ли, хорошо ли (чаще плохо, чем порошо), но жил человек на протяжении веков и которыми — несмотря на все свои падения, измены и преступления, мерил себя и свою жизнь. В отрыве этом — и для нашей темы это особенно важно подчеркнуть — не только тускнеют, но и извращаются те действительно высокие и священные ценности: **личность, свобода, права**, в нечувствии или даже в отрицании которых обвиняют Солженицына. Извращаются потому, что только из этого «высокого самопонимания» они родились и только в нем раскрывается их подлинный смысл. Они не **снизу**, а **свыше**, и если от

этого свыше отрываются и становятся «самодовлеющими», то неизбежно начинается их разложение. Откуда личность, откуда права, откуда свобода? И в чем же их сущность? К этим вопросам, как к стенке приперт наш мир, уже веками самого человека выводящий не свыше, а снизу, сводящий его к той «природе», в которой ни личности, ни свободы, ни прав нет. Приперт и все равно отказывается их слышать и презрительно от них отмахивается. Вот Чалидзе поучает: «что касается обязанностей, то отстаивать их нечего: коль скоро они предусмотрены законом, дело власти следить за их исполнением». Вот и все. Никаких вопросов нет. Как будто Солженицын, призывая — наряду с правами — вспомнить и об обязанностях, имеет в виду уплату налогов или правила о переходе через улицу, а не те высокие обязанности, что неотрываемы от сущности человека, а потому и от сущности прав, и без которых права эти рано или поздно начинают восприниматься, как гоголевское «миру не быть, а мне чаю пить». Как аксиому очевидную всем «изучавшим и понимающим существо идеи права», Чалидзе провозглашает, что «смещение прав и обязанностей логически бессмысленно» (подчеркнуто мною — А.Ш.). И не чувствует, конечно, что утверждение это с предельной точностью выражает саму сущность того духовного кризиса, о котором без усталости свидетельствует Солженицын.

Логически! Но логически в тысячу раз бессмысленнее свести человека — как это делает наша современная цивилизация — к экономическому, биологическому, историческому, социологическому, и всем прочим «детерминизмам снизу», и в то же время утверждать за ним свободу и права, неизвестно откуда взявшиеся, ибо в «детерминизмах» этих места им нет. И именно эта хрупкая, ибо — повторяю — «нелогическая» связь между двумя взаимоисключающими утверждениями о человеке распадается в наши дни и этот распад и лежит в основе переживаемого нами духовного кризиса. Он начался не вчера, не с марксизма. Однако именно марксизм в ы я в и л то основное противоречие, которое, как медленно действующий яд, определило собою всю диалектику западной цивилизации, начиная с Возрождения и затем Просвещения. Вожди Просвещения еще знали, что именно для обоснования свободы и прав человека необходим хоть минимум «трансцендентности». Но когда, под ударами самообожествившего себя рационализма, рухнул их расплывчатый и безжизненный «деизм», то противоречие стало очевидным. С ним, с этим нелогичным дуализмом, и покончил Маркс своей теорией, покончил и с лич-

ностью и с правами и со свободой. Неужели, хотя бы для нас, русских, это еще требует доказательств?

Что, однако, повидимому все еще требует доказательств — это то, что на вызов этот, брошенный нашей правовой и свободолюбивой цивилизации, ответить ей, в сущности, нечего, пока сама она продолжает жить той самой «редукцией» человека — исторической, биологической, экономической — из которой, как растение из семени, вызов этот родился и созрел. Нечего ответить потому, что при принятии этой редукции простое утверждение и провозглашение «прав» оказывается подвешенным в воздухе, ничем не обоснованным, в буквальном смысле слова — г о л о с л о в н ы м, а сами эти права, как уже сказано выше, начинают как бы «размываться», сводиться либо к голому эгоизму все сильного «потребителя» («миру не быть, а мне чаю пить»), либо же к коллективным требованиям всевозможных групп (даже когда эти последние ничего не требуют, как в Швеции, например, где недавно принят закон о праве детей р а з в о д и т ь с я с р о д и т е л я м и !) В. Н. Чилидзе, отвечая Солженицыну, успокоительно заверяет его, что, нет, «защита прав личности до крайности не доведена, напротив, и в западном обществе эта область права развивается и будет развиваться». Неужели же он не видит куда идет это развитие «прав», оторвавшихся от своей духовной и нравственной основы, от того понимания и видения человека, из которых они возникли? Неужели он не видит, что именно этот отрыв делает «свободный мир», при всей его несомненной любви к свободе и к правовым нормам, духовно, именно духовно — б е с с и л ь н ы м перед «искушением тоталитаризмом» (Ж. Ф. Ревель), искушением, не позволившим на протяжении полустолетия, да еще и сейчас не позволяющим западной интеллигенции распознать смертельную опасность — для свободы, для прав, для личности — марксизма. Ведь не на Востоке, а на Западе, долготелный вождь и «совесть» западной интеллигенции, Ж. П. Сартр определил марксизм, как «l'horizon indépassable» («непреодолимый горизонт») человеческой мысли — и это после Ленина, после Сталина... Ведь с е й ч а с, слушая — с соболезнованием и симпатией — вопли из порабощенной восточной Европы, демократические и п р а в о з а щ и т н ы е французские социалисты сердятся и сетуют на французских коммунистов не за то, что они — тоталитаристы, а за то, что они разбили «единство левой» и не дали ей придти к власти... Но даже когда западная интеллигенция — со всевозможными реверансами и оговорками — «откладывает в сторону» марксизм, даже и тогда она остается в

плону у убеждения, что только на почве, взрыхленной марксизмом, вырастает, наконец, желанное, но загадочное общество с не менее загадочным «человеческим лицом»...

Все это не «политика». Все это зловещие симптомы одного всеобъемлющего духовного кризиса, суть которого, на последней глубине его — как раз в страшном, трагическом затемнении **человеческого лица**, в отрыве человека от духовной его сущности и назначения и именно в я в л е н и и этого кризиса, а также в подвиге его преодоления — г л а в н о е в солженицынском творчестве. Обвинители Солженицына отделяют его «литературные и гражданские заслуги» от его «политических взглядов» и заявляют, что ложными и опасными считают только эти последние. Я убежден, однако, что само различие это — ложное, есть плод той же «редукции», о которой я говорил в начале этой статьи. Выражение «политические взгляды» я считаю к Солженицыну неприменимым. Он не один из тех писателей, которые помимо чисто «художественных», имеет еще и отличные от них, «политические» взгляды. Он — писатель, творец, художник в с е щ е л о и н е д е л и м о не только в своих литературных произведениях, но и в речах и статьях во всем — вплоть до простого «делового» письма. То, что он считает себя призванным сказать, явить, воплотить — он говорит, являет и воплощает всегда, и я прибавлю — только, своим писательским даром. А это значит, что ни одну часть его творчества, ни одну статью, ни наделавшую столько шума Гарвардскую речь, ни письмо Вождам, нельзя искусственно выделить из целого и свести ее к «политике». Ни одна из этих частей не с а м о д о с т а т о ч н а и не с а м о д о в л е ю щ а, ни одна не может быть по-настоящему услышана вне этого целого и главного. Главное же, я повторяю снова и снова, это тот всеобъемлющий духовный кризис человека и человечества, который всем своим творчеством я в л я е т нам, и из глубины которого он обращает к нашей слепой и самодовольной цивилизации свой, всей жизнью вымученный вопрос: **камо грядеши?** Этому вопросу ни западная интеллигенция, ни, повидимому, безоговорочно примкнувшая к ней часть интеллигенции русской услышать не х о т я т или, плененные своими грезами, не м о г у т. «Солженицын, — писал в 1975 году виднейший французский публицист Раймон Арон, — вызывает смятение и возмущение, потому что он бьет по самому чувствительному месту западной интеллигенции, т а м, г д е о н а л ж е т...».

3.

Мое, крайне упрощенное, почти что к прописям сведенное, определение г л а в н о г о в Солженицынском творчестве, ни в коей мере не противоречит его всецелой и страстной — от любви, от боли, от жалости, **обращенности к России**. Обращенности, которую обвинители его, уже как будто просто по привычке, по невозможности думать иначе, **сводят** к утробному «национализму», к русскому «мессианству», к «изоляции» и т. п. Но где, когда, в каких произведениях Солженицына они все это вычитали и так перепугались? По мне, например, коренное отличие солженицынского «национализма» от почти всех других и состоит в полном отсутствии в нем двух мер: одной для своего народа и другой для всех других. Вопреки знаменитой тютчевской строчке, Солженицын мерит, оценивает, разгадывает и объясняет Россию при помощи «общего аршина», того самого — духовного, нравственного, к правде отнесенного, с которым подходит он ко всем народам и ко всему миру. Ничто не бичует он с такой силой, в своей нобелевской лекции, как «разницу шкал» — не позволяющую «создать человечеству единую систему отсчета — для злодеяний и благодеяний, для нетерпимого и терпимого...». Мессианизм? Но где найти у него хоть одно слово о каком бы то ни было специальном «избранничестве» русского народа и России, о какой-либо, якобы извечно присущей ей, всемирно-спасительной миссии? Вот в ответ на вопрос о том, в какое будущее России он верит, какого желает ей, он говорит: «слово провидение не хочется употреблять всуе. Произнося это слово — вступаешь в область торжественную. Я — убежден в присутствии Его в каждой человеческой жизни, в своей жизни и в жизни целых народов. Только мы так поверхностны, что вовремя ничего не можем понять...». Далее — о русском народе: «я — верю в наш народ на всех уровнях, кто куда попал. Не может быть, что 1100-летнее существование нашего народа в какой-то, еще неизвестной нам форме, не пересилило бы 60-летнего оголтения коммунистов.» И, наконец, о России: «я вижу ее — в **выздоровлении**. Отказаться от всех захватных международных бредней — и начать мирное, долгое, долгое, долгое — **выздоровление**. Что же это — слова, вера, надежда «мессианиста»? И з о л я ц и о н и з м? У Солженицына, призвавшего мировую литературу отражать «растущее духовное единство человечества»? Сказавшего: «**внутренних дел** вообще не осталось на нашей тесной Зем-

ле! И спасение человечества только в том, чтобы всем было дело до всего: людям Востока было бы сплошь безразлично, что думают на Западе; людям Запада, — сплошь безразлично, что совершается на Востоке?»

Стоит ли продолжать? Не очевидно ли, что за вычетом всех этих **выдуманных** преступлений, остается, в конце концов одно невыдуманное. И «состав» его в том, что Солженицын **любит Россию**. В том, что признает многое в ней, в ее прошлом, а также настоящем, заслуживающим любви, восхищения, верности, сохранения, благодарности. В утверждении, что в «старой», царской России жилось лучше чем под советской властью. В отрицании догмата, согласно которому, все хорошее в России всегда шло с Запада, а все плохое — от самой России. В разоблачении лжи, выводящей большевизм из самой «сущности» России. И, наконец, в ужасающем, по своим опасным последствиям, утверждении, что истоки России, ее истории, ее культуры, ее жизни — неотрываемы полномочиями).

Тут можно поставить точку. Ибо обвинительный акт предъявляется здесь уже не Солженицыну, а самой России, с нею сводятся касается меня, то Солженицына я считаю единственным, кого в касается меня то Солженицына я считаю единственным, кого в наши дни можно — *mutatis mutandis* — сравнивать с ветхозаветными пророками. Они тоже были всецело обращены к своему народу и к его судьбе, его обличали за измены, его утешали, его призывали на путь раскаяния и исцеления. Но вот, спустя много тысяч лет, их слова жгут нас, как если бы они обращены были сегодня к нам, к нашему народу, ко всему миру. И это так потому, что и любовь их к своему народу и само их пророчество укоренены были в высокой, духовной, вечной и всемирной правде о человеке и о мире. Ей служили они, служа своему народу и его призывая к этому служению. Это же, с благодарностью Богу, можно сказать и о Солженицыне.

декабрь 1979.

Никита СТРУВЕ

О ДЕМОКРАТИИ И АВТОРИТАРИЗМЕ

(заметки на полях выступлений А. И. Солженицына)

За последние месяцы Александр Солженицын подвергся необоснованным нападкам со стороны целого ряда представителей третьей эмиграции. Е. Эткинд,¹ В. Чалидзе,² А. Синявский,³ каждый по-своему, направили свой полемический задор на то, чтобы дискредитировать в глазах Запада того, кого огромное большинство людей считает не только великим писателем, но и совестью России. Нападки, сведенные к лозунгу-ярлыку («Солженицын хочет русского айатоллу»), не вызваны никакими недавними выступлениями самого Солженицына, в лучшем случае их можно рассматривать как запоздалый, увы не отклик, а окрик на Гарвардскую речь или на интервью, данное БиБиСи к пятилетию со дня изгнания.

Казалось, на фоне общемирового кризиса, при усилении репрессий в СССР, у эмиграции должны были бы быть задачи более срочные и более насущные, чем охаивание своих же. Самое прискорбное в этой кампании не столько ее грубость и необоснованность, сколько нежелание, неспособность вести общественно-политический спор по существу.

Ясно, что А. Солженицын не обладает непогрешимостью мнений (он на это и не претендует), ясно, что даже его единомышленники в главном не во всех частностях согласны с его высказываниями. Но несогласие, пусть и в главном, еще не дает права на брань, на клеяние позорных ярлыков. Парадоксально, что к этому недостойному методу прибегают как раз те, кто рядится в «либеральные» ризы, кто самого себя причисляет к лагерю все-терпимых демократов.

В своих, теперь уже многочисленных статьях и речах, Солженицын поставил существенные вопросы с достаточной систематичностью и ответственностью, чтобы ответом на них были не окрики и не личные выпады, а свободное обсуждение **в глубь**. В «Вестнике РХД» вот уже более двух лет появляются главы из будущих **Узлов**, в которых начинает вырисовываться политический идеал Солженицына. До сих пор никто из оппонентов Сол-

¹ «Le Monde» 11 июня 1979 г., «Die Zeit» от 28.9.1979.

² «Новое Русское Слово», (Нью Йорк).

³ А. Синявский. New York. Review of Books, XXVI, 18, oct. 1979.

женицына не дал себе труда проанализировать эти политико-общественные этюды, подвести им итог. Уж не будем говорить о том, что автор «Ракового Корпуса» и «Архипелага ГУЛаг» имеет право на уважение со стороны своих соотечественников, особенно тех, кто делит с ним горечь изгнания. Не так богата Россия мировыми авторитетами, чтобы относиться к ним с пренебрежением или легкомыслием.

Не перебранки, площадной и дешевой, а спора, вдумчивого и лояльного, заслуживает Солженицын.

Чтобы положить почин этому обсуждению, попытаемся свести политические высказывания Солженицына к двум наиболее спорным пунктам:

— Солженицын несомненно недолюбливает демократическую форму правления и для России будущего предпочел бы власть более сильную, более авторитарную.

— Наряду с недоверием к демократии, Солженицын озабочен с о д е р ж а н и е м общественно-политического строя, и, в связи с этим, придает большое значение религиозному возрождению, намечающемуся в России.

Прежде всего, надо допустить, во имя либерализма, и возможность критического подхода к демократической форме правления. Крупнейший политический мыслитель XIX века, убежденный либерал и первый теоретик демократии, Алексис де Токвиль (1805-1859)⁴ предупреждал о великих опасностях в ней таящихся. Демократия не идол, и даже не идеал, а факт; не общеобязательная форма правления, а одна из них, быть может для настоящего дня и при определенных условиях наименее худшая.

Во-вторых, следует различать демократию общественную и демократию политическую. Эти два понятия не тождественны.

Общественная демократия — непреложный факт новейшей истории, не обязательно связанный с формой правления. Общество может стать демократическим в смысле ослабления или даже исчезновения социальных перегородок между различными группами или классами, при авторитарном режиме. Авторитарный режим, в частности монархический — все равны перед монар-

⁴ Первые две части его капитального труда «De la démocratie en Amérique» вышли в 1835 г. Успех их был чрезвычайен как во Франции так и во всей Европе. После появления двух последних частей в 1840 г., Токвиль был избран во французскую Академию. В последние годы жизни он работал над книгой о французской революции «L'Ancien Régime et la Révolution». Посмертно появились его воспоминания. Книги о демократии и о революции были переведены (даже дважды) на русский язык.

хом — в иных случаях способствует демократизации общества. Пушкин считал Романовых революционерами, разумеется не политическими, а общественными, и горько на это сетовал. По мнению историка-свидетеля Пьера Паскаля русское дореволюционное общество при последнем монархе было куда более демократическим, чем французское общество при третьей республике. Есть основание думать, что быстрое установление равенства без привычки пользоваться политической свободой и привело Россию (как в XVIII в. и Францию) к революции и тирании.

Демократизация общества, в смысле уравнивания условий жизни, неизбежна и необратима. Всеобщее образование, всеобщая воинская повинность, достижения техники, быстро становящиеся общедоступными (у каждого машины, радио, телевизор, завтра — компьютеры) или медицины (возможность ограничивать деторождаемость), неминуемо ведут к уравниванию образа жизни (это не значит, что достижимо полнейшее равенство: в современном мире люди побогаче обладают благами прежних нищих, — большим количеством земли, воздуха, тишины, а кто победнее ютятся в шумных, безвоздушных и бессолнечных городах). Можно сколько угодно жалеть, оплакивать демократизацию общества, но никакая власть, пусть самая мощная, не способна остановить этот процесс, тем более обратить его вспять. Частные или групповые протесты молодёжи часто коренятся в отказе от этой принудительной уравниловки, от общеобязательных условий и норм жизни. Волнения 1968 года были по сути анти-демократическим движением, и лишь по недоразумению облекались в лево-политические формы, которые эту демократизацию только торопят. Но протесты эти обречены заранее, в частных случаях они приводят к выпадению из общества, к маргинализации, в общественных движениях — к прокладыванию дороги тоталитаризму. Более успешную, хотя для государств и не менее опасную форму протеста против уравниловки представляет обострение п а р т и к у л я р и з м о в, этнических или религиозных. Бретонцы, корсиканцы во Франции, баски в Испании готовы на убийства ради признания их права жить отдельно, быть иными. Исступленное возрождение Ислама в Иране, помимо уродливых конъюнктурных черт, питается именно отказом от демократической европеизации страны, которую насильно и не слишком умело проводил шах. Но и оно обречено, ибо идет против истории и, на самом деле, против тайного желаяния большинства самих иранцев.

*
**

Демократизация общества породила демократическую форму правления, которая покоится на формально-равном участии всех, путем выборов, в управлении страной. Демократия родилась в Соединенных Штатах, где существует без примеси и без смены вот уже два столетия. В Европе демократический строй на протяжении лет сменялся диктатурами, подвергался острым кризисам или уживался с остатками старых форм правления (монархией, аристократическими институтами и т. д.).

Критика Солженицына демократических форм правления сводится к трем следующим пунктам: 1. Демократия уязвима, бессильна, особенно перед лицом тоталитаризма. 2. Она несправедлива и случайна, поскольку заменяет общее согласие законом математического большинства. 3. Она — бессодержательна, ибо лишена всякого трансцендентного идеала.

Упрёк в бессилии не нов, и, в значительной мере, оправдан. В истории бывают кризисные моменты, когда требовать формальной демократии — безрассудно. Вряд ли теперь кто-нибудь будет спорить, что в феврале или в июне 1917 года России нужна была не демократия, вылившаяся в керенщину, а просвещенная, твердая военная диктатура. Нелепо, что союзники, в частности англичане, во время гражданской войны, подчиняли свою помощь требованиям демократизации правительства адмирала Колчака. В случае (маловероятном) падения большевистской власти, после 60 лет тирании, вряд ли возможно и даже желательно установление демократической формы правления. При такой неподготовленной смене демократия и впрямь будет бессильна перед освобожденными стихиями.

Но демократическая форма правления, особенно та, что основана на многопартийной системе, бессильна и сама по себе. Отсутствие единой власти, частые смены правительства, невозможность найти устойчивое большинство привели четвертую французскую республику к полнейшему тупику (недалеко от этого состояния находятся современная Италия и молодая Португалия). И только вмешательство исторического и прирожденного вождя де Голля (противника, как и Солженицын, партийной системы) спасло Францию от разложения. Во французскую демократию была вспрыснута немалая доля «авторитаризма», которая, кстати сказать, изначально присутствовала в американской модели.

Власть большинства — основа демократии. Но почему и в какой мере большинство имеет право навязывать свои взгляды, свою политику меньшинству? Нет ли опасности, что большинство останется глухо к нуждам и пожеланиям меньшинства? Так ста-

вит вопрос Токвиль, который видит в законе большинства нечто нечестивое. Есть нечто безобразное в том, что иной раз вопросы жизненной важности решаются незначительным перевесом голосов. Так, во Франции смертный приговор Людовику XVI в 1793 г., или установление республики в 1870 г. были проголосованы парламентом большинством в один голос.

Однако несправедливость власти большинства в демократиях чаще кажущаяся, чем реальная, поскольку эта власть ограничена и в своем действии и во времени. Чтобы оставаться большинством, власть вынуждена считаться с меньшинством, и бывали случаи, когда правая власть исполняла часть программы левых (обратное встречалось реже). В любой момент большинство может стать меньшинством и уступить свое место. Многопартийная система в данном случае способствует, путем союзов между партиями, мобильности большинства. А в некоторых демократиях власть большинства ограничена снизу федерализмом (Германия, США: в Германии каждая провинция имеет свой парламент и свое региональное большинство), сверху единоначалием, либо символическим (безвластный монарх) либо реальным (президент с полномочиями).

Солженицын высказался в пользу «авторитарной формы правления», как более эффективной, но нигде не уточнил, как она должна возникать и в каких формах протекать.

Во избежании недоразумений, необходимо четко разграничить авторитаризм и тоталитаризм: между этими двумя системами лежит бездна. Авторитаризм, как сильная власть, склонен ограничивать некоторые политические свободы, но как правило, все остальные свободы оставляет неприкосновенными. Тоталитаризм притязает на **все** человека, навязывает ему целостную систему жизни и мыслей, лишает его, в первую очередь, внутренней свободы. Авторитарные формы правления не только способны, но отчасти призваны смягчаться. Так диктатура Франко, жесткая и жестокая в первые годы после гражданской войны, стала постепенно расширять сферу свобод и без всяких потрясений, после смерти вождя, перешла в подготовленную им же конституционную монархию.

Главная проблема авторитаризма заключается в происхождении власти. По природе своей он отрицает или предельно ограничивает выборное начало и закон большинства. Обыкновенно, он возникает в периоды кризисов. Спасительный или роковой вождь выдвигается обстоятельствами, гражданской войной, переворотом... Но кто гарантирует доброкачественность авторитар-

ного правителя, тем более опасного, что он обладает большой властью? Греческие полковники, захватившие власть с наилучшими намерениями оздоровить страну, оказались бездарными правителями... Как наладить контроль авторитарного правителя? Выборным парламентом, способным его сменить? Но тогда мы возвращаемся к демократической системе. Если контроль не влечет за собой санкции, то его действенность ничтожна. По замыслу авторитарная власть прочна, несменяема, и в этом ее и заслуга и опасность: как показывает история человечества власть по природе своей возвращает его носителя. Остроумно выразился Токвиль: всевластие не опасно только Богу, так как только Его власть совершенно соразмерна Его благодати и мудрости (у людей наоборот, власть разъедает и благодать и мудрость...)

Того же порядка в авторитаризме проблема передачи власти: монархия — наследственна (но наследственность мыслима только при монархии как власти сакральной, полученной свыше), диктатор же, как правило, лишен преемника, и авторитарная система редко его переживает (Салазар, Франко).

Итак мы можем согласиться с Солженицыным в признании преимуществ «авторитарного строя» лишь в определенных, кризисных моментах, когда сильная власть призвана спасти страну от анархии или грозящего ей тоталитаризма. Авторитаризм был естественен в средние века, при большом неравенстве между гражданами, когда высшая власть монарха ограничивалась сверху Богом, снизу крепкими сословиями (в частности, аристократией) и со всех сторон традиционными правовыми устоями. В наши дни авторитарные системы неизбежны в странах с отсталым развитием, где образованный класс — меньшинство (смешно требовать от африканских стран демократий западного типа), а в странах развитых они желательны лишь в кризисные, переходные моменты. Однако доля авторитаризма и единоначалия должна присутствовать и в демократических формах правления, иначе им грозит гибель от бессилия.

*
**

Наиболее существенный упрек Солженицына касается «бессодержательности» демократии: здесь бывший капитан Советской армии и поселенец ГУЛага, узнавший демократию на 55 году жизни, сходится с аристократом-либералом Токвилем, посетившем Америку полтора года назад 27-летним юношей...

«Странно видеть, — писал Токвиль, — с какой лихорадочной ревностью американцы гонятся за благополучием и как они обеспокоены полусознанным страхом, что они не выбрали кратчайший путь к его достижению».

Эти черты молодой американской демократии распространились в XX веке на весь западный или озападный мир. Равенство ведет к практическому материализму, который «не возвращает души, но размягчает их и бесшумно расслабляет все пружины» (Токвиль). Солженицын Токвиля вероятно не читал, но его критика расслабленного Запада почти дословно его повторяет. У Токвиля Солженицын мог бы почерпнуть еще целый ряд наблюдений о бессодержательности демократии. Главным ее злом Токвиль считает атомизацию общества: равенство порождает индивидуализм, нет общего дела, каждый ограничен сферой своего личного бытия.

Вопрос о «содержании» власти очень не простой. Он связан с неуклонным процессом секуляризации всей жизни. И тем не менее, если взглянуть на политическую карту мира, то нелегко найти вполне секуляризованное государство: коммунистический тоталитаризм — теократия на выворот, власть получает свою легитимацию от верности идеологии, которая преподносится как окончательная и общеобязательная истина. Абсолют низведен на землю в область разума и отождествлен с государством-историей. У тоталитаризма вопрос «содержания» власти не ставится: она сплошь содержательна, только содержание ее мнимое, пустое, отчего и действует оно вхолостую (на 60 году существования власти вся культура оказалась вне или противогосударственной). Наряду с теократиями «мира сего», олицетворяющими зло, нарастают теократии мусульманских стран, исполненные фанатической ненависти к демократиям, как к продукту западного христианского мира.

Что демократия христианского происхождения — не подлежит сомнению, хотя бы потому, что христианство провозгласило абсолютное равенство всех и каждого перед Богом. Как политическая форма правления, демократия создана протестантскими обществами, которые взбунтовались против папского абсолютизма. Однако понятие авторитета у протестантов только ослаблено, а не упразднено. И в протестантских странах Европы демократии уживаются с монархическим принципом, связь с религией не расторгнута, наоборот Церковь продолжает быть неотделенной от государства (в той мере в какой сама Церковь демократизировалась). Для президента Соединенных Штатов Библия эмблема той

высшей власти, перед которой он ответственен. В католических или смешанных странах рождение демократии всегда сопровождалось кризисом авторитета: смена империй и республик во Франции, колебание между диктатурой и анархией в Испании и Италии, расслабление до предела секуляризированной французской четвертой (да и третьей) республики и т. д. Правомерен вопрос: жизнеспособно ли вполне секуляризированное, автономное государство? Чтобы не стать богоборческой или не распасться, не должна ли власть так или иначе восходить к Богу? (Тот же вопрос ставится и в морали: до сих пор не доказана возможность построения автономной этики без связи с высшим источником ценностей).

Когда Солженицын утверждает, что западная форма демократического правления не подходит России, он в известной мере прав: «Рядом с каждой религией находится политическое воззрение (или мнение), которое с ней по сходимости сопряжено» (Токвиль). Выражаясь политически, Православие менее демократично, чем протестантизм, но и менее авторитарно и единодержавно, чем католичество. Православие выработало в средневековье идеал симфонии между гражданской и духовной властями, которые более или менее успешно взаимно ограничивались. Рассуждая несколько абстрактно, Православие склонно к смешению демократических и авторитарных начал. Не случайно Россия имела выборную в своих истоках монархию: Хомяков всегда гордился «демократическим» происхождением династии Романовых. Однако, все православные страны, по тем или иным причинам, потерпели историческое крушение (за исключением Греции, которая выбрала путь обычной секуляризированной демократии после неудачной попытки монархии и диктатуры).

В гипотезе крушения коммунистической власти, насколько православные народы сохранят своеобразие своей исторической традиции или насколько им ее вернет религиозное возрождение, сказать трудно...

Мечта Солженицына о русском государственном строе отличном от западной демократии одновременно реальна и утопична. Демократическая форма правления не подготовлена ни историческим прошлым России, где неравенство положений уравновешивалось соборным началом, ни её настоящим, в котором достигнуто полное равенство в рабстве... Переходная военная или технократическая диктатура вероятно затянется. Какой выйдет Россия из всех испытаний предвидеть невозможно. Навсегда испорченной советской сивухой? Соборно-православной? Американизированной?

ванной? Вернее всего, она будет неорганическим сплавом этих трёх основных компонентов...

Над содержанием настоящей и будущей России следует уже сейчас задумываться и работать. Ведь за нее предстательствует вся русская культура от Владимира Святого до преподобного Сергия Радонежского, от Рублева до Пушкина, Достоевского и Ахматовой. Забота Солженицына о том, какая по сути будет Россия, насущна: без религиозного наполнения не продержаться ни русской культуре, ни русской государственности.

Какова бы ни была форма правления, демократия с той или иной примесью авторитарности, или авторитаризм, смягченный законностью и свободой, (идеальной государственной формы правления нет, в этом убеждении сходятся и Токвиль и Солженицын-Варсонофьев), остается над ними незабываемая правда либерализма, как соблюдения основных прав и свобод человека: свобода передвижения, выбора, мысли, совести. Не случайно марксизм, не верящий в совесть, назвал эти свободы формальными, сведенными на нет экономическим неравенством. Но в свою очередь, чисто формально, включил их в свои конституции, хотя и не намерен их соблюдать, так как общеобязательная доктрина исключает свободу выбора.

В свободе личности заложено от Бога самостояние человека. Внутренняя свобода духа всегда «божественного» происхождения. Вне религии нет свободной, неповторимой личности, нет нации, нет быть может и свободного государства. Политико-общественная задача как власти, так и каждой особи, охранять внутреннюю свободу, возгревать ее и претворять в личностном творческом усилии для общего блага и, а конечном итоге, для Царствия Божьего.

О. Сергей БУЛГАКОВ

ИЗ ДНЕВНИКА*

26.II (11.III). 1923.

День рождения Нелички. Первый день на чужбине. Господи, смогу ли я достойно благодарить Тебя за то, что ты дал мне спутницу жизни и благословил ею путь мой! Как неизреченно велико и как чудесно это благоденствие Твое! Что был бы я без нее всю мою жизнь и теперь, как я ее недостоин! И какой священный день сегодня! Но он совпадает с крестопоклонным воскресением — какое знаменательное совпадение! Вспоминается мне, как последний (1917) год в Москве ездили мы в этот день на богомолье к Троице, были в скитах и там провели благодатный день. А когда возвратились в Москву, получилось известие о начале революции, — роковые, мучительные дни, тоже была крестопоклонная неделя. Господи, забуду ли эти страшные роковые дни, когда одна весть обгоняла другую, кругом все ликовали, шумели и торжествовали, лишь я один носил черный мрак в душе. По слабохарактерности лишь на полчаса выдавил из себя изменническую радость, вслед за всеми, но в основе был безнадежно мрачен. Далее болезнь наследника, отречение Государя, церковная растерянность и свистопляска. Помню, как раз под прощенное воскресенье собрались у о. Николая Добронравова (ныне епископа арестованного) для обсуждения, как поминать на богослужении: то было именно к крестопоклонному воскресению. Тогда уже сразу наметились живоцерковные течения, как и обратные. Газеты уже грозили «попам», если они будут поминать Царя. Постановили **не** поминать (вот только не помню, было ли это **до** отречения, кажется, после). Таким образом, Россия вступила на свой крестный путь в день, когда перестала открыто молиться за Царя. Началась свистопляска: В. Львов, съезды, и доказались до теперешнего безвременья... Дочитал вчера письма Царицы, обрывающиеся на убийстве Распутина: та же бесконечная любовь (песнь песней!) и благочестие, и то же безумие: упорство, настойчивость и... Распутин. Выхода не было: революция была неизбежна. И никто не виноват: ни Они, ибо искренне хотели блага, ни те, которые их свергли, ибо такого управления (Рас-

* См. начало в «Вестнике» № 129, стр. 237.

путиным), действительно, **нельзя** было допустить во время войны... А в то же время совершен безмерный грех революции.

О Феде все нет вестей: я надеялся, что ко дню ее рождения будет что-нибудь о нем. Требуют турецкую визу, затруднения с высадкой и нет вестей. Беспокоимся о нем...

28.II (13.III). 1923.

Вчера была страшная роковая годовщина всероссийского греха и попушения Божия, — начала революции. Теперь яснее даже чем ранее, насколько революция в России была неминуема, но и насколько она была преступна. Принимать революцию — значит целоваться с сатаной, не принимать ее, как судьбину Божию и как историческое становление, слепо и бессмысленно. Вчера получено короткое известие в письме от Тани М., что бабушку выгоняют из дома. Меня это известие, если оно подтвердится, ужаснуло и наполнило скорбью: значит, рушится и наш священный старый дом, в котором мы жили и любили, венчались, хоронили, молились, — последнее родное место на земле. И как **она** переживет, — **не** переживет... И о Федичке нет ничего. Господи, помилуй их и твори волю Твою! Нет нам странникам родного места в этом мире...

4 (14).III. 1923.

На днях я имел прямой разговор на тему о соединении церковей с арх. Анастасием, очень показательный и значительный. Не только он занимает здесь абсолютно твердокаменную позицию, но и весь фронт всех русских епископов, клириков и мирян, всех восточных патриархов, которых он объехал, всех славянских церковей, — все это относится к католичеству с вековой, непримиримой враждой, и даже сама постановка этого вопроса, например, в церковном журнале, о котором так мечтает Гр. Н. Трубецкой, способна скомпрометировать (а так как я не могу согласиться обходить вопрос, то и журнал становится невозможен). Арх. Анастасий скопчески сух и «мудр», но он все-таки таков, что с ним можно разговаривать (пока не почувствуешь лично уязвленного архиерейского самолюбия, когда все они становятся недоступны внушению), а ведь с другими даже разговаривать об этом нельзя. Здесь нет для меня ничего нового, но это есть проверка того, что я и сам думал и непрестанно перед собою [неразб.]. За эти годы испытаний, которые меня так приблизили к соедине-

нию церквей, в них вообще-то не произошло никакого внутреннего движения, а в этом вопросе они заострились и ожесточились еще более. С ними нельзя об этом разговаривать, совершенно бесплодно и, пожалуй, даже вредно. Правда, за это время — увы! католики постарались: разные боевики и иезуиты, прозелитизм и католическая ревность, на каждом шагу и каждый день создают здесь мелкие уколы, недоразумения, обиды. Со стороны католиков, конечно, нет и мысли о **соединении** церквей (об этом думают по-настоящему, или только могут думать, один-два человека), они думают о воссоединении схизматиков и только облекают эту мысль в заведомо неточную, не отвечающую существу мысли форму. Есть неискренность и фальшь, если не в основном замысле, то в средствах. У меня был гр. Тышкевич (иезуит) и произвел на меня совершенно отрицательное впечатление: из всех, полученных за это время от католичества. Он все время валял со мной дурака (сам-то он не очень умен и по-польски противен), и при этом меня уловлял, так что я в отношении к нему должен был взять гораздо более непримиримый тон, чем это есть по существу. Так что он, кажется, во мне разочаровался. Но для меня стало несомненно, что **такой** человек, при всей похвальности его ревности, русских «сворачивал», — иначе это быть не могло с ним. Одним словом, это — не соединение, а уловление, и я вовсе не тот дурак, за которого они меня воображают. А ведь в Риме-то Тышкевичи и им присные сидят. И снова мучительно встает вопрос: почему же папство исторически равно иезуитству — (конечно, не догматически), почему? А это, при всей грандиозности своего духовного замысла и силе, это... не христианство, а это — умовая и волевая энергия, направленная к высокой цели, но ставшая механизмом, словом, это уже государственность духовная, в которой нет **личного** Христа, но вырабатывается волевой, напряженный идеализм. Неужели? Словом, Тышкевич поселил во мне [неразб.] сомнение в правоте моего теперешнего уклона. Я до сих пор считал, что Дост.[оевский] совершенно неправ и сам «идеалистичен» в Вел. Инкв., и теперь я невольно спрашиваю себя: неужели же я ошибаюсь в этом роковом вопросе? Что в полном объеме Д-ий неправ в своей концепции церкви, это очевидно, но это и неважно. И затем возникает более общий вопрос: соединение церквей означает реальную наличность соединяемого, востока и запада церкви Петра и Иоанна, для католиков вообще не существует ни это и, ни какое бы то ни было, и для них исторически и мистически это есть **облатинение**. Пусть теперь это имеет более тонкие формы, — восточный обряд признан и

даже предписан (хотя все трудности и недоумения относительно этого остаются), но если при этом произойдет иезуитизация церкви, это и будет в церковно-историческом и культурном смысле облатинение. Ведь «восточный обряд», т. е. вся молитвенная жизнь вост. церкви, родится и живет в определенных настроениях, вдохновениях, чувствах, в которых **нет** и нет места папизму с его знойной, всеохватывающей музыкой души (о как мне памятен этот зной! Я-то знаю, что молиться с папой есть нечто совсем иное, чем молиться **без** папы). И как же этот «восточный обряд» одной энцикликой себе можно присвоить, обратиться в католический? Не есть ли это только большая спиритуализация одного духовного содержания, которое уже не боится отделения от своей собственной формы, уверенная в себе, что и в другую, чуждую, она не менее внедрится? Здесь, конечно, со стороны католиков идут формально неопровержимые умовые аргументы о том, что обряд этот сложился **до** разделения (верно!) и имеет свою законную силу папским распоряжением, и это верно. Однако верно и то, что разделение церквей совершилось **до** разрыва их: историческая церковь, греховное человечество, оказалось не в состоянии вместить полноту Петра и Иоанна (да еще и свободу Павла) и раскололось по этой линии, и потому таким роковым, безнадежным и мучительным и выглядит этот раскол. И, конечно, не по исторической случайности и географическому соседству Россия вошла именно в восточную церковь: здесь пути Промысла исполнились путем мистического притяжения и отталкивания (неужели же Россия не могла бы десятки раз облатиниться, если бы это к ней **шло**, а между тем всегда попытки к этому вызвали дикий протест). Да и теперь мы испытываем все-таки тяжелое и болезненное чувство при всякой вести о **переходе** в католичество, в этом чувствуется какая-то **измена** святине, да и в результате получается, действительно, облатинение, нечто недолжное, противоестественное (а между тем, этого, и только этого, хотят от нас о.о. Тышкевичи). И в этом отношении пример Вл. Соловьева оставляет впечатление двусмысленное, саднящее в душе. Конечно, в его время вопрос был совершенно платонический и теоретический, он стоял несравненно проще, легче, безтрагичнее, чем теперь, в эпоху общей русской трагедии. Затем он был все-таки безответственный мирянин, литератор, но не церковный деятель. Но его тайный переход в католичество, с применением *reservatio mentalis* при последней исповеди (от католиков я не раз слышал, что папа мог разрешить или даже предписать ему своей *plena potestas* таить об этом переходе даже от духовника) есть какая-то

трагическая неудача, разумеется, не личная, но историческая, вековое бессилие, в котором я, священник, теперь, в более поздний час истории, обретаюсь. Еще раз: речь идет о **соединении**, о «мире востока и запада», а это есть нечто, существенно иное, чем только уния. И поразительный факт: уния не удается, вопреки всему, вопреки тому, что ум, дарования и историческая наука на стороне унии: так было в Лионе, во Флоренции, так это продолжается и теперь. И это потому, что в самом религиозном сознании, в богословствовании, есть существенный изъян, в нем, строго говоря, не остается места соединению. А между тем два центра церкви, две возможности воцерковления указаны в Евангелии: церковь Петрова и Иоаннова, о чем хорошо знал Соловьев, который «папизм» противопоставлял вселенской церкви. Рядом с приматом Петровым в Евангелии более нежными, неуловимыми, но все же внятными чертами указано особое, тоже исключительное место ученика, «его же любляше Иисус», Иоанна: о нем сказано **последнее** слово в Евангелии, что не умрет, если хочу, и ему вверена Мать, а он Ей сыном. И если обращения к Петру, имея личный характер, должны быть поняты как сверхличные, как интронизация св. Петра, то, ведь, и личное вверение пресв. Девы Иоанну имеет и сверхличный характер — установление Иоаннова обладания церковью. При всегдашнем католическом внимании к текстам и евангельским чертам (вслед за Соловьевым они охотно подсчитывают, сколько раз упоминается в Н. З. Петр и сколько Иоанн, но в этом **сколько** имеются и крестные слова, за сколько раз надо их считать? И если бы определять этим методом, то спросим: сколько раз упоминается в Евангелии Пресвятая Дева? Конечно, менее [неразб.] апостолов), они не останавливаются на этом тексте, устанавливающим, вместе с другими, **два обряда** бытия церкви, — Петровой и Иоанновой, иерархического послушания и внутреннего обладания. И всегда эти два мотива борются между собой, — это и есть историческое разделение церквей. Догматически нельзя признать, чтобы власть Петрова распространилась и на Пресв. Деву, была **вне** 12-рицы апостолов и выше ее, Она сама была Церковь. Но Иоанн имел ее в доме своем и потому на него ограничивалась власть Петра, почему Петр, как бы испытывая границы своих полномочий, спрашивает и о нем: «сей же что?» а Господь мягко отклоняет его вопрос: не твое дело, что к тебе? Эту тайну церкви Иоанновой прозирал и Вл. С-в, п. ч. именно об этом говорят его «три разговора». Но для этого надо подвигнуться твердыне Рима, сознать себя только **западом**, только поместной церковью, хотя и блюдущей в себе ключи Пет-

ровы, но не превозношающейся пред церковью Иоанновой, имеющей Богоматерь в доме своем. Я уже не говорю, что православию нужно освободиться от своих убогих концепций и своего поместного самосознания и почувствовать влечение к Петру. И тогда будет мир востока и запада. Возможно ли это в истории или выходит за ее пределы? Несомненно, в отдельных душах, как в той так и в другой церкви, оно содержится. Какой же практический вывод? раньше унии **сближение**, оно возможно и теперь, в нас и через нас. И да будет вселенское христианство! [Церковь **апостольская** означает учиненная и ведомая в духе 12-рицей с ап. Петром с ключами и ап. Иоанном, хранителем Богоматери и любимым учеником: и тот, и другой, приводит с собою связь с 12-ю. Но в какой мере ап. Петр **передал** своим — допустим, бесспорным, на самом же деле спорным — заместителям **всю** полноту **своего** примата, что можно не без оснований оспаривать? В такой же, или аналогичной, как и все апостолы передали иерархии свои полномочия, однако без **личной** благодатности. Стало быть, основной догмат папизма подлежит пересмотру].

10 (23).III. 1923.

За это время получили письма из Крыма. Вопли и стенания. Бабушка мечется и умирает от тоски по нас и не может умереть. Невольно думаешь, за что же, почему на изнемогшие старческие плечи лег такой тяжелый крест и она должна уходить из мира в таком мраке? Нет и не может быть человеческого ответа, — вечно повторяющаяся трагедия Иова, без идиллического примиряющего конца (который меня всегда шокирует в св. книге, написано для профанов, готов сказать почти: для пошляков: хочешь во что бы то ни стало благополучного конца, вопиешь, а весь **смысл** и величие трагедии Иова в ее неразрешимости: да и молчаливая ирония скользит в эпилоге св. книги: новые жены и дети, как будто их можно переменить как стада или забыть?) А вот и новый Иов готовится к мученической кончине: злодеи дерзнули посягнуть и на св. патриарха, эти дни готовится для него «суд»... Он давно готов к мученичеству и к нему бестрепетно пойдет, как новая, чистая, святая жертва за Русь, подобно царской семье, вознесенной на всероссийский жертвенник... Иногда у меня в голове рождается безумная мысль: а что если бы патриарх был выслан за границу, — с **ним-то** можно было бы говорить (не то что с этими тухлыми архиереями), и он был бы достоин говорить с папой как равный... Наивные, глупые мечты! И большевики не

настолько безумны, да и здешние пауки посадили бы его в Карловцы, и его именем покрывали бы все свои действия... Господи, укрепи его на мученический подвиг, укрепи и нас малодушных. Корчится в предсмертных конвульсиях российский удав — Ленин, второй Иуда! Боже мой, как страшно, как темно у этого одра, «лучше не родится человеку сему». А в то же время думаешь и знаешь: тебе ли судить его, имевшего «безумство храбрых», способность принять историческую ответственность, от которой малодушно и трусливо всю жизнь уклонялся. И право не знаешь, — на весах вечной правды Божией (а не справедливости, так сказать, педагогической) что лучше: Иуда ли, дерзнувший совершить свою безумную мысль, хотя на дне ее всегда таилась осина и веревка, или ученики, которые «бежаша», а один трижды отрекся. Ведь могло быть и так, что его отречение явилось бы решающим показанием, предательством, а не невинным разговором с служанкой на дворе, и тогда... во что превратился бы князь апостолов? И невольно хочется молиться около этого страшного мрака, о зарезанной и замученной им России, и... о мучителях... Безумная мысль: м. б., Русь спасется тогда и тем именно, когда она станет молиться о мучителях своих... Ездил с Сережей в церковь Богородицы Живоносный Источник (пятница на Пасхе, день пленения Феди). Обычное греческое убожество, — в бассейне показывают несчастную золотую раку. Дорогой все думал о том, как же подавать о себе голос, раз журнал становится невозможен вследствие архиерейской косности. И решил: надо основать р.-ф. общество с печатанием протоколов, а, м. б. и бюллетеней. А уж там заставлю говорить об этом всех вокруг себя — может быть историческое дело...

13 (26).III. 1923.

Опять острый приступ страдания и какой-то черной греховой тоски: согрешил я, что Господь отнял от меня свет Свой и радость. Кажется, у меня что-то делается с сердцем. У меня нет здесь материала для работы, кроме того, я изнемогаю от безволия, как Николай II к концу царствования. Да и тяжело мне **одному** против всех. С каждым днем все заново убеждаюсь, что в здешних церковных кругах полная неподвижность и потому мертвечина: внешне они ко многому приспособились, но внутренне остаются [неразб.] всеобщей катастрофы совершенно неизменными и скопчески бездарными. И, кроме того, при первом же малейшем поводе проявляется легкомысленное самомнение: шапками

закидаем. Достаточно произвести впечатление на дикарей греков нашим богослужением и уже толкуют о миссии, а с чем, какими средствами? Разумеется, русская душа совершенно особая эолова арфа, но она резонирует не только на пение ангелов в небесах, но и на звериный лай комсомолов. Газеты приносят новые и новые вести о суде над патриархом, об его Голгофе. По ночам просыпаюсь и в ужасе и смятении думаю об его гефсиманской муке. Господи, укрепи его, дай ему силы пронести крест свой до светлого мученического венца или спаси его силою Твоею. Благо мученикам, но горе нам, недостойным созерцателям **чужого** подвига. Наперед знаю и вижу, как здесь будет использован крест русского мученика, как будут хвастать и почерпать новый материал в этом, чтобы... ругать католиков. А между тем большевики устраивают таки соединение церковей по способу антихристову, — в предании на муку, но движения духа Христова нет и нет еще в расколовшихся половинах. О нем смешно даже говорить о грехах, — что же там может быть духовного, но и о русском беженстве. Боюсь, что и о католичестве, которое, не потрясенное бурей, сильно, как давно не было, и агрессивно. Может быть, я вообще попал на ложный путь и иду по шпалам без дороги, упираясь в тупик, обессиливая себя и [неразб.]. Я разбиваю голову о каменную стену и гибну. Боже мой, но что же я могу делать? Научи, просвети. Одновременно умирает русский Иуда-Ленин, — две главы России празываются ко Творцу, — святитель святой Руси и черно-красный антихрист... Но я невольно молюсь и о нем. Этот сифилис, которым поражена Россия, не мог лучше воплотиться, чем в нем, и гибель России оказывается сначала буйством неистового хлыста — Распутина, а затем маниака — прогрессивного паралитика. Боже, какой потрясающий ужас! Где, в какой горячей голове Э. По, могла зародиться страшная греза, которую явила и являет собой действительность? Бесы... и несть изгоняющего, доколе не изгонит их Дух святой... Возвращаюсь опять к своим болям. В субботу о. В. сказал «слово», полное извозничьей ругани относительно католиков. И по трагическому совпадению, смысла которого не умею разгадать, непосредственно после этого «слова» мне пришлось «присоединить» к православию из католичества никогда не живущую в последнем Лену. Говорилось, что католики разрушают в душах все святое, доброе, и чего только не говорилось. Я не спал ночь из-за этой проповеди. Господь сам призвал к умеренности проповедника, п. ч. на след. день он **забыл** приготовить агнцы для литургии Преждеосвященных, и я невольно связал это и ему **сказал**. А на следующий день

было посещение Царьградским патриархом Хорейской церкви, — я, как служащий священник, вел его под руку. Была атмосфера придворного (хотя и совершенно убогого) поклонения, была речь арх. Анастасия, которая была возможна только по отношению к папе, но на которую невольно сбивается и по лести, и по логике вещей всякая концепция восточного папизма («отец отцов», господин господ, учитель учителей, — все это было сказано). Все это было и поучительно, и удручающе до последней степени. А накануне в частном собрании перемывали косточки этого папы и составляли план его уловления, чтобы вывести на чистую воду в его отношениях с большевиками. Но это, разумеется, не удалось. Сегодня предстоят дальнейшие разговоры.

Вчера мы праздновали день рождения Федички, великой милости Божией. Я назвал его Феодором в честь Достоевского (такова еще была моя интеллигентщина!) и писал папе, что Бог дал мне сына — Феодора, а папа ответил, что он особенно радуется, если дал его Бог. Бог его и сохранил чудесно. Ждем его со дня на день, но пока напрасно. В своем тяжелом настроении я иногда малодушествую, не знаю, следует ли ему предпринять такой решительный шаг, но это — греховная слабость. Да благословит Господь путь его!

15 (28).III. 1923.

Сегодня я был в Чехослов. консульстве и был ошеломлен, узнав, что в числе виз нет для Феда. Опять надо хлопотать сначала. На обратном пути я зашел в госпиталь дать послушать сердце, которое меня беспокоит все время. Д-р нашел неблагополучие в области аорты, — явление артериосклероза. Таким образом, — я получаю уже серьезное предостережение: от артериосклероза умер скоропостижно папа, и мама. А ведь наша теперешняя жизнь другая чем их, и надолго ли хватит... А между тем занят и отвлечен все время великими и суетными делами, хочешь церкви соединить, а между тем, может быть, смерть уже за плечами. На все воля Божия, и я смиренно склоняюсь пред ней. Одна у меня мысль и забота: так устроить семью, чтобы они не остались на улице и беспомощны в случае внезапной моей смерти, чтобы они учились, имели работу, не погибли. Об этом моя молитва к Творцу миров.

19 (31).III. 1923.

Вербное воскресенье.

Привел Господь вступить в святые дни Страстной седмицы здесь на чужбине. Греюсь у чужого очага, сослужу то в той, то в другой церкви, бесправным чужаком, шестым колесом. Особенно тягостно для меня служить в Посольской церкви с арх. Анастасием, благочестивым и строгим, но чопорным и чванным, здесь я только орнамент для архиерейской пышности, статист. Но, благодарение Господу, что дает радость причащения. Боюсь, что будет время, когда и радость сослужения будет от меня отнята. Эту неделю два раза бывал на католич. службе в Notre Dame de Soins (у них это была страстная неделя), на вечерней службе во вторник и в пятницу утром, очевидно, при литургии преждеосвященных даров. Импозантно, — свой особый мир молитв и песнопений. Но, должен сознаться, что холодно: нет задушевности, тепла, умиления, которыми благодарствованы наши храмы в Страстные дни. Но опять-таки это относится только к русским, у греков ничего нет, кроме базара. И, разумеется, и в католичестве русские проявляют себя как русские. У меня к Пасхе будет великое утешение: здесь, в общезжитии, будет совершена мною пасхальная служба, есть уже разрешение от архиепископа, и уже начинаются спевки. Кроме радости иметь **свою** службу, хотя и среди чужого стада, меня еще улаждает, что это будет в комнате, открытая литургия без иконостаса. Я давно уже стремлюсь к упразднению иконостаса, чтобы приблизить совершение таинства к молящимся. Если было время, когда естественно появился иконостас, теперь нужно другое, — его устранение, как не было его и в раннем христианстве. И гонение, обрекающее на катакомбы, вместе с условиями беженства, ведут к тому же. Благословен грядый во имя Господне, осанна в вышних!

24.III (6.IV). 1923.

Великий пяток.

Господь привел эти великие и святые дни проводить в К-ле. Молюсь в Хорбийской церкви среди родного русского народа. Лишен по грехам моим утешения иметь паству, но Господь дал мне утешение хотя сослужить в чужом храме. Благодарение Господу! В этих днях, в этой могучей и неотразимой стихии, затихает и растворяется все мое личное, — личная боль и боль церковная: предается на волю Божию все дела Его. Из России преж-

ние вести: казнь католического епископа, вызвавшая негодование всего мира. Но у нас, русских и православных, невольная боль и обида: почему же не было этого негодования, когда убивали русских епископов и священников? Это и в газетах, и в устах у всех: конечно, свои рубашки ближе к телу, но в этом грех и неправда к нам западного христианства. Как полон храм молящихся, как хорошо молятся; какая драгоценная жемчужина русская душа!.. Нет ей равной и подобной.

25.III (7.IV). 1923.

Канун святой Пасхи.

Вот и пролетела Страстная неделя на чужбине. Благодаря прекрасным службам церковным, в которых и мне приходилось участвовать, и не почувствовалась чужбина, — в храме, среди русских, у себя на родине, и здесь так хорошо молятся... Хотя я провел Страстную без особого подъема — увь! их теперь у меня не бывает по грехам моим, — и притом только зрителем, а не пастырем, тем не менее чувствую полное молитвенное удовлетворение. А пасхальную службу совершу здесь, в общежитии, в комнате, — беженская служба... Нет вестей о Феде, нет из Крыма. Пусто и тоскливо. Мы здесь будем обедаться, а они там лишены насущного и, вероятно, считают редкостью каждое яйцо и каждую щепоть сахара. Тяжело и стыдно... Господи, спаси их и сохрани... В эти великие и вдохновенные службы я был совершенно захвачен православной стихией и мало вспоминал о католиках, хотя и обдумываю послание к папе относительно патриарха и русского народа. Но это невозможно, если не придет Федя. Так и буду считать: значит, нет на это воли Божией. Невольно думаешь и сравниваешь: конечно, в католичестве нет ни богослужения Страстной седмицы, ни этого подъема (положим, нет его и у греков, как, вероятно, и у других славян). Это, конечно, не значит, чтобы превосходство в одном означало превосходство во всем, но есть и остается **разница** стилей духовных, настолько глубокая, что, м. б., она и непреодолима человечески (кажется, такова мысль о Павла). Облатинение, конечно, мерзость пред Господом, но иное соединение возможно ли и оно и даст ли что? Иногда невольно об этом спрашиваешь себя, но отвечаешь догматически: единство Церкви мистически есть, значит, надо его искать исторически. Ищите и обрящете, такова заповедь Божия.

26 марта.

Пасха Христова.

Вот и Пасха на чужбине. Ночью была служба. Было хорошо и трогательно; хотя мало было народу. Молился от сердца о нас и дорогих отсутствующих, о Феде, о родине, о Церкви Божией. Утром ездил в Фанар на Патриаршую вечерню — обычный греческий парад. Узнал по дороге, что К-льский патриарх признал англиканскую иерархию и фактически установил **Interkommunion**, — столь же произвольно, сколь еретично и неканонично, и это, кажется, подтвердили «восточные патриархи», эти вечные статисты. Со всех сторон ползет почва под историческим православием, и перед этим актом детскими шутками представляются претензии живой церкви. В греческой лавочке теперь все продается и покупается за дешевую цену, — и идет ориентация и спекуляция на англосаксов, на англ. и амер. епископов. В сущности общаться нельзя после этого с ним, а я между тем буду под его началом в Праге. Тупики отовсюду. День провел в обычной праздничной суете, посещал, принимал... От своих, от Феде никакого известия не имеем к празднику. Скорбно. Господи, спаси их, сохрани и помилуй, и умудри, дай силу...

Нет, каково: что бы завопили, если бы установился **Interkommunion**? с католиками, а здесь все безмолвствуют, и «народ», хранитель православия. В 40-е годы Пальмер стучался в двери православия, и от него потребовали Крещения, а теперь родные внуки Пальмера входят со всеми потрохами... Какая гниль! И благочестивый Афон, который умел скандалить в иных случаях, теперь также безмолвствует. Повидимому, вообще греческое православие выдохлось и превратилось в фольклор. Но что же делать? куда податься. А у нас или живоцерковщина или здешняя тухлость...

31.III (13.IV). 1923.

Сегодня пятница Светлой недели, — день Перекопского боя, когда Федя исчез от нас... Иду совершать литургию, молиться о нем. От него нет вестей, нет их давно и из Крыма. Хотя я и сохраняю надежду на его приезд, но он почему-то все отсрочивается. Бедный мальчик! Ему приходится, как и тогда, быть за нас искупительной жертвой. А я связан в своих движениях его отсутствием. Верно, нет воли Божией на то, чтобы я здесь шумел и «выступал». У меня все гвоздит желание обратиться к папе относительно патриарха, но я все не приведу для себя в полную

ясность, как это сделать. Боюсь, не говорит ли здесь во мне суетливость. Нашего святого страдальца ожидает его Голгофа со дня на день. Из России вести идут о голоде. Стыдно своего здесь благополучия. Эти дни обиваю пороги — собираю деньги на проезд, приходится иметь дело со скользкой Лигой Наций и др. организациями. Приходится нищенствовать. Whitmore прислал мне 15 лир, первый раз я не взял, даже с ним объяснялся, как умел, но второй раз не умел отказаться. Даже подавание от (или через) митр. Антония, к которому обратились мои неумелые благодетели, после сопротивления двухмесячного, приходится принять...

Вчера в Гарб. гимназии были разговоры и о русской революции и о народе... я невольно задумался, когда о. Леонид предложил мне вопрос — сравнение здешнего и русского благочестия. Здесь, действительно, и Страстная, и Пасха были отмечены большим подъемом. Разумеется, я мог наблюдать его только, так сказать, боком и со стороны, но было очень хорошо, как дома, т. е. по внешнему благолепию даже лучше чем дома. Но когда думаешь о российских мучениках, то на сердце ложится такая скорбь и такое чувство виновности: они так страдают... И эта тень от грядущей Голгофы патриарха. И ведь здесь, по крайней мере, в Царьграде получилась известная внешняя полировка православия («американцы, англичане», к посещению которых так наивно чувствительно относятся наши церковники), но углубления пока никакого. Вчера я в своей речи коснулся вопроса о *μετνοία*, об историческом покаянии и для православия. Какое страшно ответственное и творческое время, и как мы бессильны и беспомощны перед его задачами. Относительно католиков у меня сейчас складывается более спокойная и, хотелось бы надеяться, более твердая линия поведения: так как я **догматически** отрицаю разделение церквей, т. е. «православие» и «католичество», то нет и соединения, а должно быть **сближение**, органическое, но медленное и верное, которое не должно быть «приспособлением схизматиков», но действительным сближением западного патриархата и восточных патриархий, которое совершается с неотразимой силой, хотя и неприметно, даже для тех, кто не хочет и слышать о сближении. И притом не только для нас, но и для них. Они, т. е. католики, теперь, может быть, из тактики выдвигают восточный обряд, даже в Парижских храмах служат русскую службу (Еврейнов), но сила и очарование восточного обряда, а, главное, мистическое значение этого биритуализма распространяется и на западных, поскольку они не комедианствуют и не лицемерят, что могут утверждать только сторонники м. Антония. Папа Пий X будто бы

боялся, что восток поглотит запад в случае соединения. Это преувеличено, но и верно, и сие да будет! Насколько нам нужна помощь западной церкви в воспитании воли, настолько же запад нуждается в нашей задушевности и глубине. Возможно ли, соединимо ли? не есть ли маниловщина? Но это есть дело Божие, толчите и отверзят.

4 (14).IV. 1923.

Последние дни в К-ле. Беготня за визами и прощание. Неожиданно получилось чтение «У стен Херсонеса» некоторым гарбийцам, — вопреки ожиданию получилась живая, содержательная и значительная, хотя и тяжелая беседа. Я вынес для себя из суждений кое-что поучительное, что и постараюсь учесть при отделке, а самое интересное — это неподдельный ужас и скорбь у самого значительного, м. б., и задушевного из них — д-ра Серова: он говорил, что это страшнее большевизма, что это большевизм духовный, проникающий в самое существо. В сущности он прав: т. е. это, конечно, не большевизм, но это должно быть (и задумчиво) не менее радикально, чем большевизм. Но из этого разговора я еще раз почувствовал, что, конечно, мы пережили ад не для того, конечно, чтобы как спелое яблоко свалиться в руки о.о. Тышкевичей, ожидающих в сознании своей силы и правды, или в руки октябристов о. о. Сипягиных, которые отвратительны. Да и католичество ждет еще огненное испытание, недаром большевики теперь непосредственно за папу принялись. Католикам надо смириться и преобразиться не меньше чем нам, иначе, вместо великого и дивного соединения церквей, получится пошлость, — «сращение» в католичество, дальше которого, повидимому, не идет мысль католиков, хотя, флиртуя с восточным обрядом, они незаметно для себя и сами овосточиваются. **Нельзя безнаказанно приближаться к России и русскому народу**, — эту истину свидетельствует теперь вся зап. Европа, и, в частности, и католическая церковь. Самое ценное и утешительное (притом неожиданное для меня) в этой беседе было то, что была провозглашена желательность **фактического сближения** людей разных исповеданий, но одного духа и создание церковно-общественного мнения, благоприятного для этого, далее борьба с тем позорящим и вредящим церкви образом действий наших иерархов, который проявился на Карловацком соборе и далее. Т. о. я почувствовал себя даже не так одиноким. Заслуживает еще внимания пророчество Валаамовой ослицы, которую явился на этот раз

о. Вал. Руднев: он изрек, что нам, русским и славянам, предстоит еще разрыв с греками, новое разделение, после которого последует соединение с зап. церковью. Каково сказано! Здесь негодование против Фанара и разочарование в греках так глубоко, что оно не останется, конечно, без последствий и в будущем. И мое впечатление тоже таково, что православие у греков выдохлось. Но наши иерархи продолжают юлить и ухаживать за патриархом.

Уже теперь вижу, как дивно Господь ведет меня. Конст. сидение не останется для меня бесплодным, я поеду на место своего служения без той наивности, которую все-таки имел, сюда приехав, а стало быть не наделаю и тех ошибок, которые готов был бы сделать. Да и сам по себе К-ль очаровательный город, единственный в своем роде. Сегодня прощался с Софией и ездили в Эйуб, — уголок мусульманского мира, с мистикой, благочестием, молитвой, вековыми деревьями, голубями, фаянсом, — ах, какое дивное место, и насколько там больше подлинного благочестия, нежели в этом пошлом Фанаре! Насколько выше стоят мусульмане греков!

От Феда нет известий, а проникающие сюда различны и противоречивы. Одни говорят, что пароходы конфискованы, а из Крыма пишут, что поездка его все-таки готовится. Уедем его не дожидаясь, — грустно это, но ничего не сделаешь. Пока его нет, я чувствую себя связанным по рукам и по ногам. Очевидно, такова воля Божия. Здесь всюду движение против советской власти, и большое искушение поднять свой голос, но практической нужды в том я совершенно не чувствую...

8. (21).IV. 1923.

Константинополь.

Доживаем последние дни в Царьграде. Среди безумной и бессмысленной беготни за визами, за деньгами, все сильнее чувствуется и обычная предотъездная нервность, и жаль расставаться с К-лем, в котором мы видели столько добра и пережили так много. Кроме того, так и не суждено было нам дожидаться Феда. Вчера было получено оттуда письмо, он все надеется выехать, но все тянется и тянется. Он остается там нашим заложником и искупительной жертвой... Сейчас иду служить в Гарб. церкви, которая меня приютила и согрела, где я провел дни Страстной седмицы. Вчера у меня была духовная дочь О. В. Астафьева, несомненно, с данными ясновидящей и оккультной чуткостью, которая переживала прежние свои воплощения. В прежнее время

я бы на это набросился, теперь я отнесся к этому с искренним и глубоким интересом и сочувствием к ее страданиям, но меня это внутренне уже не задевает, как встарь, когда мы вместе с о. Павлом искали таких встреч и впечатлений. Тем не менее сама она все же интересная и одаренная личность. Уезжаем отсюда, как будто расстаемся и с Россией. К-ль все-таки **родной и русский** город, — и вот открытие, которое делает всякий русский, и я в том числе. Теперь хищники англичане стараются закрепиться, пока нет России, укрепляют Танак и пр. А мы, русские, завоевали город, победленные и угнетенные. До сих пор мы и не знали, как **взять** К-ль, только твердили, что он должен быть наш по праву завоевателей. А он оказался наш по естеству духовной силы и сродства. Англичан здесь не любят, французам тоже, греков ненавидят (и поделом), но русских любят. И это так и останется, и большевики этого не истребят.

Иногда мне думается, что и крест на Софии не так мы понимаем. Грешникам дать Софию нельзя, это была бы бессмыслица истории. Перспективы русского завоевания также отошли (и слава Богу, что так!) в даль. Неужели София просто рухнет, вместе с Византией, которая окончательно рухнула в России, в «третьем Риме»? Или же — пусть это дерзновенно, но и пророчественно — полумесяц, будет время, сам склонится перед крестом, и ему уступит, но без войны, ибо войной водружать крест на Софии это греховная бессмыслица, — это-то уже ясно. Вообще, надо освободиться от политического славянофильства и церковных мечтаний цезарепапизма. List der Vernunft действует совсем иначе: она покорила России К-ль так, как не было этого во времена нашей силы и не было бы при победе, п. ч. тогда сейчас же воцарились бы помпадуры, и нас бы возненавидели, а теперь — нас любят: К-ль — **наш** город.

10 (23).IV. 1923.

Канун отъезда: расстаемся с Царьградом. За эти месяцы мы сроднились с ним, и уже грустно уезжать, особенно так и неждавшись Феда. Вчера делали прогулку по Босфору, прощаясь с морем, — которое соединяет нас с родиной. Теперь уедем далеко от моря и от южного солнца. Оттуда проехали в Стамбул, посмотреть гулянье турок во время Рамадана. В Софию нас не впустили, и для гулянья было еще рано, а все-таки это сказка Шехерезады, в этой раме древнего Стамбула с его [неразб.] и мечетями. Вечером был у «гарбийцев». За это время я сблизился

и сроднился с этим приходом, так отратно и просто бывало мне молиться в этом храме. О. Леонид дает мне сосуды для Праги, награди его, Господи! В субботу совершал здесь последнюю свою литургию в Гарбе. Чарующее воспоминание о «докторицах» Вла-сенко и Рентицкой, это ангелы доброты.

11 (24).IV. 1923.

Наконец, сегодня получил деньги и завтра едем. Благослови, Господи, путь наш, умудри, сохрани! Со смущением оглядываюсь на эти месяцы: более трех месяцев я со своей семьей имел стол, квартиру, стирку от добрых людей, от земского союза. Мне друзья и учреждения с разных сторон посылали деньги так, что я мог перебирать и кочевряжиться. Нас лечили, — и ноги, и легкие, и зубы, все даром! Так стыдно и, вместе с тем, так радостно — за Россию. И со стыдом и мукой вспоминаю о **своих** грехах в тот страшный голодный год в Ялте. Господи, дай мне волю и силы перестать быть тунеядцем, стать у своей межи на работе Господней...

15 (28).IV. 1923.

София. Болгария.

Вот и оставили мы сказочный Царьград и имеем дневку в маленькой Болгарии, в деловой, провинциальной, прозаической Софии, столь странно и как будто без всякого права носящей великое имя. Путешествие хотя и утомительно, но интересно. Радует и возбуждает (увы, всех, кроме, кажется, Муночки, которая, бедная, на все куксится) эта смена впечатлений, наций, костюмов. Неля радуется по-детски, вместе с Сережей. Вчера здесь купался в стихии болгар, был у здешнего декана Цанкова и у митроп. Стефана. Культура здесь русская, как русская и вся ориентация. За мною ухаживают, убеждают здесь остаться, прием самый хороший и неожиданный. Разумеется, здесь глухая провинция, но если ушибусь о зап. Европу, м. б., и здесь будешь искать приюта. Духовного в этих духовных лицах, конечно, нет ничего, особенно наряду с светоносным еп. Серафимом и вообще с русским православием. Но это люди западного покроя, и при том, хотя внешней, неглубокой, но все же европейской культуры, и этим они отличаются от коренным образом нам чуждых азиатско-греков. Митр. Стефан приятно поразил меня своим свободным, без предрассудков, отношением к католичеству: он будто бы

просто предлагал, в частном разговоре, устроить общий синод под председательством папы, а католики будто бы на это не согласились. Я ему сказал, что это должно быть предсоборным присутствием. Вчера был разговор о католичестве с В. И. Зворыкиной и с мужем ее М. И. Говорю об этом все время. Много интересного, но и вместе бабьего. По существу же очень сильное впечатление от этих рассказов остается, если не против католичества, то против Рима и, м. б., воинствующего латинства. А все-таки уже здесь у меня впечатление, что я вырвался из душной атмосферы Анастасьевского православия, в которой я задыхался, и здесь веет уже вольным европейским воздухом. Здесь греков, конечно, не выносят. Как для меня важно и поучительно, что я пожил в К-ле, сталкивался с греками и от них получил определенное впечатление, внутренне с ними покончил... Страшные вести об еп. Вениамине, который как будто потерял весь свой !..

22.IV (5.V). 1923.

Вена.

Уже третий день здесь в гостях у Гр. Н. Тр.[убецкого] и новая волна впечатлений, сведений, мыслей!.. Положительно, я приеду в Прагу иным, чем выехал из России, и, значит, Господу угодно, чтобы я себя выдержал, и как я уже **иначе** представляю себе теперь положение при неизменности общих заданий. Оказывается, Гр. Н. вел уже здесь важные и ответственные переговоры в Ватикане, имеет там связи, знакомства, причем ему помогает в этом его прежний огромный дипломатический опыт. Мы ведем разговоры целыми днями и в высшей степени плодотворные. Вообще удивительно приятно быть в дружеском кругу. А уж внимание, предупредительность, забота, — все это в такой степени, как я никогда не способен проявить и отблагодарить. Вчера я был в Вене с детьми. Как болит душа у меня за бедную Муночку, такую одинокую, несчастную. Как бы хотел я ей друга, и нет, и нет его: такова, верно, воля Божия... Все, что касается католиков и Ватикана, здесь получает еще более сложное и конкретное освещение. Во всяком случае я освобождаюсь от той наивности, с которой относился к вопросу, и, вместе с тем, чувствую себя гораздо тверже на своей церковной почве, стоя на которой только и можно что-нибудь сделать для Церкви и родины и можно думать о соединении церквей. Во всяком случае на католическую сторону нельзя делать каких-либо немотивированных уступок или авансов, а в то же время нужно исповедовать твердо свою веру.

Оказывается, что вопрос о соединении с Римом для Гр. Н. имеет свою 3-летнюю историю, он лично знаком с главными представителями католич. мира. Особенно выделяется кард. Мерсье, о котором он говорит как о святом. Его пастырские послания действительно проникнуты таким духом. Он также в переписке с d'Herbigny, который в настоящее время является присяжным стряпчим по русским делам и пишет о них много и усердно. Благослови, Господи, путь наш. Сегодня совершаю божеств. литургию на дому у [неразб.].

27.IV.(10.V). 1923.

Итак, завтра расстаемся с гостеприимной Веной. Много было здесь впечатлений и разговоров. Последнее и неожиданное — сборник евразийцев **против католиков**, в котором и мои пражские друзья и будущие духовные дети. Стало быть, разлетается иллюзия о том, что я там застану *tabula rasa*, на которой и буду писать свои слова. Напротив, на тяжелый крест, — борьбы и трений, еду я туда. Но да будет воля Господня, и да просветит сам Господь меня темного и слабого, как служить Церкви Его. Верно одно: даже до Праги не довез я своих наивных восторгов и вдохновений. Все так трудно — так иначе, чем я думал. Но иначе ведь и быть не могло. Московские церковные бандиты, по газетам, свергли патриарха, а за духовными палачами не замедлят и светские. Значит, новый разрыв с оф. русской церковью неизбежен, и исключительное значение получает все происходящее в церкви. Какая страшная ответственность. Господи, просвети и благослови. О Феде ничего. Господи, дай его нам увидеть здесь! Аминь.

РУССКАЯ ЦЕРКОВЬ СЕГОДНЯ

ОТ РЕДАКЦИИ

Рапорт Совета по делам Православной Церкви членам ЦК КПСС говорит сам за себя. Черным по белому, Совет признает, что контролирует Церковь, фактически стремится управлять ею на всех уровнях, от самого Патриарха до старосты у свечного ящика. Не гражданской лояльности по отношению к властям требует Совет от священнослужителей, а максимальной пассивности и как бы измены собственному призванию. Список епископов, распределенных согласно этому критерию, многих удивит и заставит пересмотреть некоторые поспешные суждения и осуждения.

Но даже этот внутренний, конфиденциальный документ не говорит всей правды. Обращенный к многочисленным членам ЦК КПСС (с заместителями их около 500), он преподносит им официальную версию коммунистической пропаганды: Церковь отрицает сама по себе, без прямых преследований со стороны властей. Эта ложь проскальзывает в таблице, показывающей число священнослужителей. Если бы отправным годом был взят 1959 год (а не 1961), т. е. эпоха хрущевских гонений, то снижение числа духовенства исчислялось бы в 75% (с 20 000 оно за два года было сведено до 7 000) и его нельзя было бы объяснить естественными причинами. В таблице показано значительное снижение между 1961 годом и 1967, но не указано, что оно в основном приходится на последние годы гонений. Эта уловка необходима Совету, чтобы показать свою деятельность членам ЦК КПСС в выгодном свете. Мол, не нарушая закона, Совету удается снизить число священнослужителей... Так дезинформация начинается с верхов: члены ЦК получают сведения, искусственно подогнанные под штампы официальной идеологии.

По существу, этот рапорт изобличает лишь тоталитарную сущность системы и оборачивается в пользу Церкви. То, что Церковь продолжает жить и развиваться в таких нечеловеческих условиях, свидетельствует, в первую очередь, о ее силе.

Н. С.

ИЗ ОТЧЕТА СОВЕТА ПО ДЕЛАМ РЕЛИГИИ - ЧЛЕНАМ ЦК КПСС.

ЦЕРКОВНЫЕ КАДРЫ И МЕРЫ ПО ОГРАНИЧЕНИЮ ИХ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РАМКАМИ ЗАКОНА.

(За подписью В. Фурова, заместителя председателя Совета)

1. О составе епископата русской православной церкви и усилении политической работы с ним в интересах государства.

Епископат — одно из главных руководящих звеньев русской православной церкви, «без воли которого пресвитеры и диаконы ничего не совершают». В Энциклопедическом словаре Брокгауза и Эфрона говорится: «В своей епархии архиерей — самостоятель-

ный начальник..., в своей деятельности имеющий предметом утверждение и распространение православной веры и благочестия в его пастве, уничтожение в ней заблуждений и суеверий, религиозное воспитание и образование народа, устройство церквей и монастырей и надзор за их благосостоянием, посвящение и назначение на места священников и прочих членов клира, наблюдение за их жизнью и руководство их деятельности во всех отношениях и т. д.» (с. XI а, 1894, стр. 662).

Епископство, как особая высшая степень церковной иерархии, пользуется и сейчас большой властью в русской православной церкви. Однако следует иметь в виду, что в новых социальных условиях, в советском государстве епископат лишен многих былых привилегий и его деятельность ограничена определенными рамками законодательства о религиозных культах. На практике правящий архиерей ныне осуществляет посвящение и назначение священников и диаконов на приходы после согласования с Уполномоченным Совета и по просьбе исполоргана религиозного объединения, а также руководит богослужебной деятельностью духовенства епархии.

Вместе с тем нельзя сбрасывать со счета и то, что духовенство и многие верующие рассматривают архиереев, как заместителей Бога на земле, духовных владык паствы, стремятся беспрекословно выполнять их поучения и указания. Следовательно, для государства важное значение имеет изучение состава и деятельности епископата, организация с ним политической работы и прежде всего воспитание правильного отношения к советским законам о культах.

Как известно, высшая власть в русской православной церкви принадлежит Поместному собору, который собирается по необходимости в составе всего епископата, а также представителей духовенства и верующих-мирян. Во промежутках между соборами РПЦ возглавляет патриарх Московский и всея Руси (с 1 июня 1971 г. патриарх Пимен, в миру — С. М. Извеков). Патриарх управляет церковью совместно с Синодом, состоящим из шести постоянных членов: патриарха (председательствующего на Синоде) и епархиальных архиереев, среди которых: митрополиты Ленинградский Никодим, Киевский Филарет, Крутицкий Серафим, Таллинский Алексей, Тульский Ювеналий.¹ Кроме них из числа

¹ Из этих постоянных членов скончались митр. Никодим († 1979) и митр. Серафим († 1979). Митрополитом Ленинградским стал митр. Антоний Минский, а митрополитом Крутицким митр. Ювеналий.

епископов по два непостоянных члена Синода вызываются для участия в полугодичных (зимняя и летняя) сессиях Синода поочередно.

Синод находится под контролем Совета. Вопрос подбора и расстановки его постоянных членов был и остается всецело в руках Совета, кандидатуры непостоянных членов также предварительно согласуются с ответственными работниками Совета. Все вопросы, которые предстоит обсуждать на Синоде, патриарх Пимен и постоянные члены Синода заранее обговаривают у руководства Совета и в его отделах, согласовывают и окончательные «Определения Священного Синода».

Осуществляя постоянный и неослабный контроль за деятельностью Синода, ответственные сотрудники Совета проводят систематическую воспитательно-разъяснительную работу с членами Синода, устанавливают с ними доверительные контакты, формируют патриотические взгляды и настроения, а через них и с их помощью оказывают необходимое влияние на весь епископат.

В пределах СССР русская православная церковь в начале 60-х годов имела 73 епархии, возглавляемые епископами, архиепископами и митрополитами. В последующем их число уменьшилось; в 1974 г. числилось 67 епархий, а правящих архиереев — 58. Можно считать, что современный епископат сложился в основном в Советский период. Средний возраст архиерея — 50 лет, а средний стаж архиерейства — 12 лет. По стажу архиерейской службы епископат можно подразделить на следующие группы: среди рукоположенных в епископы до 1945 г., т. е. имеют стаж более 30 лет — 4 чел., от 21 до 30 лет — 4 чел.; от 11 до 20 лет — 30; от 1 до 10 лет — 20.

По образованию светскому: высшее — 7, среднее — 22, н/среднее — 29. По образованию духовному: высшее — 44, среднее — 11, не имеют духовного образования — 3. Кандидатов богословия — 28, магистров — 6, докторов — 3 (патриарх Пимен, митрополит Никодим, архиепископ Рижский Леонид). Из числа правящих архиереев окончили московские духовные школы — 18, ленинградские — 19 человек.

Многолетние наблюдения, глубокое изучение настроений правящих архиереев еще раз подтверждают, что епископат лояльно относится к Советской власти. В то же время по взглядам на общество, на законы о культах, на современную церковь и ее взаимоотношения с государством, а также на свои гражданские

обязанности епископат условно, весьма приближенно, можно разделить на следующие группы.

Первая — правящие архиереи, которые и на словах и на деле подтверждают не только лояльность, но и патриотичность к социалистическому обществу, строго соблюдая законы о культах и в этом же духе воспитывают приходское духовенство, верующих, реально сознают, что наше государство не заинтересовано в повышении роли религии и церкви в обществе и, понимая это, не проявляют особенной активности в расширении влияния православия среди населения. К ним можно отнести: патриарха Пимена, митрополитов — Таллинского Алексия, Тульского Ювеналия, Орловского Палладия, Одесского Сергия, Алма-Атинского Иосифа, архиепископов — Харьковского Никодима, Волокаламского Питирима, Тихвинского Мелитона, Кишневского Ионафана, Мукачевского Григория (Винницкого Алипия, Симферопольского Леонтия, епископов — Ставропольского Иону, Воронежского Платона, Пермского Николая, а последнее время и митрополита Крутицкого Серафима.¹

Вторая — правящие архиереи, которые стоят на лояльных позициях к государству, правильно относятся к законам о культах и соблюдают их, но в своей повседневной административной и идеологической деятельности стремятся к активизации служителей культа и церковного актива, выступают за повышение роли церкви в личной, семейной и общественной жизни с помощью модернизированных или традиционных концепций, взглядов и действий, подбирают на священнические должности молодежь, ретивых ревнителей православного благочестия. В их числе митрополиты — Ленинградский Никодим, Киевский Филарет, Ярославский Иоанн, Псковский Иоанн, архиепископы — Казанский Михаил, Ташкентский Варфоломей, Тамбовский Михаил, Кировский Мстислав, Краснодарский Алексей, Оренбургский Леонтий, Ивано-Франковский Иосиф, Рижский Леонид, Костромской Кассиан, Вольнянский Дамиан, Минский Антоний, епископы — Смоленский Феодосий, Свердловский Клемент, Калининский Гермоген, Полтавский Феодосий, Новосибирский Гедеон, Виленский Герман, Рязанский Симон, Пензенский Мельхиседек.²

¹ Из этой группы скончались митрополиты Палладий, Серафим, Иосиф, архиепископ Алипий, епископы Иона и Платон. — Прим. Ред.

² Из второй группы скончались митрополиты Никодим, архиепископы Казанский Михаил, Кировский Мстислав. — Прим. Ред.

Третья — это та часть епископата, у которой в разное время проявлялись и проявляются попытки обойти законы о культах, некоторые из них религиозно консервативны, другие — способны на фальсификацию положения в епархиях и сложившихся отношений к ним органов власти, у третьих — замечены попытки подкупа уполномоченных и клеветы на них и на должностных лиц местных органов власти. В этой группе: митрополит Львовский Николай, архиепископы — Иркутский Владимир, Чебоксарский Веньямин, Житомирский Палладий, Архангельский Никон, Калужский Донат, Горьковский Флавиан, Уфимский Феодосий, Владимирский Николай, епископы — Астраханский Михаил, Саратовский Пимен, Кировский Боголеп, Черновицкий Савва, Вологодский Дамаскин, Курский Хризостом, Ростовский Иоасаф, Куйбышевский Иоанн.¹

В типологии епископата могут быть и другие оценки конкретных лиц, скажем, отношение их к традиционализму и модернизму, роли того или иного иерарха в проведении православия и другие идеологические оттенки. Однако Совет интересуется прежде всего политический аспект: как епископат относится к Советскому государству, его внутренней и внешней политике, к законам о культах, какова религиозная активность архиереев. В общем-то к оценкам епископата следует подходить очень осторожно. Не все его части могут уложиться в какую-то одну схему. Поэтому типология, предложенная нами, все же довольно условна, границы между разными категориями подвижны и зависят от целого ряда обстоятельств, прежде всего, от постоянной и принципиальной политической работы с архиереями, проведения твердого курса на формирование патриотических убеждений, а не только лояльности к государству, воспитания в духе понимания ими не только политических, но и идеологических интересов государства, как во внешней, так и во внутренней политике.

Совет и его уполномоченные на местах уделяют постоянное и неослабное внимание изучению состава и деятельности не только членов Синода, но и широкого круга епископата. Ни одно рукоположение во епископы, ни одно перемещение не проходит без тщательной проверки кандидатур ответственными сотрудниками

¹ Из этой группы скончались архиеп. Чебоксарский Веньямин, Житомирский Палладий, Горьковский Флавиан, Уфимский Феодосий, епископ Кировский Боголеп. Епископ Калужский Донат уволен на покой. Прим. Ред.

Совета в тесной связи с уполномоченными, местными органами и соответствующими заинтересованными организациями.

Следует иметь в виду, что за последние годы рукоположение во епископы производится в первую очередь с учетом того, что «новопосвященный» предназначен для зарубежной работы, а затем, по возвращении, на кафедрах внутри страны. Соответственно этому нами ставятся определенные требования, предложения, пожелания перед патриархом и членами Синода. Они в свою очередь в определенной форме излагают эти задачи перед новыми епископами при их рукоположении.

Приведем некоторые примеры, характеризующие епископат, который мы условно отнесли к первому типу или группе.

Патриарх Пимен при вручении архиерейского жезла епископу Аргентинскому и Южноамериканскому Платону (Удовенко) в декабре 1973 г. говорил:

«Священным Синодом нашей Церкви ты избран и утвержден для епископского служения в пределах Аргентины и Южной Америки. Это поручение Церкви возлагает на тебя большую ответственность, чем если бы ты был епископом одной из епархий нашей Родины. В чужих землях ты призываешься с достоинством представлять Русскую Православную Церковь, расширять и углублять имеющиеся контакты, полезные и необходимые для матери-Церкви, с отеческой любовью, мудростью и терпением окормлять порученную твоему попечению паству, возгревая в ней веру в Бога, любовь к своей Матери-Церкви и нашей дорогой и миролюбивой Отчизне.

Будь всегда глашатаем мира и призывай к миру горячо и убежденно». (ЖМП, 1974, № 2, стр. 10).

В ответ на этот призыв епископ Платон во время хиротонии заверил, что он будет неустанным проповедником и поборником величайшего на земле блага — мира: мира между ближними и дальними, мира всеобщего, мира благословенного. (там же, стр. 13)

Приведенные выше и подчеркнутые нами слова патриарха Пимена и нового епископа Платона ясно, недвусмысленно показывают, какие политические цели поставлены перед епископатом на работе за рубежом.

Другой пример.

Патриарх Пимен при вручении архиерейского жезла епископу Пермскому и Соликамскому Викторину (Беляеву) в июне 1973 г. сказал:

«Воспитывай чад церковных в любви к святой православной церкви и возлюбленной Родине нашей, постоянно памя-

туя о словах митрополита Московского Филарета, что худой гражданин царства земного и для небесного не годен». (ЖМП, 1973, № 7, стр. 7).

В ответ епископ Викторин заверил, что он будет достоин нести «новое ответственное служение... воспитывая вверенную ему паству в духе любви к нашей дорогой Родине». (ЖМП, там же, стр. 13)

Подобные речи иерархов церкви не случайны. В них можно видеть действие субъективных факторов, большую и систематическую работу по воспитанию служителей культа, сверху донизу, со стороны Совета, уполномоченных, местных органов власти и т. д., а также и многочисленные объективные факторы нашего социалистического государства, воздействующие на повышение гражданственности епископата.

За последние годы нами разработана четкая и широкая система воспитания епископата, а через него и рядового духовенства, в политическом плане, формирования у них патриотизма, гражданского долга, уважения к законам и деятельности Советского правительства. А это дает заметные положительные результаты.

Приведем некоторые примеры.

Патриарх Пимен в 1974 г. в канун 57-й годовщины Великого Октября, в приветственной телеграмме Председателю Совета Министров СССР тов. Косыгину А. Н. писал:

«В дни всенародного праздника наши сыновние чувства обращаются к великому и возлюбленному Отечеству, которому мы искренне желаем дальнейшего процветания и осуществления больших и славных свершений на благо нашей великой Отчизны, ее граждан, для утверждения прочного мира на земле, безопасности и сотрудничества между народами.

Позвольте заверить Вас, глубокоуважаемый Алексей Николаевич, что русская православная церковь, принимающая в движения сторонников мира самое живое участие с момента возникновения этого движения, будет и впредь неизменно поддерживать все усилия нашей Родины, направленные на утверждение незыблемого мира на нашей планете, безопасности и сотрудничества между народами. К этому же будет призывать она всех своих чад и неизменно осуществлять эту деятельность в различных экуменических, межрелигиозных и миротворческих организациях и встречах».

Следуя примеру патриарха Пимена, и другие иерархи в своих выступлениях поддерживают внутреннюю и внешнюю политику Советского государства, его борьбу за мир и укрепление дружбы

между народами, стремятся воспитывать патриотические чувства у всего епископата.

«В беседах митрополит Палладий оставляет хорошее впечатление, лояльно относится к органам советской власти, одобрительно высказывается по поводу проводимой советским государством внутренней и внешней политики, с пониманием относится к делу укрепления мира. Епархия в 1974 г. на 15 тысяч рублей больше внесла средств в Фонд мира, чем в 1973 г. В духовных делах митрополит ограничивается лишь периодической службой по религиозным праздникам в кафедральном соборе, за пределы города не выезжает».

Не проявляют особой активности в религиозной жизни и ряд других правящих архиереев. Они реально оценивают обстановку, понимают политику Советского государства в отношении религии и церкви.

Уполномоченный Совета по Ставропольскому краю тов. Наржный сообщает:

«В деятельности, настроении и поведении епископа Ионы существенных изменений не произошло. Он по-прежнему не проявляет особого усердия в архиерейских службах, хотя и проводит их регулярно. Проповеди произносит регулярно, но очень коротко и не очень выразительно, без подъема («Трудно говорить»). Почти каждую проповедь заканчивает призывом к верующим жить в мире, бороться за мир во всем мире, вносить деньги в Фонд мира, хорошо работать на производстве».

За семь лет управления епархией он не был ни в одном из сельских приходов края. Часто болеет и выезжает, как он говорит, в Подмосковье «на отдых и показаться врачам». В отношениях и общении с патриархией не активен: не люблю, говорит, мозолить глаза начальству, но о своих делах информирует чаще, чем это было раньше. Бывая в приходах, занимается только духовной стороной их деятельности и поведением духовенства, не вмешиваясь в финансовые и хозяйственные дела. Во взаимоотношениях с уполномоченным Советом уравновешен и сдержан, правильно реагирует на наши рекомендации».

Можно было бы привести немало примеров того, как в результате постоянной политической работы с архиереями они снижают свою политическую активность. Вместе с тем, необходимо всегда помнить, что если епископат, рядовое духовенство с каждым годом все более становится на патриотические позиции и стремятся это доказать не только на словах, но и на деле, то в идеологическом — религия всегда была и будет стоять на чуждых марксизму позициях. Причем в некоторых выступлениях отдельных иерархов нередко замечается некоторая раздвоенность во взглядах на социальные процессы.

Мы выше приводили патриотические высказывания патриарха Пимена, не вызывающие сомнения в том, что они искренни. Теперь приведем его же слова в докладе в г. Йюэнсу (Финляндия) 6 мая 1975 г., где он очень правильно говорил о необходимости объединить усилия людей доброй воли, религиозных деятелей и различных церквей в борьбе за мир и укрепление дружбы между народами, за «построение справедливого человеческого общества», и в этой же речи заявил:

«Мы считали и считаем, что социальные вопросы не должны затемнять или заменять собою основное понятие спасения как освобождения от греха, проклятия и смерти и достижения жизни вечной в царстве небесном и в общении с Богом». (ЖМП, 1974, № 8, стр. 19).

«В настоящее время в некоторых церквях проявляется сильная тенденция свести задачи церкви и всю деятельность экуменического движения к одним лишь социальным вопросам... никогда не падайте духом, но продолжайте идти к нашей общей цели — единству, обновлению и примирению, зная, что только через них мы достигнем успеха в нашем свидетельстве о Христе современному миру». (там же, стр. 21)

Явные противоречия в речах церковных иерархов, в их подходе к социальным, а, следовательно, и к политическим вопросам, вызывают серьезные недоумения, а самое главное, сбивают с толку верующих.

Эти же мысли возникают также и при внимательном чтении доклада митрополита Ленинградского Никодима в Хельсинкском университете 9 мая 1974 г. (три дня спустя после процитированного нами доклада патриарха Пимена), где митрополит в обращении к студентам или молодым верующим, разъясняя церковное понимание «единства, обновления и примирения», выдвинул следующие тезисы:

1. «Един Иисус Христос, и лучше Его нет ничего».
2. «Старайтесь чаще собираться для евхаристии и славословия Бога. Ибо если вы часто собираетесь вместе, то низлагаются силы сатаны и единомыслием вашей веры разрушаются гибельные его дела».
3. «Единство во Христе связывает в тесный союз не только церковь земную, подвигающуюся, воинствующую, но и небесную, торжествующую».
4. «Основная цель церкви — освящение (спасение) людей, находящихся в ее ограде. Но и пребывающие вне «сего двора» тоже должны быть предметом ее забот».
5. «Апостол Павел писал: «...если бы он перестал искать Божия благословения и стремился только людям угождать, то не был бы Христовым служителем». (ЖМП, 1974, № 8, стр. 25-28).

Так весьма умело, тонко и в то же время открыто и недвусмысленно митрополит Никодим стремится увести молодежь от решения современных и весьма острых политических, социальных задач, убеждая слушателей, что в мире ничего нет лучше Христа и нужно чаще собираться верующим вместе, в тесном союзе поддерживать церковь земную, воинствующую; спасать не только верующих, но и неверующих и не стремиться угождать людям.

Мы подробно остановились на высказываниях двух видных иерархов церкви, чтобы показать, как они ловко перебрасывают мостки от политических вопросов к религиозным идеологическим проблемам, нередко перечеркивая положительное большим количеством отрицательных призывов, чтобы еще раз увидеть возросшие задачи Совета по усилению политического воспитания духовенства.

Совет особенно внимательно изучает настроения и деятельность той части епископата, которая ведет себя активно внутри страны, изыскивает и пытается осуществить меры, направленные на укрепление церкви, ее влияния на население.

Уполномоченный Совета по Саратовской области тов. Бельский пишет, что управляющий епархией епископ Пимен религиозным фанатиком не является. В то же время, как пишет уполномоченный:

«В его деятельности просматривается недовольство положением церкви в СССР и упорное стремление к созданию «благотеплия» в храмах и расширению штата священнослужителей.

Например, в беседах со своими близкими он осуждающе относится к реформе в РПЦ 1961 года, считает, что эта реформа навязана властью, что она противоречит интересам церкви и ущемляет духовенство не только в материальном, но и в морально-правовом отношении, ставя его в зависимое положение от церковных старост...

В личных беседах с уполномоченными он неоднократно заявлял о своей неудовлетворенности положением дел с кадрами священнослужителей в РПЦ. По его мнению этот вопрос является главным для церкви в настоящее время.

Определенную озабоченность вызывает деятельность некоторых молодых правящих архиереев, которые в разное время привлекались к зарубежной работе, а внутри страны нередко проявляют религиозную ретивость, не считаясь с рекомендациями уполномоченных Совета и местных органов власти. К их числу относятся архиереи Николай Владимирский, Владимир Иркутский, Гермоген Калининский, Дамаскин Вологодский, Хризостом Курский, Савва Черниговский, Михаил Астраханский и некоторые другие.

Совет и местные органы власти в прошлом году вынуждены были проводить неоднократные беседы с Николаем, архиепископом Владимирским и Суздальским, который, как выяснилось, инспирировал письма верующих против органов власти, принявших решение о реставрации Успенского собора в г. Владимире, при этом он опирался на религиозных фанатиков из своего окружения. По заданию этого архиерея они писали многочисленные жалобы и заявления, направляли ходоков в местные и центральные организации и учреждения, возбуждали верующих, угрожали провокациями.

В результате неоднократных бесед ответственных работников Совета с архиепископом Николаем и мер, принятых через патриарха Пимена, нам удалось нейтрализовать этого правящего архиерея, добиться проведения реставрационных работ в соборе с прекращением в нем временно (на полтора — два года) богослужения.

Уполномоченный Совета по Владимирской области тов. Макаров пишет:

«Главную роль в деле усиления позиции церкви играет епархиальное управление, возглавляемое архиепископом Владимирским и Суздальским Николаем. Умело представляя церковь при встречах с иностранными делегациями и бывая в этих делах полезен, в то же время стремится взять под свое влияние исполорганы, создать сильные церковные хоры, омолодить кадры членов «двадцатки», обслуживающего персонала церквей и снять ограничения с колокольного звона.

Вопросу укрепления кадров священнослужителей, их омоложению архиепископ Николай уделяет особое внимание.

Он, не выходя за рамки закона, осуществил ряд мер, которые активизируют верующих:

- увеличить число архиерейских служб, которые, как правило, проходят торжественно при большом стечении молящихся;
- требует от духовенства «чаще проповедовать, не лениться», в результате чего количество проповедей увеличилось;
- четко и в достаточном количестве организовал снабжение духовенства и религиозных объединений предметами культа;
- своевременно обеспечивает приходы кадрами священнослужителей, что дало возможность исключить срывы богослужений в церквях из-за отсутствия духовенства».

Следует отметить, что еще несколько лет назад, по просьбе органов Ростовской области, Николай, отличившийся высокой религиозной активностью, был переведен во Владимир. Теперь же и

должностные лица во Владимире ставят перед уполномоченным Советом вопрос о целесообразности перемещения Николая на другую кафедру.¹

В сентябре 1974 года стал правящим архиереем Курской епархии епископ Хризостом, зам. председателя ОВЦС патриархии, но уже в первые месяцы его правления от уполномоченного Совета по Белгородской области тов. Шаманова П. Ф. поступила информация о ретивых действиях епископа по оживлению религиозной жизни. В связи с этим Совет решил оперативно разобраться по ряду вопросов, вытекающих из информации уполномоченного Совета. С этой целью с епископом Хризостомом была проведена индивидуальная беседа, в которой Хризостом подчеркнул:

«Уполномоченный по Курской области Коробко Г. Ф. душевно понимающе относится к проблемам архиерея, а уполномоченный по Белгородской области Шаманов Петр Федорович видимо не встречался с религиозными людьми, не имеет опыта. В первой беседе со мной он говорил, что в церковь ходят только старики и старухи, молодежи нет. А когда я стал говорить, что это неправильно: я вот молодой архиерей, Петр Федорович ответил: — Это еще не известно, зачем вы туда пошли. Я, архиерей, считаю для меня оскорблением такие намеки».

В ходе беседы в Совете Хризостом твердо и настойчиво проводил мысль о том, что как епископ он обязан искать и подбирать кадры духовенства, трижды подчеркнув «с кадрами у нас дело обстоит катастрофически». Он выражал недовольство тем, что духовные школы мало принимают слушателей, отказывают в приеме бывшим комсомольцам, не обеспечивают потребности приходов в служителях культов, а поэтому ему приходится брать кандидатов для рукоположения из Тамбовской, Липецкой и других епархий, представлять большие списки уполномоченному, который не всех из них пропускает. Хризостом сказал:

«Мой предшественник епископ Николай не принимал верующих, а я принимаю и стремлюсь внушить им надежду на возобновление работы храма. У меня сейчас в епархии около сорока церквей не действуют из-за отсутствия священников, а я как зам. председателя ОВЦС и как епископ не хочу, чтобы про меня говорили: этот епископ — атеист, епископ — чекист, как про нас говорят. Я хочу быть чистым епископом в глазах верующих и иностранцев. Что же касается обвинения в мой адрес со стороны уполномоченного в активизации религиозной жизни, то я же не езжу по церквам и не предла-

¹ Что и было сделано. Архиеп. Николай был переведен на Калужскую кафедру. — Прим. Ред.

гаю верующим ходатайствовать об открытии церквей. Они сами приходят ко мне.

Я епископ, мне 40 лет. Из церкви я уходить не собираюсь. Хотя я слышал от атеистов немало обидного и оскорбительного, но теперь время такое, что сделаешь.

Вчера от настоятеля Белгородского собора я узнал, что в сентябре 1975 г. в собор приходила секретарь уполномоченного и запретила крестить детей в обычные дни, а только крестить по воскресеньям. Это делать нельзя и незаконно. Уполномоченного я еще не видел и с ним еще об этом не говорил.

Против Белгородского уполномоченного у меня обиды нет. Нам нужно работать в контакте».

Совет разъяснил епископу Хризостому, как начинающему правящему архиерею, каковы должны быть взаимоотношения архиереев с уполномоченными, а также основные положения законодательства о религиозных культах.

В тот же день, сразу после беседы с Хризостомом, в Совете состоялась встреча с уполномоченным по Белгородской области тов. Шамановым П. Ф. Ему рассказали о беседе с Хризостомом. В ответ тов. Шаманов сказал:

«Разговоров с епископом на атеистические темы, а тем более намеков, почему епископ пошел в церковь, я не вел. Видимо у него есть привычка передергивать в разговорах. Я это учту на дальнейшее; что же касается активной деятельности епископа, то он действительно стремится активизировать религиозную жизнь. В области не действуют несколько лет более 20 церквей, в 6 из них Хризостом уже подобрал священников и представил список еще на 16 кандидатур. Хризостом активно выезжает по приходам с архиерейскими службами. Мы усматриваем в этой ретивости стремление укрепить церковь и желание укрепить авторитет среди местного духовенства и верующих.

Епископ не прав в том, что якобы мой секретарь был в сентябре прошлого года в соборе и давал указания проводить крещение только по воскресеньям. Этого не было. Секретарь уполномоченного — это технический работник и другими вопросами не занимается».

Епископ Хризостом, как было нами установлено, действительно показал свою религиозную ретивость, поставил своей целью возобновить деятельность затухающих приходов, активизировать верующих, не брезгуя на этом пути никакими средствами, вплоть до наговоров на уполномоченного Совета с целью его компрометации.

О неправильном поведении Хризостома сообщил в Совет и уполномоченный по Курской области тов. Коробко. Так, выступи-

пая 20 октября 1974 г. в Курском соборе с проповедью, пишет в Совет тов. Коробко, Хризостом говорил:

«Человек в своей земной жизни приобретает право на вечную жизнь с Богом или лишается этой радости. Неверующие люди говорят мол Бога нет, а верующие знают и верят в существование Бога. Неверующий человек, поднявшись над землей на несколько десятков или сотен километров, говорит, что не видел Бога, а потому мол Бога нет, а верующий знает, что Бог есть в сердце. Но и неверующий много принимает по вере, например, ученые говорят, что вселенная не имеет границ, она беспредельна, и неверующий этому верит».

«Проповедь епископа, — сообщает в этой связи уполномоченный Совета, — вызвала много различных толков, вплоть до того, что он выступал против власти». Хризостом согласился с тем, что эта проповедь была неудачной и обещал впредь тщательнее продумывать содержание своих выступлений перед верующими.

После назначения в Курск к Хризостому стали приезжать, помимо его знакомых по учебе в семинарии, академии и совместной службе, такие лица, которые серьезно скомпрометировали себя в прошлом.

Хризостом рукоположил в сан священника и взял на службу в церкви епархии несколько человек своих знакомых».

Некоторые служители культа проявляют недовольство положением церкви в СССР и высказываются за расширение участия церковников в общественно-политической жизни страны. Так, уполномоченный по Астраханской области тов. Мукорин сообщает:

«Епископ Михаил поддерживает мнение экстремистских церковных элементов в том, что наступило время изменить статьи Конституции СССР в плане расширения прав религиозных организаций, которые следовало бы в избирательных правах приравнять к другим общественным организациям страны — дать право выдвигать своих кандидатов в депутаты Советов всех звеньев. По мнению епископа, представители церкви в Советах могли бы успешно осуществлять потребности нашего государства.

Епископ болезненно воспринял постановление Поместного собора о предоставлении религиозным обществам права самостоятельно решать организационные и финансово-хозяйственные вопросы».

Астраханский епископ Михаил не только высказывается за расширение прав церкви, духовенства, но и действует. За последнее время Совету стали известны неблагоприятные поступки епископа по отношению к бывшему уполномоченному по Астрахан-

ской области тов. Комиссарову В. А., должностным лицам местных органов власти, негодным ему членам исполорганов религиозных объединений. Так, в конце 1974 г. епископ Михаил представил в Совет «рапорт», в котором стремился всячески принизить нового уполномоченного по Астраханской области тов. Мукорина, скомпрометировать его в глазах руководства Совета. В связи с этим тов. Мукорину В. М. было предложено дать объяснение по существу письма епископа. В своем ответе уполномоченный нам писал:

«Епископ Михаил, видимо по своему складу характера и мании величия, допускает грубые и огульные обвинения государственных органов в их якобы нарушениях законодательства о культах и Советской Конституции, тон его письменных обращений, как впрочем и тон настоящей жалобы высокомерный, что может привести, о чем меня уведомил облисполком, к постановке вопроса о нежелательности пребывания епископа в Астраханской области».

В указанном письме и информационном отчете за 1974 год уполномоченный Совета тов. Мукорин В. М. дал аргументированный отпор неправомерным притязаниям епископа и его вольного толкования законодательства о культах. Руководство Совета намерено провести с епископом Михаилом беседы по ряду вопросов, учитывая, что на него поступают жалобы от верующих.

А вот что пишут патриарху Пимену в своей жалобе на епископа Михаила члены исполоргана и ревизионной комиссии религиозного объединения Ивано-Златоустской церкви г. Астрахани:

«Настоящей жалобой обращаемся к Вам, на необоснованные действия управляющего Астраханской епархией Преосвященного епископа Михаила.

В течение 7 месяцев в нашем храме служил рядовым священником прот. о. Георгий Удовенко, в сентябре 1974 г. епископ Михаил назначил его на должность настоятеля нашего храма. С первых же дней своей настоятельской деятельности прот. Удовенко повел себя неправильно, стал грубо нарушать постановление Поместного собора РПЦ относительно финансово-хозяйственной деятельности в приходах... активно вмешивался в финансово-хозяйственную деятельность исполнительного органа, требовал повысить ему оклад до 600 рублей. Кроме того он требовал обеспечить его за счет церкви рьясами, подрясниками, зимней и летней обувью и чтобы нелегально поощрять его дополнительной суммой денег, кроме получаемого оклада.

Этот настоятель (Удовенко) близко приближен к архиерейскому дому и в своих действиях пользуется поддержкой епископа Михаила. ...сам епископ потворствовал ему своей поддержкой во всех его капризных действиях..., строго при-

казал исполнительному органу работать в контакте с настоятелем прот. о. Удовенко.

При этом... пригрозил: «Если только одно слово из этого разговора выйдет из моего кабинета, то всех вас уволю от занимаемой должности и отлучу от церкви».

После такой беседы прот. Удовенко еще больше и смелее стал вмешиваться в финансово-хозяйственную деятельность прихода, требуя в приказном порядке от исполоргана выдавать различным лицам из числа церковных служащих и певцов материальные пособия в крупных суммах на лечение.

(Епископ Михаил, а затем прот. Удовенко использовали церковный амвон с угрозами против несговорчивых и неудобных им лиц).

В интересах церковного дела и мирной жизнедеятельности прихода, чтобы не осложнять дальнейших отношений с настоятелем, из-за его вмешательства в хозяйственные дела, исполорган 15 ноября 1974 г. своим решением расторг с прот. Удовенко устный трудовой договор, о чем обоснованно в письменной форме довел до сведения уполномоченного по делам религии по Астраханской области.

После этого епископ Михаил начал нам открыто грозить различными карами..., не стал отпускать для нашего храма свечей в течение 3-х месяцев..., сократил количество ежедневных общественных богослужений. Членов исполоргана епископ назвал раскольниками и отступниками, говоря: зачем и как смели жаловаться на своего настоятеля атеисту — уполномоченному по делам религии по Астраханской области т. В. М. Мукорину. ...Епископ Михаил вынес для нас страшное определение... отлучил от святого причащения членов исполнительного органа сроком на 2 года и разослал это определение по всем приходам для назидания другим, как перечить епископу».

Так епископ Михаил, с одной стороны, заверяя в своей лояльности государству и проводя необходимую работу за рубежом в интересах государства, с другой — пользуется этим в своей епархии для подстрекательства служителей культа и фанатичных верующих к нарушению законов о культах, созданию обстановки недоброжелательства и недоверия исполорганов к уполномоченному Совету.

Некоторые епископы настойчиво ищут и находят пути усиления воздействия на служителей культа и исполорганы религиозных общин. Так, например, уполномоченный Совета по Николаевской области тов. Фунихин пишет:

«Архиепископ Боголеп в приходы, где религиозные объединения расторгли договор, решил подолгу не назначать новых священников. Делегации верующих, приезжающих к нему на прием, он исподволь настраивает против строптивых старост. И старосты, которых мы поддержали, оказались под

прессом религиозных фанатиков, которые готовы идти на всё, чтобы ублажить архиепископа.

Правящий архиерей через аппарат епархии, а также через приходских священников применяет и другие формы завуалированного действия и воздействия на старост. Многие представители исполорганов церквей, побывав в епархии, жалуются, что их заставляют привозить наличные деньги и непосредственно в епархии вносить на содержание епархии, иначе... на получение свечей и других материалов.

В 1974 году архиепископ Боголеп стал вызывать каждого приходского священника для личного получения «миро», причем некоторых — по 2 раза в год (раньше «миро» получали только благочинные). Подобные вызовы священников — прикрытая форма «инструктажа» своих кадров для усиления давления на исполорганы общин.

Уполномоченные Совета, местные органы власти, проводя с епископалом работу по его политическому воспитанию, не проходят мимо фактов нарушения советских законов.

Уполномоченный Совета по Житомирской области тов. Герашенко пишет:

«Архиерей Палладий и настоятель собора Васьковский постоянно вмешиваются в финансовые и организационные дела. В общине утвердилось правило, по которому без благословения архиепископа никто не может быть избран в руководство общины, а лица не удостоенные милости архиерея, несмотря на регистрацию Уполномоченного Совета и одобрение горисполкома, практически не допускаются к исполнению возложенных обязанностей.

Мы и горисполком указали на грубое нарушение законодательства, горисполком вынужден дать предписание, позволяющее в рамках закона навести порядок в общине, однако и архиепископ и настоятель должных выводов не сделали и продолжают вести закулисную борьбу. Нами совместно с горисполкомом разрабатываются соответствующие меры по наведению законного порядка».

Епископат — правящие архиереи, осуществляя свое призвание «утверждения и распространения православной веры и благочестия в его пастве», используют в этих целях епархиальные советы и благочинных. Однако и здесь уполномоченные Совета находят возможности для ограничения их деятельности. В связи с сокращением количества приходов, отходом верующих от религии эти формы управления постепенно исчезают.

Так, например, в 1967 г. из 67 епархий, числящихся в нашей стране, только в 5 были епархиальные советы (в т. ч. во Владимирской, Ворошиловградской, Краснодарской, Ленинградской, Одесской епархиях). Большинство правящих архиереев считают возможным самим лично «вершить и править» делами епархий.

В 47 епархиях правящим архиереям оказывают практическую помощь 326 благочинных.

Количество благочинных в епархиях различно и определяется правящим архиереем с учетом общего числа зарегистрированных религиозных объединений. Так, например, в Львовско-Тернопольской епархии благочинных — 37, Волынской — 20, Иваново-Франковской, Минской, Московской по 13, Киевской — 12, Черниговской, Таллинской, Ставропольской, Курской по 9, Кировоградской — 8, Черновицкой, Хмельницкой по 7 и т.д.

Какие функции выполняют и какие задачи ставят перед ними правящие архиереи, можно видеть из следующих примеров.

Архиепископ Кубанский и Краснодарский Алексей в отчете за 1974 год в Московскую патриархию пишет:

«Благочиннических съездов, как таковых, с участием духовенства и мирян не практикуется. Однако нами было созвано совещание о. о. благочинных, на котором выявлено, что они не все четко знают свои обязанности и правопорядок. В связи с чем дано разъяснение их прав и обязанностей.

1. О.о. благочинные наблюдают за деятельностью и поведением приходского духовенства округа.
2. Объявляют подведомым им причтам распоряжения епархиального архиерея.
3. В случае нужды делают братские указания приходским настоятелям и другим членам причта.
4. Заботятся об удовлетворении религиозных потребностей верующих в приходах, не имеющих временно священнослужителей.

О.о. благочинные имеют право служить в любом приходе своего округа. При необходимости заместить приход, хотя бы временно, о. благочинный связывается по этому вопросу с епархиальным управлением.

5. Ходатайствует перед архиереем о награждении заслуживающих поощрения членов причта округа.
6. О своей деятельности и о состоянии вверенных округов представляют отчет епархиальному архиерею.

Инспектируя приход о. благочинный должен иметь в виду следующие вопросы:

— настоятель должен знать каждого члена зарегистрированного общества и дать правдивую, беспристрастную характеристику каждому члену общества,

— настоятель обязан знать лично и остальных сотрудников, обслуживающих храм и богослужение, и поэтому ему необходимо иметь список всего состава.

О.о. благочинные не должны специально подвергать своему контролю материально-финансовую часть в приходе. Однако, когда при рассмотрении деятельности духовенства и обслуживающего персонала выявляются ненормальности и

по хозяйственно-материальной части, то таковые следует отражать в своих докладах, т. ч. всякое нарушение правопорядка является делом безнравственным, а настоятель несет ответственность перед своим епископом за нравственное состояние всего прихода.

При посещении приходов о.о. благочинным полезно нанести визит секретарю райисполкома, узнать какие с его стороны имеются к приходу претензии и постараться навести нормальные взаимоотношения руководителей прихода с местной властью».

Следует сказать, что некоторые пункты этих указаний правящего архиерея в адрес благочинных преследуют цель усилить влияние на служителей культа, исполорганы и учредителей обществ, изучать их настроения, взгляды, деятельность, в том числе и финансово-хозяйственную, через благочинных иметь посредника между местными органами власти и религиозными обществами.

Аналогичные цели ставит перед благочинными и Николай, митрополит Львовский и Тернопольский, который в патриархию пишет:

«Священников в их служении, в их пастырских трудах, псаломщиков и устройство церквей проверяют районные благочинные. О нарушениях, требующих исправления, рапортуяют в епархиальное управление. Областные благочинные по Львовской области и отдельно по Тернопольской области ежегодно проводят также визитацию и благочиний и приходов, докладывая о результатах правящему архиерею. Я со своей стороны вызываю нарушителей для отцовского наиздания, а если есть необходимость, то и строго канонически наказываю.

...Благочинные районные являются одновременно и настоятелями своих приходов и проверяют приходы благочиний в будние дни. Поэтому желательно, и даже необходимо, чтобы областной благочинный не имел прихода, а был штатной единицей управления епархиального — один по Львовской и один по Тернопольской области. Они имели бы возможность в любое время, а главное в воскресенья и праздники проверять, как соблюдается православный устав по церкви и поучениями исправлять священника, псаломщика и верующих. Священники на провинции имели бы возможность служить соборно с областным благочинным и более точно входить в рамки православного устава».

Как видно, митрополит Николай не прочь совершенствовать работу благочинных, добиваясь «штатных единиц» специальных благочинных по Львовской и Тернопольской областям, которые бы не были закреплены за приходами и могли чаще контролировать деятельность рядового духовенства.

Исп. обяз. уполномоченного Совета по Карельской АССР тов. Ракчеев сообщает:

«Благочинный церковью олонекской епархии Чепиль Я. А. небезуспешно ведет миссионерскую деятельность, о чем говорит тот факт, что выпускник Петрозаводского медицинского училища Попов Сергей Александрович, 1947 г., в 1974 г. по характеристике благочинного поступил в Ленинградскую духовную семинарию.

Чепиль Я. А. (1937 г. рожд.) требователен к себе и настойчиво требует «работать без усталости на ниве божией» и других служителей культа».

Правящие архиереи утверждают благочинными наиболее подготовленных служителей культа из числа людей среднего и старшего возрастов, которые зачастую проявляют активность в религиозной жизни. Так, уполномоченный Совета по Томской области тов. Добрынин информирует:

«Православное духовенство области в 1974 г. по инициативе и под влиянием благочинного Пивоварова А. И. активизировало свою деятельность по распространению религиозного влияния на население. В начале года, а именно во время «великого поста» Пивоваров объявил с амвона, что верующие могут пригласить к себе домой священника в любой район, в любое село. Это сообщение распространилось среди верующих и они стали присылать заявки на проезд священника со всех концов области.

Право на исповедь на дому и соборование тяжелобольных было использовано благочинным и его подчиненными в собственной интерпретации для совершения коллективных обрядов над практически здоровыми людьми на квартирах верующих. Священники по заданию Пивоварова побывали в различных районах, а он сам выезжал в Томский, Шегарский, Бакчарский и Кожевниковский районы. Предварительно туда выезжали эмиссары благочинного, рекламировали проезд его, готовили помещение, а вслед за ним приезжал священник и совершал коллективные обряды. Вместе со священником обычно выезжали два человека, которые торговали на местах предметами культа и помогали при совершении обряда.

Каждый выезд священника в район, где несколько лет его не было, явился сенсационным событием в том селе, подогревал религиозные чувства верующих, вызывал нездоровый интерес у неверующих и индифферентных людей, служил целям пропаганды религии. Нами приняты меры по прекращению подобных выезжей».

Факты показывают, что многие правящие архиереи, секретари епархиальных управлений, благочинные и их приближенные стремятся чаще выезжать на приходы, преследуя корыстолюбивые цели, в погоне за деньгами.

Из Николаевской области уполномоченный Совета сообщает о негласной таксе за архиерейские службы на храмовые и другие праздники:

— епископу и секретарю епархии — по 100 руб., диакону — 50, благочинному — 25, участвующим в соборном служении священникам — по 25 руб., подьяконам — по 15 руб., шоферу епископа — 15 руб. Кроме того, устраивались пышные обеды, на которые расходовалось до 300 руб. Таким образом, архиерейский прием обходился той или иной церкви до 700-800 руб. и эти деньги выделялись путем всяческих финансовых махинаций, или, как было в г. Жовтневом — частично путем незаконного сбора по квартирам верующих».

Многие празящие архиереи, как писали в Совет уполномоченные, проявляют стяжательство, пытаются хапать деньги, не брезгуя никакими средствами. Так, уполномоченный Совета по Ростовской области тов. Политико пишет:

«Иосаф — правящий архиерей, опытный и хитрый церковный деятель, по своим убеждениям фанатично верующий монах, в прошлом был настоятелем монастыря. Прилагает много усилий и ухищрений по активизации религиозной деятельности в области, рекомендации уполномоченного воспринимает болезненно и под всякими предлогами не выполняет их. Епархиальный совет существует формально, от руководства епархией устранен, всем занимается сам. В последнее время ссылается на плохое состояние здоровья, в то же время в Ростовском и Новочеркасском кафедральном соборах, а также в других церквях г. Ростова систематически проводит широкие, помпезные архиерейские службы с монастырским уклоном. Жаден к деньгам. По приезду в Ростов положил себе оклад жалования 100 руб. в месяц, помимо этого получает представительские 300 руб. в месяц, живет в архиерейском подворье на всем готовом, т. е. за счет епархиального управления.

Из доверительных источников известно, что после каждой архиерейской службы вне Ростовской области неофициально получает деньги — пакеты по 150-200 рублей».

Остальные архиереи, как показывают факты, способны на шантаж и подкуп, во имя опять-таки своих корыстных целей. Уполномоченный Совета по Вологодской области тов. Матасов сообщает:

«Фактов враждебной политической деятельности среди служителей культа в области нет. Многие из них, включая епископа Дамаскина, в беседах подчеркивают свой патриотизм к советскому государству. Но полагаться на эти патристические заверения без определенной осторожности, на мой взгляд, нельзя. В основной массе — это порочные люди: беспредельно алчные, завистливые, двуличные и честолюбивые.

Епископ Бодрый Алексей Иванович (в постриге Дамаскин) ...по уровню материальной обеспеченности и образу жизни это буржуа, обкрадывающий верующих. И этот образ жизни его удовлетворяет, он полон самодовольства. Заступив на должность управляющего епархией, Дамаскин заверил меня, что он будет работать в полном контакте с уполномоченным, «у нас с вами все будет хорошо», — заявил он. В этой же беседе сделал мне приглашение в тот же день пожаловать к нему в гости. Он говорил: у меня все есть, келейник хороший кулинару, посидим вечером, побеседуем и т. д.

Через неделю Дамаскин явился по своей инициативе в конце рабочего дня. После короткого разговора по надуманному вопросу он словами «вы не хотите навестить меня, поэтому давайте выпьем у вас», достал из портфеля бутылку коньяку. Я заставил его убрать коньяк и сказал, что у нас нет оснований для таких отношений, что деловые отношения должны строиться на здоровой основе. Он без тени смущения встал, попрощался, собираясь уйти. А потом вынул из кармана небольшую коробочку и положил ко мне на стол: «это вам сувенир». Я отодвинул коробочку в его сторону: «уберите это». Дамаскин сказал: «это пустячок», снова пододвинул ее ко мне, повернул и вышел. В коробочке были наручные часы «Ракета» стоимостью 160 руб. (по паспорту).

На второй день я пригласил Дамаскина, вернул ему часы, еще раз подчеркнул, что не взятки, а здоровая основа должна регулировать наши отношения.

В замыслах епископа Дамаскина я усмотрел желание вести религиозную деятельность без учета законодательных ограничений. А чтобы уполномоченный не мешал, он стремился его купить или скомпрометировать. Это приемы чуждого нам человека. Пока я не имею фактов о нарушении законодательства о культах епископом Дамаскиным. Нет оснований считать его не лояльным к советской власти. Но не могу поручиться и за его преданность».

Совет по делам религий имеет представление о каждом архиерее. Мы систематически получаем на них характеристики от уполномоченных. Установлен порядок, при котором управляющие епархией, ежегодно приезжая в патриархию со своими отчетами, посещают и Совет. С ними проводится обстоятельная беседа. Выясняются настроения, положение дел в епархии. Однако политическую работу с этой влиятельной категорией священнослужителей следует всячески совершенствовать. Уровень нашей работы с епископатом решает многие задачи; она служит интересам государства.

2. О кадрах служителей культа на приходах.

Духовенство, занятое на приходах (священники, диаконы, псаломщики) находятся в прямой зависимости от занимаемого в иерархической лестнице положения. Они подчиняются непосредственно правящему архиерею, но в то же время служат по найму в религиозном обществе, заключают договор о служении с его исполнительным органом.

Служители культа проповедают вероучение, оказывают непосредственное влияние на верующих. От них в известной степени зависит характер религиозности населения, их настроенность, а также и взгляды мирян на окружающую действительность, отношение верующих к актуальным вопросам современности.

Совет по делам религий, его уполномоченные систематически занимаются изучением кадров служителей культа, проводят с ними индивидуальные беседы, воспитывают в духе уважения к советским законам; вся политическая работа с духовенством осуществляется в интересах государства.

Секуляризация и другие позитивные процессы, отход значительной массы населения от религии, ослабление позиции церкви оказывает влияние и на состав духовенства. Вот данные о количестве священников и диаконов за последние 13 лет:

	1961	1967	1971	1974	1974 в % к 1961
Священников	8.252	6.694	6.234	5.994	70,2
Диаконов	809	653	618	594	70,3
итого:	9.061	7.347	6.852	6.588	70,2

Анализ таблицы позволяет сделать ряд выводов:

Во-первых, количество священников и диаконов в Русской православной церкви за минувшие годы сократилось на 2473 чел., т. е. почти на 30%.

Во-вторых, количество священников сократилось не только в 60-е годы, но и в последующее время, так, за 4-х летие (1971-1974 гг.) их число уменьшилось на 240 человек.

В-третьих, несмотря на выпуск новых служителей из духовных школ и рукоположение архиереями местных активистов, абсолютное уменьшение священников и диаконов в среднем за год составляло 190 единиц; за последнее четырехлетие темп численности сокращения хотя и уменьшился, но все же составил еже-

годно 66 единиц, что свидетельствует о том, что церкви не удается не только расширенное, но и просто воспроизводство кадров.

И, в-четвертых, священников теперь стало меньше, чем церквей. Так, на 1-е января 1975 г. на регистрации состоит 7062 церкви, а священников только 5994. Нехватка кадров — одна из причин прекращения деятельности многих религиозных объединений. Часть священников ныне обслуживают по два и даже по три церкви по совместительству.

Статистика за 1974 год раскрывает и другую сторону духовенства, его качественный состав. Так, в числе священников по возрасту насчитывается: до 40 лет — 20,3%, от 42 до 60 лет — 31,2%, старше 60 лет — 48,5%. Священников с высшим образованием насчитывается 139 человек, со средним — 2556 чел. и начальным — 3299 человек; с высшим духовным образованием — 1089 чел. или 18% от всего их состава, в том числе кандидатов богословия — 422, магистров — 29, докторов — 5; со средним духовным образованием — 2375 чел. или 39,6%.

Оценивая эти данные, хотелось бы обратить внимание на такие аспекты кадровой проблемы. Более половины всех священников (55%) имеют только начальное образование. С высшим образованием насчитывается только 139 чел. Высшее и среднее богословское образование имеет 3464 чел. или 67,7%. Более 40% вообще не имеет никакой теологической подготовки. И все же духовенство в основной своей массе — опытный идеологический противник. Оно имеет многолетнюю практику обработки верующих, умеет воздействовать на них, вести проповедь. Следует также иметь в виду, что самые крупные городские приходы обычно обслуживают священники с высшим богословским образованием. Управляющие епархиями всячески повышают их авторитет, нередко ставят настоятелями храмов, благочинными, поощряют церковными наградами.

Кризис с кадрами очень тревожит церковную верхушку, архиереев. Они ведут поиски выхода из положения, рукополагают во священники и диаконы церковных активистов, не имеющих богословского образования. В церквях ныне осталось менее 600 диаконов; эта категория священнослужителей используется как резерв для пополнения числа священников, без которых церковь не может действовать. Некоторые архиереи откровенно говорят, что если на приходе будет хотя бы и плохой священник, то церковь будет жить, ее не закроют. Именно таких священников и рукополагают. За последнее трехлетие (1972-1974) в духовный

сан было посвящено 438 человек, из которых 297 стали священниками. Однако и эти усилия православной иерархии не дали ожидаемых результатов. Статистика дает следующую картину. В 1972 г. состояли на регистрации 6234 священника, а на 1 января текущего года — 5904. За минувшие три года естественная убыль священников (смерть, уход на покой и пр.) составила 537 чел. В результате сложилось так, что воспроизводство священников составило всего лишь 67% к убыли. Остальные 141 рукоположенных стали за последнее трехлетие диаконами и псаломщиками. В этом свете кризис с кадрами не может ни в коем случае нас успокаивать. Церковь очень живуча. Она получает поддержку верующих, актива. Да и высшие власти ее, епископат, не дремлют. Делается все для того, чтобы приостановить прекращение богослужения в церквях, найти людей, которые могли бы отправлять требы, вести богослужения.

Для того, чтобы суть проблемы с кадрами стала более ясной, сошлемся на информацию уполномоченных Совета.

«В религиозных обществах русской православной церкви Херсонской обл. ощущается острая нехватка кадров, — пишет уполномоченный Совета тов. Сухой. — Стремясь выйти из такого положения, епархиальное управление и благочинные на местах привлекли к богослужению всех бывших заштатных священников. Однако и того оказалось мало...

Еще более кризисное явление наблюдается в кадрах псаломщиков и диаконов. Только в одной из 42 действующих церквей имеется штатный псаломщик. В остальных или же их совсем нет или функции их выполняют случайные люди.

Подобное положение и с кадрами диаконов. И все же нехватка духовенства не привела к резкому снижению религиозной жизни. Адаптируясь в сложных условиях, религиозные общества не пришли к упадку. Они с каждым годом увеличивают доходы. Больше стало обрядов. С каждым годом все больше и больше заботы о благосостоянии церкви проявляют исполнительные органы, «двадцатки», роль которых за последние годы активизировалась».

Уполномоченный Совета по Львовской обл., г. Иншим сообщает:

«Епархиальное управление имеет большой некомплект священников. На 657 церквей, состоящих на регистрации, имеется всего 402 священника. Отдельные священники по этой причине обслуживают две и более церкви.

Свой недокомплект духовенство стремится восполнить путем вовлечения молодежи на учебу в духовные семинарии. В этом направлении они проводят активную деятельность и не безуспешно. В 1974 г. им удалось подобрать 47 человек, что составило примерно 30% от числа всех изъявивших желание обучаться в семинариях на Украине».

В Ивано-Франковской обл. из-за «нехватки кадров» духовенства из 363 зарегистрированных церквей постоянно действует 182, периодически (1-2 раза в месяц) — 126, лишь в большие религиозные праздники (4-5 раз в год) богослужения проводятся в 23 церквях, и 33 зарегистрированных религиозных общества не действуют вообще.

Уполномоченный Совета по Эст. ССР т. Пийп сообщает:

«По состоянию на 1 января 1975 г. в 43 церквях отсутствуют постоянные служители культа, или говоря иначе, почти 50% церквей не имеют священников. Стараясь как-то обеспечить церкви духовенством, имеющиеся кадры используются по совместительству. Иные священники имеют по 3-4 прихода. Но и это не выход из создавшегося положения».

Многие правящие архиереи, потеряв надежду пополнить ряды духовенства за счет выпускников семинарий и академий, принимают меры к пополнению кадров клира за счет местного населения.

Уполномоченный Совета по Черниговской обл. т. Полонский сообщает:

«...продолжается прежняя тенденция в деятельности архиепископа Антония, который пытается, хотя бы временно, приписать священникам по два церковных прихода, чтобы предотвратить «затухание» тех из них, где по 2-3 года не проводятся службы, а священники идут на это с большим нежеланием, мотивируя старостью и болезнью.

Архиепископ Антоний в одной из бесед с уполномоченным заявил, что его интересует не сколько будет приходов, а какие будут приходы, чтобы они давали как можно больше денег.

В прошлом году Антоний посвятил в сан священников 10 чел. в Черниговской и Сумской областях».

В 1974 г., как уже отмечалось выше, было посвящено в духовный сан правящими архиереями на местах 297 чел. В том числе в РСФСР — 143, Украинской ССР — 134, Молдавской — 19, Белорусской — 9.

Особенно активно занимались посвящением в духовный сан правящие архиереи: Феодосий Смоленский — 20 чел., Иоанн Ярославский — 18, Никон Архангельский — 8, Симон Рязанский — 8, Иосаф Ивано-Франковский — 22, Николай Львовский и Тернопольский — 23, Григорий Мукачевский — 9, Никодим Харьковский — 8 и т. д.

Как и в прошлые годы большинство посвященных в сан — это люди с низким общеобразовательным уровнем, не имеющие определенной духовной подготовки. Ряды духовенства пополнились

в прошлом году и за счет некоторых бывших членов партии, комсомола, участников Великой Отечественной войны.

В 1973 г. рукоположен в сан диакона, а в 1974 г. — священника Горьковской епархии Шелков Н. И., 1931 г. рожд., образование среднее техническое, ранее работал в Горьком на машиностроительном и авиационном заводах в качестве начальника инструментального хозяйства, мастера и старшего мастера. За прогулы с должности был снят и переведен в слесари. С 1954 по 1969 гг. состоял членом КПСС, а в июле 1969 г. исключен из рядов партии за нарушения трудовой дисциплины.

Уполномоченный Совета по Псковской обл., тов. Филиппов сообщает:

«20 октября 1974 г. архиереем был рукоположен в сан пресвитера некий Валиков Федор Иванович 1924 г. рожд., с начальным образованием. Это участник войны, награжден орденом Красной Звезды, медалями «За отвагу», «За боевые заслуги» и др.

В 1974 году к правящему архиерею Ярославской епархии обратился с просьбой о рукоположении в сан священника житель г. Москвы Балашов В. А. 1947 г. рожд., окончивший заочно в 1972 г. истфак МГУ; представил в епархию характеристику, выданную командиром 1-й роты в/ч 07373 старшим лейтенантом Лопухиным в мае 1974 г., в которой указано:

«Балашов является руководителем группы политических занятий, занятия проводил доходчиво, грамотно и методически правильно. Часто выступал с беседами перед личным составом на различные темы, был ответственным за стенную печать и наглядную агитацию. Неоднократно поощрялся командиром части, награжден знаком «Победитель соревнования 1973 года». Политику партии и правительства понимает правильно».

Понятно, что такие «новопосвященные» служители культа и кандидаты для посвящения требуют особого внимания к себе, постановки должного контроля за их деятельностью со стороны уполномоченных Совета в местных органах власти.

Современное духовенство — своеобразная каста, престиж которой за последние годы упал не только в обществе, но и среди верующих. И тем не менее эта каста все еще способна формировать религиозное мировоззрение, поддерживая слепую веру в Бога, сеять мистику. На вооружение служителей культа поставлены не только «священные» книги и «святоотеческие» труды и предания, но и современная богословская литература,

содержащая наставления по всем вопросам пастырского служения, подхода к верующему человеку.

Священники ныне занимаются изучением психологии верующих. Различают разные их типы, к которым требуется особый подход, своя методология религиозного воспитания и воздействия. Так, профессор Московской духовной академии Ветелев поучает, что верующие не одинаковы, среди них есть разные типы религиозной веры, в том числе рационалисты-созерцатели, подвижники, добротворители, обрядоверы, мистики, юродствующие, ханжи и др.

Что это за типы? Ветелев объясняет так:

«1. *Рационалисты-созерцатели.* Это значительная раньше (до революции) и менее значительная теперь группа людей, христианство которых выражается в размышлении о нем, в мечтах и созерцаниях. Они пассивны в деле личного и общественного спасения. Склонны больше судить жизнь, чем «делать» эту жизнь, т. е. проводить в жизнь свои религиозные идеалы.

2. *Подвижники.* Это люди активного подвига в борьбе с греховностью своей собственной личной природы (монашество). Подлинных аскетов-подвижников всегда было мало, но к ним тянулись тысячи, ими жили миллионы. Для этих миллионов достаточно было знать, что где-то есть подлинная борьба с грехом, борьба к победе. Это знание бодрило людей, вселяло надежду на молитвенное представительство пред Богом этого подвижника и на возможность успеха и в своей личной борьбе с грехом.

Подвижники — незаметны. Их простым глазом не увидишь. Но они есть и сейчас...

3. *Добродетели* (добротворители). Это люди широкого христианского доброделания, открытой любви и милосердия, глубокого самоотречения ради общего спасения людей. Это подвижные, жизнерадостные, благоухающие люди. Ими всегда расширялись горизонты жизни, освещались темные закоулки человеческого горя, постигалась радость учения в судьбах сирых, обездоленных и страждущих.

Не перевелся этот прекрасный тип и сейчас, хотя и не так заметен на поверхности нашей религиозно-христианской жизни.

4. *Обрядоверы и суеверы.* Это люди не высокого духовного развития, упрямого ума и фанатического сердца. В религии для них главное не Бог, не благодать Божия, вспомоществующая и укрепляющая, а внешний обряд: пунктуальность в выполнении чина богослужения, таинств, молитв. Не столько живая вера и горячая молитва, сколько форма определяет для них всю значимость и действительность таинств богослужения. Обидеть, оскорбить, унижить человека для них — грех небольшой, а выпить стакан молока в среду или в пятницу

— грех большой и строго наказуемый. На исповеди такой обрядовер считает нужным активно каяться во втором грехе и пассивно и неохотно в первом.

Много таких обрядоверов было и раньше. Много их и теперь (особенно среди женщин).

5. *Мистики.* Их категории:

а) мистицизм в крайней форме. Религия объявлялась (первая половина XIX в.) как нечто универсальное, космополитическое. Сущность ее сводилась к внутреннему откровению через умную молитву. Все внешне-храмовое, обрядовое — второстепенно, необязательно, ненужно.

б) мистицизм умеренный, здоровый, вполне уместяющийся в рамках церковности;

в) мистическая созерцательность. Среди рядовых членов православной церкви существует и теперь очень небольшая прослойка мистиков. Их характерный признак: некоторая повышенность, приподнятость, а временами и экзальтированность в религиозных переживаниях и в устремлениях. Им всегда угрожает опасность самообольщения и прелести, столь обычных у мистиков всех времен и народов.

Вообще же эта группа мало устойчива и количественно незначительна.

6. *Разного рода и степени юродствующие.* К этой группе относятся не настоящие «Христа ради юродивые», а разных оттенков юродствующие.

К последним можно отнести особую группу фарисействующих и лицемеров, которые хотят казаться перед людьми, перед собой и перед Богом не тем, что они есть на самом деле. Некоторая степень юродства нередко свойственна и людям высокой духовной культуры. Чаще же всего оно — удел людей низкого духовного развития.

Родным братом юродствующего и фарисействующего является ханжа. Ханжи встречаются и в наших храмах. Они лучше всего выявляются на индивидуальной исповеди. Это в большинстве заискивающие, лживые, двуличные, неприятные люди.

Таковы основные типы русского религиозного сознания, встречающиеся в храмах нашей православной церкви.

Современный верующий человек представляет из себя в значительном большинстве смесь разных типов религиозного сознания и веры: от языческого до подлинно православного, с одной стороны, и от мистика-созерцателя — до ханжи — с другой. Очень мало людей чистого, выдержанного религиозного типа. Легче указать отдельные недостатки, грехи, уклонения, или, наоборот, достоинства, добродетели, чем определить тип религиозного сознания у того или иного представителя нашей современности. В этом заключается основная трудность в определении психологии веры современного человека и типа его религиозного сознания».

(А. В. Ветелев. *Гомилетика*. Для студентов II-го курса МДА, Загорск, 1949-69, стр. 147-153).

Богослов Ветелев, составляя типологию верующих, имел в виду не только рядовых мирян, но и служителей культа, одних он идеализировал, других осуждал, а в целом выразил свое отношение к каждому из типов верующих, преподавал пастырям уроки назидания о формах и методах дифференцированной религиозной пропаганды.

Многолетнее изучение состава духовенства подтверждает, что подавляющее большинство служителей культа лояльно относится к советскому государству, выполняет законы о культах, не вмешивается в функции исполнительных органов религиозных объединений.

Уполномоченный Совета по г. Киеву тов. Руденко пишет:

«Особое место в церкви занимает священник. Сейчас он уже не вмешивается в административные и хозяйственные дела, а знает, что от его духовной деятельности зависит все: и церковный актив, и прихожане, и этим пользуется. Духовные лица стали жить спокойно: они лояльны к государству, служат по седмицам, получают зарплату и «приварок», как говорят в церквях; платят налоги, получают оздоровительные, большую часть месяца не работают, лечатся и отдыхают. Однако, в каждой их «трудовой» неделе они работают очень активно, с высокой «производительностью» и успевают сделать не меньше, чем они делали 10-15 лет назад.

Отношение к духовным лицам имеет и интересное противоречие: с одной стороны их надо сокращать в силу их религиозного влияния, а с другой — верующих не уменьшается, и потребность в них растет; с одной стороны их надо компрометировать, а с другой — они лояльны, проводят свою деятельность в рамках законодательства, многое знают и на многое могут повлиять, и поэтому мы заинтересованы в проведении с ними определенной работы... Особенно при встрече и сопровождении иностранных туристов, религиозных и государственных организаций и делегаций, число которых с каждым годом увеличивается».

В связи с ростом иностранного туризма, определенного интереса зарубежных граждан к положению религии и церкви в СССР возрастают наши требования к служителям культа, которым доверяется контактирование с иностранцами. Следует сказать, что в большинстве своем доверие они оправдывают. Так, уполномоченный Совета по Новосибирской обл. тов. Николаев сообщил:

«В беседах с духовенством зарубежных церквей епископ Геден, священники Колодий, Бурдин и др. занимали патристическую позицию, разоблачали клеветнический характер некоторых вопросов, задаваемых членами американского совета церквей, особенно профессорами Прайсом и Редигном... На примерах деятельности церквей в Новосибирской обл. Геден показал, что в СССР строго соблюдается конституционное положение о свободе совести. Член американской делегации

священник Берзенский в качестве «подарка» пытался передать священнику Бурдину шубу. Однако Бурдин от подарка отказался, заявив при этом, что «у него имеется хорошая советская шуба».

В рядах духовенства наблюдается растущий интерес к идеям социализма, практике строительства нового общества, к повышению материалистических знаний. Уполномоченный Совета по Узбекской ССР тов. Рузметов пишет:

«Изучение православного духовенства в процессах личных контактов и через доверительные каналы показывает, что оно лояльно, знает основные положения законодательства о культах и в подавляющем своем большинстве выполняет их.

Многие служители выписывают газеты и журналы для себя и членов семьи или пользуются в этом отношении услугами различных сетей «Союзпечать». Судя по названиям подписки, их интересуют вопросы внутренней и внешней политики нашего государства, международная жизнь, достижения в области науки и техники, кино, музыка, постановка школьного воспитания, практика атеизма и др. Значительная часть смотрит телевидение и слушает радиопрограммы. Отдельные ходят в театры и кино, следят за новинками художественной литературы».

Многие служители культа реально смотрят на окружающую действительность, не проявляют особой активности в религиозной жизни, здраво рассуждают о внутренней и внешней политике советского государства.

Так, например, уполномоченный Совета по Псковской обл. тов. Филиппов сообщает:

«Прибывший в Псковскую область в июне 1974 г. священник Матюх С. Д. был определен на службу в Казанскую церковь г. Великих Лук. По прежнему месту службы в Смоленской области характеризовался положительно. За время пребывания в Псковской обл. с указанным священником уполномоченному Совету дважды приходилось встречаться и беседовать. В беседах затрагивались бытовые вопросы и выяснялись интересующие нас данные о его взглядах и настроении на современность.

Будучи человеком грамотным и соответственно подготовленным (кандидат богословских наук) Матюх при беседах вел себя непринужденно. Свободно и охотно рассказывал о своей жизни и высказывал мысли, исходя из которых нельзя считать его фанатиком. Современное положение оценивает здраво. Политику и курс нашего государства считает «целенаправленными, в которых содержатся близкие для всех идеалы мира и экономического сотрудничества между государствами, взаимовыгодное и полезное для каждой из сторон».

По информации комиссии содействия Матюх как проповедник сдержан, и если обращается к посетителям церкви,

то для своих выступлений избирает исключительно евангельские темы и преподносит их слушателям в строгих рамках без каких-либо призывов и увещаний».

Совет, уполномоченные в тесной связи с местными органами власти проводят постоянную воспитательную и разъяснительно-профилактическую работу с духовенством, стремясь не только держать его в рамках закона, но и снизить активность, ограничить влияние на верующих.

Небезинтересно как само духовенство оценивает свое место в обществе и церкви.

Священник Жураковский М. В., (Ивано-Франковская обл.) говорил:

«Государственным идеологическим органам удалось из священника сделать служителя культа. А священник и служитель культа — это не одно и то же. Священник — это духовное лицо, а служитель культа — ремесленник, который зарабатывает деньги. Большинство наших священников неверующие. Их богом стал рубль, которому они поклоняются. Ради этого «бога» они готовы продать родную мать».

Эта оценка служителей культа со стороны опытного и наблюдательного священника показывает, что в настоящее время все больше падает религиозный настрой и вера в небесные силы в рядах пастырей. Такую оценку ныне дают духовенству и правящие архиереи. Так, например, управляющий Уфимской епархией Феодосий в своем рапорте патриархи Пимену пишет:

«В епархии имеется немалое количество священнослужителей, обуреваемых разными страстями, не совместимыми с высоким пастырским служением и священным саном.

Главными и существенными пороками некоторых священнослужителей является злоупотребление алкогольными напитками, легкомысленное и соблазнительное поведение, халатное и неохотное исполнение своих обязанностей, небрежное отношение к святыне, грубость, сквернословие, стяжательство, самомнение, самоуправство и неподчинение».

Изучение показывает, что служители культа, которые, по словам Феодосия, относятся к числу «обуреваемых земными страстями», меньше уделяют внимания вопросам расширения религиозной пропаганды среди населения, стремятся в повседневной жизни больше поддерживать контактов с представителями местных органов власти, заискивают перед ними, охотно идут на доверительные контакты, раскрывая подспудные явления в приходах.

Уполномоченный Совета по Брянской обл. тов. Малеша пишет:

«По натуре священник Проселков (п. Клетня) груб, матер-

щинник и выпивоха, старается налаживать контакты с местными властями, приспособливается к обстановке.

Однажды во время службы, стоя на амвоне и размахивая кадиллом, он увидел, что в церковь зашел секретарь райисполкома. Не прекращая молитвы и в такт ей он пропел: «...вижу, Василий Максимович, вижу». Проселков Н. Н., 1929 г. рожд., около трех лет учился в музыкальном училище при консерватории им. Чайковского, окончил духовную семинарию».

В среде духовенства все чаще появляется разочарование в избранном пути, чувство тоски, одиночества, безсходности, недоверия к церкви.

Так, например, священник Матвеев (Липецкая область) говорит:

«Ушел бы я из церкви, порвал бы, ... да жаль маму, старенькая. ...Я раньше работал шофером, родители верующие и меня воспитывали в благочестии, я пойду причащусь в церкви, посмотрю, какой у них мир, покой, радость. Это когда не знал, а теперь, когда коснулся поближе, послушал склоки, дразги, скандалы... и ведь это не только у нас, почти в каждом приходе, и думаю, Господи, ну зачем Ты допускаешь это...»

Или вот другой пример, взятый из отчета уполномоченного по Иван-Франковской области. Бывший псаломщик религиозного общества с. Тростянец Снятинского района Пилипюк Н. К. 1918 г. рожд. возвратил уполномоченному справку о регистрации и заявил, что является инвалидом Великой Отечественной войны, работает кузнецом в колхозе и ему «стыдно ходить в церковь».

За последние годы в среде духовенства учащаются факты разложения, отхода от церковных канонов, нарушений предписаний церкви, что подталкивает верующих к переоценке религии, к раздумьям о безнравственности религии и ее носителей — служителей культа. Так, верующий в анонимном письме о настоятеле церкви в селе Варваровка Полтавской области пишет:

«Колесник Я. Г. компрометирует веру Христову и священнослужителей, напьется как сапожник, языком не повернет и кричит на хозяйку: а ну, подавай сюда сало, невзирая на то, что большой пост. Люди смеются, что батюшка уговаривает их соблюдать пост, а сам ест сало... Но это еще не все. Он на автобусных остановках шатается пьяный, на ногах не может стоять и языка не повернет».

«Не укради» проповедует духовенство с амвона. Однако, как подтверждают факты, духовенство проповедует одно, а совершает другое, не гнушаясь для личного обогащения и воровством.

Так, например, в декабре 1974 г., как сообщил уполномоченный, арестован и привлечен к уголовной ответственности священ-

ник Вознесенской церкви г. Курска Токманов Анатолий Степанович, 1940 г. рожд. окончивший в 1966 г. Одесскую духовную семинарию. Основанием для ареста послужили данные о том, что Токмаков являлся участником воровской шайки, совершавших хищения кур с бойлерной фабрики.

18 декабря 1974 г. епископ Хризостом подписал указ об увольнении Токмакова за штат. Случай со священником широко обсуждался среди верующих. 22 января 1975 г. в областной газете «Курская правда» помещен фельетон под заголовком «Детектив о бройлерах», где показывается участие священника Токмакова в краже кур с фабрики.

В среде священнослужителей все шире развиваются такие явления, как корыстолюбие, стяжательство, жадность, невоздержание, зависть, и т. п. «греховные проказы», которые становятся достоянием гласности для верующих и неверующих, подрывают устои церкви. Бывший председатель исполоргана православной общины в с. Унжа Костромской области Ю. В. Старкина, касаясь злоупотреблений, допущенных ею вместе со священником Исаченко И. Н., в объяснении от 8 августа 1974 г. писала:

«Я понимала, что эти деньги должны быть из церковной кассы, что я должна взять деньги тайно и отдать батюшке. Тогда я согласилась, но сказала батюшке, что когда буду брать деньги из кассы, то каждый раз буду говорить: о Боже, деньги верую не я, а батюшка. На это батюшка сказал: эко горе! Всего я отдала батюшке семьсот рублей».

Следует отметить, что исполорганы по-разному подходят к тем или иным «прегрешениям батюшек». Одни старосты, как мы указывали выше, идут ради духовенства на обман и воровство. Другие — честные и более проницательные председатели исполорганов расторгают договор со служителем культа. Так, например, в Донецкой области исполрган церкви в с. Снежное уволил служителя культа В. Баленко за присвоение денег, полученных во время совершения религиозных обрядов, а в г. Красноармейске священника Д. Гапонова освободили за организацию интриг против членов двадцатки.

В среде духовенства немало и таких людей, которые совместно с исполорганами, хористами и обслуживающим персоналом ведут поиски путей своего обогащения. Так, уполномоченный Совета по Николаевской области тов. Чунихин пишет:

«Многие священнослужители ищут и находят возможности больше контактировать с верующими — как в церкви, так и вне ее. В подкрепление этой мысли надо привести цифры увеличения исповедей с 21590 в 1973 г. до 23350 в от-

четном (т. е. плюс 1760). Попы буквально рвутся на квартиры верующих, чтобы совершить отпевание на дому, где в гнетущей обстановке похорон религиозная пропаганда воздействует особенно эффективно на умы и сердца присутствующих и верующих, и неверующих родственников и близких покойного. Одновременно попы и хористы, присутствующие на похоронах, стараются урвать для личного обогащения нигде не учтенные пятерки и десятки. Некоторые священники, совершившие отпевание на дому, затем навещают несколько раз родственников покойного на дому и вместе с ними отмечают «третины» (третий день после смерти), «девятины», «сороковины», полгода и год после смерти. Таким образом, не один раз, а шесть по одному и тому же поводу они общаются и воздействуют на родственников умершего».

Некоторые служители культа, пытаясь усилить свое влияние на верующих, идут на открытое нарушение законодательства о культах, а в некоторых случаях и на захват руководства приходом с помощью приближенных. Так, например, уполномоченный Совета по Черниговской обл. тов. Подольский сообщил, что:

«Священник Ивасюк, будучи зарегистрированным в приходе в селах Широцы и Зарожаны Хотинского р-на, для активизации деятельности церковью стал использовать фанатично настроенных верующих орашей, опираются на них в работе. При крещении детей требовал от родителей предвзвешенно совершать обряд венчания, проводил катехизацию верующих. Когда же исполрган и двадцатка запротестовали, он собрал ночью группу фанатично настроенных верующих и объявил им, что отныне они, а не двадцатка — хозяева в церкви. Пришлось убавить пыл этого деятеля. Но уже будучи наказанным и перемещенным на другой приход, он продолжает подобную практику и там сейчас материалы в стадии проверки».

Пьянство, корыстолюбие, прелюбодеяния и другие пороки подрывают престиж религии, церкви в глазах верующих, могли бы стать темами для аргументированной атеистической практики христианской морали. Такая критика могла бы быть истолкована и попоедской. Но таковы современные попы, носящие в себе все пороки.

Иерархи, богословы вынуждены бороться с этим злом в рядах духовенства, опасаясь, что дальнейшее их распространение окажется пагубным для церкви в идеологическом, психологическом, экономическом аспектах. Этим проблемам посвящены иные выступления патриарха, епископата, преподавателей духовных школ.

Так, например, Михаил, архиепископ Тамбовский в «Богословских трудах» (1973, № 11) пишет:

«Наиболее неприглядными представляются пороки клира и, в частности, его руководителей-епископов... Горе пастырям, использующим паству в корыстных целях и забывающим о своем призвании.

Такое опьянение мирскими попечениями следует признать опаснейшей болезнью. Что за польза от слов, если нет подтверждающих их дел? Только тот, кто должным образом испытал и проверил себя, может обличать и наставлять других» (стр. 14).

Рассуждая об этих явлениях, богослов пишет, что «подобно многовидному разнообразию телесной проказы, приходится, к сожалению, наблюдать разные формы духовной проказы, растлевающей не только тело, но и ум и веру. Все это следует признать совершенно нетерпимым осквернением чистоты христианского общества» (стр. 14).

Другой богослов поучает, что жизнь верующего, особенно пастыря, должна быть подчинена «богомыслию, нестяжательности, милосердию и служению ближним... Самоотречение и отречение от болезненно рабских (земных) привязанностей и интересов — великий подвиг, означающий испытание духа человеческого, его мужества, силы.

...Кто действительно желает бессмертной жизни, тому следует быть выше, что есть в мире» (ЖМП, 1974, № 1, стр. 74-75).

Некоторая часть духовенства в минувшем году допускала нарушения законодательства о культах (см. раздел IV данного отчета). Для преодоления этого явления используются различные формы и методы. Одним из наиболее действенных средств является привлечение к этой работе правящих архиереев.

Так, например, после изучения ответственными сотрудниками Совета в прошлом году состояния контроля за соблюдением законодательства о культах в Московской обл., в ходе которого были установлены факты вмешательства священников в финансово-хозяйственную область дел исполорганов религиозных объединений, в Совет был приглашен Митрополит Крутицкий и Коломенский Серафим.

В беседе митрополиту Серафиму были высказаны конкретные примеры незаконных действий подчиненного ему клира Московской епархии, а также рекомендации по устранению нарушений социалистической законности. 13 ноября 1974 г. митрополит Серафим провел в епархиальном управлении беседу с благочинными, а 14 декабря направил на их имя соответствующее письмо, в котором, в частности, говорится:

«Считаю необходимым обратить внимание отцов благо-

чинных Московской епархии на все еще имеющие место нарушения отдельными священнослужителями приходов епархии советского законодательства о культах и церковной дисциплины.

Наиболее серьезным нарушением является стремление некоторых настоятелей храмов вмешиваться в хозяйственно-финансовую деятельность исполнительных органов приходов... Еще имеют место единичные попытки некоторых настоятелей нарушать решение архиерейского собора 1961 г. в ущерб благополучию на приходе, отстранять исполнительный орган от финансово-хозяйственной деятельности, полностью или частично лишать приход и получать возможность лично распоряжаться церковными денежными средствами. (Далее приводятся факты о протоиерее П. Афонском, село Орудьево, священник А. Коробейникове — село Карпово, А. Наумове — село Татаринцево).

К таким нарушителям закона, которые будут впредь вмешиваться в хозяйственно-финансовую деятельность прихода, будут применяться строгие дисциплинарные взыскания.

Бывают случаи нарушения священниками правил совершения треб по просьбе верующих у них на дому. Следует помнить, что разрешается только причащение и соборование одиночных больных, но не групп.

...Таинство крещения... разрешается совершать только в храмах, но не в домах. Аще кто обличен будет не хранящим постановленного нами: клирик да будет извержен, а мирянин будет отлучен.

Священник не имеет права совершать крещения над несовершеннолетними без наличия обоюдного на то согласия отца и матери крещаемого.

Если священник произносит проповеди, то проповеди должны быть по своему содержанию строго православными, содержать разъяснения евангельского повествования или апостольского послания в духе толкования их св.св. отцами и учителями церкви. Проповедь не должна содержать никаких политических или общественных вопросов или примеров.

Отцы благочинные должны разъяснять священникам приходов своего благочиния, что строгое соблюдение ими гражданского закона и церковной дисциплины является их долгом, как пастырей русской православной церкви, так и граждан нашей Великой Родины».

В среде служителей культа есть люди в прошлом судимые за различные преступления, затаившие злобу против советской власти, использующие религиозные организации в целях разжигания недоверия и вражды к атеистам, к социалистическому государству.

В числе их священник Дудко Д. С., 1922 г. рожд., который в 1948 г. был осужден по ст. 58-10 УК РСФСР к 10 годам ИТЛ. В процессе следствия в те годы было установлено, что Дудко,

будучи антисоветски настроенным, на протяжении ряда лет писал, хранил и распространял среди своих близких стихи и рассказы, в которых допускал злобные клеветнические помышления на политику КПСС и советскую действительность, на колхозное строительство. Призывая вести борьбу с безбожием, что отождествлялось им с советской властью. Освободившись в 1956 г. из заключения, Дудко стал священником в церквях г. Москвы. По имеющимся данным он в течение последующих лет продолжал писать пасквили, проповеди клеветнического характера, обрабатывал молодежь в идеологически вредном духе, хранил и распространял «самиздатовскую» и другую литературу, полученную из-за границы.

Местные органы власти проводили неоднократно профилактические беседы со священником Дудко, предупреждая его в том, что он занимается антиобщественной деятельностью, группирует вокруг себя молодежь, идеологически обрабатывает ее и распространяет среди них политически вредную литературу.

Однако священник Дудко не сделал для себя должных выводов и стал выступать с проповедями провокационного характера в церкви Николая Чудотворца (Москва, Преображенская ул.). Так, например, 20 апреля 1974 г. в проповеди он говорил:

«Безбожники воспользовались нашей боязнью перед страданием и подавляют наш дух, подавляют свободные мысли и чувства, ругают нас. Нужно преодолеть страх перед страданием и тогда мы станем по-настоящему свободны, жизнедеятельны, непобедимы. Тогда преодолеем насилующие нас опровержения безбожников воскресения Христова. Вера — это преодоление всякого насилия. Вера — это прорыв сквозь рогатки препятствий... Неверие — несвобода во всем.

...Мы должны похристосоваться с теми студентами, которые исключают из институтов за их религиозные убеждения, похристосоваться с теми, кого выгоняют с работы, кого притесняют десятки преследующих... Сейчас время такое, когда нужно ободрять, когда нужно кричать об опасности. Люди гибнут.

...Безбожия надо бояться, ибо это страшнее чумы... Я считаю, что преступник каждый, кто так или иначе вырывает веру у человека, веру в Бога. Надо помнить, что вера представляет бой. Христианин не может и не должен стоять в стороне, когда все гибнет».

По согласованию с органами мы провели соответствующую работу с патриархом Пименом и митрополитом Крутицким и Коломенским Серафимом, которые приняли меры по переводу священника Дудко из Москвы в Орехово-Зуевский район Подмосковья. Митрополит Серафим провел со свящ. Дудко две обстоя-

тельные беседы, после которых он письменно заявил: «обещаю в своих проповедях не касаться таких тем, что в той или иной степени напоминают политику, буду проповедовать на евангельские темы, разъясняя людям существо христианских истин».

Следует отметить, что 20 апреля 1974 г. священник Дудко выступил с приведенной выше провокационной проповедью, а уже 10 мая газета «Новое русское слово» (США) опубликовала большую статью под заголовком «Заткнули рот священнику», где в частности писали:

«О. Дмитрий восхвалял научные достижения Советского Союза, но выражал осуждения моральному и духовному падению населения за 50 лет советского режима и призывал слушателей к возврату к вере.

В прошлую субботу, по окончании своей проповеди о. Дмитрий объявил, что вынужден прекратить свои обычные беседы после службы по распоряжению патриарха Пимена. Прихожане и другие пришедшие на беседу люди, числом около 500, вынуждены были разойтись. Среди пришедших было большое число относительно молодых людей в возрасте от 25 до 35 лет.

Среди приходивших на его проповеди в церкви в свое время бывали писатель Солженицын с женой, писатель Владимир Максимов, также находящийся в настоящее время за границей, и другие».

Так, используя лояльных иерархов церкви, удалось вывести из состава московского клира священника Дудко, который пока на другом месте не проявляет свои антисоветские взгляды.

К сожалению, это не единичные факты.

Уполномоченный по Литовской ССР тов. Туменас пишет:

«Священник-монах каунасского Благовещенского собора Буравцев сколачивал в приходе отдельную группу наиболее фанатично настроенных верующих, главным образом, женщин и отдельно с ними проводил богослужения и обряды, внушая им, что каждый верующий должен иметь своего «старца», которому он во всем должен подчиняться. В церкви стала появляться религиозная литература в форме брошюр «Старчество» (мысли святых отцов о необходимости и пользе старчества и его руководства в духовной жизни). Появились в церкви и перифотграфированные листочки о «старчестве» и монашеской жизни «Оптинское елейное правило — пятисотница». Пытался вмешиваться в семейные дела верующих.

Буравцев по нашему настоянию правящим архиереем переведен в один из отдаленных приходов».

Священник Вотяков В. (с. Калиновка Тамбовской области), по словам местных жителей, проявляет «дикий фанатизм», проводит службу в церкви по 5-6 часов без перерыва, проверяет у

прихожан наличие нательных крестиков и, если нет таковых, заставляет немедленно приобрести их или отказывает в причастии; допускает недозволенные действия в отношении своих детей (запрещает дочерям вступать в пионеры, участвовать в общественной жизни школы). В беседе с классной руководительницей он отстаивал свое право на воспитание детей в духе священного писания.

Среди служителей культа имеются лица, которые стремятся использовать не только религиозные, но и национальные чувства верующих.

Уполномоченный Совета по Тернопольской области тов. Старовойт пишет:

«Одной из причин активизации церковников... на наш взгляд является реакционная часть священнослужителей, в прошлом униатов, имеющие опору на националистические элементы из числа бывших главарей банд, возвратившихся из мест заключения и их пособников».

Как мы уже писали в прошлых информационных отчетах, примерно раз в год от имени т. н. «синода православо-христианской церкви на Руси» в адрес правящих архиереев РПЦ неизвестными лицами рассылаются обращения, послания, в которых авторы искажают религиозную обстановку в стране, фальсифицируют положение православной церкви в СССР, предлагают свои меры оживления церкви, активизации религиозной жизни.

Так, например, в очередном послании в декабре 1974 г. неизвестные авторы писали:

«Мы вскоре объявим о наречении патриарха всей Руси, о наречении экзарха Украины, о предоставлении Белорусской церкви автономии и назначении ее экзарха. Нами положительно и успешно обеспечиваются на правах катехизаторского учительства те приходы страны, где этого требуют срочные обстоятельства, рекомендацией принимать нужное духовное окормление от наших священников из состава РПЦ.

Ваши поиски нас напрасны, мы живем и действуем по образу древней церкви, с учетом современных обстоятельств.

Еще раз мы предлагаем Вам (патриарху Пимену и синоду РПЦ) руку сотрудничества на благо церкви, но уже при неуклонном выполнении нашей программы действий».

Из содержания письма становится ясным что, во-первых, составители послания стремятся убедить иерархов и духовенство в своей лояльности к советскому государству, во-вторых, пытаются заверить в том, что они «постепенно приводят в исполнение свои планы» по активизации церковной жизни, нелегальной под-

готовке кадров, в-третьих, намекают на то, что их последователи находятся якобы внутри РПЦ.

Анализ кадровой проблемы приводит нас к определенным политическим выводам. Они состоят в том, что духовенство Русской православной церкви, хотя и лояльно к Советской власти, но остается корпорацией, идеология которой несовместима с нашим мировоззрением.

Церковь, переживая ныне глубокий и все более обостряющийся кризис с кадрами, активно ищет выхода. Епископат расширил практику рукоположения во священники и диаконы из числа активистов религиозных объединений. Роль этой категории духовенства за последние годы значительно возросла. Время от времени замечаются экстремистские вылазки наиболее активных церковнослужителей, которые хотели бы возродить былое влияние православия.

Совет и его уполномоченные в республиках, краях и областях своей повседневной, практической работе постоянно учитывают многообразные особенности, состав и деятельность служителей культа, стремятся ограничить, нейтрализовать их влияние на верующих, решительно пресекают действия фанатиков и экстремистов, изучают взгляды и настроения духовенства, их возраст, общеобразовательный и культурный уровень и т. п. Что в свою очередь позволяет своевременно пресекать нарушение законности, разрабатывать и проводить в жизнь конкретные меры по совершенствованию контроля за деятельностью служителей культа, не давая поблажки церкви, держать ее в руках.

3. О подготовке служителей культа в духовных школах.

Подготовка кадров служителей культа в духовных учебных заведениях, как показывает анализ, ни в коей мере не покрывает естественную убыль духовенства. Об этом с возрастающей тревогой пишут правящие архиереи.

Антоний, архиепископ Черниговский и Нежинский, в отчете в Патриархию за 1974 г. сообщает:

«В течение всего истекшего года Черниговская епархия имела острую нужду в священниках. За год от Учебного комитета Московской патриархии епархия не получила ни одного священника, а из других епархий поступил лишь один священник. Стареющие священники уходят за штат на пен-

сию. Многие умирают. Приходы приходится приписывать для обслуживания священникам, уже имеющим приходы. Многие приходы остаются совсем не замещенными. Из 148 общин верующих в 49 нет настоятелей.

Ему как бы вторит Боголеп, архиепископ Кировоградский и Николаевский, который пишет, что

«Кировоградская епархия в 40% обслуживается престарелым духовенством. Многие священнослужители в пенсионном возрасте и служат на приходах только по необходимости. Среди них около 10 человек по состоянию здоровья еле исполняют свои пастырские обязанности.

Епархия нуждается в молодых кадрах, в молодых кандидатах священнослужителей из закончивших наши духовные учебные заведения, которых в Кировоградскую епархию направляют очень редко».

Кризисное положение с кадрами наблюдается повсеместно: на Украине и в Белоруссии, в Прибалтике и в подавляющем большинстве областей РСФСР.

Архиепископ Тамбовский и Мичуринский Михаил в отчете за прошлый год в Патриархию сообщает:

«...основная проблема, осложняющая жизнь епархии — недостаток священнических кадров, ощущающийся уже на протяжении ряда лет. Равным образом не хватает псаломщиков и регентов, что отрицательно сказывается на благолепии церковных богослужений».

Следует отметить, что как и в прошлые годы, дети служителей культа не стремятся поступить в духовные школы, не желают посвящать свою жизнь Богу, а поступают в светские учебные заведения.

Уполномоченный Совета по Закарпатской области тов. Слесенко пишет:

«Дети служителей культа заканчивают учебные заведения и по избранной специальности устраивают свою трудовую жизнь. Так, например, в семье священника Роман (с. Репинное) имеется 6 детей, из которых: Иван — ст. лейтенант Советской армии, член КПСС, служит в г. Ростове Ярославской обл.; Михаил — терапевт в г. Надворна Иваново-Франковской области; Василий — инженер завода им. Ленина с. Майдан Межгорского р-на Закарпатской обл.; Марта — филолог школы в г. Виноградово Закарпатской обл.; Магдалина — врач Ужгородского тубдиспансера; Анна — студентка третьего курса Ужгородского университета.

В семье свящ. Келиз М. Ю. с. Копашнево Хустского р-на имеется семь детей, из которых: Вера — повар детского сада с. Копашнево; Евгения — бухгалтер общественного питания с. Копашнево; Владимир — хирург Иваново-Франков-

ской области; Петр — главный инженер строительной организации в г. Хусте; Ольга — проживает в ЧССР, работает на птицефабрике вместе с мужем; Надежда — аптекарь в Московской обл.; Юстина — бухгалтер Минстроя в г. Хусте, заочно учится в госуниверситете.

Примерно в таком же направлении учатся и трудоустраиваются дети других служителей культа».

Основной базой подготовки служителей культа являются семинарии: Московская, Ленинградская и Одесская; академия — Московская и Ленинградская, но и они ныне уже не в силах ликвидировать усиливающийся кризис в кадрах священников и диаконов.

В 1974 г. духовные семинарии и академии окончило 131 человек, а направлено на приходы 78 человек. Всего же за истекшие три года (1972-1974) духовные учебные заведения окончило 367 человек, направлено на приходы 219 человек.

В 1974-1975 учебном году в духовных школах учатся:

Наименование учебных завес.										
	I	II	III	IV	всего	I	II	III	IV	всего
Моск. семинария	50	41	48	32	171	—	—	—	—	—
Ленинг. сем-рия	28	31	31	29	119	—	—	—	—	—
Одесская сем-рия	30	30	28	30	118	—	—	—	—	—
Моск. академия	—	—	—	—	—	29	30	11	16	96
Ленингр. акад-я	—	—	—	—	—	19	15	14	15	62
итого:	108	102	107	91	408	48	45	35	30	158

Как и в прошлые годы, окончившие семинарии и академии стремятся получить приход в городах и районных центрах, всячески отказываясь от сельских приходов.

Уполномоченные Совета в тесной связи с местными органами власти как и в прошлые годы принимали меры к недопущению приема в духовные школы фанатиков, экстремистов и психически больных людей. Так, например, в числе лиц, недопущенных к экзаменам в Московскую семинарию были:

— Лапин Н. М., 1939 г. рожд., аппаратчик химзавода из г. Куйбышева, окончивший институт международных отношений, имеет психические отклонения, исключен из партии в 1972 г. В будущем, по его выражению, он намерен «внести реформу в православную церковь»;

— Кучеренко И. Г., 1946 г. рожд., инженер з-да «Промсвязь» в Майкопе, высказывал антисоветские настроения, в 1971 г. был задержан около американского посольства в Москве, где добивался приема. В 1973 г. с Кучеренко проводилась профилактическая беседа компетентными органами;

— Попович В. Д., 1944 г. рожд., прислуживал в одной из церквей Ивано-Франковской области УССР. В 1956 г. судим за кражу колхозного зерна, его отец во время немецкой оккупации служил в дивизии СС, сестра судима за связь с украинско-буржуазными националистами;

— Зеленкин Н., 1950 г. рожд., вакумщик НИИР (Москва), член ВЛКСМ.

Недопущены к приему в Одесскую семинарию: Стратейчук Е. С. из Ивано-Франковской области, имеет тесные связи с дядей, бывшим бандеровцем, бежавшим от возмездия в Англию; Кудьмин П. М. из той же области, имеющий связи с границей. Пытался поступить в семинарию Лысак Д. С., 1947 г. рожд., из с. Покровка, Тернопольской обл., депутат сельсовета.

Уполномоченный Совета по Одесской области тов. Гаврилов пишет:

«Некоторые граждане из западных областей, чтобы скрыть порочащие их факты, переезжают в восточные области, устраиваются там временно на работу и уже оттуда подают заявление в семинарию. Так, гр-н М. С. Госинец подал заявление из Архангельской области, а разобравшись оказалось, что он житель Львовской области, проникнут духом униатства; националистически настроенный Курилец З. С. пытался поступить в семинарию как рабочий из Днепропетровска, на деле же — он житель Львовской области».

Совет принял меры, ограничивающие поступления в духовные заведения из западных областей Украины, пресекает попытки проникновения в число студентов лиц, имеющих нежелательные настроения. Одновременно используются имеющиеся возможности для повышения гражданственности воспитанников и преподавателей академии и семинарии. Эта работа осуществляется разными путями.

Во-первых, — с помощью самих иерархов церкви, руководителей духовных школ.

Так, например, в приветствии Московским духовным академией и семинарии 14 октября 1974 г. патриарх Пимен писал:

«Сегодня не будет излишним и постоянно повторяемым напоминание духовным школам о необходимости воспитывать будущих пастырей церкви в духе патриотизма, как

нравственной основы государственного единства и могущества нашего земного отечества. К счастью, в этом отношении наши духовные школы всегда следовали и продолжают следовать исконной исторической традиции русской православной церкви: «всегда быть вместе с народом».

Так мы приходим к определению основной задачи наших семинарий и академий: давать своим питомцам ясное представление о том, каким должен быть православный пастырь, чтобы он мог пасти свое стадо «со знанием и благоразумием» (Иоа. 3,15), «не господствуя над наследием Божиим, но подавая пример стаду» (1 Петр. 5,3).

В 1974 г. Московской духовной академии исполнилось 160 лет, а 14 июня того же года — 30 лет со дня возрождения Московских духовных школ. В связи с этим 2 сентября 1974 г., начало учебного года в Московских школах (семинарии и академии) проведено особенно торжественно, с приглашением видных иерархов, богословов РПЦ, окончивших в свое время эти учебные заведения. В выступлении (слове назидания) ректор, архиепископ Владимир говорил:

«...церковь устами и жизнью своих лучших представителей призвала и призывает нас быть всегда со своим народом, быть патриотами своей Родины, ибо не может плохой гражданин земного Отечества быть хорошим гражданином Небесной Отчизны. Созидая благодатный церковный организм, тело Христовой Церкви, никогда не забывайте, что вы плоть от плоти и кость от костей народа русского — народа великого, народа — созидателя. Будьте его достойными сынами, храните и преумножайте славные традиции своего народа, служите его благу и процветанию». (ЖМП, 1975, № 1, стр. 18)

Такие высказывания патриарха Пимена и ректора Владимира — результат постоянной и настойчивой работы Совета с иерархами.

Совет, опираясь на ректораты, оказывает свое влияние на многие стороны деятельности духовных школ, добивается формирования у их слушателей патриотизма, любви к Советской Родине. Формы и методы нашего влияния: участие в подборе и расстановке руководящих и преподавательских кадров духовных школ, пересмотр учебного пособия в семинарии и академии по Конституции СССР, введение изучения истории СССР, расширение культурно-просветительных мероприятий, пересмотр в интересах государства учебных пособий по ряду церковных предметов. Разумеется, все это проводится руками самих же церковных деятелей.

Так, например, в декабре 1974 г. председатель учебного комитета Московской патриархии митрополит Алексей вошел в Со-

вет с предложением о введении в духовных школах программы по дополнительным темам курса «Нравственного богословия», в который вошли, в частности, следующие темы:

- Мир — высший смысл человеческого общежития,
- Международный мир, как нравственная задача христиан и всех людей доброй воли,
- Мотивы войны: агрессивные, освободительные, оборонительные,
- Труд на благо людей и народов,
- Участие в укреплении Советского фонда мира — практическая возможность для приходов, духовенства и верующих свидетельствовать о своих патриотических чувствах и принимать участие в укреплении мира на земле и развитии дружбы и взаимопонимания между народами.

Большое внимание в программе уделяется разъяснению нравственных обязанностей верующих по отношению к своему народу и государству. Впервые будут изучаться такие темы:

- Истинный патриотизм, любовь к своему отечеству, как естественная потребность нашего сердца,
- Священный характер воинского долга и самоотверженного труда на благо своего народа и государства,
- Строгое соблюдение законов страны и всяческое содействие ее благоустройению и процветанию,
- Воспитание пасты в духе любви к Родине, советского патриотизма, честного, добросовестного отношения к труду на благо отчизны — задача православного пастыря,
- Что такое Советская Родина, Советский гражданин.

Таким образом, комплекс мероприятий, включающий в себя преподавание в духовных школах Конституции СССР, Истории СССР, проведение различных культурно-просветительных мероприятий, вновь введенные в программу дополнительные темы по нравственному богословию, дает возможность в определенной мере воздействовать на будущих служителей культа в необходимом для нас направлении, расширить его теоретические и практические познания в материалистическом духе. А это, на наш взгляд, будет подрывать религиозно-мистические идеалы будущего пастыря; может привести наряду с другими объективными и субъективными факторами, к пониманию собственной бесполезности как служителя культа.

23 декабря 1974 г. на приеме в Совете ректор Московской духовной академии и семинарии архиепископ Владимир довольно подробно информировал нас о планах подготовки к 30-летию Победы над фашистской Германией. Для преподавателей и уча-

щихся духовных школ на ближайшие полгода намечается провести целый ряд мероприятий: лекции, беседы, встречи с участниками Великой отечественной войны, тематические вечера, просмотр кинофильмов, выезды в театры, музеи Москвы, тематические просмотры телевизионных передач и т. п. Архиепископ Владимир сказал:

Мы бы хотели, чтобы подготовка и проведение 30-летия Дня Победы прошли в духовных школах торжественно, празднично, эмоционально и оказали бы благотворное влияние на патриотическое воспитание учащихся.

Вы знаете, что в среде наших учащихся еще немало юношей с отрицательными взглядами на земную жизнь, воспитанных фанатичными бабушками и родителями. Эти взгляды необходимо переломить. Нас беспокоит, что в среде заочников — сегодняшних священнослужителей еще довольно порядочно людей с отсталыми и даже враждебными взглядами, которые они умело прячут и раскрывают лишь в нашем кругу.

Мы ставим задачу использовать период экзаменационных сессий для усиления воспитания, формирования советского патриотизма, гражданственности и чувства долга перед народом, государством, Родиной».

Во-вторых, в целях патриотического воспитания будущих пастырей используются и другие возможности. Уполномоченные Совета с помощью местных органов власти проводят систематическую политическую работу среди преподавателей и учащихся духовных школ, используя для этого индивидуальные и доверительные беседы, оказывая содействие руководству школ в подборе лекторов, кинофильмов, проведении других массовых культурно-просветительных мероприятий.

Так, например, в Одесской семинарии проведены следующие лекции:

- «Успехи КПСС и Советского правительства в борьбе за осуществление программы мира, выработанной XXIV съездом партии»,
- «В. И. Ленин и культурная революция»,
- «Коммунистическая мораль об отношении к труду и социалистической собственности»,
- «Воспитание нового человека — важнейшая задача коммунистического строительства»,
- «Ленинское учение о коммунистической морали и основных принципах нравственного воспитания»,
- «Единство партии и народа — ключ всех побед коммунистического строительства»,
- «Внутренняя и внешняя политика КПСС — выражение насущных интересов народа» и др.

Уполномоченный по Одесской области тов. Гаврилов сообщает:

«в семинарии еженедельно проводятся политинформации о текущих событиях внутри страны и зарубежом. Ежемесячно намечаются и проводятся одна лекция-беседа «У карты мира» и вторая — «У карты Родины», еженедельно в семинарии демонстрируются советские художественные фильмы и киножурналы, в выходные и воскресные дни организуются посещения музеев г. Одессы. Вошло в быт семинарии ежедневно всем семинаристам в 9 часов вечера собираться в читальном зале у экрана телевизора для просмотра телепрограммы «Время».

В годовом отчете администрации Московской духовной академии и семинарии указывается, что

«В учебном году учащиеся имели возможность участвовать в культурных мероприятиях, посещать ЦАК — церковно-археологический музей, смотреть кинофильмы, слушать лекции и доклады, связанные с теми или иными знаменательными датами и событиями в жизни нашего государства.

В частности, заочники прослушали цикл лекций доктора юридических наук, профессора Крылова В. С. на тему «Советское законодательство о культурах».

В работе по контролю за приемом в духовные школы, проведением политической работы среди будущих пастырей имеются еще и недостатки; требуется дальнейшее ее совершенствование, более глубокое изучение процессов, происходящих в семинариях и академиях.

В разговоре с уполномоченным по Калининской области тов. Мантгаем епископ Гермоген высказал такое суждение:

«В составе нашего духовенства выделяются две категории — представители загорской и ленинградской духовных школ. Среди первых, к сожалению, много мракобесов, юродов и фанатиков. Среди вторых преобладают трезво мыслящие люди. Это во многом объясняется атмосферой, которая царит в МДА и МДС — с одной стороны и в ЛДА и ЛДС — с другой. Четырехлетнее, а для некоторых и восьмилетнее пребывание в стенах лавры не может не повлиять на психологию человека».

«Имеющиеся в нашем распоряжении данные, — пишет тов. Мантгай, — в известной мере подтверждают вывод, сделанный Гермогеном: именно из числа выпускников МДА и МДС больше всего фанатиков, людей с нездоровыми настроениями, разрушителей закона.

Усилия епископа Гермогена попрежнему направлены на всемерную активизацию церковной деятельности».

Указанные факты дали нам возможность предпринять ряд конкретных шагов в усилении контроля за подбором учащихся в

Московскую семинарию. (В духовных школах созданы постоянные комиссии по приему). Организуем доверительные беседы с преподавателями и т. д.

Вместе с тем следует отметить, что епископ Гермоген имеет, как и другие архиереи, желание индивидуализировать свою духовную школу — Ленинградскую, а в отношении Московской высказывает отрицательное мнение. Прямо противоположное мнение высказывают «воспитанники Московских духовных школ» в адрес Ленинградских.

По нашему мнению, и та и другая духовные школы в идеологическом плане, плане религиозном, не лучше одна другой. Об этом красноречиво говорят высказывания их руководителей. Так, например, 1 сентября 1974 г., митрополит Никодим, выступая перед учащимися Ленинградской семинарии и академии, поучал:

«Уже сегодня вы должны задаться вопросом, с чем вы пойдете отсюда... Помните, что каждый день, прожитый здесь напрасно, обедняет душу». Он призвал будущих пастырей: «Бодрствуйте, стойте в вере, будьте мужественны, тверды» (ЖМП, № 1, 1975, стр. 20).

2 сентября 1974 г. архиерей Владимир, выступая перед учащимися Московской семинарии и академии, сказал:

«Никогда не забывайте о своей цели. Не закрывайте ее благодатный свет тьмою грехов, суеты, житейской мелочности. Любите свою богословскую школу, дорожите ею...

Церковь свидетельствует, что кроме земной родины, существует Вечная, Небесная» (ЖМП, № 1, 1975, стр. 18).

Мы привели всего лишь два примера, которые показывают, что руководители духовных школ стремятся воспитывать пастырей в духе «мужественной, твердой веры» и даже отрешений от жизни земной, «от тьмы греха, суеты житейской мелочности», направлять помыслы «к родине вечной, небесной». Таким образом, и тот, и другой «духовный руководитель» преследует прежде всего интересы церковные. На словах они против мистики, а на деле сеют ее постоянно.

Учебный комитет Московской патриархии на своем заседании 16 января 1975 г., обсуждая работу Совета Московской духовной академии и семинарии в 1973/74 учебном году, в частности итоги рецензирования 31-го кандидатского сочинения, записал:

«Содержание большей части их (рецензий) поражает читателя чрезмерной снисходительностью рецензентов к серьезным изъянам рецензируемых работ, которые тем не менее признаются достаточными для присуждения их авторам степени кандидата богословия. Так, прошлогодний выпуск МДА,

состоявший из 24-х студентов, почти поголовно получил кандидатскую степень, поскольку четверо не подали сочинений. Такая «щедрость» академического Совета, покрывая общую и богословскую неразвитость некоторых выпускников, не служит ли только украшению их тщеславия и не наносит ли ущерб престижу духовной академии?»

1973-1974 учебный год был одиннадцатым годом существования аспирантуры при МДА, которая вначале функционировала с одногодичным курсом обучения, а с 1963 г. — трехгодичным. Аспирантура создана для подготовки лиц для зарубежной работы. На начало 1973-74 учебного года в аспирантуре обучалось 13 человек, в том числе: на 1 курсе — 7, на втором — 1 и на третьем — 5 человек. В течение учебного года отчислено по разным причинам — 4 человека и окончили полный курс аспирантуры 4 человека. Слушатели аспирантуры в течение учебного года изучали: «Православные поместные церкви и заграничные учреждения РПЦ», «Римско-католическая церковь», «Протестантизм», «Экуменическое движение», английский или немецкий язык (по выбору). Прослушивается курс лекций по философии, истории философии, новой философии, зарубежной литературе, международные организации, дипломатический протокол.

В 1973-74 учебном году по сектору заочного обучения в МДА и семинарии числилось 510 чел., однако на экзаменационные сессии явилось 535 человек. 4-й класс семинарии закончили 45 человек, а 4-й курс академии — 19 чел. и всего лишь двое со степенью кандидата богословия. Кроме того, эта степень присвоена четырем действительным студентам-выпускникам прошлых лет.

В журнале № 2 Учебного комитета при Синоде от 16-1-75 г. сообщается:

«В течение учебного года из состава студентов-заочников отчисленно 36 чел., так что по состоянию на 11 июня 1974 г. по сектору заочного обучения числилось: в семинарии — 302 чел. (1-й — 46, 2-й — 36, 3-й — 98, 4-й 72). В академии — 159 чел. (I-й курс — 40, II-й — 44, III-й — 51, IV-й — 24). Всего 461 чел.»

Многие правящие архиереи, как нам стало известно, оказывают все больший нажим на Учебный комитет патриархата, добиваясь от него подкрепления служителями культа за счет выпускников духовных школ. Имели место случаи сманивания архиереями старшекурсников и их рукоположения. К числу таких рукоположений до окончания духовной школы относится и некий Л. Новиков, в возрасте 37 лет, приглашенный епископом Гермогеном на служение в Калининскую епархию. В беседе с уполномоченным Л. Новиков рассказал, что он

«окончил Горьковское художественное училище. Был комсомольцем. Служил во внутренних войсках МВД. После армии работал в Кировской обл. учителем рисования и черчения в школе. К поступлению в духовную семинарию привели размышления о том, насколько несовершенны и неполны данные науки и как много непостижимого таит в себе окружающий мир. Жена окончила консерваторию, намерению мужа поступить в семинарию не препятствовала. Сейчас она служит псаломщиком в той же церкви».

В декабре прошлого года в той же епархии был рукоположен в сан священника 38-летний Михаил Герцев, который

«после средней школы поступил на исторический факультет Московского университета и окончил его в 1959 г. Состоял в рядах комсомола. По окончании университета работал в исторической библиотеке.

Влечение к религии возникло в период службы в библиотеке. Он всегда считал, что есть какое-то высшее существо — творец вселенной — которое управляет судьбами людей. Однако с 1967-68 гг. начал особенно задумываться над этими вопросами, стал регулярно посещать церковь, петь на клиросе, читать в церкви евангелие. Решив посвятить себя служению церкви, стал читать религиозную литературу, богослужебные книги, учить молитвы. А в апреле 1974 г. из Исторической библиотеки уволился и поступил библиотекарем в МДА. Там усиленно продолжал духовное самообразование».

***

В соответствии с постановлением Совета от 29 июля 1974 г. «О состоянии контроля за деятельностью духовных учебных заведений русской православной церкви» мы и впредь будем:

— уделять постоянное и неослабное внимание вопросам контроля и усиления своего влияния на подбор и расстановку кадров руководящего и профессорско-преподавательского состава духовных школ, изучения их настроения, проведения определенной работы по снижению их религиозной активности;

— принимать все необходимые меры для пресечения попыток фанатично настроенных лиц проникнуть в духовные школы на преподавательскую работу или в число учащихся;

— через учебный комитет Патриархии и ректоров духовных школ продолжать пересмотр учебных пособий и внедрение новых аспектов лекций по ряду церковных предметов, учитывающих требования повышения гражданственности учащихся и учащихся;

— в процессе культурно-просветительных мероприятий, проводимых в духовных школах, усиливать массовую политическую

работу среди преподавателей и учащихся, а также индивидуальные формы работы по формированию глубоких патриотических убеждений.

4. Издательская деятельность РПЦ

«Журнал Московской Патриархии».

Издательская деятельность Русской православной церкви осуществляется издательским отделом Московского патриархата. Минувший год был 31-м годом непрерывной деятельности этого отдела. Организационно-издательский отдел состоит из редакции «Журнала Московской Патриархии», возглавляемой главным редактором, председателем издательского отдела архиепископом Волоколамским Питиримом (Нечаевым К. В.) Кроме редакции ЖМП, издательская деятельность патриархата в целом осуществляется следующими редакциями и изданиями:

- сборник «Богословские труды»;
- журнал Украинского экзархата «Православный вестник», издающийся в Киеве на украинском языке;
- бюллетень Среднеевропейского экзархата «Голос православия», издающийся в Берлине на немецком языке;
- бюллетень Венгерского благочиния «Церковная летопись», издающийся в Будапеште на венгерском языке;
- журнал Западноевропейского экзархата «Вестник Русского Западноевропейского Экзархата Московского Патриархата», издающийся в Париже на французском и русском языках;
- журнал патриарших приходов в США «Единая церковь», издающийся в Нью-Йорке на английском языке;
- журнал патриарших приходов в Канаде «Канадский православный вестник», издающийся в Эдмонте на английском языке.

Таллинская епархия выпускает ежегодно церковный календарь и архиастырские праздничные и другие послания на эстонском языке. Рижская, Уфимская и некоторые другие епархии тоже выпускают послания к Пасхе и Рождеству и другие эпизодические архиастырские обращения. Корсунская епархия в Париже выпускает «Православный бюллетень» на французском языке. В Токио выходит бюллетень на японском языке. С этими редакциями и изданиями редакция ЖМП поддерживает отношения. С редакцией бюллетеня «Голос православия» редакция ЖМП имеет наиболее тесные связи, ежемесячно предоставляет свои литературные и фото-иллюстрированные материалы и выплачивает гонорары за

опубликованные в бюллетене статьи отечественными авторами. Установлению тесных и деловых отношений с зарубежными редакциями могли бы содействовать личные встречи редакторов, но они созываются очень редко. Последнее совещание некоторых из перечисленных выше изданий состоялось в августе 1972 г. в Москве.

Редакция «Журнала Московской Патриархии» укомплектована сотрудниками с богословским и специальным образованием и техническими работниками, которые обеспечивают бесперебойную деятельность ее издательского, административно-хозяйственного отделов и экспедиции. В 1971 г. организована английская редакция. Переводы с русского на английский язык выполняются внештатными переводчиками высокой квалификации.

Годовой издательский план работы редакции рассматривается на редколлегии. Там же разбираются принципиальные вопросы, связанные с публикацией материалов. Редколлегия состоит под председательством главного редактора из редакторов-заведующих отделами журнала, сотрудников ОВЦС патриархата, духовных и светских лиц, богословов духовных академий. Текущие вопросы издательской деятельности регулярно обсуждаются на еженедельном редакционном совете, состоящем из заведующих отделами редакции.

Литературные редакторы проводят научное и литературное редактирование поступающих в редакцию материалов, работают с авторами и ведут самостоятельные богословские исследования в соответствии с планом редакции.

Редакционная коллегия сборника «Богословские труды» состоит из ректоров и профессоров духовных академий, богословов и сотрудников издательского отдела под председательством архиепископа Минского и Белорусского Антония (Мельникова А. С.). В полном составе редколлегия собирается 1-2 раза в год, текущие вопросы решаются в рабочем порядке. Издательский аппарат входит в штат редакции ЖМП.

При издании календарей и богослужебных книг редакция пользуется помощью архиереев и профессоров духовных академий.

Архиепископ Питирим нам сообщил:

«Авторский состав довольно широко представляет церковную и богословскую общественность. Это имеет важное значение прежде всего для зарубежного читателя, который по участию в журнале богословов, священников всех рангов и мирян составляет свое мнение о церковной жизни в СССР. Редакция с большим вниманием относится к поступающим в

журнал материалам, редакторы уделяют много времени работе с авторами. Однако работа с авторами чрезвычайно трудна вследствие их недостаточной специальной подготовки и малочисленного состава редакторов. Поступающие в редакцию материалы повышают объем журнала, однако этот материал требует в большей части значительной обработки. Авторский состав пополняется и обновляется медленно. Редакция постоянно поддерживает тесные связи с духовными школами, приглашает к сотрудничеству профессоров, преподавателей и учащихся семинарий и академий.

Главный редактор, председатель Издательского отдела регулярно докладывает Патриарху о работе отдела, согласовывает с ним все принципиальные и важные практические вопросы».

Выпуск религиозной литературы осуществляется под контролем Совета по делам религий. Совет ежегодно рассматривает план издательского отдела, который служит основным документом для издательства «Художественная литература», печатающего все религиозные издания.

Осуществляемые редакцией ЖМП издания состоят из двух групп. К первой относятся регулярные ежегодные издания:

1. «Журнал Московской Патриархии» на русском языке, ежемесячный, тираж 15 тыс. экз.
2. «Журнал Московской Патриархии» на англ. языке, ежемесячный, тираж 3 тыс. экз.
3. Православный церковный календарь (настольный), ежегодно, тираж 50 тыс. экз.
4. Православный церковный календарь (стенной), ежегодно, тираж 40 тыс. экз.
5. Пасхальное и Рождественское послание Патриарха, ежегодно, тираж 10 тыс. экз.
6. «Богословские труды» — 1-2 сборника в год, тираж 3 тыс. экз.
7. Венчики и молитвы (для хозяйственного управления Патриархии) — необходимые атрибуты церковного отпевания умерших — 1 млн. экз. в год.

Во вторую группу входят неперIODические издания — богослужebные книги, разнообразные сборники, служebные бланки и др. в 1975 г. из этой группы литературы планируется выпустить:

1. Триодь цветная — 10 тыс. экз.
2. Настольная книга для священнослужителей — 20 тыс. экз.
3. Поместный Собор 1971 года (на англ. языке) — 3 тыс. экз.

«Журнал Московской Патриархии» печатается в Московской типографии № 5 «Союзполиграфпрома» при Госкомитете СМ СССР

по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. В продолжение ряда последних лет журнал по вине типографии выходит с некоторым опозданием к соответствующему по номиналу месяцу.

Английский вариант «Журнала Московской Патриархии» является переводом с русского с некоторым сокращением и предназначен для зарубежных читателей, не владеющих русским языком.

Бюджет редакции построен на основе самоокупаемости. Прибыль от издательской деятельности покрывает значительный дефицит, вызванный изданием бездоходного английского варианта ЖМП и значительным количеством бесплатно выдаваемых различных изданий на русском языке в представительских и информационных целях.

Совет по делам религий выполняет цензорские обязанности в отношении выхода в свет журнала и других изданий Моск. Патриархии. Ответственными сотрудниками и некоторыми членами Совета тщательно просматриваются все материалы журнала, предназначенные к публикации. При рецензировании мы исходим из того, что ЖМП, несмотря на сравнительно малый тираж, имеет довольно широкий и своеобразный круг читателей — от простого верующего и приходского священника до зарубежного читателя в лице мирян, священников, руководителей церкви, а также официальных служб и ведомств зарубежных стран. Редакция журнала и авторский коллектив в целом правильно понимает стоящие перед журналом задачи, но в то же время в подготавливаемых к печати рукописях нередко встречаются и такие тексты, содержание которых не служит интересам государства и верующего, не способствует формированию у читателя высоких гражданских и патриотических качеств, находится в противоречии с нормами советского законодательства о культах. В результате по каждому предназначенному к печати очередному номеру ЖМП или по какому-либо другим изданиям Патриархии (Церковный календарь, послания Патриарха и т. п.) в Совете проходит предварительный просмотр текстов, вносятся замечания и поправки, которые редактор или ответственный секретарь редакции ЖМП воспринимают правильно.

«Журнал Московской Патриархии» — официальный печатный орган Русской Православной Церкви. Журнал является проводником всей политики РПЦ, важнейшей трибуной, пользуясь которой идеологи русского православия стараются сохранить и укрепить позиции религии и церкви, скрыть от читателя действительные скрытые кризисные явления, происходящие в РПЦ, создать

религии репутацию социально-прогрессивной силы и повысить ее престиж в глазах верующих граждан нашего государства и за рубежом.

Разделы журнала стали уже традиционными. В официальной части — послания Патриарха, определения Синода, назначения и перемещения архиереев, различные официальные сообщения. В разделе «Церковная жизнь» в прошлом году было помещено 70 материалов по различным аспектам жизни и деятельности церкви. В 1974 г. в журнале опубликовано 46 проповедей, являющихся своеобразным эталоном и ориентиром тематики и направленности проповедования на церковном приходе. В разделе «В защиту мира» помещена различная информация о деятельности членов Синода и делегаций РПЦ на сессиях и рабочих встречах ВСЦ, ХМК, КЕЦ. В разделе «Из жизни православия» помещено значительное количество материалов об истории и сегодняшних днях жизни и деятельности практически всех православных церквей. Раздел об экумене представлен докладами на эту тему руководителей ряда церквей, материалами богословских собеседований между представителями евангельской церкви в Германии (ФРГ) и РПЦ в 1971 г. («Арнольдсхайн — V-й»), материалами ассамблеи ДБЦ «Ниборг — VII», информацией конференции по теме «Церковь и общество» — 1974 в Бухаресте в рамках ВСЦ и т. п. материалами. Богословский отдел журнала содержит сообщения по различным аспектам изучения и пропаганды Библии, трактовки ее легенд, объяснения некоторых церковных праздников, материалы о жизни и деятельности многих «святых отцов» русского православия.

Публикуя материалы VII Ассамблеи КЕЦ (16-23 сентября 1974 г., Энгельберг, Швейцария), ЖМП дает определение сущности экуменического движения церквей, раскрывает позиции русской православной церкви в этом вопросе. По мнению автора статьи об ассамблее профессора Ленинградской духовной академии Заболотского (ЖМП № 12, 1974, стр. 61-62) экуменические контакты нужны для того, чтобы преодолеть замкнутость церквей, чтобы сотрудничать между собой, чтобы

«...сделать явным значение Евангелия в современную эпоху. Межцерковный диалог требует более углубленного образования, совмещения академического богословия, с христианской жизнью, привлечения современных научных дисциплин — психологии, социологии, философии. Задача Церквей — проповедывать Евангелие живого Христа, это требует творческого труда. Без сомнения, на этом пути могут встретиться различные трудности, но церкви призваны общими усилиями

препобеждать их. При этом церкви не должны забывать о насущных гуманистических и социальных проблемах, решение которых зависит от этических, духовных, социальных, экономических и политических факторов. Церквам и христианам надлежит понимать эти проблемы и вносить свой вклад в их решение; им надлежит помышлять о человеческих правах и обязанностях, об обмене информацией в отношении христианского свидетельства и служения, об улучшении связей между поколениями и о том, чтобы подавать добрый пример нового стиля жизни и ответственного поведения... Поскольку в современном обществе христиане и нехристиане обитают бок-о-бок, необходимо сотрудничество между ними в решении вопросов политического благосостояния Европейского континента и всего мира».

Содержание журнала служит церкви. Его отличительная особенность не столько каноническая и догматическая специфика православия, сколько оптимистический характер подавляющего большинства его материалов, касающихся проблем религии и церкви в нашем сегодняшнем социалистическом обществе и в перспективе. Основа такого оптимизма заключается в том, что, по мнению многих богословов, верующие в СССР нашли свое место в жизни среди нехристиан (атеистов), что опыт последнего тридцатилетия РПЦ вселяет надежды и имеют исключительное значение для всего христианства и всего мира.

Как известно, модернизм русского православия привел его идеологов к необходимости всемерно содействовать защите мира и укреплению дружбы между народами. Журнал постоянно помещает материалы, подтверждающие эту позицию церкви. Патриарх Пимен на сессии Всемирного Совета мира в Софии 17 февраля 1974 г., говоря о значении Всемирного Конгресса миролюбивых сил в Москве в 1973 г., в частности, сказал:

«Наш конгресс явился в полном смысле слова небывалым доселе примером объединения на единой миротворческой платформе широчайшего социально-политического диапазона его участников. Московский конгресс стал наглядным примером возможности сотрудничества людей доброй воли вне зависимости от их мировоззрения, что объяснялось пониманием ими необходимости этого в наши дни.

Все прогрессивное человечество высоко оценило оптимистическую уверенность в мирном будущем человечества, которая была высказана Леонидом Ильичем Брежневым в его замечательном выступлении на конгрессе и которую он связал с развитием совместных действий на благо мира коммунистов, социалистов, социал-демократов, христиан. Речь Леонида Ильича Брежнева, с энтузиазмом встреченная и участниками конгресса, и широкими кругами мировой общественности, явилась убедительным свидетельством того, что

забота об упрочении мира действительно является одной из главнейших задач советской страны, что политика нашего государства является подлинно миролюбивой и выражает постоянное стремление всего нашего народа к миру, взаимопониманию и сотрудничеству со всеми другими народами» (№ 4, стр. 32-33).

В статьях и других материалах по вопросам защиты мира и укреплению дружбы между народами авторы журнала стоят на реалистических позициях. Они убеждают верующих в необходимости бороться за мир, справедливость и счастье для всех людей.

«Мир не может быть обеспечен без повсеместного признания и применения на практике принципа мирного сосуществования государств независимо от социального их строя. Мир не может быть упрочен без прекращения гонки вооружений, которая поглощает ежегодно 200 миллиардов долларов, так необходимых для мирных дел. Достижения разоружения, в том числе ядерного — главная задача всех людей. Задача религиозных организаций и рядовых верующих заключается также и в том, чтобы добиться переворота в умах тех людей, которые привыкли считать гонку вооружений неизбежной. Эту опасную психологическую инерцию необходимо переломить...

Главное сейчас — не допустить войны. За последнее полуторатысячелетие на земле произошло 14 тыс. войн, которые погубили столько людей, сколько проживает их в данное время на всей нашей планете, — более 3-х миллиардов» (ЖМП № 1, 1974, стр. 40-41).

Стремление идти в ногу с жизнью, совместить в сознании рядового верующего коммунистические и христианские идеи вынуждают церковников придавать богословию наукообразную форму.

Усердие некоторых идеологов в церкви заходит в этом направлении так далеко, что, к примеру, видный богослов ФРГ доктор Э. Вольф (ныне покойный) заявил:

«Евангелие включает в себя тенденцию к социализму, к разрыву с классовым обществом, к конфронтации с феодальным и буржуазно-капиталистическим образом жизни» (№ 7, стр. 67).

Однако, по мнению Э. Вольфа, Евангелие — это не только «тенденция к социализму», но и нечто большее. Евангелие «объясняет мир и одновременно изменяет его» (там же стр. 65). Тут явно проглядывает желание идеализировать христианство, поставить его над всеми другими теориями, в том числе и над теорией и практикой марксизма.

О том, что идеология православия ставит христианское учение выше всяких «секулярных» теорий, свидетельствует Патриарх Пимен:

«Мы считали и считаем, что социальные вопросы не должны затемнять или заменять собою основное понятие спасения как освобождения от греха, проклятия и смерти и достижения жизни вечной в Царствии Небесном и в общении с Богом» (ЖМП № 8, 1974, стр. 19).

Современные богословы сознают значение науки и научно-технического прогресса для «наилучшего устройства человеческого общежития», для развития промышленности и сельского хозяйства нашей страны, использования природных богатств, укрепления обороноспособности государства. В настоящее время они вынуждены признавать, что «огромные научные достижения в различных областях все более укрепляют веру в могущество научного знания» (№ 3, стр. 43).

В то же время журнал подвергает резкой критике капиталистический мир, где достижения науки и техники, научно-технический прогресс используется не ради человека, а с целью извлечения максимальной прибыли. Пороки капиталистического общества называются «грехами властолюбия и стяжательства, влекущими за собой множество других искажений личной и общественной жизни и окружающей нас природы» (№ 4, стр. 36).

Стремясь как можно надежнее укрепиться в нашей действительности и обеспечить себе тем самым право на будущее, идеологи православия всячески мистифицируют роль церкви, ее значение в общественной жизни.

«Когда говорят, что христианство — религия глубоко интимная, то говорят правду, так как везде и всегда (и особенно в таинствах) она позволяет чувствовать Бога рядом с собой. Но когда утверждают, что христианство исключительно индивидуально, да притом противопоставляют в нем индивидуальное социальному, то это неправда. Христианин никогда не может в абсолютном одиночестве стоять пред лицом Божиим, но в его сердце должна обитать полнота любви к братьям... Иными словами, социальная активность христианина... — необходимое условие его принадлежности Церкви. Поскольку христианство предполагает не только личную веру, но и целое организованное общество — Церковь, то в силу уже одного этого оно является важным социальным фактором... По своей природе и в силу своей миссии Церковь не может оградить себя от общества, ибо, будучи зримым собранием и духовной общиной, она разделяет с миром одну и ту же земную участь, является закваской человеческого общества, которое призвано к обновлению и преобразованию в семью Божию» (№ 5, стр. 76).

Много внимания в журнале уделяется пропаганде церковных таинств, особенно Евхаристии (причащении). В этом явно проглядывает стремление руководителей церкви ориентировать приходское духовенство на усиление внимания к этому обряду с целью увеличения количества причащения в церкви. Патриарх Пимен называет Евхаристию «таинством таинств»; заявляет, что невозможно переоценить значение евхаристии, ибо она «является основным выражением жизни церкви. Через нее чада церковные соединяются со Христом Спасителем, укрепляются для жизни духовной, приобретают залог будущего воскресения и вечно блаженной жизни» (№ 1, стр. 55). В другом месте, вновь обращаясь к этому вопросу, Пимен добавляет, что «в древней неразделенной церкви крещение, миропомазание, священство и другие таинства не совершались без причащения» (№ 8, стр. 11). Митрополит Ленинградский и Новгородский Никодим (ЖМП № 8, стр. 24) заявляет, что

«Святая Евхаристия является не только средоточием духовно-благодатной жизни верующих во Христе, но и заключает в себе свидетельство Церкви о тех истинах, которые она свято хранит и ревностно исповедует»,

при этом, как бы между прочим, митрополит Никодим замечает, что

«для первохристиан не мыслимо было только лишь присутствовать на евхаристическом собрании... в древнехристианских общинах никто из участников евхаристического собрания сам себя не исключал из числа причастников...» (там же, стр. 26).

Священник должен не только окормлять верующих, но стремиться к увеличению своей паствы, ибо:

«Церковь не может быть самозамкнутой. Наоборот, она должна быть обращена к миру. Основная цель Церкви — освящение (спасение) людей, находящихся в ее ограде. Но и пребывающие вне «сего двора» тоже должны быть предметом ее забот... Церковь придавала большое значение своим заботам о тех, которые еще не были ее чадами... Церковь немаловажным считает внимательно относиться ко всему совершающемуся во внешней жизни людей и их житейском быту» (там же, стр. 27-28).

Во многих номерах журнала теме исповеди и причастию отведено значительное место. Его статьи говорят о необходимости для верующего исповедоваться (каяться в грехах своих), получить прощение и затем причаститься «Тела и Крови Христовой». Евхаристии посвящаются богословские собеседования с другими церквами, экуменические трактаты. Это далеко не случайно. В

условиях спада религиозности населения, общего кризиса религии, переживаемого всеми церквами, борьба за жизнь, за удержание «в своей ограде» верующих — главная задача церкви. По церковным канонам, исповедоваться и причащаться верующий может сколько угодно раз в году. Следовательно, количество совершаемых ежегодно этих обрядов в определенной степени свидетельствует о религиозности населения данного села, города, района, области.

Журнал продолжает помещать материалы, имеющие целью прославить женщину и активизировать ее в церковной жизни. С этой целью в сентябрьском номере журнала помещена статья архиепископа Вологодского Михаила, раскрывающая содержание «Пира десяти дев» священномученика Мефодия (крупнейшего богослова раннего христианства III века). Девство и целомудрие женщин считается высшим идеалом христианской жизни. В то же время это не значит, что брак заслуживает порицания. Церковь требует от женщины лишь «обуздания похоти».

«...Совершенные по жизни, истинно девственные души отнюдь не должны замыкаться в себе, превращаясь в собрание самодовольных праведников. Им отводится исключительно важная и ответственная роль в Церкви: они становятся помощниками Христа, содействуя делу проповеди для спасения других» (№ 9, стр. 68).

Во многих местах статьи «Пир десяти дев» девство и целомудрие трактуются не в прямом смысле, не как призыв к монашескому образу жизни, а как воздержание от «греховных» мыслей и поступков, как духовное жертвоприношение.

«...Человек должен приносить в жертву все, что может, — и чувства (плоть), и дух, и ум. В этом трояком жертвоприношении можно усматривать и образ Святой Троицы, а также указание на добродетели всех возрастов. Если жить по началам разума, то можно совершить духовные жертвоприношения в течение всех трех возрастов человеческой жизни. Добровольные жертвы Богу можно приносить уже в юности, когда цветущая плоть увлекает душу на путь порочных страстей. Жертвы можно приносить и в период возмужалости, когда ум приобретает твердую опору. И наконец — в период старости, когда исчезает влечения плоти» (№ 9, стр. 71).

Модернистские тенденции в современном православии характерны как для вероучения, так и для культовой практики. Жизнь вынуждает церковников вносить изменения в практику церковных служб и обрядов, сокращать и упрощать их, отказываться от многих культовых действий. Богословы стараются скрыть от верующих истинные причины этих изменений, ссылаясь на то,

что «Русская Православная Церковь никогда... не считала богослужебный обряд неизменным и неприкосновенным» № 2, стр. 73.

В 1974 г. исполнилось 30 лет со времени возрождения Московских богословских школ — семинарии и академии. И журнал откликается на эту дату, он призывает выпускников духовных школ служить личным примером в «приумножении славы святой церкви»:

«Самое главное в нашей жизни, — пишет журнал, — добродетельная жизнь пастыря, залог его успешной деятельности и спасительной проповеди. Ничто не свидетельствует так наглядно и не призывает других следовать примерам добродетелей, как жизнь. По жизни определяется человек, его религиозные убеждения, его настроение и его человечность. Без добродетельной жизни пастырю не быть настоящим пастырем; не быть настоящим свидетелем веры. Вера наша не нуждается в доказательствах, веру мы не доказываем, а показываем, а показать нашу веру мы можем только через наши добрые дела, через нашу добрую христианскую чистую, нравственную жизнь. Пусть никто никогда не укорит нас в наших делах, чтобы служение ваше не умалилось и чтобы слово проповеди вашей не унизились. Всем своим существом, своим убеждением, свидетелями Христовыми, будьте верными сынами своей святой Церкви.

Будьте, наконец, верными сынами и патриотами своего великого отечества, своей земли, родившей, воспитавшей, научившей и вскормившей вас для жизни церковной и гражданской» (№ 8, стр. 11).

В журнале помещается значительное количество материала, рассказывающего об истории русской православной и других христианских церквей. Такого рода обращение к прошлому является по существу своему своеобразной формой пропаганды религии и церкви. Помещая проповеди Марка подвижника и епископа Феофана, преподобного Феодосия Печерского, материалы о святителе Спиридоне Тримифунском, Сергии Радонежском и др. «святых отцах», журнал тем самым показывает сегодняшним верующим и клиру образцы служения, достойные подражания. Так, в № 12 помещен материал о епископе Тамбовском Питириме (1645-98) в связи с 60-летием православия. Идеализируя его, автор статьи пишет и поучает, каким должен быть истинно верующий человек и каких высот совершенства можно достичь, следуя по пути служения Богу и церкви. Епископ Питирим был

«...очень доброжелательный, приветливый, кроткий, отзывчивый, внимательный, излучавший нелицемерную, глубокую любовь к людям и ту скрытую могучую силу духа, которая приобретается многолетней упорной борьбой с самим собой... Святитель Питирим располагал к себе и православных, и

упорных приверженцев старых обрядов, и мусульман, и язычников, и вовсе преступников и бродяг».

За такие заслуги «промысел Божий» сподобил Питирима стать чудотворцем. Стоило Питириму вырыть в лесу вблизи своей кельи колодец, как вода этого колодца

«...возымела благодатные, целительные свойства. Такой же колодец он вырыл вблизи нового тамбовского собора, тоже в чаще лесной, куда удалился для безмолвия и молитвы. И в этом колодце вода обладала священной, особой, благодатной силой» (ЖМП № 11, 1974, стр. 69-70).

Разумеется, подобные материалы имеют своей целью содействовать сохранению или возрождению среди верующих старых представлений, обычаев и традиций бывших «святых мест» в Тамбовской области.

В связи с этим заметим, что каких-либо существенных последствий после опубликования подобных материалов не замечается, поскольку журнал до рядовых верующих практически не доходит по причине малого тиража.

Однако, контроль за ним следует и впредь усиливать, более требовательно относясь к рукописям, устраняя из них пропаганду «святых мест» и другие материалы, которые могут активизировать церковь.

5. Исполорганы, касса, нарушение законодательства и вмешательство священнослужителей в хозяйственно-финансовую деятельность религиозных общин.

В Свердловской епархии некоторые служащие епархиального управления оказывали давление на исполорганы с целью побудить их увеличить взносы на содержание религиозного центра. Бесплатно получая от Московской патриархии комплекты венчиков и молитв к ним, они самостоятельно установили на них цены и продавали религиозным объединениям.

В Астраханской епархии широко применяется такая форма влияния на верующих и исполорганы, как благословение епископа и священников на исполнение любых церковных дел. Были установлены такие порядки, при которых верующий мог подать заявление о желании вступить в члены «Двадцатки» только с благословения епископа или настоятеля; вновь избранный исполорган мог приступить к своим обязанностям только после благословения епископа; уборщицы могли приступить к уборке церкви

только с благословения настоятеля; собрания «двадцаток» по указанию епископа должны начинаться и заканчиваться молитвой и т. д. Такая же практика существует и в Житомирской архиепископии. Этого же добивается и Калининский епископ Гермоген (Орехов).

В большие религиозные праздники, а также по случаю «именин» и других торжественных дат епископ Калининский Гермоген собирает для сослужения в архиерейском богослужении и участия в трапезе всех «желающих» священников, т. е. половину епархиального клира, за исключением дряхлых, больных или проживающих в отдаленных местностях. На этих сборищах Гермоген нацеливает духовенство на усиление церковной деятельности. Кроме того, не призывая прямо к вмешательству в финансово-хозяйственные дела, Гермоген напоминает духовенству, что члены исполорганов являются их прихожанами, а поэтому священник может на исповеди спросить, не грешен ли данный верующий в нерадении к Божьему храму, к нуждам церкви.

Со слов старосты церкви с. Варваровка Николаевской обл. Гриценко Ф. П. стало известно о негласной таксе за архиерейские службы епископа Боголепа на храмовые и другие праздники: «епископу и секретарю епархии по 100 руб., диакону — 50 руб., благочинному — 25 руб., участвующим в соборном служении священникам — 25 руб. каждому, иподиаконам — по 15 руб., шоферу епископа — 15 руб. Кроме того, на устраиваемые лишние обеды расходовалось до 300 руб. Таким образом, архиерейский прием обходился до 700-800 руб.; эти деньги выделялись путем всяческих финансовых махинаций, вплоть до частичного незаконного сбора денег по квартирам верующих.

«Многие священнослужители, — как сообщает уполномоченный по Николаевской обл., — ищут и находят возможности больше контактировать с верующими как в церкви, так и вне ее. Попы буквально рвутся на квартиры верующих, чтобы совершить отпевание на дому, где в гнетущей обстановке похорон религиозная пропаганда воздействует особенно эффективно на умы и сердца прихожан и верующих и неверующих родственников и близких покойного. Одновременно попы и хористы, присутствующие на похоронах, стараются урвать для личного обогащения нигде не учтенные пятерки и десятки. Характерен в этом смысле пример протоирея Вдовича из г. Животневого. Вдович не только совершал отпевания на квартире, но и считал своим долгом навесить родственников покойного и вместе с ними отметить «третины» (3-й день после смерти), «девятины», «сороковины», полгода, год после смерти. Вдович в свое «нерабочее» время осенью 1974 г. организовал посадку на двух такси группы своих фанатичных

приверженцев в Одессу. Там он водил их по храмам, вместе с ними молился. Имея подобный «актив», надежную опору, Вдович был фактическим хозяином прихода, а исполорган и ревкомиссия общины были марионетками в его руках.

В религиозном обществе г. Вышний Волочек Калининской обл. священник Киричук, по сути дела, запретил ревкомиссии проводить ревизию «свечного ящика» на второй день Пасхи (сказал, что это «великий грех»), хотя у ревкомиссии были веские основания подозревать наличие крупных злоупотреблений со стороны исполоргана. Возникший на этой почве конфликт между Киричуком и ревкомиссией привел к волнению среди прихожан, нанесению отдельными фанатиками побоев членам комиссии Федосееву и Белову и к смерти первого от инфаркта.

Проверяя причины прекращения жалоб верующих из с. Тридубы Кривоозерского р-на Николаевской обл., в которых они непрерывно писали, что на месте им препятствуют осуществить право аренды помещения для молитвенных целей, а также то, что из сел, прилегающим к Тридубам, в церкви Кривое озеро крещений не зафиксировано, было установлено, что крещения нелегально совершает заштатный священник Марков. Комиссия содействия контролю, которой была поручена проверка, поймала Маркова при совершении трех групповых крещений на квартирах в трех разных селах, где он в течение месяца окрестил 15 детей. Таким образом, если Марков «работал» в таком же темпе, он за год должен был окрестить, по крайней мере 150-160 детей, т. е. больше, чем в действующей церкви в райцентре, где окрещено всего 110 человек.

Священник церкви в дер. Сухари Могилевской обл. Зайко Г. П., ранее подвергавшийся штрафу, выводов для себя не сделал и в 1974 г. подолжал крестить детей в домах и квартирах граждан г. Могилева. В беседе по этому вопросу Зайко признался уполномоченному и сказал:

«Я рассчитывал, что больше не попадусь, но снова погорел, прошу поверить мне, это больше не повторится никогда. Скажу вам правду, я пробовал отказывать просителям, но есть такие люди, которым появляться в церкви нельзя, но они настойчиво упрашивают и иной раз нелегко им отказать».

В Волынской обл., священник православной церкви с. Журавки Гороховского р-на Кезенко В. П. совместно с председателем исполоргана другой церкви того же района длительное время занимался самодельным изготовлением свечей, которые реализовывал на своих приходах. В селе Затурцы Локачинского района священник Фрейберчук Н. А. занимался изготовлением риз, которые

затем продавал по 300-320 руб. за каждую. Подобные денежные махинации (в различных вариантах) были вскрыты в селах Силец и Вараны Гороховского р-на, Головно Любомильского р-на, Сирилки Луцкого р-на и других.

С ведома председателя исполоргана религиозного общества в дер. Лозица Шиловского р-на Могилевской обл. Романкевича П. Г. священник Попов П. П. разъезжал по населенным пунктам Шиловского и Бальничского районов, где совершал обряды в домах верующих. По указанию Попова Романкевич иногда использовал учащихся в качестве курьеров для оповещения о днях службы в церкви. В таких случаях он к концу занятий в школе становился у ворот школьного двора и проходящим ученикам говорил: «Дети, передайте в деревне, что завтра будет служба в церкви», и указывал, по случаю какого праздника она состоится. Кроме Романкевича, священник Попов не соблюдал установленного порядка, требующего обоюдного согласия родителей при крещении детей.

Настоятель церкви в Кадыйском р-не Костромской обл. Янцевич Н. М. неоднократно ходил по деревням и выполнял религиозные требы. По договоренности с председателем исполоргана Смирновой Е. Н. занимался присвоением денег из церковной кассы. Аналогичные действия допускали священники Исаченко И. И., Легач И. П. и Акимов Г. С. Незаконно полученные ими деньги возвращены в церковные кассы, а доходы обложены налогом.

Председатель исполоргана церкви г. Антрацит Ворошиловградской обл. Дудко вошла в контакт со священником Воробьевым и, используя свое положение в течение последних 3-х лет, израсходовала на ремонт церкви и дома священника около 20 тыс. руб. Причем все это делалось самовольно, без ведома и разрешения исполкома горсовета.

Вновь назначенный в Zubovo-Полянский молитвенный дом в Мордовской АССР священник Мокашов П. П. сразу же стал вмешиваться в работу исполоргана деньги присваивал. В беседе с представителями районных организаций заявил, что атеисты своим посещением храма могут только осквернить его, и что между атеистами и верующими нет ничего общего.

Настоятель Всехсвятской церкви в г. Петропавловске Северо-Казахстанской обл. Мулько Н. В., вмешиваясь в финансово-хозяйственную деятельность общества, заявляет, что все работники церкви, в том числе исполорганы и ревкомиссии живут на средства, которые зарабатывают служители культа; не было бы их (служителей культа), не было бы и церковных денег. В связи

с этим он потребовал от исполоргана, чтобы ему в месяц выплачивали 600 руб., а второму священнику 550 руб.

В церкви г. Коростышево Житомирской обл. протоиерей Андрощук устроил «бунт» против непокорного старосты. Вначале потребовал дополнительной ежемесячной оплаты 200 руб. без ведома, а когда тот отказал, устроил травлю. Группа его приверженцев за «обиженного и униженного батюшку» пыталась самовольно изгнать старосту.

Бывший священник Кочубиевской церкви в Житомирской обл. Г. Коврега, стремясь избавиться от неугодного ему представителя исполоргана, подогревал возмущение отдельных членов «двадцатки», создавал группировки, писал «доносы» на должностных лиц органов власти, которые «не поддержали его правое дело».

Священник церкви с. Черкасское Каменского р-на Тульской обл. Желудков, имевший неоднократные предупреждения уполномоченного о недопустимости вмешательства в хозяйственные дела общества, все же пытался это делать, особенно в вопросах ремонта церкви. А когда исполрган делал ему замечания, то он заявлял: «Я вас пересажаю в тюрьму... Добьюсь, что закроют вашу церковь». Не лучше ведет себя и священник церкви с. Венев Сабинин. Он также пытается вмешиваться в дела ремонта церкви, а при сопротивлении исполоргана всячески оскорбляет его членов, применяет рукоприкладство и допускает хулиганские действия.

В Кировоградской обл. священник Михайленко (с. Красня Каменка Александрийского р-на) проводил отдельные религиозные обряды без выписки квитанций, часть денег присваивал себе. Священник Карпец (г. Бобринец) пытался решать вопрос о найме регента, а священник Чудинович (с. Осиновка Ульяновского р-на) проверял деятельность исполоргана религиозной общины. Священник собора в г. Кировограде Шпуденко и Велигурский при совершении обряда похорон брали дополнительные деньги с граждан, заказавших похороны.

В Винницкой обл. члены исполорганов религиозных обществ в пос. Копайгород Варского р-на, с. Степановка Винницкого р-на, селах Кублич и Михайловка Гайсинского р-на, с. Межир Жмеринского р-на требовали от священников, чтобы они крестили без регистрации в книгах, запутывали учет, продавали кустарные свечи и присваивали денежные средства, игнорировали рекомендации местных органов власти.

С ведома исполоргана церковный хор религиозного общества с. Тростянец Киверского р-на Волинской обл. на протяжении

последних 3-х лет под руководством псаломщика Бичука М. проводил по селам прихода колядки, во время которых собирал деньги «на потребности церкви». В результате было собрано 3926 руб., которые не были оприходованы по кассовой книге. Там же при содействии кассира Киричука из кассы церкви проводилась оплата подоходного налога за священника Порицкого В. Н.

В Иоанно-Предтеченской церкви г. Сумы сбор денежных средств на ремонт храма исполорганы общины и актив церкви проводил не в церкви, а по дворам верующих. На пожертвованные суммы квитанции не выписывались, деньги присваивались.

В с. Хотынь Ровенского р-на Ровенской обл. церковники под видом колядок в окружающих селах собрали 1300 руб., которые не оприходовали и хранили в церкви. В 1974 г. пресечены 7 подобных случаев. Деньги сданы в Фонд мира.

Казначей Добрушского религиозного общества в Гомельской обл. Рожкова М. П. при проверке работниками горфо расходования денежных средств, пыталась дать взятку проверяющему, за что была осуждена народным судом к трем годам условно.

Председатель исполоргана Покровской церкви в пос. Чернь Тульской обл. Кошечкина приказом по храму провела уборщицей свою сестру, которой шел производственный стаж и зарплата. Однако, как установил райисполком, она ни одного дня не работала. Ее зарплату в сумме 1300 руб. получила Кошечкина. Деньги взысканы.

В молитвенном доме Николая и Гермогена в г. Ташкенте псаломщик Стальновецкий был оформлен дворником с целью укрытия его от уплаты налога. по ст. 19.

Исполнительным органом Екатерининской церкви в г. Феодосия не было сообщено горсобесу о приеме на работу в качестве сторожей двух пенсионеров, в результате чего им переплачено пенсии в сумме 840 руб.

В г. Евпатория исполорган Николаевского собора с целью уменьшения налога с пономаря Бублика представляла финоргану данные как на уборщика с ежемесячной оплатой 60 руб.

Исполорган Троицкого кафедрального собора в г. Симферополе не включил в представленные горфинотделу сведения на 304 руб. праздничных, выплаченных 9-ти хористам.

В с. Папортники Богородицкого р-на Тульской обл. председатель исполоргана Казанской церкви Гуров, казначей Кузнецова самостоятельно, без разрешения местных органов власти произвели частичный ремонт храма, за что уплатили «шабашникам» 2700 руб. Такие же факты имели место в гг. Антрацит, Старо-

бельск и др. в Ворошиловской обл., в Нурминской церкви Медведевского р-на Марийской АССР и др. областях. В с. Верхняя Хортица Запорожской обл. исполорган выстроил кирпичный дом площадью 50 кв. м., который намеревался использовать для ночлега приезжающих верующих из других сел.

Нарушение законодательства о религиозных культах как со стороны религиозных объединений, так и служителей культа, как правило, не оставались безнаказанными. К нарушителям применялись различные меры воздействия: предупреждение, предписание уполномоченного Совета или местного органа власти, обложение дополнительным подоходным налогом, привлечение к уголовной или административной ответственности. Расторжение исполорганами договора, заключенного со служителем культа, отстранение его от службы и перевод в другую церковь или увольнение за штат правящим архиереем. В ряде случаев местные органы власти использовали свое право отвода из состава исполоргана и ревкомиссии отдельных ее членов или снимали их с регистрации.

Так, за систематическое нарушение законодательства о культах епископом Курским и Белгородским Николаем были освобождены от службы три священника (Максимов С. Г., Ярмолик В. Н. и Бучковский С. И.), которые оказывали давление на членов «двадцатки» исполорганов с целью получения денег сверх обусловленных договором.

Священники Ермаков и Тычковский, совершавшие с ведома исполоргана в церкви г. Обоянь Курской обл. многочисленные требы и обряды (крещение детей, молебны, панихиды и пр.) без оформления документов и присваивавшие деньги, были обложены дополнительным налогом — первый в сумме 6294 руб., а второй на сумму 7199 руб. и оба переведены в другие церкви.

В Волынской обл. за различные неблагоприятные дела, связанные со спекуляцией и денежными махинациями, четыре священника епархиальным управлением отстранены от занимаемой должности и выведены за штат... За вмешательство в финансово-хозяйственную деятельность 12 священнослужителей предупреждены. За злоупотребление служебным положением отстранены от своих обязанностей свыше 50 членов исполорганов и ревкомиссий.

В Белорусской ССР за крещение детей в квартирах верующих и у себя на дому наказаны 12 православных священника. Штрафованы 7 членов исполорганов за то, что допускали несовершеннолетних подростков в качестве восприемников. Наказаны 15 фанатиков за организацию религиозных шествий по улице с иконой и свечкой.

За вмешательство в финансово-хоз. деятельность религиозных обществ, совершение обрядов на дому, освящение домов, тайное крещение детей и присвоение денег предупреждены 11 священников из разных районов Воронежской обл.

Обновлены исполорганы религиозных обществ в Котельниково, Михайловке, Киквидзе, Средней Ахтубе и Краснослободске Волгоградской области, в которых были установлены факты присвоения и неправильного расходования денежных средств, выдача подарков (платки, отрезы на платья, духи и пр.) и денежных вознаграждений церковному активу.

За присвоение денежных средств и мошенничество сняты с регистрации и заменены члены исполорганов и ревкомиссий религиозных обществ в г. Свислочь, Скидель, Кореличи, дер. Малые Степанишки Гродненской обл.; председатель и кассир Мало-Берестовицкой церкви Руселик В. Я. и Кривеня А. В. судебными органами приговорены к 4 годам лишения свободы каждый, а председатель ревкомиссии Шидловский А. С. — к 3 годам.

Обязательные предписания были даны в Ставропольском крае.

Татьяна ЩИПКОВА

ИМЕЕТ ЛИ ПРАВО СОВЕТСКИЙ ПРЕПОДАВАТЕЛЬ НА СВОБОДУ СОВЕСТИ?

С 1974 года, когда Христианский Семинар, задуманный двумя молодыми интеллигентами, — Александром Огородниковым и Владимиром Порешем, делал свои первые шаги, я начала приезжать из Смоленска на эти собрания и постепенно стала их участницей. Мало-помалу участниками Семинара стали мой сын, студент Смоленского педагогического института — Александр Щипков, студентка этого же института — Елена Каштанова и рабочий Смоленского Выставочного зала — Виктор Папков.

Эти встречи православной молодежи, их беседы, доклады и споры давали мне то, чего я не могла найти ни на академических конференциях, ни за чайным столом респектабельных друзей — теплоту христианского общения, ничем не стесненное стремление мысли, погружение в сферу духовного. Естественным результатом этой работы стал журнал — концентрация творческих сил участников Семинара. Мне особенно близко то, что и Семинар, и журнал проникнуты религиозным духом; общественные вопросы затрагиваются лишь в связи с религиозными. Политическая проблема не входит в поле зрения семинарских занятий. Журнал называется «Община»; он начал издаваться в 1977 году. Летом 1978 года должен был выйти очередной номер. 21 мая у меня в квартире был произведен обыск: было изъято семь экземпляров почти готового номера и много принадлежащей мне религиозной литературы. Вскоре меня вызвали в ГБ и вынесли мне предупреждение по поводу моей, якобы, антисоветской деятельности. Я понимала, что меня могут отстранить от преподавательской работы. Более того — на основании опыта моих многочисленных сограждан я была готова к публичному очернению и решила предупредить его, сказав студентам правду о себе.

7 июня у меня было очередное занятие по латинскому языку на I курсе, где я имела обыкновение, вот уже 13 или 14 лет, знакомить студентов не только с основами латинской грамматики, но и с культурой и историей древнего Рима. За неделю до того, в рамках этого, не предусмотренного программой, факультатива по античности я рассказала первокурсникам о возникновении христианства, о личности Христа, о Его Заповедях и о значении христианства для дальнейшей судьбы Рима, Европы

и человечества. 7 июня я продолжила свой рассказ о христианстве, объяснив — это было новостью для студентов, — что христианская религия жива, что в наше время она привлекает к себе все больше и больше образованных людей, в том числе в нашей стране, и что я сама — верующая. Я объяснила, что значит быть верующим и как я пришла к вере. Под конец я предупредила студентов, что не уверена, буду ли иметь возможность работать с ними дальше, хотя я не совершила ничего незаконного или безнравственного. Насколько мы не привыкли говорить правду о себе, настолько же студенты не привыкли ее слышать. Они были ошеломлены моей речью и выслушали меня молча, не задав ни одного вопроса. Докладывать, судя по всему, не побегал никто.

Между тем, разбор моего дела в смоленских верхах шел своим ходом, и 15 июня на заседании кафедры мне было предъявлено официальное обвинение. Оно состояло, в основном, из двух пунктов: 1. религиозная пропаганда среди студентов; 2. обман институтской администрации и нарушение учебной программы. Здесь имелся в виду мой самовольный факультатив по античной культуре, о котором все начальство знало и всегда его одобряло. Наши студенты, будущие учителя-гуманитарии, поступают в педагогический институт с минимальным культурным багажом. Лишь единицы слышали имена Гомера, Вергилия, Цицерона. (Я говорю о провинциальном педвузе). Ни античная литература, ни история в программу не входят, а латинская грамматика в программу включена. Каждый год я предлагала студентам на выбор — или латинскую грамматику в более полном объеме, или, параллельно с грамматикой, курс античной культуры. Они всегда выбирали античность и даже соглашались на проверку их знаний, что, по привычке, мы называли зачетом. Этот курс прослушала и дочь заведующего кафедрой, так что он не мог «не иметь об этом понятия», как он утверждает теперь.

Главным пунктом обвинения была, конечно, религиозная пропаганда. В своем выступлении я сказала, что я верующая, православная, и выразила сожаление, что религиозной пропаганды, а, точнее, проповеди не вела, поскольку не решалась рисковать своей работой и положением. Я лишь знакомила студентов с историей возникновения христианства и с основными его положениями; делала я это на курсе раз в год, когда в своем факультативе по античности доходила до I века нашей эры. Тогда же я приносила Евангелие и читала студентам отрывки. Цель моя была — дать моим слушателям хоть какое-то представление об этом громадном духовном, в том числе и культурном, явлении.

На заседании кафедры было единогласно принято решение просить администрацию о моем увольнении.

В тот же вечер декан факультета и зав. кафедрой организовали комсомольское собрание в общежитии: им надо было, чтобы студенческое собрание одобрило решение кафедры, что, разумеется, было получено.

На следующий день, 16 июня, было назначено сразу два Ученых Совета — факультета и института. Факультетский Совет открылся выступлением декана, сообщившего о моих религиозных убеждениях и моем незаконном факультативе:

«Мы узнали, что Т.Н.Щ. верит в Бога. Мало того, она сама сказала об этом студентам. Такие взгляды и такие поступки несовместимы с требованиями, предъявляемыми советскому преподавателю»...

Никаких других обвинений, кроме «уличения» в исповедании христианской веры, речь декана не содержала. Затем выступали коллеги. Все выступавшие в той или иной мере поддерживали обвинение. Мне известно, что в зале были сочувствовавшие мне, но выступить в мою защиту никто не посмел — это было бы равносильно уходу с работы. Вот отрывки из выступлений.

Преподавательница кафедры педагогики:

«Преподаватель просто не имеет права на многие вещи, например, на определенного рода костюм или прическу, а тем более на какие-то там убеждения».

Секретарь парткома института:

«Вы для меня не товарищ Щипкова и не Т.Н. Теперь вы для меня просто Щипкова».

Секретарь партбюро факультета:

«Вот вы говорили, Т.Н., что христианство это добро. Нет, нам вы принесли зло».

Преподаватель истории КПСС:

«Плохо у нас поставлена идеологическая работа со студентами. Многие из них думают, что у нас верующие, якобы, не могут быть преподавателями»...

Председатель кафедры политэкономии:

«Т.Н.Щ. вела пропаганду против нашей советской Родины».

Это последнее обвинение я отвергла в своем выступлении и еще раз попыталась разъяснить свои взгляды. Я говорила

простые и понятные вещи, касающиеся сущности христианства; аудитория слушала с заинтересованным вниманием, хотя и молча, начальство — с раздражением и перебивая. Насколько я могу судить, и тем, и другим труднее всего было осмыслить человека, стоящего перед ними, как носителя каких-либо убеждений, следующего этим убеждениям; одни с трудом принимали возможность такого явления, другие — право на него.

Среди выступающих были такие, что клеймили меня за двуличие, за ложь. Обвинение во лжи звучит по меньшей мере странно в тот момент, когда человек перестает лгать.

Едва я кончила говорить, как на меня посыпались вопросы следственного характера, касавшиеся обыска и найденных у меня материалов. Либо руководители института спешили выполнить возложенную на них кем-то миссию, либо они не в силах были сдерживать свое любопытство. Я оставила их вопросы без ответа и сошла с кафедры под злобные и оскорбительные выкрики.

Ученый Совет факультета принял решение уволить меня за антипедагогическую деятельность и просить ВАК лишить меня ученой степени кандидата филологических наук «за антинаучный характер преподавания». Ученый Совет института утвердил это решение. Но в трудовой книжке я нашла другую формулировку: «уволена за несоответствие занимаемой должности вследствие недостаточной квалификации». Эта запись пришлась непосредственно перед внесенными в книжку тремя благодарностями за отличную воспитательную работу со студентами.

Почти каждый преподаватель ВУЗа — куратор студенческой группы. В педвузах эта общественная нагрузка считается очень важной. Куратор отвечает за успеваемость студентов, за их дисциплину, за их идеологию и даже за их любовные драмы. В течение многих лет я считалась одним из лучших кураторов факультета.

Другая моя постоянная общественная нагрузка — руководство научной работой студентов в кружках НСО. Сколько раз я и за это получала благодарности. У меня было два кружка — античной культуры (помимо уже упомянутого факультатива) и истории французского языка и французской культуры. Почти все самые яркие и мыслящие студенты, какие у нас были за 16 лет моей работы, прошли через мои кружки. В учебном плане у меня было два постоянных теоретических курса — теоретическая грамматика и история французского языка (всего за 5 лет обучения студенты слушают шесть специальных теоретических курсов, не считая социально-экономических и методико-педаго-

гических дисциплин). Если считать крамольными сведения о христианстве, то все мои курсы, кроме разве что грамматики, надо считать крамольными. Невежество наших студентов во всем, что касается религии, вопиюще. Многие никогда не слышали имен даже Адама и Евы, не знают словарного значения слов «алтарь», «причастие», «епископ», даже «монах», не знают, что такое Библия (многие думают, что это нечто вроде книги заклинаний), кто изображен на иконах, не знают, что в Церкви не надо непременно платить деньги, не знают, что католики, православные и протестанты — это христиане и т. д. Не говоря ни о чем другом, множество страниц классической и современной французской литературы останется для них запечатано, если не провести с ними работы по самой настоящей ликвидации неграмотности. Это я и делала все 16 лет. Я стралась дать толчок, а дальше человек шел сам, если он способен ходить.

Процесс моего увольнения длился всего неделю, с 15 по 22 июня. Гораздо раньше началась и дольше продолжалась кампания клеветы и психологического давления, имевшая целью очернить в глазах студентов и преподавателей не только меня, но и молодых участников Семинара — Лену Каштанову и моего сына Александра, а также мою невестку Любу Щипкову, не имеющую отношения к Семинару, — очернить, чтобы оправдать их фактическое исключение из института и вызвать у нас нервозность и растерянность. Сразу же после обыска за нашим домом была установлена открытая слежка. С утра возле нашего подъезда дежурили легковые машины — две, три, четыре. Филеры ехали и шли следом, как только кто-нибудь из нас или навещавших нас друзей выходил из дому.

Кампания клеветы началась на семейном уровне. В последних числах мая сотрудники органов ГБ явились в Сафоновскую детскую больницу, где находилась мать Любы, Л. В. Утенкова, с больным семимесячным внуком. Ей заявили, что Люба попала в страшную семью, что я занимаюсь, как они выразились, «почти шпионажем» и что она, Утенкова Л. В., должна помочь им спасти Любу и вывести нас на чистую воду. Это привело к семейной драме: Л. В. Утенкова пыталась развести дочь с моим сыном. Происходили безобразные сцены, несчастная женщина, ставшая послушным орудием ГБ, кричала нам «фашисты», «шпионы», «повесить вас надо» и даже пыталась увести внука, надеясь таким образом заставить Любу вернуться под родительский кров. Другие сотрудники тех же органов беседовали с родителями Лены

Каштановой. Им также было сказано, что я — «главарь тайной организации», что я «завлекаю и запутываю» неопытную молодежь и т. д. В чем конкретно заключается моя страшная деятельность, не разъяснялось, но, к сожалению, наши люди легко поддаются воздействию таких слов и разъяснений не требуют.

Сразу же после заседания кафедры административные органы института в содружестве с ГБ начали работу по созданию общественного мнения. В тот вечер в студенческом общежитии состоялось комсомольское собрание. Несколько студентов I и II курса заявили, что я протаскивала религиозные идеи под видом мифологии. Мифы были заклеены как вредный, идеологически опасный материал. Античная культура объявлена крамольной. Две студентки осмелились выступить не столько в мою защиту, сколько в защиту античности, но их оборвали. Собрание приняло нужную начальству резолюцию.

Об этом собрании я узнала от нескольких пятикурсниц, которые пришли ко мне в тот же вечер, чтобы выразить мне сочувствие и уважение. Они трогательно пообещали мне всегда хранить конспекты лекций по античной культуре. От них же я узнала, что студенты IV курса, где учатся мой сын и невестка, составили какую-то петицию в нашу защиту и собрали под ней десятка два подписей; петицию они собирались куда-то послать, — кажется, в Москву. В тот же день об этой попытке защиты стало известно в деканате и началось отвратительное расследование: студентов вызывали по одному и группами и выясняли, кто зачинщик. К чести студентов, зачинщики — по крайней мере, на известном мне этапе дела — названы не были. Петицию, говорят, студенты сожгли, текст ее мне неизвестен. Администрация сочла необходимым наказать непокорный курс, и наказали его беспрецедентным образом; все студенты курса были отстранены от полагающейся им в связи с изучением немецкого языка поездки в ГДР. Расследования, вызовы в деканат и партбюро продолжались весь месяц.

Несмотря на то, что уже шла экзаменационная сессия, комсомольские собрания следовали одно за другим. На собраниях выступали представители институтской администрации, члены партбюро и лица, называвшие себя представителями горкома. Они утверждали, что в Смоленске раскрыта антисоветская организация, главой которой я являюсь, что эта организация «работала на границу», доказательством чего является найденная у меня машинка с латинским шрифтом (это ложь, в протоколе обыска

значится одна машинка с русским шрифтом; впрочем, разве машинка с латинским шрифтом — доказательство преступных связей с Западом?); далее, говорилось, что я получаю деньги не то из-за границы, не то еще откуда-то и что раскрыли эту организацию благодаря тому, что в Москве «взяли» одного антисоветского деятеля, у которого нашли «списки» (что за списки, никому неизвестно), где была моя фамилия. Приводили искаженные цитаты из статей, помещенных в журнале «Община» — для доказательства его якобы антисоветского характера. Все эти утверждения фантастичны. Они и сами это понимают, отсюда разница между официальными обвинениями и общественной свистопляской. Непонятно было, почему, если поймали с поличным такую матерую преступницу, ее не отправили тут же в самый страшный концлагерь. Но клевета сделала свое дело — большинство, вероятно, поверило ей или просто испугалось. Во всяком случае, отношение к нам изменилось.

Но значительным и стойким оказалось меньшинство, которое посмело не поверить клевете и остаться при своем мнении, более того — выражать его. Это, прежде всего, III-й курс, курс Лены Каштановой. Когда назначили собрание группы, чтобы разбирать немислимый поступок Каштановой (она сама вернула ВЛКСМ свой комсомольский билет), ни один студент группы не остался на этом собрании. Однокурсники осмелились публично защищать Лену на собрании после истерических выкриков декана Людмилы Васильевны Устименко: «Почему вы с ней разговариваете? Вы должны плюнуть ей в лицо и сказать «убирайся!» Один наш преподаватель сказал о Щипковой: «Если я встречу ее на улице, я не ручаюсь за себя» — вот какая у вас должна быть реакция!».

Особенно мужественными в своем уважении и симпатии к Лене оказались две девушки — Надя Васильева и Надя Казакова. О них сказано с трибуны, что им не место в институте. По всей видимости, их ожидают репрессии. Делаются попытки притянуть обеих девушек к нашему делу, между тем как обе они виноваты лишь в нравственной чуткости, которая не позволяет им поверить явной лжи и отвернуться от человека, достойного в их глазах уважения — от своей подруги Елены.

Ни Надя Васильева, ни Надя Казакова не имеют никакого отношения к нашему Семинару.

На одном из собраний объектом репрессий стал мой сын Александр. Прежде чем исключить его из комсомола, ему попытались устроить допрос касавшийся обыска, при котором он, к

тому же, не присутствовал. Он не позволил допрашивать себя и категорически отверг обвинения в антисоветской деятельности. Усердие администрации дошло до того, что, видимо, по инерции исключили из комсомола и Любу. Она никакого касательства к семинарским делам не имеет, верующей себя не считает, богословием не интересуется, при обыске не присутствовала, а в довершение всего весь этот год, с самого своего замужества в апреле 1977 г. была либо больна (инфекционная желтуха, весь май и начало июня 77 г. — в больнице), либо находилась в Сафонове (июль-август 1977 г.), либо была беременна (родила сына в ноябре 1977 г.), а затем снова больна (мастит, приведший к хирургическому вмешательству, — декабрь-январь 1977-78 г.). Очевидно, что даже при желании она не могла бы посвятить себя какой-либо деятельности, тем более после рождения ребенка. Единственное предъявленное ей обвинение: почему она, выйдя замуж и увидев в доме иконы, не доложила — такое было употреблено выражение. Беседы с ней также переходили в допросы. Ст. преподаватель О. В. Расточинская, зав. кафедрой Н. Д. Трегубов, декан Л. В. Устименко вдруг превращались в следователей. На Любу начали сыпаться, как удары, короткие, отрывистые, почти профессиональные вопросы:

— «Откуда в квартире пишущая машинка?»

— «Кто давал материал для журнала?»

— «Кто бывал в квартире?»

Когда в разговоре с ректором я выразила свое удивление тем, как органично наши преподаватели вошли в роль следователей, ректор А. А. Кондрашенков, несколько не оскорбившись за подчиненных, ответил: «Ведь они же воспитатели, они обязаны все знать о своих студентах». На собраниях и беседах преподаватели без тени смущения оперировали агентурными данными, сообщенными им, вероятно, из ГБ. Например, были упомянуты «чаепития на кухне» в моей квартире — но дом у меня закрытый, декану Л. В. Устименко неоткуда было узнать об этих чаепитиях. Без всякого стыда один из преподавателей заявил, что уже давно студенты-добровольцы следят за моей квартирой и помогают регистрировать тех, кто у меня бывает. Это педагогический ВУЗ или филиал КГБ, хочется мне спросить.

Что касается учебы трех гонимых студентов, то институтское руководство вело себя в высшей степени лицемерно. Александр и Лена не были ни допущены, ни не допущены к сессии. Фактически им не дали возможности сдавать экзамены. Люба получила

эту возможность после больших осложнений. Один пример: еще до сессии, вместе со всеми, Люба получила зачет по научному коммунизму. Когда разыгралась вся наша история, преподаватель Н. Д. Кубраков со страху зачеркнул зачет и сказал, что будет экзаменовать Любу в присутствии особой комиссии. Затем Любу вызвали на зачет официальной повесткой. Кубраков поставил ей зачет со словами: «Не думайте, что мне приказали. Я это делаю из человеколюбия».

Понимая, что, так или иначе, учиться в этом институте им не дадут, все трое подали заявления о переводе на заочное обучение. Реакция непонятна: никакой окончательной резолюции не вынесено, студентам даются уклончивые ответы, документов не возвращают. Фактически Александр Щипков и Елена Каштанова отстранены от учебы без формального исключения.

Нас очень беспокоит судьба этих молодых людей, лишенных возможности завершить образование.

Гонение на участников Семинара задевает рикошетом многих людей. Все шире расходятся круги по воде. Тяжелым бременем легло на меня решение Ученого Совета о пересмотре дела старшего преподавателя английского языка Зои Федоровны Смирновой. Она, говорится в решении, не может воспитывать молодежь, т. к. позволяет себе антисоветские высказывания. Что под этим понимается, мне неизвестно. З. Ф. Смирнова негодна начальству уже давно из-за строптивого нрава и критического склада ума. Однако, ее терпели, т. к. она хороший специалист. Теперь она попадает в чистку в связи с нашим делом. Меня не могло не насторожить одно выступление по поводу З. Ф. Смирновой. Зав. кафедрой английского языка доктор филологических наук, профессор Г. Г. Сильницкий предложил провести психиатрическую экспертизу над З. Ф. Смирновой. Когда я услышала это предложение, которое, к счастью, не было принято, у меня похолодело в груди. Неужели не довольно выгнать человека? Для полного удовлетворения профессору Сильницкому надо еще запереть свою бывшую коллегу в психушку...

Недавно мы узнали, из публичного выступления сотрудника института, что установлена слежка за несколькими выпускниками института, которые сохранили со мной теплые отношения... Я пользуюсь случаем, чтобы заявить, что никто из уже окончивших наш институт не имеет отношения к Семинару. Участники Семинара не скрывают своей причастности к этому делу, поскольку не усматривают в нем ничего противоречащего нормам закон-

ности, принятым в нашем государстве. Работа в Семинаре — честь а не преступление. А открытое исповедание своей веры — норма для нормального человека в нормальных условиях.

Сейчас моральная атмосфера в институте ужасна. Большая часть моих бывших товарищей по работе перестала со мной здороваться. Человек, который решается **на это**, совершает гражданский акт. Для многих моих знакомых эта история стала нравственной проверкой. Одни ее выдержали, другие, увы, нет. Хочется думать, что рано или поздно большинство достигнет того естественного нравственного уровня, который обнаружили однокурсники Лены Каштановой в разговоре с преподавательницей французского языка:

- Что же вы, III-й курс, так плохо себя ведете?
- Совсем не то говорите, чего от вас ждали?
- Мы правду говорим.
- Не той правды от вас ждали.
- А правда одна.

В СВЕТЕ ПРЕОБРАЖЕНИЯ

Еженедельная православная газета-проповедь

Год издания — третий

№ 1 (69). Воскресенье.

20 января 1980 г.

Экстренный выпуск

«Каждый день бывал Я с вами в храме, и вы не поднимали на Меня рук».

От Луки 22,53

АРЕСТ О. ДИМИТРИЯ

СЛОВО О. ДИМИТРИЯ НА БОГОЯВЛЕНИЕ.

Навечерие Богоявления и само Богоявление. Бог явился, вернее, открылся миру, освящается вод естество. Совершилось крещение Господне. Крещение, как у нас теперь принято называть, во оставление грехов, в смерть Христову. Господь не имел греха, крестился ради нас грешных, в то же время предвозвещая свое распятие. Распятие за грехи мира, а отсюда и воскресение. Вот оно, явление Божие, вот для чего Бог явился в мир. Поэтому праздник крещения и именуется Богоявлением. Бог явился в мир, чтобы спасти человека.

Современный мир гонит и отвергает Христа. Гонит своим развращением, своей погоней за богатством и славой, преследует, возводит на крест.

Но если вдуматься, этим он и помогает нам и разоблачает сам себя. Так называемая мудрость в преследовании оборачивается глупостью, сама ускоряет свое поражение.

Вот такую премудрость, такой разум мы должны иметь. Начало премудрости — страх Божий. Страх Божий — не страх мира сего. Имеющий страх Божий — ничего не боится в этом мире, да и как бояться, если все в руках Божиих.

ЛИЦО БЕЗБОЖИЯ

15 января, 2 января по старому стилю — день памяти преп. Серафима Саровского. В храме села Гребнево идет служба, среди молящихся — двое чекистов. Еще во время службы о. Василий, настоятель, сказал о. Димитрию, что его ждет следователь. Батюшка потребил Св. Дары вместо диакона. Вышел из храма. Двенадцать чекистов уже стояли во дворе. Подходят, говорят:

— Давайте познакомимся.

— А я что-то вас никогда не видел, — ответил батюшка.

— Пройдемте в дом, — требуют они.

— А ну-ка предъявите ваши документы. Кто предъявит тот и войдет.

Матушка встала у двери; трое предъявили документы, за тем

кто-то из них отпихнул матушку и они ворвались в дом, попирая все свои законы. Не зря обыски, производимые чекистами, так похожи на разбой; в этом — лицо безбожия, которое в другие моменты может быть и ласковым, и безобидным, но показываясь в своем подлинном виде, всегда бесчеловечно и незаконно.

Предъявили батюшке повестку, что он вызывается в качестве свидетеля. И тут, избегая открытой встречи, чтобы только не было открытого диалога, батюшке предложили ехать с ними, а матушке домой. Я настояла, рассказывает матушка, чтобы ехать с о. Димитрием. Матушку посадили в машину впереди, о. Димитрия сзади. Он попросил, чтобы дали вперед сесть, потому что ноги сломаны, вытянуть нужно. Но и тут они отказали.

Восходя на свою Голгофу, батюшка сказал: «Благословляю всех духовных чад! Пусть не забывают меня в молитвах своих и общаются друг с другом».

В дороге о. Димитрий разговаривал с матушкой. «Не будут по крайней мере говорить, что я агент КГБ», — говорил он. Прощался навсегда.

— Может, еще сегодня увидимся, — сказала матушка.

— Нет, так не забирают, когда возвращаются. Я старый лагерник, — отвечал батюшка.

Пока ехали, матушка спросила, как поедут, потому что хотела выйти у дома, но о. Димитрий попросил, чтобы она поехала с ним. Когда приехали на Лубянку, батюшка снова всех благословил.

Внутри Лубянского особняка на второй этаж ведет широкая мраморная лестница; наверху двухметровый милиционер. Поднялись. Кругом неприглядно, грязно, пыльно, по-видимому ремонт. Стоит маленькая елочка. «У нас и то больше», — замечает матушка. Батюшку провели в кабинет, а матушка осталась ждать в коридоре; рядом посадили чекиста. Наконец после сорокаминутного ожидания из кабинета вышел человек в бежевом костюме, на вид лет сорока, холерный. Представился. Сорокиным Влад. Серг.

— Вы Нина Ивановна? — спросил он. Ведь так сразу и не скажешь жене, что ее муж арестован, вот и выработали как бы тон вежливости. — Вам нужно поехать домой. Там мама волнуется и просила приехать. (Что волновалась — это верно, да и как было старой женщине не волноваться, а вот что домой просила приехать — это все вранье; но в безбожном деле, видно, без вранья не прожить).

— Я подожду.

— Боюсь, что вам очень долго придется ждать.

Домой отвезли на казенной машине в 5 часов вечера. В это время обыск был еще в самом разгаре. Закончился он только в 8 часов вечера; обыскивало 7 человек. С мамой, рассказывает матушка, творилось что-то невообразимое. (Дело в том, что когда пришли чекисты, дома никого кроме нее не было). Ее била дрожь, кричала караул. Такова была естественная человеческая реакция на разбой, когда прихо-

дят не с добром. Чекисты позвали соседей, бегали в аптеку, отпайвали маму лекарствами.

Теперь о Мише. На первой лекции его вызвал декан. Один из производивших обыск чекистов отвез Мишу на «Волге» домой, где в это время шел обыск. Предъявили постановление. Потребовали подписать. Миша подписывать отказался, «потому что обыск у папы. Вот придет папа, тогда и скажет, как мне сделать».

Две комнаты обыскали. Комната батюшки была закрыта на ключ, который долго искали, но не нашли. Послали за слесарем. Но у безбожников точно из рук все валилось. Полтора часа искал участковый милиционер слесаря и не нашел. Решили взламывать. Миша пытался останавливать, а когда они все-таки взломали, предупредил, что у папы в комнате хранятся Св. Дары, так чтоб не тронули. Св. Даров не тронули, но остальное все переворостили. После потребовали, чтобы Миша подписал протокол. Подписывать протокол Миша отказался, потому что изъяли деньги и чисто религиозную литературу. (А какая еще должна быть у священника — не атеистическая же?). Позвонили следователю Сорокину, после чего оставили 500 руб., а остальные 3150 руб. забрали.

ЧТО ТЕМ ВРЕМЕНЕМ ПРОИСХОДИЛО В ГРЕБНЕВО

Когда батюшку увезли, чекисты приступили к обыску, который никак кроме разбоя не назовешь. Шарили во всех комнатах, брали без описи, попросту засовывая

все в мешки и портфели. Взяли денег 2010 руб. (когда забирали эти деньги, даже староста возмущалась, сказав, что она только вчера выдала батюшке зарплату), забрали рукописи, пишущую машинку. В маленькой комнате, что по входе налево, что-то взламывали топорами; по-видимому, вытаскивали свою подслушивающую аппаратуру. Обыск закончился уже ночью, в 2 часа 30 минут.

Сообщил А.

В тот же день произошли обыски.
И вот как это происходило.

ОБЫСК ПЕРВЫЙ.

Я спешила на работу. Только подошла к двери — звонок. Спрашиваю — кто?

— Нам Кузьмину Наталью Николаевну.

Приоткрыла дверь. В щель тут же просунулся ботинок. Затем зашли четверо мужчин и женщина.

— Нам нужно с вами поговорить.

— Я спешу на работу.

— На работу сегодня не пойдете, у нас будет долгий и серьезный разговор. Куда можно пойти?

— Никуда. Я спешу на работу.

— Пройдемте. Мы вам покажем документ, и вам станет все ясно.

Проходим в комнату. Они предъявляют постановление, в

котором нет числа — когда производить обыск (!). Постановление не подписываю, т. к. сущность дела они объяснить отказываются. Да и нет этой сущности — вот и прикрывают гонения номерами. Приступив к обыску, хотели было разойтись по комнатам, но я настояла, чтобы были все вместе, дабы присутствовать при всех их действиях. Нашли батюшкины книги. Найдя ГУЛаг, разозлились. А что, собственно, было злиться, когда эта книга — о них; когда в ней то, что они и сегодня, сейчас вот делают.

Закончив обыск, позвонили к Сорокину. Тот, вроде как держатель крепостных душ, что ли, велел, чтобы везли к нему. Наташа стала отказываться, они настаивать. Она сказала, что хочет пообедать. Разрешили. Затем она все же решила ехать.

Привезли на М. Дубянку, куда и батюшку. Было это около трех часов дня. Заболотный — следователь по обыску — отпустил оперативников и понятых, сказав, что они свое дело сделали. Пришедший Сорокин поручил попросить Наташу след. Заболотному. Следователи угрожали и шантажировали. (И это по отношению к незаконно привезенному человеку!). На вопросы, касающиеся батюшки, отвечать отказалась, т. к. «являясь его духовной дочерью, никаких показаний о своем духовнике давать не может».

Сообщила Н. К.

ОБЫСК ВТОРОЙ.

Вернулись с литургии примерно в 11 час. 30 мин. Вошли в

квартиру. У меня на руках маленький мальчик — в этот день ему как раз год исполнился. Завела его в детскую комнату. Возвращаюсь, чтобы закрыть дверь — вижу, стоит в квартире незнакомый человек, простоватый на вид мужчина в японской куртке.

— Вам чего? — спрашиваю.

— А я извещение на телеграмму принес. Вот приносили, а вас не застали, — начал сочинять он.

Беру у него извещение. Он не уходит, просит в квартире посидеть, потому что замерз пока ждал. «А тут как раз мой сменщик вашу телеграмму принесет, — врет он дальше. — А позвонить не разрешите? Звонит. Я предлагаю согреть чаю. Отказывается. Тут звонят в дверь. Открываю. А он мне вслед: «Это мой сменщик». Передо мной трое. Что за люди, спрашиваю. «А вот придет главный почтальон, он вам объяснит», — отвечают. Тогда я прохожу к окну и требую предъявить документы. Первый обманщик неохотно достает удостоверения капитана УКГБ Кадидатова Игоря Васильевича. А тут и главный «почтальон» приходит. Спрашивает, куда пройти. Предъявляет документы капитана УКГБ Колпакова Владимира Дмитриевича и постановление на обыск. Я подписал постановление и они приступили. Первый «почтальон» с понятными отправились обыскивать места общего пользования, а двое других в детскую комнату. Следователь расположился за столом. На столе лежало несколько книжек по истории религии. Следователь долго ко-

пался в своих бумагах, вздыхал, что нет бланков для хорошего протокола. Пока он вздыхал, Кадидатов вернулся с «добычей» — принес «Памятку моим духовным детям». «И обратите внимание, — обращается он к следователю, — интересная надпись, — священник Дм. Дудко». И смотрит на меня — какое это все производит впечатление. Через некоторое время опять что-то несут. Я спорю со следователем, чтобы книги по истории религии не забирали; тот советуется с Кандидатовым. «А, — говорю, — вот кто у вас начальник, а говорили, что «почтальон». Не хорошо обманывать, — жую их. — А вы с начальника пример не берите». «Почтальон» как будто смущен.

Я спорю о каждой книге. Кое-что возвращают, кое-что оставляют. Как настоящие бездельники, делают вид, что «занимаются серьезным делом», хотя дела никакого нет, и оттого явная показухность. Наконец, обыск заканчивается. Времени — 19 часов 30 минут. Я пишу заявление, что делали обыск, не разъяснив сути дела, так можно самые темные дела прикрывать благовидными словами. От подписывания протокола отказывалась, жена также. С полчаса уговаривают; затем запикивают взятое в черный матерчатый мешок и уходят. Вначале уходит понятой с чекистами. Прошу их вернуться, т. к. ушли, не попрощавшись. Возвращаются, вид у них какой-то жалкий. Пожимаю им руки. Прости их Господи, не ведают, что творят. Через час узнаю, что батюшку аре-

стовали, а семью обобрали. Видно, все же знают, что творят не доброе.

Сообщил И. М. Чайковский.

Но это не все. Еще были обыски у Аллы Овчинниковой, Виктора Капитанчука, Касимьяна Глимянова.

НОВЫЕ ГОНЕНИЯ.

Арест о. Дмитрия, обыски у духовных детей, угрозы — как это еще назвать, как не гонения на христиан. Безбожники могут лгать, отговариваясь какими-то будто бы соображениями, но ясно, что это именно гонения. Гонения не когда-то в древности, а именно сейчас, сегодня! И положение христиан тем труднее, что в древности гонители часто не знали, кого гонят, теперь же безбожники ненавидят именно Христа и гонят за действительную проповедь, за имя Христово.

О. ДИМИТРИЙ:

«Благословляю всех своих духовных чад! Пусть не забывают меня в молитвах своих и общаются друг с другом».

Помолитесь и Вы о нас, батюшка, со своей Голгофы!

ЗАВЕЩАНИЕ О. ДИМИТРИЯ.

Уже несколько раз я порывался написать завещание. Что толкало меня на это? Возраст, болезнь, как будто не это. Тревожащего нет, возраст еще такой когда бы только входить в силу,

болезней тоже особых нет. Что же толкает? Инстинкт, что где-то недалеко бродит смерть? Я заметил, что в моей жизни все бывает как-то неожиданно.

И полное исцеление от катастрофы, ничего не осталось кроме чувства какого-то праздника. В день катастрофы, когда я вынесен был из машины и лежал на земле, пришла мысль — так неожиданно придет и смерть. Нужно быть готовым ко всему. И я тогда за все благословил Бога. Благословляю и сейчас неведомый свой день смерти... Вдруг он будет тоже неожиданным? Был бы в то время Бог со мною, как это было в день катастрофы. Ничто так легко в моей жизни не проходило, как катастрофа. Не было ни растерянности, ни печали, я ее принял как милость от Бога. Думаю еще большая милость — смерть. Но после меня кто-то останется, вот что завещать им? Завещать можно тогда, когда имеешь, а что я имею. Как сказано: наг родился, наг и отыду. Христос завещал ученикам своим Царство, но не здесь на земле, здесь Он ничего не завещал. Царство — на Небе. Еще завещал Он любовь друг к другу... Если Христос завещал Царство на Небе, потому что там его имел, а я не имею ни на Небе, ни здесь. Христос завещал любовь, потому что Сам любовь, а какая у меня любовь.

Господи, страшно явиться к Тебе полным грехов и не имеющим любви, которая сильнее всего. Как я явлюсь к Тебе нагой, беспомощный?.. И приходит-

ся вместо завещания просить вашей помощи — оставшиеся здесь — молитесь обо мне.

Но наверно будут плачущие... Вот чем утешить их? Не плачьте, потому что мы не разлучились. Если Бог позволит мне ходатайствовать за Вас — буду просить Его, зная, в каком мире и в каком положении Вы остались. Если останутся после меня родные, близкие мне по плоти — жена, дети, братья, прошу вас не огорчайтесь. Богатства я вам не собрал, но прошу оставшихся друзей, если такие будут, — помогать Вам.

То, что стало общим достоянием от меня, так и является общим достоянием. Если это будет утешением для Вас — для меня тем более будет утешением ваше утешение. Но это, я думаю, слишком дерзновенно с моей стороны. Мне приходится не столько завещать, сколько просить: прошу молить. Во Христе все наши сокровища. Простите меня за все, прощайте и здравствуйте. Буду ожидать Вас.

Христос воскрес, смертию смерть поправ. Во Свете Твоем узрим Свет, пробави милость Твою любящим Тебя.

Пробави милость Твою, Господи, ко всем людям, не забуди и меня, последнего раба Твоего.

Четверг 29 марта, 1979 г.
половина 5-го дня.

с. Гребнево

свящ. Дм. Дудко.

ПИСЬМО В. ФУРОВУ

заместителю председателя Совета по делам религии
при Совете Министров СССР, кандидату исторических наук,
автору статьи «Становление законодательства о культах».

В. ФУРОВУ.

Я ознакомился с Вашей статьей по журналу: «Наука и религия» № 10 за 1979 год.

Первое впечатление от нее: попытка создать идиллию между Церковью и Государством, всё хорошо, никаких проблем нет.

Второе — рассчитанное очковтирательство.

Третье — натравить кого-то на тех, кто не вмещается в Вашу концепцию. Один из тех, на кого Вы натравливаете — это я, священник Дмитрий Дудко. Обо мне Вы пишете: «В православии, например, этим занимается священник Дудко... Западная пропаганда пытается представить таких деятелей «подлинными борцами за веру», «страдающими во Христе», «мучениками христианства» и т. д. Но какие же это мученики? Первый из них (речь идет обо мне) и поныне продолжает служить в одной из церквей Подмосковья». Что значит это служение, скажу потом, а пока, чтоб яснее была моя вина, вернемся немного назад. «И только в отдельных религиозных общинах встречается отклонение от установленного правопорядка. Их вожаки оказывают негативное влияние на рядовых верующих, убеждая их в том, что поскольку Церковь в СССР отделена от Государства, религиозные объединения могут и должны жить по божеским, а не мирским законам общества» (Не знаю, как это у вас сорвалось — божеским законом! — даже не поставлено в кавычки). Далее Вы продолжаете: «следовательно, не нужно регистрироваться в органах власти. Непризнание Государства, его законов — эта экстремистская позиция порождает всё новые нарушения законодательства о культах. Получается цепочка: зарубежная антисоветская пропаганда усердно раздувает мифы о безбрежной свободе религии в буржуазных странах, обвиняя СССР в ущемлении прав верующих. Эти выдумки подхватывает руководство так называемого Совета Церквей евангельских христиан-баптистов и некоторых других религиозных организаций, сочиняя при этом пасквили о религиозных преследованиях. Затем эти небылицы идут на Запад, и всё начинается сначала. Экстремисты от религии выступают против регистрации общин в органах власти

и контроля за их деятельностью со стороны местных Советов, заявляя, что такие порядки якобы установлены только в Советском союзе», — я привел цитату до места, где Вы говорите обо мне. Судя по приведенному, меня можно обвинить, что я против регистрации общин в органах власти и против контроля за их деятельностью со стороны местных Советов. Заявляю во всеулышание, что против регистрации я не выступал, вот против контроля было дело, я писал даже письмо в Щелковский райисполком о их незаконном вмешательстве во внутренние дела Церкви. Это, что ль, называется контролем? В других местах Вашей статьи Вы пишете: «В 1966 г. были установлены специальные правовые нормы, ограждающие верующих от посягательств на их права». Остановимся на этом. Значит у верующих есть права! Какие эти права? Права перед Богом и людьми. Общество, разумеется, состоит из людей, следовательно, и перед обществом. Значит мои указания на нарушение законодательства о культах правильны?! Я говорил о своих правах, или как? Я писал по поводу моего конфликта с Щелковским райисполкомом в Совет по культам, но ответа не получил. Далее развивалось дело так. Вмешалась милиция, представители, вероятно, госбезопасности, дружинники... Выломали в моем доме при храме дверь, избili на моих глазах моих духовных детей, уволокли раздетых в милицию и избитым дали по 10 суток заключения. Я писал Министру Внутренних дел Щелокову: «Идет террор, остановите». Остановились не сразу, были и еще избияния и, наконец, остановились. Второй раз мои духовные дети не досидели 10 суток заключения, началось какое-то затишье. Мне сообщили письменно и по телефону: была соблюдена законность, вы преувеличиваете мол.

— Значит законно избияние? — воскликнул я по телефону. А передо мной встала картина. Я со своими духовными детьми иду на почту, нас окружают человек 15, отталкивают меня со словами: «Идите», закрывают дверь и избивают моих духовных детей. Я зову на помощь, деревня словно вымерла, как же, власти орудут, попробуй вмешаться. Наконец, выполняет милиционер с ничего не говорящей улыбкой. Недавно я ему сказал: «Вас судить надо за то, что вы человек власти не приняли мер против избияния». Он так и сказал: «Да, надо судить». В последнее время тоже что-то начинает напоминать бывшее. Преследуют моих духовных детей, фотографируют их, отбирают религиозную литературу, проверяют документы без всяких оснований, для устрашения подгоняют к храму милицейские воронки. Правда, пока не избивают... И это в то время, когда Вы пишете такие идилические

статьи. Нет, заместитель председателя по делам религии — это очковтирательство, это натравливание — вот, возьмите его...

Вы скажете, что вы, мол, остановились на своем примере (хотя и один такой пример уже должен вызвать тревогу), но это не только со мной. Ко мне в связи с гласностью, которую Вы мне сами создали, приезжают отовсюду и всюду по отношению к Церкви — вопиющие беззакония...

Я хочу сказать, что деятельность Ваших органов должна заключаться в том, чтоб не было конфликтных отношений с Государством, иначе Вы являетесь врагами своего Государства, сетеете вражду между верующими и неверующими.

И еще Вы в своей статье пишете: законы по отношению к Церкви могут изменяться, — в связи с требованием времени, добавлю я. Неизменен только вечный закон Божий, потому как неизменно добро, измененное добро — это ложь, так мы считаем, верующие. Здесь я хочу сказать об одном пункте, с которым я не согласен, но этот пункт записан в конституции СССР: верующим обеспечивается свобода отправления религиозного культа. И всё. Точка. Как согласовать это с законом Божьим, законом Христа: идите по всему миру и проповедуйте? Тут верующий поставлен перед дилеммой: или мир, или Христос? Вы в своей статье, наверно, считаете меня экстремистом, послушайте, как я себе истолковываю это место. Наверно закон писали атеисты, рассуждаю я, и дело веры у них вмешается в культ, но что такое культ на самом деле? Попробуй, допустим, отправлять его и не произносить слов? При культе бывают слова, а следовательно и проповедь разрешена, это само собой разумеющееся, и поэтому составители закона под словом культ предоставляли право и на проповедь. И всё в порядке. И это по-моему. А чтобы не произошло конфликта, ведь могут думать по-разному, вот Вам, поставленным между Церковью и Государством, нужно позаботиться об этом, а Вы пишете идилии, занимаетесь очковтирательством, натравливаете власти... Слушайте меня, заместитель Министра по культам: я люблю свою страну и свой народ, и всё, что я делаю — это чтоб принести пользу стране и народу. Я не раз говорил тем, кто на меня нападает: ну давайте представим, кому вред, если я отвращу человека от пьянства, от улицы, он задумается над своим нравственным состоянием?.. Если хотите, он и политикой не будет заниматься (политику я беру в плохом смысле, наверно может быть политика и в хорошем смысле?). Один высокопоставленный человек, увидев, как я влияю на его сына, признался мне: «Спасибо вам, он даже перестал ругать коммунистов». Вы, наверно, в этом

месте качнете головой и тряхнете теми номерами газет и журналов, в которых про меня пропечатано, что я фашист и сионист, что я монархист, что я активно участвовал в фашистской газете, что я сидел, что освобожден по амнистии и т. д. Одна женщина, сын которой является моим духовным сыном, как мне рассказывают, звонила в Литературную газету. Вот ее разговор: — Вы правду пишете про такого-то, называет мое имя. — Да. — Как же до сих пор его не арестовали? — Он помилован, — ответили ей, но судимость в любое время будет восстановлена. — И здесь они соврали: я не помилован, а освобожден со снятием судимости и поражения в правах. А это значит, что все равно, что не судим. Значит здесь они клеветают на меня. И всё, что написано про меня — клевета! Но кого привлечь к ответственности? Вот и Вы к прежней клевете добавили новую клевету. Что, подавать на Вас в суд? Я, конечно, понимаю, что Вы только посмеетесь и никто не примет у меня жалобу, а если и примут, то еще добавят клеветы. А всё мое «преступление» заключается в том, что я хочу быть последовательным христианином и своим служением священника приносить людям пользу. Я хочу блага своему Государству и своему Народу и больше ничего никому не желаю. У меня нет никакой озлобленности ни на кого и за то, что я невинно просидел восемь с половиной лет в заключении. Нет озлобленности и на тех, кто на меня клеветает и постоянно преследует, не желая объективно разобраться в создавшейся ситуации. Прости им, Господи, не ведают, что творят. Я и про Вас говорю, прости Вам, Господи, не ведаете, что пишете.

Для чего же все-таки я написал?

Написал я все-таки для того, что верю в человека, что божественная сторона в нем рано или поздно проснется, а безбожие — это враг человека, и если Вы не согласны с этим, то должны бороться не административными мерами, а идеологически, как Вы сами выражаетесь. А если Вы поступаете не так, значит расписываетесь в своем полном бессилии перед силой веры.

Священник Дмитрий Дудко

Москва, 22 октября 1979 г.

Адрес: Москва, 125 475.

ул. Дыбенко, дом 14, корпус 1
квартира 76

Телефон: 4758816

ВОЗЗВАНИЕ КО ВСЕМ ХРИСТИАНАМ

Недавно еще писали: «какие же это мученики (речь шла обо мне и об о. Глебе Якунине), если они спокойно работают?» — то словно спохватившись — вот уже о. Глеб Якунин в самом деле мученик: схвачен и брошен в заключение, я пока служу, хотя служба сопряжена с очень большими трудностями.

Стража хватает учеников Христовых...

Спрашивается, что это такое происходит? Готовится ли распятие Христа, или что-то другое?

Нет! Христос был распят две тысячи лет тому назад, и уже столько же лет, как Он воскрес из мертвых. Сегодня происходит не только не распятие Христа, сегодня происходит воскресение России. И та стража, которая стояла у гроба, подкуплена дьявольскими первосвященниками, книжниками и фарисеями для того, чтоб воспрепятствовать воскресению. Но воскресение началось, его остановить ничем невозможно. Идут святители, цари, князья, идет монашеский чин, идут рядовые священнослужители, идут благородные дворяне, идут русские крестьяне, идут все замученные с лучезарными венцами над своими головами. Эти полки замученных, бесстрашно умерших за Христа, сильнее всякой армии, и то, что хватают учеников Христовых, готовящихся ко встрече с этими идущими, говорит о панике в армии безбожников. Однако, это не значит, что мы просто должны созерцать развертывающийся Божественный промысл. Как раз сейчас-то не только для живущих в России, но и для верующих всего мира наступает самый ответственный момент: как коснется наших душ начавшееся воскресение.

Вероятно, за арестом о. Глеба Якунина последуют и другие аресты, может быть захочется чьим-то разгоряченным головам повторить Голгофу (это возможно даже в дни воскресения), ибо еще нет общего воскресения, когда уже всякие силы ада будут бессильны, и вот: кто хочет участвовать в деле воскресения, должны встать на защиту воскресения. Я, священник Дмитрий Дудко, с места Голгофы и из горницы, в которую вошел воскресший Христос сквозь затворенные двери, взываю ко всем верующим:

1. Нужно установить усиленное моление за всех гонимых в России, для этого предлагаю выделить определенные дни, чтобы объединить верующих на молитву за гонимых, тем создав общее единение.

2. Накануне моления установить трехдневный пост.
3. Обращаться с воззваниями, письмами, просьбами ко всем гонителям прекратить свое преступное дело.
4. Всякое предприятие, которое так или иначе помогает гонителям, прекращать сразу.
5. Оказывать всемерную помощь гонимым и их семьям.

От нашего единения зависит начавшееся воскресенье. Помнить нужно: если не воскреснет Россия, всему миру грозит новая Голгофа, и кто знает, приведет ли эта новая Голгофа к воскресению, может, это будет только Голгофа неблагоприятного разбойника?

Или воскресение, или гибель всех и всего, — перед таким выбором стоит теперь не только Россия, а весь мир.

4 ноября 1979 г., Москва.

Священник Дмитрий Дудко

НОВЫЙ ОБРАЗ СВЯЩЕННИКА

Церковь наша Православная сейчас находится в бедственном беспомощном положении. Оговариваюсь только: Церковь в данном случае я имею в виду как организацию, Церковь как тело Христово — всегда жива и неодолима никакими силами ада. Священник, который находится в церкви-организации, приобрел вид забитого, боязливого, вместо проповедника Христова учения — требоисполнителя — удовлетворять текущие нужды прихода: отслужить молебен, отпеть покойника, совершить литургию и т. д. Но поскольку церковная организация так или иначе связана с Церковью — Телом Христовым, то в ней появляются и другие виды священников. Я не буду говорить о всех, остановлюсь на самом важном, который в наше время крайне необходим. Это тот священник, который самоотверженно пошел бы на дело Божие, встал бы на защиту попраной правды, защищал бы, как добрый пастырь овец от ворвавшихся в стадо волков.

Таким священником и является священник Глеб Якунин, арестованный 1 ноября 1973 года.

Путь его тернист с самого начала. Рукоположенный в 1962 году, он прослужил не более трех лет и сразу же запрещен в служении за «Открытое письмо», разоблачающее беззакония. Будучи в запрещении, он не сидел без дела — отдался бескорыстному и самоотверженному служению людям, хотя и до этого он

оставил о себе хорошую память в приходе. Я по сути дела прошел с ним бок о бок, мы живем даже на одной улице, он — дом 30, а я — дом 14. В последнее время, правда, мы с ним встречались редко, так как я служу за городом, но при всякой встрече он живо и заинтересованно говорил о положении Церкви. По характеру острореагирующий, он отзывался на любое явление церковное, на любые нужды. Там надо кому-то помочь, там кого-то утешить, там за кого-то вступить, — он сразу бросался на помощь, забывая о том, что у него есть семья и незрелые дети, которые также нуждаются в его помощи. Меня всегда поражала его эта бескорыстная отзывчивость и главное, что никакой тени гордости, он, казалось, лишен был всякого самолюбия, радость другого человека была его радостью. Таким качеством мало кто обладает. И вот этот священник — этот нарождающийся образ нового священника, крайне необходимый в наше время, сейчас лишен всяких прав. Все те, о ком он болел, все те, кому дороги нужды Церкви, в первую очередь, должны вознести о нем молитвы, потом — подхватить его дело и идти самоотверженно на дело Христова. Но этого еще мало: нужно сделать всё, чтоб этот священник находился на свободе: нет у него такой вины, за которую бы его нужно было держать в заключении.

26 ноября 1979 г.

Священник Дмитрий Дудко.

К АРЕСТУ О. ГЛЕБА ЯКУНИНА

1 ноября арестован православный священник отец Глеб Якунин, один из основателей Христианского Комитета защиты прав верующих. В обществе, где атеизм является государственной идеологией, этот Комитет явился первым объединением христиан в защиту религиозной свободы. Члены Христианского Комитета поставили своей целью выявлять и предавать гласности нарушения прав верующих и содействовать восстановлению и осуществлению этих прав.

Как велика оказалась потребность в деятельности Комитета, показывают многочисленные заявления и жалобы верующих, постоянно поступающие в его адрес.

Десятки тысяч лет, насколько проникает в прошлое взгляд историков, религия составляет неотъемлемую часть жизни человеческого общества. Наивностью было бы полагать, что эта сто-

рона нашего существования может быть в какой-то момент уничтожена.

Защита прав верующих необходима и для нормальной жизни государства, десятки миллионов граждан которого являются верующими.

Мы рассматриваем арест о. Глеба как препятствие нормализации религиозной жизни со стороны властей. Это еще одно проявление трагического ослепления, характеризующего уже многие десятилетия отношение государства к верующим в нашей стране.

Мы требуем немедленного освобождения о. Глеба Якунина.

4-XI-1979 г.

ПОДПИСИ:

Игорь Шафаревич
Игорь Хохлушкин
Виктор Капитанчук
Вадим Щеглов
свящ. Николай Гайнов
Алексей Скутов
Алена Каштанова
Николай Черков
Любовь Щипкова
Владимир Бурцев
Рой Медведев
Валентина Машкова
Мальва Ланда
Нина Строкатова
Святослав Караванский
Петр Строгин
Лариса Полуэктова
Виктор Савин
Татьяна Щипкова
Лев Регельсон
Татьяна Капитанчук
Феликс Серебров
Нина Комарова
Татьяна Осипова
Всеволод Кувакин
Ирина Жолковская-
Гинзбург.
Владимир Кейдан
Юлия Кейдан
свящ. Ник. Педашенко
Ада Найденович
Людмила Агапова
Антонина Агапова
Татьяна Шаталова
Николай Шаталов
Антонина Шаталова
Мария Репникова

Вячеслав Репников
Владимир Титов
Мария Антонюк
Михаил Соглов
Олег Свободин
Валерий Бочаров
Владимир Шпелов
Марк Новиков
Михаил Зотов
Николай Габайло
Роза Попова
Владимир Цуриков
Михаил Вердашвили
Елена Козлова
Вячеслав Поржунов
Наталья Капитанова
Анатолий Иванов
Ольга Курганская
Иван Луначёв
Евгений Николаев
Леонид Штерн
Георгий Шепелёв
Софья Каллистратова
Владимир Соколов
Оксана Мешко
Татьяна Лебедева
Елена Оленева
Юрий Гастев
Евгений Комарницкий
Вадим Борисов
Влад. Зелинский
Феликс Светов
Владимир Корнилов
Владимир Войнович
Георгий Владимов
Наталья Кузнецова
Сергей Маслов

Валерий Ронкин
Ирина Ронкина
Сергей Хахаев
Валентина Чикатуева
Михаил Молоствов
Маргарита Муждаба
Смирнов (Костерин)
Лев Копелев
Павел Башкиров
Дядькин И.
Лозовский И.
Леонард Терновский
Леонид Бородин
Вячеслав Иванов
Станислав Жердяев
Борис Перчаткин
Василий Горелкин
Василий Шилук
Нина Григоровская
Виктор Бурлюк
Тьян Заочная
Николай Блохин
Лариса Самойлова
свящ. Димитрий Дудко
Виктор Некипелов
Валерий Абрамкин
Ирина Сенник
Стефания Сичко
Владимир Малинкович
Мария Петренко
(Под'япольская).
Александр Лавут
Виктор Тимачев
Татьяна Иванова
Евгений Габович
Борис Шайн
Александр Орлов

свящ. Василий
Фонченков
Сергей Ходорович
Виктор Сокирко
Соня Сорокина
Вера Ливчак
Раиса Руденко
Микола Руденко
(по доверенности).
Вячеслав Игрунов
Пётр Старчик
Кирилл Попов
Р. Гордеев
В. Кривулин
Н. Симаков
Э. Орловский
В. Гаенко
Н. Гаенко
Л. Климова
В. Репин
Т. Горичева
Валерий Фефёлов
Ольга Зайцева
Юрий Кашков

Владимир Альбрехт
Марина Лепешинская
А. Кухулу
И. Любимов
Татьяна Эшлиман
Владимир Буассонад
Ольга Федорова
А. Шаповаленков
Людмила Бойцова
(Ковалева).
Людмила Гинзбург
Вера Лашкова
Нина Лисовская
Ирина Валитова
(Орлова)
Юрий Орлов
(по доверенности).
Дмитрий Леонтьев
Алена Ходорович
Виктор Сорокин
Наталья Бабицкая
Виктор Дзятко
Елизавета Щитковская
Вячеслав Родионов

Юрий Рассомахин
Вячеслав Бахмин
Августа Романова
Л. Кузина
Ю. Вознесенская
Н. Малаховская
Н. Лесниченко
М. Кунина
С. Соколова
Валерий Борщёв
Петр Волков
Александр Кузькин
Виктор Попков
Валерий Селезнёв
Иван Ролец
Доброчина
Маргарита Попова
Валентин Кладько
Анатолий Вербицкий
Лидия Здановская
Агафья Здановская
Николай Попович
Владимир Седов
Татьяна Баева

Сбор подписей продолжается

ОТЕЦ ДИМИТРИЙ ДУДКО АРЕСТОВАН!

Его взяли в день Преподобного Серафима, после службы, в селе Гребнево. Шла Литургия и наверно он не заметил в церкви ч у ж и х. А может увидел, но не признал — кого только не бывало на его службах, тысячи и тысячи людей приезжали к нему, не считаясь со временем, не пугаясь расстояния, погоды, дождя, снега, холода или жары. В Гребнево, в Кабаново, в Никольский храм на Преображенке...

Шла Литургия, а в это время на его московской квартире, без хозяев ломали дверь молельни, чужие руки листали книги, рылись в тетрадях и дневниках, перебирали письма, проповеди...

Имя отца Димитрия связано для нас с возвращением к истокам нашей жизни, тысячелетней истории России, к Православию, Церкви, с возвращением к нашей культуре. Сердце отца Димитрия мгновенно откликлось на боль и страдание каждого приходящего к нему, каждый был для него частицей России, а ее боль и страдание рождали его проповедь — живое, горячее, страстное слово в защиту вновь и вновь распинаемого Христа. Проповедью было его служение — высокая жизнь православного русского священника. Он никогда не уступал атеизму, он боролся с ним с амвона, в своих беседах, в своих книгах, разговаривая с людьми на улице, в домах, в казенных учреждениях, в прокуратуре и КГБ. «Вызовут на допрос — проповедь, — говорил отец Димитрий, — арестуют — проповедь, убьют — самая высокая проповедь!»

Проповедь отца Димитрия, вся его прекрасная жизнь и служение, его у п о в а н и е на спасение России, его подвиг навсегда останутся свидетельством живой души народа, надеждой на его будущее, неумирающей верой в него.

Молитесь за отца Димитрия, матушку и двух их детей, сделайте кто что может для его освобождения и облегчения его участи! Россия пережила страшную историю, ей грозят, быть может, еще более тяжкие испытания. России и всему человечеству. Будущее зависит от нас, от каждого из нас. Будем крепки в нашей вере, в нашей надежде и в нашем уповании.

Спасибо отцу Димитрию за все! Да хранит его Христос, да хранят нас его святые молитвы.

Феликс Светов
Зоя Крахмальникова
Юрий Кублановский
Валерий Левятов

Эдуард Штейнберг
Ольга Федорова
Николай Попович

ГЕНЕРАЛЬНОМУ ПРОКУРОРУ СССР

копия: ПРОКУРОРУ г. МОСКВЫ ПО НАДЗОРУ ЗА ОРГАНАМИ
КГБ МОСКВЫ И МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ

ЯКУНИНОЙ Ираиды Георгиевны
Москва, ул. Дыбенко
д. 30, к. 1, кв. 45

об аресте священника Глеба Павловича ЯКУНИНА и об обысках в нашем доме

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО

1-XI-1979 г. в 8 час. утра мой муж священник о. Глеб Якунин был уведен из своей квартиры сотрудниками Управления КГБ по г. Москве и Моск. обл. без предъявления санкции на арест, обманным путем.

Когда мой муж хотел проститься с детьми, ст. лейтенант КГБ Новиков сказал: «Ну что Вы, Глеб Павлович, мы Вас возем для допроса как свидетеля. Вы скоро вернетесь».

Так и увели моего мужа, отца трех детей (старшая дочь — школьница, сын — 5-ти лет и дочь — 2-х лет). И только поздним вечером после многих попыток я дозвонилась по телефону и узнала, что о. Глеб арестован и находится в Лефортовской тюрьме.

После того как увели мужа, в доме начался обыск. При обыске изымали все бумаги, в том числе личные письма и архивные записи моего мужа, записные книжки, книги и брошюры религиозного содержания. Кроме того изъят магнитофон с кассетами, т. е. имущество, имеющее материальную ценность и не запрещенное для хранения и пользования. (Могу добавить, что еще ранее при обыске 28-IX-1979 г. у нас изъяты ложки «белого металла», которыми мы пользовались в быту, и до сих пор это личное имущество не возвращено).

Все мои попытки узнать причину ареста мужа и какое ему предъявлено обвинение остаются тщетными. Следователь КГБ ЯКОВЛЕВ отказывается сообщить мне в чем обвиняется о. Глеб и заявляет, что он привлечен к уголовной ответственности как государственный преступник.

Мой муж, глубоко религиозный человек, верующий христианин, безусловно не совершил никакого преступления. Будучи отстранен от службы во Храме Господнем несправедливо, в результате гонений со стороны КГБ, начавшихся еще в 1965 году,

он продолжал оставаться священнослужителем и делал только добро людям. Он был членом Христианского Комитета защиты прав верующих в СССР — свободной ассоциации, ставящей своей целью защиту свободы совести и прав верующих всех религий. Действовал он всегда открыто и не нарушая законов.

12-ХІ-1979 г. в 4 часа дня в нашу квартиру буквально ворвались работники КГБ во главе с капитаном КАТАЛИКОВЫМ и произвели повторный обыск. От меня требовали выдачи валюты, которой в нашем доме нет и никогда не было (я даже в глаза не видела никогда в своей жизни никакой иностранной валюты и никаких драгоценностей в моей семье не было и нет). Капитан КАТАЛИКОВ и другие работники КГБ, производившие обыск, вели себя вызывающе грубо. Я в н о н е з а к о н н о, без ордера на личный обыск, не только меня, но и мою старшую дочь школьницу и даже бывшую у нее в гостях девочку подвергли унижительному личному обыску с раздеванием и ощупыванием. Этот личный (разумеется безрезультатный) обыск производила некая ШИРЯЕВА, которая следственным работником не является, и только по моему настоянию она была внесена в протокол обыска. Записали ее «понятой». Она затолкала меня в меньшую комнату, а девочек — в кухню и поочередно одна производила личный обыск с профессиональными ухватками. В это время работники КГБ в большой комнате одни, т. е. без хозяев квартиры, продолжали обыск.

При этом обыске у нас изъяли все иконы (19-ть) и крест — распятие. Для моего мужа и меня — это не просто «личное имущество» — это не коллекция любителей старины. Это святыня. Перед этими иконами мы зажигали лампадки и как православные христиане перед этими иконами возносили свои молитвы к Богу. Ни к какому «государственному преступлению» эти святые иконы никакого отношения иметь не могут. Изъятие икон в доме священника — это намеренное и дерзкое издевательство над религиозными чувствами.

Я требую тщательной проверки всех описанных мною беззаконий, освобождения моего мужа и возврата незаконно изъятых у нас религиозных книг, святых икон и распятия. Возврату подлежит и другое изъятое у нас при обысках имущество.

Я требую наказания лиц, виновных в произволе и беззаконии.

20-ХІ-1979 г.

(И. Г. Якунина)

ПРИЛОЖЕНИЕ

к открытому письму Ираиды Якуниной об обысках и аресте о. Глеба Якунина

Справка о нормах закона, нарушенных при аресте и обысках

1. В нарушение ст. 11 УПК РСФСР арест Глеба Якунина был произведен без предъявления санкции прокурора (ордер на арест) или постановления суда.

Ни одного из условий, предусмотренных ст. 122 ГПК РСФСР для задержания о. Глеба в качестве подозреваемого, с последующим получением санкции прокурора, — в данном случае не было.

2. Хотя закон и не содержит прямого указания на обязанность следственных органов сообщать ближайшим родственникам арестованного о сущности предъявленного обвинения, но в законе нет и запрещения сообщить такие сведения (жене, матери, взрослым детям). В практике такие сведения, хотя бы в самой общей форме (статья Уг. Код.) как правило сообщаются.

3. В соответствии со ст. 171 УПК РСФСР: «следователь должен строго ограничиваться изъятием предметов и документов, могущих иметь отношение к делу». Изымаются также предметы и документы запрещенные к обращению.

В нарушение этой статьи у о. Глеба Якунина изъяты личные записи религиозного содержания, религиозные книги, освященные иконы и распятие, а также не запрещенные к обороту вещи (магнитофон, серебряные ложки).

4. В соответствии со ст. 169 УПК РСФСР должно быть обеспечено присутствие лица, у которого производится обыск, либо совершеннолетних членов его семьи. В данном случае 1-ХІ-1979 г. о. Глеб Якунин был намеренно (с применением обмана) увезен из дома до начала обыска. 12-ХІ-1979 г. часть обыска в большой комнате квартиры производилась в отсутствие членов семьи, которые были задержаны в меньшей комнате и в кухне для личного обыска.

5. Личный обыск Ираиды Якуниной, ее несовершеннолетней дочери и находившейся у дочери в гостях несовершеннолетней подруги был произведен с грубым нарушением закона.

а) Нарушены ст. 167, 168, 169 и 172 УПК РСФСР. Личный обыск производился без вынесения мотивированного постановления следователя о личном обыске и без санкции прокурора.

Ни одного из условий, предусмотренных ст.ст. 168 и 172 для личного обыска с последующим сообщением прокурору, — в данном случае не было.

б) Нарушены ст.ст. 135, 70 и 169 УПК РСФСР. Обыск (в том числе и личный) имеют право производить только соответствующие должностные лица судебно-следственных органов. В данном случае личный обыск Ираиды Якуниной и несовершеннолетних девочек производила посторонняя женщина, впоследствии поименованная в протоколе обыска «понятой». Проведение посторонними лицами, а тем более понятыми следственных действий грубо нарушает не только определенные статьи УПК РСФСР, но и основополагающие принципы уголовного процесса (неприкосновенность личности).

Ширяева, не являющаяся должностным лицом следственных органов, не была в начале обыска (в квартире), не была представлена в качестве понятой и не присутствовала до конца обыска в квартире. Она производила личный обыск одна, т. е. без понятых.

в) Нарушены ст.ст. 87, 102 и 141 УПК РСФСР. Не были составлены и вручены обыскиваемым протоколы личного обыска. Только в протоколе обыска квартиры сделана отметка о том, что при личных обысках ничего не обнаружено и не изъято. Несоставлением протоколов личного обыска сделана попытка этим беззаконием скрыть беззакония, допущенные при производстве личных обысков.

17-XI-1979 г.

Справка составлена юристом
(пенсионером) С. В. Каллистратовой.

п/п оригинал хранится у меня.

СООБЩЕНИЯ

Христианского Комитета защиты прав верующих в СССР

Продолжение преследования участников
христианского молодёжного семинара.

Утром 14 ноября в г. Ленинграде сотрудники КГБ явились на квартиру Татьяны Горичевой (организатора религиозно-философского семинара в Ленинграде, редактора журнала «37»), Нико-

лая Симакова и Людмилы Дмитриевой с вызовами на допросы. Т. Горичева отказалась проследовать в КГБ и была доставлена туда только после вызова наряда милиции. Допрос вёл следователь КГБ Кармицкий. Горичева с самого начала отказалась принимать какое-либо участие в следствии по делу Владимира Пореша (1949 г. рождения, один из организаторов религиозного семинара в Москве, печатался в самиздатском журнале «Община», арестован 1 августа, инкриминируется ст. 70 УК РСФСР). Горичева аргументировала свой отказ так: «Отказываюсь принимать какое-либо участие в деле, направленном на ограничение обмена информацией». Следователь угрожал ей привлечением к уголовной ответственности за отказ дачи показаний на следствии. Горичева засвидетельствовала свою готовность ответить по всей строгости закона. (Задержание дочери было тяжёлым ударом для отца Горичевой — сразу после визита сотрудников КГБ он был отвезён в больницу.)

Допрос Н. Симакова вёл следователь Хайбулин. Симакову было предложено отказаться от подписи под протестом по поводу дела Пореша и Огородникова (в списке подписавших этот протест были Горичева, Дмитриева и Симаков). Симаков от подписи не отказался, а на другие вопросы, касающиеся Огородникова и Пореша, отвечать отказался.

Л. Дмитриеву допрашивали в течение 8 часов, расспрашивали относительно её друзей и знакомых, при этом её запугивали и угрожали лишением свободы.

Третий год добивается выезда из СССР семья евангельских христиан-баптистов Михайловых из Ленинграда. Четыре раза в ответ на свои заявления на выезд Михайловы получают ничем не обоснованные отказы. В последнее время, после того, как они направили письма с призывом о поддержке в различные религиозные и правозащитные организации, КГБ упорно пытается найти среди людей, окружающих Михайловых, осведомителей, которые вели бы за ними наблюдение и сообщали в КГБ об их намерениях и поступках. Михайловы собираются продолжать ходатайствовать о выезде.

17 октября в станице Старотиторовской разогнано молитвенное собрание христиан-пятидесятников. Епископ Горетой и хозяин дома, где проходило молитвенное собрание, оштрафованы.

16 октября в станице Старотиторовской (Кубань) был арестован пятидесятник Фёдор Сиденко. Сиденко был ранее судим в связи с его религиозными убеждениями. С 1976 г. он добивается выезда из Советского союза по религиозным мотивам. Как стало известно, Сиденко предъявлено обвинение по ст. 190-1 УК РСФСР.

19 ноября 1976 г.
г. Москва

Христианский Комитет защиты
прав верующих в СССР.

В ЗАЩИТУ А. Д. САХАРОВА

Московская группа содействия выполнению
Хельсинкских соглашений

От 29 января 1980 г.

Документ № 121

Советские власти стараются выдать «переезд» академика А. Сахарова за гуманный акт и обещают не возбуждать судебное преследование.

Разумеется, «гуманно» — могли запрятать в следственные тюрьмы на многие месяцы, как заперли правозащитников Т. Великанову, А. Терляцкаса, В. Некипелова, В. Абрамкина, Л. Регельсона, священников Г. Якунина, Д. Дудко и много других.

Могли потом, после фактически закрытого суда, на долгие годы упрятать в каменные мешки тюрем или за колючую проволоку Пермских или Мордовских лагерей, как С. Ковалева, Ю. Орлова, А. Щаранского, М. Руденко, А. Тихого, В. Пяткуса и многих других.

Ограничились ссылкой. Заодно фактически сослали и жену академика Сахарова, известного правозащитника, члена московской группы Хельсинки Елену Боннэр. И не в Якутию, не в Сибирь, а всего лишь в г. Горький!

Чем не гуманность?

Закон называет ссылкой меру наказания и определяет ее как: «...Удаление осужденного из места его жительства с обязательным поселением в определенной местности (См. статью 24 основ уголовного законодательства СССР и статью 25 уголовного кодекса РСФСР).

А. Сахаров не «переехал» в г. Горький и не выслан из Москвы, а с о с л а н, подвергнут уголовному наказанию — ссылкой, не будучи осужден.

Кто, когда, на каких правовых основаниях решил вопрос о ссылке, кто и каким решением установил режим отбывания в ссылке, более строгий, нежели режим, установленный главой 14 исправительно-трудового кодекса РСФСР?

В опубликованном законодательстве нашей страны не предусмотрена **административная** ссылка.

Статья 160 действующей Конституции гласит: «Никто не может быть признан виновным в совершении преступления, а также подвергнут уголовному наказанию иначе, как по приговору суда и в соответствии с законом».

Вместо законного приговора суда, в офицозе — газете «Известия» появляется клеветническая статья некоего Басманова, в которой извращается общественная деятельность А. Сахарова, и он обвиняется в подрывной деятельности, в нарушении закона и чуть ли не в шпионаже (выбалтывал иностранным корреспондентам сведения, составляющие военную тайну).

Академик Евгений Федоров по московскому радио заявил, что он и его коллеги-академики приветствуют и одобряют действия правительства в отношении А. Сахарова.

Защищаться — ни в суде, ни в печати, ни на общем собрании Академии Наук СССР — ни права, ни возможности академику Сахарову не предоставили.

Таким образом, известный всей планете лауреат Нобелевской премии Мира, крупный ученый, правозащитник-гуманист, являющийся гордостью и совестью своей страны, заклеен как преступник и подвержен уголовному наказанию вопреки закону, вопреки действующей Конституции, вопреки Международным пактам о правах Человека и Гражданина.

Беззаконные и произвол, допущенные в отношении академика Сахарова и вызвавшие возмущение во всем мире, страшны не только сами по себе. Это страшный прецедент для каждого свободомыслящего человека в нашей стране. Любого могут схватить на улице, на работе, дома — и к вечеру окажется, что человек **переехал** в другой город и поставлен под гласный надзор властей.

Уже после ссылки А. Сахарова в Москве арестованы Ю. Гримм и В. Сокирко и произведены многочисленные обыски

(смотри документ группы Хельсинки № 120). Был вызван на «беседу» в КГБ член редколлегии журнала «Поиски» Г. Павловский. Ему недвусмысленно грозили арестом.

При очередном допросе члена московской группы Хельсинки М. Ланда во Владимирском КГБ 25 января 1980 г. следователь Жмахин сказал ей, что теперь, после высылки Сахарова, никто о ней даже не узнает.

В течение последних дней велась непрерывная «плотная» слежка за правозащитником математиком А. Лавутом и председателем Московского отделения организации «Международная Амнистия» писателем Г. Владимовым.

26 и 29 января в отделении милиции по месту жительства вызывались правозащитники И. Гривнина, Ю. Шиханович, Л. Терновский и другие. Там их предупреждали о прекращении «антигосударственной» деятельности.

Все это — признак того, что власти нашей страны решили любыми средствами окончательно подавить правозащитное движение, заставить замолчать всех свободомыслящих, расправиться со всеми, кто еще осмеливается поднять свой голос в защиту прав Человека.

Противостоять этому намерению сейчас, сегодня — долг и обязанность каждого честного человека, независимо от его политических, религиозных и национальных убеждений.

Подписи:

Е. Боннэр
С. Каллистратова
И. Ковалев
М. Ланда
Н. Мейман
Т. Осипова

ВЕСТНИК ЧИТАЮТ В РОССИИ

Глубокоуважаемая редакция!

Я выскажу не только собственное мнение, сделав утверждение, что «Вестник РХД» в настоящее время — лучший из всех существующих «здесь» и «там» русских журналов. К сожалению, его распространение в условиях коммунистического режима чрезвычайно затруднено; так например, я являюсь постоянным читателем — и добавлю, приверженцем — Вашего журнала с самого момента моего воцерковления, но в силу нынешних условий только сейчас, в конце 1979 года, уже зная 127 и 128 номера, имел возможность ознакомиться и с номером 121 за начало 1977 года.

До этого момента я никогда ещё не писал в Ваш журнал, но опубликование в этом номере ряда писем и интервью из России не могло не вызвать во мне и некоторых моих друзьях желание откликнуться, тем более, что мы убеждены, что никакие отклики из России запоздать не могут.

Хотя мы и не согласны с точкой зрения некоторых наших соотечественников-христиан, что линия Вашего журнала слишком «земная», всё же, думается, такая точка зрения имеет все права на существование, особенно если она аргументирована. Мы совершенно согласны с И.В. (№ 121, стр. 347), что эта тема слишком важна, чтобы касаться её вскользь.

Сейчас для России настало время активной борьбы со злом, а не школьного богословия, кстати достигшего необозримых для нас высот ещё в XIX веке и до сих пор не то что не освоенного — неведомого! — русскому современному обществу вообще и большинству русских христиан в частности.

Подчёркиваю — не политической борьбы — этим вдоволь наигрались и доигрались наши деды и прадеды — а именно борьбы со злом. И кто же защитит нас, кто же даст нам силы в этом труднейшем служении, как не Церковь! Вот почему постановка вопроса о «вреде» соединения в одном сборнике проблем религиозных и социальных, по нашему мнению, в настоящее время некорректна. Вполне понятно, что она вызвана вовсе не «монофизитством» её сторонников, а их чисто практическими соображениями: «такое объединение усугубляет нелегальность журнала». Возразить на это можно только одно: журнал не стал бы «легальнее» в Советской России, даже если бы ограничил круг своих тем самыми отвлечёнными вопросами богословия и церков-

ной истории. Наоборот же — «Вестник РХД» есть живой пример того, что раскол Церкви и мира в России кончился, что обсуждение самых острых и злободневных проблем и нужд современного российского общества уже невозможно вне Церкви и церковности.

И дело даже не в том, что именно русское религиозное слово оказалось на передовых позициях борьбы со злом — в конечном счёте так и должно было бы быть. Дело в том, что и нерелигиозные свободные журналы у нас ныне **не могут быть нерелигиозными**. И это есть самое главное, самое сверкающее знамение времени.

Итак, если кто-то отчасти и не удовлетворён излишне «земным» по их мнению направлением «Вестника» (что, повторяю, едва ли убедительно), то в конечном счёте это вопрос спорный. Но право каждого — быть удовлетворённым тем или иным журналом, или не быть таковым. Гораздо примечательнее тот факт, что есть у журнала и недоброжелатели совсем иного рода. Подобно тому, как некогда обрушились на Солженицына за его обличение образованщины, «руссофильство» и «фидеизм», так и теперь недовольны «Вестником РХД» те, кто, по их утверждению, стоят на «либеральной» или даже «лево-радикальной» платформе. Удивительнее всего, что критика журнала за его широту и предоставление своих страниц самым разным направлениям русской свободной мысли исходит именно со стороны так называемых «демократов», как именно эти самые «либерал-демократы» ополчились в своё время на Солженицына и «Глыбы» за непринятие в их кругах мнения касательно тех или иных вопросов современной русской действительности. Право же, странный демократизм!

Чтобы не быть голословным, хочу привести в пример одну несколько причудливую формулу, пущенную не столь давно в ход кем-то из московских христиан «лево-радикального» согласия: в настоящее время основная-де задача каждого подлинного христианина — борьба с патриотизмом. Не менее удивительно и то недовольство, которое вызвал здесь у некоторых читателей «Вестника РХД» его 125-й номер, охарактеризованный некоторыми из них, в зависимости от степени «радикальности» своих убеждений, то как «почвеннический» (т. е. уже заведомо вредный), а то даже как «черносотенный». Чем это вызвано? Почему номер, посвящённый самому больному и мучительному для нас — проблемам русского национального самосознания и становления — вызывает столько толков и нареканий?

Всё дело, видимо, в том, что многие у нас, придя к Церкви всё ещё испытывают сильнейшие предубеждения против народа (зачастую путая любовь к народу с «народничеством») — как

в силу корпоративной интеллигентской спеси, рождённой убеждением, что народ всё ещё что-то «должен» героической интеллигенции, которая, мол, сделала для него революцию и которую он же революцией этой и погубил, — так и, с другой стороны, в силу инстинктивной оскомины против всякой псевдонародности в стиле советской развесистой клюквы, со времён сталинщины и до наших дней насаждаемой большевистскими властями с вполне понятными целями.

Есть и ещё одно, довольно простое объяснение. Когда что-то важное и насущное воспринимается поверхностно и неглубоко — а уж к этому-то русской образованщине за сотню с лишним лет не привыкать — то и дух времени понимается просто как «мода», так же примитивно, неглубоко и поверхностно. Так вот, если сейчас в интеллигентской среде Советской России уже «модно» быть христианином, то быть «русским христианином» ещё не модно. Отсюда все отклонения — от крайностей так называемого неославянофильства одних, до продолжающегося сведения счётов с Россией и культа «беспочвенничества» других представителей советской образованщины.

И если от первых порой слишком попахивает «кровью и почвой», то от вторых — разит трупом. И именно на этот запах и слетаются орлы. Ибо все самые крайние и далеко не делающие чести нашему возрождению и обретению себя течения в русской неонационализме — вплоть до извечных и глубоко чуждых христианству попыток переноса собственного зла на других (вера в жидо-масонский заговор и т. д.) — есть реакция на антироссийскую «беспочвенность», всё ещё по старинке разлагающую пробудившуюся часть нашего образованного общества.

У наследников русской дореволюционной интеллигенции есть некое инстинктивное отвращение к родной земле и её конкретным проблемам и малым делам — ради Земли вообще, проблем абстрактных и дел «больших», к ближнему — ради «дальних», к Истине — ради интеллигентской правды, что обличалось ещё «Вехами». Это — традиция русской интеллигентщины и в этом смысле явление уже давно известное, принесшее свои страшные плоды и нарубившее столько дров, что и нам и детям нашим ещё будет сеять и сеять тот лес новой России, молодняк которого уже даёт свои первые всходы. Более того, это явление уже изживаемое и даже частично изжитое русским обществом, как здесь, так и — тем более — в Зарубежье. Ещё более того: как система взглядов и понятий, как часть некоей доктрины, ненависть или равнодушие русского образованного слоя к своей земле, иными

словами, русское «беспочвенничество» — есть для нынешней измождённой России давно уже крайне реакционная, враждебная, отошедшая и мертвящая идеология, своего рода «бродячий труп», «нежить» — упырь.

Как полное отрицание интеллигенции есть явление интеллигентское, так и отрицание России и её почвы есть явление чисто русское. Наиболее честная и последовательная его форма — большевизм. И в этом смысле, всякая борьба с естественной тягой русского народа к своим истокам, к своей земле; всякое сведение этой естественной тяги к чему-то неестественному и болезненному, с одной стороны, на руку только и только большевикам, а с другой стороны, ведёт и — не дай Бог! — п р и в е д е т к уродливому обострению и искажению этой тяги и направит её в сторону массового шовинизма и национального экстремизма.

Идеологи «беспочвенничества» в среде нынешнего русско-советского либерализма, быть может, сами не ведают, что творят и за что борются. А борются они за то, чтобы большевистский тоталитаризм в конце концов был сменён в России тоталитаризмом националистическим. Ибо всячески препятствуя и отрицая самую возможность и правомерность обретения родной почвы, они искажают элементарную и естественную природу вещей, проповедают неправду и сеют озлобление и ненависть, дезориентируя неумолимо пробуждающийся к жизни русский народ. Остановить его пробуждения не может никто, а вот дезориентировать может. Они никак не хотят понять, что если декабристы разбудили только Герцена, то большевики своим глумлением над Россией и миром разбудили, наконец, весь русский народ. Большевики-то сами это давно поняли и по-своему мудро видят теперь обезопасение себя от подобного пробуждения в обуржуазивании масс и насаждении в своей вотчине — «СССР» — потребительской культуры по образу и подобию современного западного консумтного общества, но на свой тоталитарный коммунистический лад, гениально предсказанный Орвеллом.

Разумеется, высказывания в стиле «борьбы с патриотизмом» единичны и могут восприниматься лишь как форма «пощёчины общественному вкусу» каких-нибудь русских «неофутуристов», а отнюдь не как вызванные мало-мальски серьёзным отношением к судьбе нашей страны, не говоря уже о любви и боли за Россию.

Трудно переоценить силу и правду слов Ф. Светова (№ 121, стр. 195): «Что ж мы будем тратить себя, доказывая то, что принципиально недоказуемо, убеждать тех, кто не хочет убедиться, кто боится боли и страшится любви? Мы должны их только по-

жалеть, потому что кто ж не боится боли, а у кого можно требовать сил на любовь? Она или есть, или её нет. А насильно мил не будешь».

Но подобный поверхностный «эпатаж», всё ещё незримо калечащий умы современного российского общества, и без того задавленного глыбами советчины, в конечном счёте, не может не приносить вреда. И приносит его. Лишь ему одному можно приписать ту поверхностную характеристику русского «почвенничества», которую даёт в своём интервью Е. Барабанов (№ 121, стр. 116-117).

«Но в русском «почвенничестве» более всего тревожит именно гипертрофия «национального» перед лицом христианского универсализма», — говорит он, и в этой его тревоге заключена болезненная, но безусловная правда, ибо естественный долг у нас как христиан — обличать всякое движение, превращающееся из национального в националистическое. Но что мы читаем далее? «Мне не раз приходилось встречать русских патриотов, которые отказывают в христианстве не только католикам и протестантам, но и православным болгарам. Какой уж тут «диалог» с иудаизмом!» За этой внешне безобидной и «проходной» фразой кроется, к сожалению, очень и очень многое. Прежде всего, хотелось бы напомнить, что интервью это дано солидному самиздатскому журналу «Евреи в СССР» и перепечатано солидным тамиздатским журналом «Вестник РХД». Итак, это не общая фраза, высказанная за чаем, а конкретный взгляд на конкретное явление. Иными словами, Барабанов утверждает — повторяю, поставив на предыдущих страницах справедливые и острые вопросы о русском национальном движении, — что существует большое число русских патриотов, которых характеризует полная дикость мысли и глубокая необразованность — коль скоро они отказывают в христианстве христианам других конфессий или национальностей, даже если последние всегда и относились к числу православных народов.

На это приходится возразить следующее. Нет сомнения, что такие люди существуют. Нет сомнения, что они могут быть шовинистически настроены (подобные изменённые инстинкты легче всего прорывается вовне именно у людей, не отягощённых какими бы то ни было знаниями и умением критически мыслить). Гораздо более сомнений в том, что подобные люди смогли сознательно и глубоко прийти ко Христу. Но условно допустим даже и это. Остаётся последний вопрос. Какое отношение имеют подобные

люди к тому ещё не оформившемуся окончательно, но уже сознательному, живущему, растущему, дышащему русскому национальному движению, не мыслящему себя вне Церкви и без Церкви и исходящему в своих социальных чаяниях из любви к России и любви за неё?

Можно ли так походя компрометировать ещё только обретающее себя целое народное движение, именуя действительно высоким именем — как бы ни навязло это в зубах от различных пропагандистских формул-заклинаний, — именем Русского Патриота отдельные группировки диковатых экстремистов, весь «патриотизм» которых заключается в слепой ненависти ко всему чужому и диком страхе перед «жидо-масонами» или каким-либо другим мифическим противником? Существование подобных воззрений естественно в любой стране, любом обществе и любой нации, как естествен мутный подонный осадок в любом роднике. Никакого отношения к русскому патриотизму вообще и к русскому национальному христианскому движению в частности они не имеет. Вот почему обидно и достойно сожаления, что Барабанов, начав с актуальных проблем, стоящих перед «русским почвенничеством», обесценил всё сведением патриотизма к обыкновенному животному шовинизму, да ещё и поспешил «как следует шугануть» от движения национального подъёма в нашей стране сразу всех «католиков, протестантов, православных болгар и иудеев».

Но я надеюсь всё-таки, что ни те, ни другие не будут судить о нас по двум интервью — Барабанова и Шиманова — напечатанным в № 121 «Вестника РХД». Ибо двух интервью для вынесения какого бы то ни было хотя бы предварительного суждения — ещё мало, хотя верные и глубокие высказывания есть и в том и в другом.

Нам думается, что в современных тяжёлых и всё ещё страшных условиях российской действительности настало уже время прекратиться призрачным битвам между «почвенниками» и «беспочвенниками», «самостийниками» и «москвофилами», «отъезжантами» и «оставантами», между направлениями, характеризующимися различными национальными, сословными, местническими или чисто личностными интенциями. Что же касается до национального вопроса, то не пора ли «образованному русскому обществу» признать, наконец, и за русскими, и за евреями, и за казахами, армянами или литовцами полное право любить свою родную землю, будь то, по их мнению, вся огромная Россия, или только Украина, Израиль, Тува или Эстония.

А взглядов, точек зрения, течений может и должно быть сколь угодно много — лишь бы они были подлинными, искренними, аргументированными, а главное — основанными на любви, а не на поисках тайных врагов и жажде компенсации. «Ибо надлежит быть и разномыслиям между вами, дабы открылись между вами искуснейшие» (I Кор. 11.19).

Широта позиций «Вестника РХД» и делает его той нивой, на которой делатели самых разных направлений имеют возможность совместно трудиться и этим вносить свой вклад в тяжкое дело обретения дыхания и сознания нашего народа.

С уважением и глубокой благодарностью за всё, что Вы делаете для России.

Москва, ноябрь 1979

А. Григорьев.

II

...В последних двух номерах, в 128 и 129, я нахожу удивительное созвучие тому, чем мы здесь живем. Я чувствую, что кризис Движения меня глубоко касается. Сам удивляюсь, насколько это мне интересно. Я это переживаю, пожалуй, с той же силой, как и наши московские домашние кризисы: один Дух, одна Церковь!

То, что написано о кризисе, так понятно, так знакомо! Как будто вы — изгнанники — вернулись в Россию, и мы уже все вместе живем одной общиной. Вы нас защищаете своим примером, трудом, мыслью, знанием, опытом. В нашей здешней жизни я чувствую продолжение вашего пути, пути Движения. Вы богаты традицией, опытом, культурой, этого ничего нет у нас, но мы так же как и вы не мыслим себя иначе как со Христом, в Церкви. И для нас это не просто традиция, а единственный выход из окружающего нас ужаса и из темноты греха.

Статья покойного еп. Александра «Успение» очень интересна и своевременна, так как у нас здесь женщины как-то не находят себя в Церкви. Вопросы педагогики тоже очень остро встают сейчас. Приходится воспитывать детей в сложнейших условиях; у многих далеко не праздный интерес к педагогике...

Р. С.

О СТАРООБРЯДЦАХ

В «Вестнике» (№ 129) А. И. Солженицын укоряет меня за то, что в моем «Письме Москвичам» в том же журнале (№ 128), я выдвинул «недоказуемую и безответственную гипотезу»: если бы никониане не казнили раскольников, то они казнили бы никониан. Это действительно только гипотеза: ведь староверы не пришли к власти. Всё же, мое предположение обосновано хотя бы письмом протопopa Аввакума молодому Царю Феодору Алексеевичу в 1676 г., где читаем: «А что, государь-царь, как ты бы дал мне волю, я бы их всех (никониан), что Илия-пророк, всех перепластал (перерезал) во един час». Здесь ссылка на III Книгу Царств, XVIII, 1-40, где рассказывается о том, как пророк Илия уничтожил 850 служителей Ваала. Это значит: Аввакум уподобляет здесь никониан язычникам. Далее, в том же письме высказывается пожелание, чтобы Никона «рассекли начетверо», а потом и никониан. Вот что нас ожидало! Но это, конечно не уменьшает моего восхищения Аввакумом — великим русским писателем. Читая его рассказы о красотах Даурских гор, о черненькой курочке или диалог с попадьею Марковной, я забываю о его фанатизме, который, однако, остается фактом.

О жизни старообрядцев многие русские читатели узнали из повестей Мельникова-Печерского. Он их преследовал, но, несомненно, и любил, и вот благодаря ему мы навсегда запомнили его эпических героев и героинь — Потапа Максимовича, его сестру мать Манефу и ее внебрачную дочь шальную резвушка Флёнушку, которая после пострига великолепно срезала своего бывшего возлюбленного: — «Отойди от меня, сатано!» И вот многие из нас полюбили этих странных, чуть ли не экзотичных для нас, монолитных русских людей. Отмечу, раскольникам сочувствовал и К. Леонтьев, но восхищался не их патриархальностью, как Мельников, а широкой натурой, размахом. В бытность свою консулом в Румынии он восхищался набожным, но и разудалым некрасовцем Гончаровым и еще каким-то артельным старостой, похожим на Анакреона. Нравились ему и суровые молokane-пуритане: очень уж он любил р а з н о о б р а з и е, которое везде сменялось всеобщей серостью...

Некоторые личные впечатления: со стороны моей матери я в свойстве с раскольниками-миллионерами Стахеевыми. Один из них женился на моей тётке. Его мать — царственная Анна Яковлевна добилась попечительства над своим мужем, спускавшим стахеев-

ские денежки в Монте-Карло, и успешно управляла заводами, кажется, уральскими. Но сын и другие дети кончили гимназию и уже были номинальными староверами и, может быть, даже стали православными. Так было и с другими раскольниками — купцами или заводчиками: среднее и тем более высшее образование отводило их от старой веры. Можно даже об этом пожалеть, но это факт.

Тут же отмечу: уже после 1905 г. в Москве, по плану архитектора И. Е. Бондаренко была построена старообрядческая церковь в Токмаковском переулке. Чем-то она модернистична. Это была, пусть и не слишком удачная попытка ввести Раскол в XX-ый век...

В Юрьеве (Тарту) я побывал на хуторе раскольников-богатеев, содержавших кабак. Мои знакомые предупредили: — Старики позовут вас пить чай, но близко к ним не подходите: руки не подадут. За кипящим самоваром сидели хозяева: рослый патриарх — с седой бородой и его жена — старушка в лиловом повойнике. Оба ласково улыбались: — Милости просим! Но чай налили в чашку из другого, для никониан купленного, кузнецовского сервиза. Сын сказал: вашу чашку вымоют в семи водах. Моя реакция была самая восторженная. Подумать только: я побывал в XVII столетии. Меня, хотя и не без брезгливости, обласкала древняя Русь. Сын их с женой засовывали за иконы портреты Карла Маркса и говорили родителям: это был великий начётчик старой веры и бороду не подстригал! Старики верили или делали вид, что верят их словам. Летом 1940 г. Эстонию оккупировала Красная армия и она будто бы «добровольно» вошла в Сов. Союз. Внук — молодой Мишук С-ков, связался с органами, и сказал деду и бабке: — Вас арестуют и помогать вам не буду... В каком ГУЛаге окончили свои дни эти новомученики старой веры — вместе с православными мучениками?

Как не любить раскольников! При всей своей нетерпимости, многие из них были чище, достойнее никониан. А ненависть между нами угасла и незачем ее раздувать. Не будем исключительны в наших суждениях и откажемся от черно-белых оценок.

Решаюсь высказать еретическую мысль: слава Богу, что у нас были староверы с их гением великим Аввакумом, я лично оправдываю и хлыстов с их замечательной глоссологией. Без них Россия была бы беднее. Есть своя живая правда, свой творческий опыт и у истовых староверов, и даже у неистовых людей Божиих: и, может быть, лучшее, что у них есть, в преображенном виде раскроется в будущем. Это призыв не к эстетическому всеядству, а к бережному вниманию к нашему прошлому.

Юрий Иваск

YMCA - PRESS 11, rue de la Montagne Ste-Geneviève, 75005 PARIS

ПОДПИСКА

на

Собрание Сочинений

Александра

СОЛЖЕНИЦЫНА

в коленкорovém переплете с золотым тиснением

Восстановлены все подлинные доцензурные тексты, заново проверенные и исправленные автором. Включены ранее не печатавшиеся произведения.

УЖЕ ВЫШЛИ В СВЕТ :

- том 1, 2 : **В КРУГЕ ПЕРВОМ**
(96 глав, подлинный исходный сюжет)
- том 3 : **РАССКАЗЫ**
- том 4 : **РАКОВЫЙ КОРПУС**
(окончательная редакция)

ВЫЙДУТ В 1980 Г. :

- том 5, 6, 7 : **АРХИПЕЛАГ ГУЛАГ**
(с уточнениями и добавлениями)

ВЫЙДУТ ВЕСНОЙ 1981 Г. :

- том 8 : **ПЬЕСЫ И КИНОСЦЕНАРИИ**
(среди них 4 неизданных)
- том 9 : **ПУБЛИЦИСТИКА**

Условия подписки :

На тома 1 - 9 : 750 Фр	На тома 1 - 4 : 350 Фр	На тома 5 - 9 : 450 Фр
+ пересылка 60 Фр	+ пересылка 25 Фр	+ пересылка 35 Фр
810 Фр	375 Фр	485 Фр
или 200 \$	или 95 \$	или 120 \$

Направлять заказы на адрес: **Les Editeurs Réunis**
11, rue de la Montagne Sainte Geneviève - 75005 Paris
Деньги просим высылать вместе с заказом.

ПРИЛОЖЕНИЕ

КОММУНИЗМ: У ВСЕХ НА ВИДУ — И НЕ ПОНЯТ

Гибельные ошибки Запада относительно коммунизма начались с 1918: с самого начала западные правительства не увидели себе смертельной опасности. В России тогда объединились против коммунизма все прежде враждовавшие силы от государственных до кадетов и правых социалистов. Не соединённо с ними в одних рядах, разрозненно, но тысячами крестьянских и десятками рабочих восстаний сопротивлялась коммунизму вся толща народа. Красная армия была собрана расстрелами десятков тысяч уклонившихся от большевистской мобилизации. И этого нашего национального противостояния коммунизму западные державы не поддержали. На Западе распространялись самые фантастически-розовые представления о коммунистическом режиме — и «прогрессивная» общественность Запада горячо приветствовала его, хотя уже в 1921 в 30 губерниях России шёл камбоджийский геноцид. (Ещё при жизни Ленина было уничтожено невинного гражданского населения не меньше, чем при Гитлере, — а сегодня американские школьники единодушно называя Гитлера величайшим злодеем истории, — считают Ленина благодетелем). Западные страны, соревнуясь между собой, спешили экономически укрепить и дипломатически поддержать советский режим, который не мог бы выжить без этой помощи. Смерть 6 миллионов от голода на Украине и Кубани Европа протанцевала.

Чего этот прославленный режим сто́ит — обнаружилось всему миру в 1941 году: от Балтийского до Чёрного моря Красная армия откатывалась как сдутая ветром, несмотря на своё численное превосходство и прекрасную артиллерию, — откатывалась, как не знала Россия 1000 лет и не знала военная история человечества. За несколько месяцев сдалось в плен 3 миллиона воинов! Это и было открытое выражение, что наш народ жаждет конца коммунизма, — и Запад не мог этого не понять, если бы хотел видеть. Но Западу близоручко казалось, что все мировые угрозы — в одном Гитлере, а с его свержением уже не останется опасности на Земле. Запад тогда всеми силами помогал Сталину оседлать национальную лошадь под коммунистическую власть. Так во 2-й мировой войне Запад защищал не всеобщую свободу, но лишь свободу для себя. И в конце войны выдавал Сталину на расправу русские дивизии,

татарские и кавказские батальоны и сотни тысяч военнопленных и подневольных, стариков, женщин и детей, не желавших возвращаться под гнёт, — и выдача эта производилась со стороны Запада фашистско-коммунистическими методами, британские солдаты сами кололи и стреляли казаков, своих союзников по 1-й войне, чтоб только купить дружбу со Сталиным. Сталин играл Рузвельтом как игрушкой, легко обеспечил себе захват Восточной Европы, — от Ялты началась 35-летняя полоса американских капитуляций, лишь коротко прерванная в Западном Берлине и в Корее (когда сопротивлялись — тотчас и выигрывали). Я уже выражал, что весь период от 1945 по 1975 есть как бы ещё одна мировая война, без боя и беззащитно проигранная Западом, отдавшим мировому коммунизму два десятка стран.

Основа этих капитуляций была двойная. Во 1-х, духовная слабость всякого благополучия, которое боится собою рисковать. Но во 2-х, и никак не меньше, полное непонимание смертельно-злой природы коммунизма, единой и опасной для всех стран. Феномен коммунизма XX века объясняют неисправимыми свойствами русской нации, — по сути расистский взгляд (А в Китае? Вьетнаме? Кубе? Абиссинии? да хоть и Жорж Марше?) Ищут порчу только не в самом коммунизме. Агрессивность его объясняют (Гарриман) напуганностью чужой агрессией, — и только поэтому колоссальные вооружения и захват новых стран? Западные дипломаты строят зыбкие расчёты на каких-то несуществующих «правом» и «левом» крыльях Политбюро, когда все там едины в стратегии мирового захвата и неразборчивы в средствах. Если бывает в Политбюро борьба, то чисто личная, и она не может служить никакому дипломатическому использованию. Средний советский человек, лишённый всей мировой информации и советологической литературы, всё это знает отлично. И неграмотные афганские пастухи разобрались безошибочно: они сжигают портреты именно Маркса и Ленина, а не развешивают уши к тому, что Брежнев был болен и только поэтому их оккупировали. (Трезвые средние американцы тоже понимают природу коммунизма лучше своих публицистов и учёных.)

Спросите раковую опухоль — зачем она растёт? Она просто не может иначе. Так и коммунизм: не может не захватывать новых стран, злобным инстинктом, а вовсе не разумом стремясь к захвату и всего мира. Коммунизм — это н о в о е к а ч е с т в о, не виданное во всей мировой истории, и бесплодно искать

анalogии. Все предупреждения Западу о беспощадной и ненасытной природе коммунистической власти остаются втуне: этого не хотят принять именно потому, что это слишком страшно. (Разве в Афганистане трагедия произошла не 2 года назад? Но Запад закрывал глаза и оттягивал, сколько мог, — для призрака разрядки). Десятилетиями отнекиваются: «мирное сосуществование», «разрядка», «миролюбие кремлёвского руководства», — а тем временем коммунизм отхватывает страну за страной и берёт новые ракетные уровни. И самое поразительное: коммунисты десятилетиями не скрывали (пока ещё не поумнели), объявляли громко, что их задача — уничтожить буржуазный мир, — а Запад только улыбался: «Какая крайняя шутка». Но у н и ч т о ж и т ь к л а с с — это уже продемонстрировано в СССР: это значит — физически уничтожить 10-15 миллионов, которые составляют класс, — и рука коммунистов ещё никогда не дрогнула. Как и сослать целый народ в 24 часа в пустыню. Свои «идеалы» коммунизм может осуществлять только за счёт уничтожения коренной основы жизни всякой страны. И кто это понимает — не подумает, что китайский коммунизм миролюбивее советского (просто — зубы не отросли), или титовский коммунизм хорош по характеру: на таком же кровавом замесе, на массовых убийствах укрепился и он, — но только Запад по слабонервности предпочёл этого не заметить в 1943-45. Кто понимает — не будет гадать: доходит или не доходит мировая помощь до умирающих камбоджийцев через власти Сам-Рина? — конечно, не доходит, конечно всё отребается для армии и государства, а люди — подышайте.

Вся комедия «разрядки» нужна коммунизму только для того, чтобы укрепиться за счёт западных финансов (эти займы не будут возвращены) и западной техники, — перед тем, как начать следующее большое наступление. Коммунизм крепче и долговечнее нацизма, он и гораздо тоньше и умней в пропаганде и умеет разыгрывать такие комедии.

Коммунизм не переродится никогда, он всегда будет являть человечеству смертельную угрозу. Это — как инфекция в мировом организме: как бы она ни притаилась — она неизбежно ударит заражением. И не надо хвататься за иллюзии, что есть страны с иммунитетом против коммунизма: любая ныне свободная страна может быть доведена до обморока и полного подчинения.

А тем не менее всё появляются, и в немалом числе, такие целители, которые над остро-инфекционной коммунистической

заразой ставят успокоительный диагноз: «эта болезнь — не заразна, это — наследственная русская болезнь, и она никогда не перекинется на нас». И вот их лечение: только не сердить брежневский режим! но поддерживать его и снабжать, а ненавидеть и противиться надо — всякому возрождению русского национального сознания — того единственного, что реально ослабляет советский коммунизм изнутри! Это — целая последовательная кампания, её ведут видные американские профессора и публицисты, а безответственную пристрастную информацию им поставляет группа новых эмигрантов из Советского Союза. Эта пропаганда — безумна для самого Запада и обезоруживает его. После того как национальные силы нашей страны были первый раз преданы Западом в гражданскую войну и 2-й раз во 2-ю мировую, — теперь открыто призывают совершить это предательство в 3-й раз! Этот совет — губительный для русского народа и других народов СССР, — но столько же губительный и для Запада: на погибель нам — но и на погибель вам! Сейчас коммунистическая верхушка со своей одряхлевшей идеологией снова мечтает оседлать русский национализм для своих имперских целей, — а такие западные руки толкают коня под всадника — под всадника против себя самих! — не оставляя коню никакого другого выхода, никакой надежды.

Коммунизм враждебен в с я к о й национальности и уничтожает в с я к у ю. Американское антивоенное движение долго тешило себя надеждой, что в Северном Вьетнаме национализм и коммунизм гармоничны, что коммунизм-то и заботится о национальном самоопределении своего любимого народа. Но погребальная флотилия вьетнамских лодок в океане, даже сосчитанная в своей непотонувшей части, — быть может не самым пламенным деятелям того движения, но хоть некоторым объяснила, где истинно находится (и всё время находилось) национальное самосознание. И жгучие страдания миллионов умирающих камбоджийцев (к которым мир уже и привыкает) ещё разительней показывает то же. А Польша — всего лишь молилась несколько папских дней, и только слепые могли не увидеть, где народ, а где коммунизм. А ещё будапештские повстанцы. А ещё — восточные немцы, зачем-то умирающие под берлинской стеной. А ещё — китайцы, зачем-то переплывающие акульное море под Гонконгом. Китай — глуше всех скрывает свои тайны, — и вот Запад спешит поверить хоть в этот «хороший, миролюбивый» коммунизм. Но та

же смертельная пропасть и ненависть лежит между китайским правительством и китайским народом.

В таком же соотношении с коммунизмом находится и русское национальное сознание. Запад беспечно — и горько для нас — путает в употреблении слова «русский» и «советский», «Россия» и «СССР», а применять первое ко второму — подобно тому, как признать за убийцей одежду и паспорт убитого. Бездумное заблуждение — считать русских в СССР «правящей нацией». Нет, они приняли на себя ещё от Ленина самый первый сокрушающий удар, положили ещё тогда миллионы мёртвых (да убитых по выбору, всех отменных) ещё прежде геноцидной коллективизации. Тогда же вся русская история была облита помоями, церковь и культура раздавлены, уничтожены духовенство, дворянство, купечество, за ними и крестьянство. Впоследствии удары от власти получали и все народы, но сегодня русская деревня находится на самом низком в СССР жизненном уровне, русские провинциальные города — самые низкие по снабжению. На огромных просторах нашей страны — нечего е с т ь, и закупки американского зерна никак не улучшили народного питания (зерно идёт в мобилизационные амбары). Русские — главная масса рабов этого государства. Русский народ измождён, биологически вырождается, его национальное сознание унижено, подавлено. От души русского народа воинствующий национализм сейчас далее всего, империя ему отвратна. Но коммунистическое правительство зорко следит за своим рабом и более всего подавляет его бескоммунистическое сознание, — оттого гноят в лагерях его свободомыслящих (Огурцов — 20 лет, Осипов — 16, Орлов — 7), снова арестовывают священников — духовных учителей народа (о. Глеб Якунин, о. Дмитрий Дудко), невинный комитет защиты верующих, доедино — общины молодых христиан, ссылают академика Сахарова.

В ожидании 3-й мировой войны Запад снова ищет, кем заслониться, — и находит себе в союзники коммунистический Китай! Это снова предательство — не только Тайваня, но всего угнетённого китайского народа, — ибо его толкают конём под коммунистического всадника. Поддерживая дружбу с китайским правительством, Америка помогает укрепить гнёт над китайским народом. Но кроме того — это безумная, самоубийственная политика: снабдив миллиардный Китай американским оружием, вы победите СССР, но уже дальше никакая масса

на Земле не удержит коммунистический Китай от мирового господства.

Коммунизм останавливается только тогда, когда встречает стену — хотя бы стену непоколебимой воли. И такую стену теперь не избежать создавать Западу в его уже крайнем положении. А между тем 20 возможных союзников уже отданы во власть коммунизма после 2-й мировой войны. А между тем вашей технологией уже развиты устрашающие военные силы коммунизма. Теперь придётся устанавливать стену из оставшихся сил. Нынешнему поколению Запада придётся самому стать стеной на той дороге, по которой его предки легкомысленно отступали 60 лет.

Но! — все порабощённые народы за вас: и русский народ, и все народы СССР, и китайский, и кубинский. И только в расчёте на этот союз и эту помощь может иметь успех стратегия Запада. Только вместе с ними вы составляете решающую силу на Земле. И принципиально: если отстаивать свободу не только свою, но и всего мира, — то нет другого пути.

Конечно, это потребует от ваших политиков, дипломатов и военных решительной перестройки нынешних представлений, приёмов и тактики.

Пять лет назад всеми моими предупреждениями правительственная Америка пренебрегла. Вольно нашим деятелям пренебречь и сегодняшними. Но сбудутся и они.

Январь 1980

Вермонт

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
От редакции: К новому десятилетию — Н. Струве	3
БОГОСЛОВИЕ	
Проповедь о мытаре и фарисее — архим. Плакид Десей (Франция)	5
Таинство благодарения — прот. А. Шмеман (США)	8
Памяти прот. Г. Флоровского — прот. К. Фотиев (США)	26
Евхаристия и соборность — о. Г. Флоровский	29
Из писем о. Г. Флоровского Ю. Иваску	42
Св. Филипп митр. Московский — Н. В. Первушин (Канада)	53
■ Христианство и иудаизм	
Борьба вокруг Ветхого Завета в России перед революцией — М. Агурский (Израиль)	75
■ Вопросы педагогики	
Учение К. Д. Ушинского о воспитании (окончание) — В. Я. Василевская (Москва)	83
■ В мире книг	
Пора надежд — Н. Шеметов (Москва)	111
ФИЛОСОФИЯ	
Великий молчальник — В. Зелинский (Москва)	123
Перед Сахарной — В. В. Розанов	163
Письма С. Н. Булгакова В. В. Розанову — публ. Ю. Иваска (США)	168
■ В мире книг	
В. Розанов. Религия и культура — Н. Струве	177

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
ЛИТЕРАТУРА И ЖИЗНЬ	
Стихи — Ю. Кублановский (Москва)	181
Глава из Узла II, "Октябрь Шестнадцатого" — А. Солженицын	188
В. Ф. Ходасевич — Мартин Сиксмит (Англия)	214
Из литературного наследия В. Ф. Ходасевича	221
Князь Д. П. Святополк-Мирский о П. Б. Струве — Г. П. Струве (США)	232
СУДЬБЫ РОССИИ	
■ Вопросы общественности	
На злобу дня — прот. А. Шмеман (США)	237
О демократии и авторитаризме — Н. Струве	247
■ Вопросы эмиграции	
Из дневника — о. Сергей Булгаков —	256
■ Русская Церковь сегодня	
Из Отчета совета по делам религии — членам ЦК КПСС	275
Имеет ли право сов. преподаватель на свободу совести — Т. Щипкова (Москва)	345
В свете Преображения. Еженедельная православная газета-проповедь. Экстренный выпуск	355
Открытое письмо В. Фуруву — о. Дмитрий Дудко	361
К аресту о. Глеба Якунина	365
К аресту о. Дмитрия Дудко	370
Открытое письмо генеральному прокурору СССР — И. Якунина ..	371
Сообщения Христианского комитета защиты прав верующих	374
В защиту А. Д. Сахарова	376
■ Вестник читают в России	
■ Письма в Редакцию	386
Приложение	
Коммунизм у всех на виду — и не понят — А. Солженицын	391

SOMMAIRE

A nos lecteurs	3
THEOLOGIE	
Le publicain et le pharisien — sermon de l'Archimandrite Placide Deseille (France)	5
L'Action de grâces — P. Alexandre Schmemmann (USA)	8
In memoriam P. G. Florovski — P. K. Fotiev (USA)	26
Eucharistie et conciliarité — † P. G. Florovski	29
Lettres de P. Florovski à Ju. Ivask	42
Saint Philippe, métropolite de Moscou — N.V. Pervouchine (Canada)	53
■ Christianisme et judaïsme	
La lutte autour de l'Ancien Testament en Russie à la veille de la Révolution — M. Agourski (Israël)	75
■ Questions pédagogiques	
La théorie de l'éducation de C. Ouchinski — V. Vassilevskaia (Moscou)	83
■ Dans le monde des livres	
L'époque des espérances — N. Chemetov (Moscou)	111
PHILOSOPHIE	
Le grand taciturne — V. Zelinski (Moscou)	123
Avant Sakharna — V.V. Rozanov	163
Lettres de S.N. Boulgakov à V.V. Rozanov — publ. de Ju. Ivask (USA)	168
■ Dans le monde des livres	
V. Rozanov. « Religion et culture » — N. Struve (France)	177
LITTERATURE ET VIE	
Poèmes — Ju. Koublanovski (Moscou)	181
Un chapitre d'Octobre 16 — A. Soljénitsyne	188

V.F. Khodassevitch — M. Sixsmith (Oxford)	214
L'héritage littéraire de V.F. Khodassevitch	221
P.B. Struve par le Prince D.P. Sviatopolk-Mirsky — G.P. Struve (USA)	232
LES DESTINEES DE LA RUSSIE	
■ Problèmes sociaux	
Propos actuels — P. A. Schmemann (USA)	237
La démocratie et l'autoritarisme — N. Struve	247
■ Problèmes de l'émigration	
Journal intime — P. Serge Boulgakov	256
■ L'Eglise russe aujourd'hui	
Rapport du Conseil aux affaires religieuses aux membres du Co- mité Central du PCUS	275
L'enseignant soviétique a-t-il droit à la liberté de conscience — T. Chtchipkova (Moscou)	345
« Dans la lumière de la Transfiguration ». Gazette hebdomadaire. Numéro Spécial	355
Lettre ouverte à V. Fourouf — P. D. Doudko	361
A propos de l'arrestation du P. Gleb Yakounine	365
A propos de l'arrestation du P. Dimitri Doudko	370
Lettre ouverte au Procureur Général d'URSS — I. Iakounina	371
Communiqué du Comité chrétien pour la défense des droits des croyants	
Pour la défense de A.D. Sakharov	
■ Le Messenger est lu en URSS	
■ Lettres à l'éditeur	
Annexe	
Le communisme crève les yeux — A. Soljénitsyne	386

КОНТИНЕНТ

Литературный,
общественно-
политический
и религиозный
журнал

№ 22

Главный редактор : Владимир МАКСИМОВ

Геннадий Русский — Клейма. К иконам северо-русских святых

СТИХИ Елена Игнатова — Из второй книги

Юрий Алексеев — Петербург

Вадим Делоне — Баллада о судьбе

АВТОРЫ "МЕТРОПОЛЯ" В "КОНТИНЕНТЕ"

Фазиль Искандер — Кролики и удавы

Юрий Кублановский — Стихотворения (лето 1979 г.)

Василий Аксенов — Цапля. Комедия для театра, равно как и для чтения

РОССИЯ И РЕАЛЬНОСТЬ

Людмила Алексеева — Юрий Орлов — руководитель Московской
Хельсинкской группы. (Окончание)

ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКИЙ ДИАЛОГ

Петр Григоренко — К вопросу о государственной независимости
и взаимоотношениях между народами СССР

ЗАПАД — ВОСТОК

Мигель Салес — Свобода творчества на "острове Свободы"

ФАКТЫ И СВИДЕТЕЛЬСТВА Эдуард Кузнецов — Старейший
политкаторжанин Данила Лаврентьевич Шумук

ИСТОРИЯ

Герман Андреев — Заметки о традициях русского либерализма
(К спорам об исторических судьбах России)

ИСТОКИ

Кирилл Хенкин — Русские пришли! Главы из книги

РЕЛИГИЯ В НАШЕЙ ЖИЗНИ

Вадим Янков — Сердцевина связи (Мысли о религии)

ЭКОНОМИКА Игорь Бирман — Экономический детектив

ЛИТЕРАТУРА И ВРЕМЯ

Павел Андреев — Беспросветье и просвет
(Фантастические рассуждения о фантастическом романе)

НАША ПОЧТА — КОЛОНКА РЕДАКТОРА — КРИТИКА И БИБ-
ЛИОГРАФИЯ: Анжей Рапачинский. Колаковский о марксизме ●
Кира Сапгир. Сказка о заколдованном аппаратчике ● Н. Горбанев-
ская. "...И зрение, и слух, и дух, и тело..." ● Н. Артамонова. С точ-
ки зрения правящих ● Н. Дюжева. "Живая вода" статинизма ●
● Дора Штурман. "Не сила прежняя в' соблазне"

Цена отдельного номера: 35 фр. фр.

С заказами обращаться в русский книжный магазин

LES EDETEURS REUNIS

11, rue de la Montagne Ste-Geneviève 75005 PARIS

КНИГИ ДЛЯ ВЕРУЮЩИХ

Уже несколько лет молодежь в Советском Союзе приходит ко Христу «...дойдя до грани человеческого отчаяния, заглянув в бездну душевной гибели...», — пишут они нам. Ощущение присутствия Христа, является для них единственным возможным путем жизни.

Проникнутые этим светом и образом человека, созданного по образу Божьему, они стараются выработать истинно христианское мировоззрение, которое могло бы одухотворить современную культуру и создать обновленную этику. Церковь, в том состоянии, в котором ее допускает советская власть, не может им помочь. Вот почему они собираются независимо от церковной иерархии для толкования Евангельского учения, чтобы укорениться в творческой Традиции, ответить на проблемы современности, и прежде всего бездуховной советской действительности. Возникают многочисленные кружки, «свободные семинары», в которых изучаются «проблемы религиозного возрождения в России».

Но власть строго карает эти еще очень слабые попытки. За эти месяцы аресты умножились: еще совсем недавно арестовали отца Глеба Якунина, Татьяну Великанову, Льва Регельсона, отца Дмитрия Дудко.

На днях нам сообщили, что основатели свободного семинара в Москве, Александр Огородников и Владимир Пореш, будут судимы не за тунеядство или воровство, как это до сих пор делалось, а за «антисоветскую пропаганду» и «групповую организацию». Таким образом им угрожает приговор к 5-10-ти годам концлагеря и тюрьмы.

Мы еще раз настаиваем: их арестовали и будут судить только за то, что они мыслят как христиане! Ко всем бесчисленным мученикам за веру Христову, пострадавшим от советской власти, теперь будут причислены новые исповедники.

Мы обращаемся ко всем, и прежде всего к христианам, которым дорога свобода духа и человеческого достоинства. **Недостаточно только протестовать, нужна и конкретная помощь!**

Конкретной помощью для этих свидетелей Духа в России, является посылка книг.

Помогите нам посылать книги в Советский Союз: всякая книга, говорящая о смысле жизни, цели существования — струя чистого воздуха для тех, которых отравляет отжившая идеология.

В РОССИИ

Нам пишут:

«Духовный голод в России бесконечен и мы призываем вас многократно умножить ваши усилия для смягчения книжного голода... Книга, полученная с Запада, для нас бесценный подарок... Главным образом молодежь интересуется религиозной литературой, Евангелием, Библией, которых почти невозможно достать в Советском Союзе.»

Каждая книга, переправленная туда, будет переписана, размножена, будет передаваться из рук в руки и станет живым словом. Тут дело не в политике, а в жизни или смерти души.

Помогите нам посылать книги этим верующим, ищущим людям. Они у нас этого просят, как голодный — куска хлеба!

Подписали:

Jean-Claude BARREAU — писатель,	René HABACHI — писатель,
Jean et Hélène BASTAIR — писатель,	Tania HEIDSIECK — пианистка,
Jean-Marie BENOIST — профессор в collège de France,	Jean LACROIX — писатель,
Jacques et Laurence de BOURBON-BUSSET — писатель,	Marcel LEGAUT — писатель,
Jean BRUN — профессор, писатель,	Jacques MADAULE — писатель,
Olivier CLEMENT, писатель,	Corinne MARION — профессор, писатель,
R. P. Yves CONGAR — богослов,	Roger et René MASSIP — писатель,
Jean-Marie DOMENACH — писатель,	Gabriel MATZNEFF — писатель,
Pierre EMMANUEL — поэт, член французской Академии,	Jacques NANTET — писатель,
	France QUÉRÉ — писатель,
	Pierre RICHE — профессор,
	Philippe SOLLERS — писатель.

Денги можно посылать на почтовый счет РСХД:
15373 59 Y Paris или чеком, выписывая чек на имя:
ACER-RUSSIE и посылая чек по следующему адресу:
ACER-AIDE CROYANTS, 91, rue Olivier de Serres.
75015 Paris.

вышли из печати новые книги :

◆ Из серии «Русские подвижники XX века»:

Игумен НИКОН.

Письма духовным детям

Сын крестьянина, получивший высшее образование, отшельник, узник ГУЛага, в последние годы сосланный в глухой приход, игумен Никон (1894-1963) — подлинный учитель жизни, старец. Его письма продолжают и обновляют великую традицию православной аскетики от Иоанна Лествичника до Игнатия Брянчанинова. Простые, доступные, они принесут большую пользу всем, кто ищет руководства в духовной жизни.

150 стр. 36 фр.

◆ Из серии «Воспоминания»:

И. В. ГЕССЕН.

Годы изгнания

До революции адвокат, редактор «Права» и «Речи», член ЦК кадетской партии, в эмиграции редактор берлинской газеты «Руль» и создатель Архива Русской Революции, — автор (1865-1943) в увлекательной форме рассказывает о политической, духовной и бытовой жизни эмиграции — от убийства В. Д. Набокова и похищения ген. Кутепова до рядовых эмигрантских судеб. Одно из редких и ценнейших свидетельств о подвижнических усилиях первой эмиграции продолжить на чужбине служение русской культуре и борьбу с большевистской властью.

268 стр., 48 фр.

ЦВЕТАЕВА, М. И.

Волшебный фонарь

Вторая книга стихов Марины Ивановны Цветаевой. (1912). Большая часть произведений, вошедших в сборник, никогда не была переиздана.

Репринт. 1979. 148 стр., 29 фр.

ГЕРШЕНЗОН, М. О.

Ключ веры

Одна из полузабытых работ известного философа и критика, автора сборника «Вехи» и «Переписка из двух углов», посвященная исследованию библейской религии, которая показывает, «что ключем веры, сущностью религии является мысль о космически-правильном поведении человека, как непреложном условии его благоденствия».

Репринт. 1979. 125 стр. 24 фр.

ГОРБАНЕВСКАЯ, Н.

Перелетая снежную границу

Четвертая книга стихов. Вошли произведения 1974-78 гг.

1979. 130 стр. 27 фр.

МАГАЗИН

Les Editeurs Réunis

11, rue de la Montagne Sainte Geneviève
75005 PARIS — Téléphone : 354 74 46 et 354 43 81

снова в продаже :

- БУЛГАКОВ С., прот. — **Невеста Агнца.** (О Бого-
человечестве). Часть 3. Репринт с изд. 1945. 624 стр. фр.
115,—
Заключительная часть трилогии, посвященной рас-
крытию основной истины христианства о Богоче-
ловечестве. Первая и вторая часть посвящены есте-
ству Божественному: Агнец Божий и Утешитель —
христология и пневматология, последняя же —
человечности. Здесь рассматриваются разные сто-
роны тварного бытия, от природного и падшего
его состояния до прославленного и преображен-
ного.
-
- БУЛГАКОВ С. **Свет не вечерний. Созерцания и умо-
зрения.** Репринт с изд. 1917. 425 стр. 105,—
Основной философский труд о. Сергия Булгакова.
«Собрание пестрых глав» объединено общим виде-
нием: здесь в первый раз дается последовательное
развитие идеи Софии. «Не знаешь, чему удивлять-
ся: вдохновенности и красоте мысли, всеохваты-
вающей полноте проблематики или учености ав-
тора».
(Л. Зандер).
-
- БУЛГАКОВ С. **Философия хозяйства.** Часть 1. **Мир
как хозяйство.** Репринт с изд. М., 1912. 328 стр. 85,—
Первый опыт систематического изложения религи-
озно-философского мировоззрения о. Сергия Булга-
кова. В книге подводятся внутренние итоги целой
полосы жизни и подготавливается новый этап фи-
лософии; эта устремленность придает книге уди-
вительную свежесть. Понять полноту мира не
может ни «здравый смысл», ни наука. Он откры-
вается только метафизическому и мистическому
опыту. «Будешь любить каждую вещь, и тайну
Божью постигнешь в вещах».

РУССКОЙ КНИГИ

Магазин открыт все дни с 9,30 до 18,30
кроме понедельника и воскресения

постоянно в продаже :

- ТИХОНРАВОВ Н. **Памятники отреченной русской
литературы.** т. 1, 2. Предисловие М. Самилова.
Репринт с изд. СПб., 1863. 314 + 458 стр. фр.
360,—
-
- ПОПОВ А. **Историко-литературный обзор древне-
русских полемических сочинений против лати-
нян. (11-15 вв.).**
Репринт с изд. М., 1875. 418 + 6 стр. 225,—
-
- Последование во Святую и великую неделю Пасхи
и во всю Светлую Седмиду.**
Репринт с изд. М., 1904. Рим, 1976. 192 стр. 68,—
-
- Последование иноческого пострижения.**
Репринт. Рим, 1952. На церковно-славянском
языке. 224 стр. 56,—
-
- СЛУЖЕБНИК, часть 1. **Вечерня, повечерие, полу-
нощница, утренняя.** (На церк.-славян. языке).
Репринт, Рим, 1941. 224 стр. 40,—
-
- СЛУЖЕБНИК, часть 2. **Божественная Литургия
Иоанна Златоуста.** (На церк.-славян. языке).
Рим, 1962. 182 стр. 40,—
-
- СЛУЖЕБНИК, часть 3. **Божественная Литургия
Св. Василия Великого.** (На церк.-славян. яз.).
Рим, 1969. 160 стр. 40,—
-
- СЛУЖЕБНИК, часть 4. **Божественная Литургия
Преждеосвященных даров.**
(На церк.-славян. языке). Рим, 1962. 74 стр. 32,—
-
- Чин наречения и рукоположения архиерейского.**
(На церк.-славян. языке). Рим, 1961. 22 стр. 56,—

"РУССКАЯ МЫСЛЬ" < LA PENSÉE RUSSE >

РУССКАЯ МЫСЛЬ - самая большая русская еженедельная газета на Западе. Она выходит в Париже, каждый четверг на 16-ти страницах.

Адрес РЕДАКЦИИ и КОНТОРЫ:

«La Pensée Russe», 217, rue du Fg Saint-Honoré - 75008 Paris
Tél. 824-96-47, 766-21-83, 227-05-79

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: (во франц. франках)

	3 мес.	6 мес.	12 мес.
ФРАНЦИЯ	40	75	135
ЗАГРАНИЦА	47	84	150

Почтовый счет: С.С.Р. 5883-44 К Paris

Цена отдельного номера 4 фр.

Новое Русское Слово

ЕДИНСТВЕННАЯ ЕЖЕДНЕВНАЯ РУССКАЯ ГАЗЕТА ЗА РУБЕЖОМ

67-й год издания. Выходит 6 раз в неделю в Нью-Йорке

Главный редактор: **АНДРЕЙ СЕДЫХ**

Свыше 200 сотрудников во всех странах мира. В Новом Русском Слове печатают свои произведения виднейшие эмигрантские писатели, поэты и публицисты.

Полная информация о жизни эмиграции.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА: Воскресное и ежедневное издание:

один год — 70 амер. долларов
6 месяцев — 38 амер. долларов

Воскресное издание только:

один год — 30 амер. долларов

Подписку и объявления направлять по адресу:

NOVOE RUSSKOYE SLOVO

243 West 56 Street — New York 10019, N.Y., USA.

или по адресу парижского представ. газеты, с уплатой во франках:

Mr. Perepelovsky, 108, rue Michel Ange, 75016 Paris

ВЕСТНИК

Издание Русского Студенческого Христианского Движения

54-ый год издания

ПРЕДСТАВИТЕЛИ ВЕСТНИКА

В Австралии:

M. Solovey, «Our word». P.O. Box 178, Potts point, N.S.W. 2011
Sydney, Australie.

В Америке:

Mrs Ludmila Toman, 85, Tobey Road, Belmont, Mass. 02178, USA.

San Francisco:

Mrs Olga Raevsky-Hughes, P.O. Box 1207, Berkeley, Ca 94701, USA.

В Канаде:

«Parish News», 1175 Champlain St. Montreal P.Q. H2L 2R7,
Canada.

В Англии:

Aid to the Russian church (Miss Ellis) Schoolhouse, Heathfield Rd,
Keston, Kent.

В Израиле:

Michel Agoursky, ROB 7433, Jérusalem.

Directeur responsable: **Nikita STRUVE.**

Tous droits de traduction réservés.